

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор	Комлева Евгения Владиславовна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Заместитель главного редактора	Туманик Екатерина Николаевна <i>кандидат исторических наук</i> Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Ответственный секретарь	Введенский Владимир Викторович Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Редакторы и ответственные секретари выпусков	Аблажей Наталья Николаевна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Потапова Наталья Анатольевна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Ананьев Денис Анатольевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Резникова Мария Александровна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Дашинамжилов Одон Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Романов Роман Евгеньевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Журавлёв Вадим Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Савин Андрей Иванович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор
	Кириллов Алексей Константинович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Семёнов Михаил Александрович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Лапердин Вячеслав Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Чернова Ирина Сергеевна Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
■ Члены редакционной коллегии	Блаховска Катажина <i>профессор</i> Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша	Дацышен Владимир Григорьевич <i>доктор исторических наук, профессор</i> Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия
	Гагкуев Руслан Григорьевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории РАН, Москва, Россия	Ильинных Владимир Андреевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
	Дай Цзяньбин <i>доктор исторических наук, профессор</i> Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай	Исупов Владимир Анатольевич <i>доктор исторических наук</i> Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
	Данилович Вячеслав Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь	Кабульдинов Зиябек Ернуханович <i>доктор исторических наук, профессор</i> Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной
коллегии

Катионов Олег Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального
образования, Новосибирский педагогический
университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни

профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна

кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори

профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна

доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте

доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна

доктор исторических наук
Омский государственный педагогический
университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен

кандидат исторических наук
Германский исторический институт,
Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор
Ответственный секретарь
Корректор
Верстальщик
Интернет-верстальщик

Е.Н. Туманик
В.В. Введенский
Т.В. Соболева
В.В. Введенский
К.А. Васильев

Адрес редакции:
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24
Факс: +7 (383) 333-24-37
E-mail: mail@istkurier.ru
Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7

From the Editor 8

■ Декабристы и их наследие

П.В. Ильин. Петербургский заговор декабристов 1825 года:
неизученные и непроясненные эпизоды и персоналии 9–34

М.В. Ленчиненко. Декабрист до декабря: книги Никиты Муравьева 35–48

Е.В. Пшеничная. Книжное наследие И.П. Липранди:
фрагмент личной библиотеки в Национальной библиотеке Узбекистана имени Алишера Навои 49–59

Ю.В. Тимофеева. Сочинения декабристов и о декабристах
в библиотеках Сибири и Дальнего Востока в дореволюционный период 60–72

■ Имя в истории

Н.П. Матханова. Лариса Андреевна Поджио – жена декабриста, но не «декабристка» 73–92

Э.Б. Штец. Бывший датский офицер на русской службе
(Российский период жизни декабриста Е.В. фон Руге) 93–110

■ Вопросы историографии и источниковедения

О.В. Эдельман. Документальная серия «Восстание декабристов»: сто лет развития археографии 111–122

Е.Н. Туманик. Спор о «литературном памятнике»:
публикация наследия И.Д. Якушкина в свете критики М.К. Азадовского 123–141

А.А. Иванов. Проблемы современного декабристоведения на страницах иркутского журнала 142–157

Т.А. Перцева. Фонд иркутского декабристоведа С.Ф. Коваля
в Государственном архиве Иркутской области 158–166

А.Э. Максютков. Документы Государственного архива Республики Бурятия о декабристах 167–175

■ От первого лица

В.П. Шахеров. «Подвинуть факты к свету» (некоторые размышления
об участии в редколлегии серии «Полярная звезда») 176–189

■ Память о декабристах

<i>К.А. Тишкина, Т.В. Тишкина.</i> Мемориализация памяти о декабристах в 1920-х годах (на примере Енисейской губернии и Красноярского округа)	190–195
<i>В.А. Кламм.</i> Память о декабристах в XX веке (на примере анализа юбилейных кампаний)	196–209
<i>О.Н. Шелегина.</i> Политика репрезентации истории декабристов в музейном мире Сибири в начале XXI века	210–226
<i>Е.А. Добрынина.</i> Памятные кольца декабристов: история создания и бытования	227–242

■ Мир книги

<i>Г.М. Запорожченко.</i> Кто и как зажигал звезды. Рецензия: Нечкина М.В. Коваль С.Ф. Переписка декабристоведов (1974–1985 гг.) / М.В. Нечкина. С.Ф. Коваль; [публ., предисл., коммент. Н.П. Матхановой]. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2025. 288 с.	243–256
---	---------

■ Научная жизнь

<i>А.Э. Максютов.</i> Межрегиональная научно-практическая конференция «Селенгинск – перекресток вековых дорог»	257–261
<i>Е.Н. Туманик.</i> Всероссийская научная конференция с международным участием «Декабристы: 200 лет спустя (1825–2025). Итоги и перспективы изучения»	262–263

CONTENTS

From the Editor (*in Rus*) 7

From the Editor 8

■ Decembrists and Their Legacy

P.V. Ilyin. The St. Petersburg Conspiracy of the Decembrists in 1825:
Unstudied and Unclarified Episodes and Personalities 9–34

M.V. Lenchenko. Decembrist until December: Books by Nikita Muravyov 35–48

E.V. Pshenichnaya. The Book Legacy of I.P. Liprandi:
A Fragment of His Personal Library in the Alisher Navoi National Library of Uzbekistan 49–59

Yu.V. Timofeeva. Works of the Decembrists and about the Decembrists
in the Libraries of Siberia and the Far East in the Pre-Revolutionary Period 60–72

■ Name in History

N.P. Matkhanova. Larisa Andreevna Podzhio: A Decembrist's Wife, but not a "Decembristka" 73–92

E.B. Shtets. Former Danish Officer in Russian Service
(Russian Period of the Decembrist's Life E.V. von Ruge) 93–110

■ Questions of Historiography and Source Study

O.V. Edelman. Documentary Series "The Decembrist Uprising":
One Hundred Years of the Development of Archeography 111–122

E.N. Tumanik. The Debate on the "Literary Monument":
Publishing I.D. Yakushkin's Legacy in Light of M.K. Azadovsky's Criticism 123–141

A.A. Ivanov. Problems of Modern Decembrist Studies on the Pages of the Irkutsk Magazine 142–157

T.A. Pertseva. The Foundation of the Irkutsk Decembrist Scholar S.F. Koval
in the Irkutsk Region National Archive 158–166

A.E. Maksutov. Documents of the State Archive of the Republic of Buryatia about the Decembrists 167–175

■ In the First Person

V.P. Shakherov. "Bringing the Facts to Light"
(Some Reflections on Participation in the Editorial Board of the "Polyarnaya Zvezda" Series) 176–189

■ **Memory of the Decembrists**

- K.A. Tishkina, T.V. Tishkina.* Memorialization of the Memory of the Decembrists in the 1920s (On the Example of the Yenisei Province and the Krasnoyarsk District) 190–195
- V.A. Klamm.* The Memory of the Decembrists in the 20th Century (Using the Example of an Analysis of Jubilee Campaigns) 196–209
- O.N. Shelegina.* The Politics of Representing of the History of the Decembrists in the Museum Word of Siberia at the Beginning of the 21st Century 210–226
- E.A. Dobrynina.* The Decembrists' Commemorative Rings: The History of Their Creation and Existence 227–242

■ **The World of Books**

- G.M. Zaporozhchenko.* Who Lit the Stars and How. Review: Nechkina M.V. Koval S.F. Correspondence of Decembrist Studies (1974–1985) / M.V. Nechkina. S.F. Koval; [publ., preface, comments by N.P. Matkhanova]. Irkutsk: Irkutsk Museum of the Decembrists, 2025. 288 p. 243–256

■ **Scientific Life**

- A.E. Maksiutov.* Interregional Scientific and Practical Conference “Selenginsk – the Crossroads of Centuries-Wld Ways” 257–261
- E.N. Tumanik.* All-Russian Scientific Conference with International Participation “The Decembrists: 200 Years Later (1825–2025). Results and Prospects of Research” 262–263
-

2025 · № 6 (44)

Тема номера:

«ВЫ НЕ ЗНАЛИ, КАКОЮ СЛАВОЙ ИМЕНА ЗАСИЯЮТ ВАШИ»:
200 ЛЕТ СО ДНЯ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ОТ РЕДАКТОРА

В 2025 г. празднуется знаменательная дата российской истории – 200-летие восстания на Сенатской площади. В заглавии нашего юбилейного выпуска – строки Г. Иванова, посвященные декабристам и определяющие их значение в исторической и культурной памяти России. 14 декабря 1825 г. в Петербурге произошло вооруженное восстание, вошедшее в историю как восстание декабристов. Спустя самое короткое время стало понятно, что вооруженное выступление 14 декабря 1825 г. базировалось на мощном движении, названным движением декабристов. Советской исторической наукой было доказано, что движение декабристов, знаменуя собой начало освободительного движения в России, не погребено с разгромом восстания на Сенатской площади и продолжалось еще долгие годы после восстания, следствия и суда над декабристами. Отношение к декабристам менялось – от тютчевского «развращения самовластьем» и предрекания исключения из исторической памяти России, от официальных оценок охранительной историографии до исключительной идеализации. Бесспорно одно – декабристы представляют собой ярчайший феномен исторической и культурной памяти нашего народа. Их нельзя исключить из самого образа русской цивилизации – без них он исказится и будет неполным. В сложные годы разрушения СССР декабристов попытались свергнуть с исторического пьедестала, унижить и растоптать, в том числе и в науке, вульгаризируя исследовательские подходы в угоду новому идеологическому диктату. Переписать историю не вышло. Сегодня «первенцы свободы» вновь медленно, но верно выбираются из небытия, груза исторических фальсификаций и занимают прочное место в исторической памяти народа. Развиваются музеи, проходят конференции, в том числе и молодежные, и сегодня новое поколение вновь выбирает декабристов своими героями. Это народная память, прорвавшаяся сквозь века, сквозь сложное время отрицания. Почему так происходит? Мы попробуем разобраться в историографических и культурных процессах и дать оценку этому воистину уникальному явлению в тематическом выпуске журнала. Кто знает, может быть юбилейный год, как когда-то 1975-й, даст новый импульс в изучении темы о декабристах.

Статьи номера, объединенные в тематических блоках, во многом отражают состояние и актуальные направления современного декабристоведения. Это прежде всего дальнейшее изучение истории тайных политических обществ, биографические исследования, проблемы историографии и источниковедения, вопросы изучения книжного наследия декабристов и их окружения, музейная репрезентация истории декабристов и историческая память о «первенцах свободы».

*Выпускающий редактор
кандидат исторических наук
Екатерина Николаевна Туманик*

Выпускающий редактор

Ответственный секретарь

Корректор

Верстальщик

Интернет-верстальщик

канд. ист. наук Е.Н. Туманик

В.В. Введенский

Т.В. Соболева

В.В. Введенский

К.А. Васильев

2025 · No. 6 (44)

The Theme of the Issue:

“YOU DIDN'T KNOW HOW YOUR NAMES WOULD SHINE WITH GLORY”:
200 YEARS SINCE THE DECEMBRIST UPRISING

FROM THE EDITOR

In 2025, a significant date in Russian history is celebrated – the 200th anniversary of the Uprising on Senate Square. The title of our anniversary issue contains lines by G. Ivanov dedicated to the Decembrists and defining their significance in the historical and cultural memory of Russia. On December 14, 1825, an armed uprising took place in St. Petersburg, which went down in history as the Decembrist uprising. After a very short time, it became clear that the armed uprising on December 14, 1825, was based on a powerful movement called the Decembrist movement. Soviet historical science proved that the Decembrist movement, marking the beginning of the liberation movement in Russia, did not perish with the defeat of the uprising on Senate Square and continued for many years after the uprising, the investigation and trial of the Decembrists. Attitudes towards the Decembrists varied from Tyutchev's “corruption by autocracy” and predictions of exclusion from the historical memory of Russia, from official assessments of protective historiography to exceptional idealization. One thing is indisputable – the Decembrists represent the brightest phenomenon of the historical and cultural memory of our people. They cannot be excluded from the very image of Russian civilization – without them, it will be distorted and incomplete. During the difficult years of the destruction of the USSR, the Decembrists were tried to overthrow from their historical pedestal, humiliate and trample, including in science, vulgarizing research approaches in favor of the new ideological dictate. It didn't work out to rewrite history. Today, the “firstborn of freedom” are once again slowly but surely emerging from oblivion, the burden of historical falsifications, and occupying a lasting place in the historical memory of the people. Museums are developing, conferences are taking place, including youth ones, and today a new generation is once again choosing the Decembrists as their heroes. This is a national memory that has broken through the centuries, through a difficult time of denial. Why is this happening? We will try to understand the historiographical and cultural processes and evaluate this truly unique phenomenon in the thematic issue of the magazine. Who knows, maybe the anniversary year, like 1975, will give a new impetus to the study of the topic of the Decembrists.

The articles of the issue, combined in thematic blocks, largely reflect the state and current trends of modern Decembrist studies. These include further research on the history of secret political societies, biographical studies, issues in historiography and source studies, the study of the literary heritage of the Decembrists and their associates, the museum representation of the history of the Decembrists, and the historical memory of the “firsts of freedom”.

Executive editor
Candidate of Historical Sciences
Ekaterina Nikolaevna Tumanik

Executive editor

Candidate of Historical Sciences E.N. Tumanik

Executive secretary

V.V. Vvedenskiy

Corrector

T.V. Soboleva

Layout designer

V.V. Vvedenskiy

Web designer

K.A. Vasil'ev

П.В. Ильин*

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЗАГОВОР ДЕКАБРИСТОВ 1825 ГОДА:
НЕИЗУЧЕННЫЕ И НЕПРОЯСНЕННЫЕ ЭПИЗОДЫ
И ПЕРСОНАЛИИdoi:10.31518/2618-9100-2025-6-1
УДК 94(47).072*Выходные данные для цитирования:**Ильин П.В. Петербургский заговор декабристов 1825 года: неизученные и непроясненные эпизоды и персоналии // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 9–34. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-01.pdf>*

P.V. Ilyin*

THE ST. PETERSBURG CONSPIRACY
OF THE DECEMBRISTS IN 1825:
UNSTUDIED AND UNCLARIFIED EPISODES
AND PERSONALITIES

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-1

*How to cite:**Ilyin P.V. The St. Petersburg Conspiracy of the Decembrists in 1825: Unstudied and Unclarified Episodes and Personalities // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 9–34. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-01.pdf>]*

Abstract. Despite all the in-depth research available on the secret society of the Decembrists on the eve of the uprising on Senate Square, the activities of the Decembrist conspiracy at the culmination of the movement at the appear insufficiently illuminated in many respects. The historian is forced to view the events and episodes of 1825 primarily through the prism of the investigative materials, also drawing on official documentation and testimonies of contemporaries. The complex of investigative testimony contains numerous denials and omissions that distort the true picture of the development of the Decembrist conspiracy and the real participation of many individuals in it. In the face of official investigation and trial, the accused often concealed the true nature of the relationships between those implicated in the conspiracy with its “center”. The reasons for this situation are obvious: it was based on a natural desire to avoid impending punishment – the activities of the conspirators on December 14, 1825, had ended in failure, and as a result, affiliation with the conspiracy was prosecuted, constituting a “corpus delicti”. Therefore, the actual network of conspiratorial relationships is only fragmentarily reflected in the investigative materials. The later memoirs of the participants in the conspiracy also do not always provide complete information, including omissions and distortions. The reasons are rooted in ethical concerns: many individuals who escaped punishment went on to careers in the service, and participation in the December 14 conspiracy remained a discreditable factor for government officials for many years. As a result, the state of the source base is such that historians have incomplete information about those involved in the conspiracy. This article, for the first time in Decembrist studies, presents an attempt to consolidate the data, with the goal of covering as fully as possible those participants in the Decembrist conspiracy who were concealed from the investigation or who have remained obscure in historiography, to the extent that the documentary base allows. The focus of this study is on secret cells within the Guards units, both those identified during the investigation and those not previously identified, as well as the actions of the conspirators and the episodes of the events of December 14, 1825 caused by them (in the Finland and Izmailovsky regiments, the horse and foot artillery, the Horse Pioneer Division, and attempts to influence the Preobrazhensky regiment and the suburban Guards battalions). The author has collected information on little-studied and unknown conspirators – both reliably identified and suspected. The work is based on documentary evidence, but the author is critical of information that requires further verification. The results of this study contribute to the study of the activities of the Decembrist society before the December 14th uprising.

* Павел Владимирович Ильин, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pavilyn1970@gmail.com

Pavel Viktorovich Ilyin, Candidate of Historical Sciences, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: pavilyn1970@gmail.com

Keywords: Decembrist conspiracy of 1825, uprising on Senate Square, new data, unknown Decembrists.

The article has been received by the editor on 07.11.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. При всех имеющихся углубленных исследованиях, касающихся тайного общества декабристов в канун восстания на Сенатской площади, деятельность декабристской конспирации в кульминационный момент движения предстает во многих отношениях недостаточно освещенной. Историк вынужден смотреть на события и эпизоды 1825 г. преимущественно сквозь призму материалов следствия, прибегая также к помощи официальной документации и свидетельств современников. Комплекс следственных показаний содержит большое количество отрицаний и умолчаний, которые искажают имевшую место в действительности картину развития декабристского заговора и реального участия в нем многих лиц. Перед лицом официального следствия и суда обвиняемые нередко скрывали подлинный характер отношений, связывавших привлеченных к заговору лиц с его «центром». Причины этой ситуации очевидны: в ее основе лежало естественное стремление избежать грозящих наказаний – деятельность заговорщиков 14 декабря 1825 г. закончилась неудачей, в силу чего принадлежность к конспиративным связям преследовалась, образуя «состав преступления». Поэтому реально существовавшая сеть конспиративных отношений лишь фрагментарно отражается в следственном материале. Позднейшие мемуарные описания участников заговора также не всегда содержат сведения в полном объеме, включают в себя умолчания и искажения. Причины кроются в этической сфере: многие избежавшие наказания лица сделали служебную карьеру, а участие в заговоре 14 декабря сохраняло на многие годы дискредитирующее значение для государственных чиновников. В результате состояние источниковой базы таково, что историки располагают неполной информацией о причастных к заговору лицах, прежде всего второго и третьего ряда. В предлагаемой статье впервые в декабристоведческой литературе представлен опыт сведения воедино данных с целью охвата с наибольшей полнотой скрытых от следствия или непроясненных в историографии участников декабристского заговора, насколько это позволяет документальная база. Предметом внимания стали выявленные в ходе следствия, а также неустановленные при расследовании конспиративные ячейки в гвардейских частях, действия заговорщиков и вызванные ими эпизоды событий 14 декабря 1825 г. (в Финляндском, Измайловском полках, конной и пешей артиллерии, Конно-пионерном дивизионе, попытки воздействия на Преображенский полк и загородные гвардейские батальоны). Автор собрал сведения о малоизученных и неизвестных персоналиях заговорщиков – как достоверно установленных, так и предполагаемых. Работа построена на документальной основе, при этом автор критически относится к сведениям, которые требуют дополнительной проверки. Результаты исследования вносят вклад в изучение деятельности декабристского общества перед восстанием 14 декабря.

Ключевые слова: заговор декабристов, восстание на Сенатской площади, новые данные, неизвестные декабристы.

Статья поступила в редакцию 07.11.2025 г.

Всё ли мы знаем о декабристском обществе в канун кульминационного акта политического движения – выступления 14 декабря 1825 г.? Знаем ли мы в необходимой полноте фактическую сторону восстания на Сенатской площади? Можно ли утверждать, что следствие в исчерпывающем виде установило состав участников заговора, сформированного

декабристами в гвардейских полках, выявило подлинную степень причастности к движению каждого лица, вовлеченного в конспиративные связи в исходе 1825 г.? Все ли действия заговорщиков-декабристов рассмотрены в научных трудах, посвященных восстанию на Сенатской площади?

На первый взгляд события 14 декабря и предшествующая им деятельность декабристских обществ получили подробное и качественное освещение в историографии. В большом массиве литературы выделяются обстоятельная работа А.Е. Преснякова и приложенная к ней обобщающая «военно-историческая справка» Г.С. Габаева¹, вобравшая в себя данные из полковых историй, опубликованных и архивных источников (в частности, документов Военного министерства). Однако нужно подчеркнуть, что вне поля зрения этих авторов оказался практически весь комплекс материалов следственного процесса, за исключением «Алфавита...» А.Д. Боровкова, вошедшего в состав одного из первых изданий серии «Восстание декабристов», поскольку фонд следствия и суда, как и другие материалы по истории политического движения эпохи декабристов, после 1917 г. был перевезен из Петрограда в Москву². Показания участников заговора и событий 14 декабря не могли быть привлечены авторами, что сделало невозможным извлечение и анализ значительной части данных.

В монографическом труде М.В. Нечкиной³, целиком посвященном дню восстания 14 декабря, с присущим автору тщательным подходом к анализу документальных материалов обобщен большой комплекс данных, однако ведущий советский исследователь-декабристовед большую часть своей работы отвела не заговору 1825 г. (во всей полноте его организационной структуры и состава участников), а основной канве событий, начиная с разработки плана восстания и заканчивая его разгромом. Многие детали и обстоятельства остались за пределами работы: автор монографии уделяла главное внимание тем сюжетам, которые, по ее мнению, являлись первоочередными для изучения; картина развития заговора отразилась всего на нескольких страницах.⁴

Во многих отношениях новаторским стал труд Я.А. Гордина⁵, созданный на исходе советской эпохи, но содержащий в себе свежие концептуальные подходы и обновленную проработку сюжетов, связанных с заговором и восстанием декабристов в Петербурге. Этот труд впервые хронометрировал события 14 декабря, привнес важные концептуальные поправки, принципиально изменил взгляд на мотивы действующих лиц. В книге учтены факты и обстоятельства, связанные с декабристской конспирацией накануне восстания, мимо анализа которых проходили авторы предшествующих трудов (эпизоды с Я.И. Ростовцевым и А.В. Чевкиным, переговоры С.П. Трубецкого с С.П. Шиповым, позиция полковников Финляндского полка А.Ф. Моллера и А.Н. Тулубьева, поведение С.П. Трубецкого, А.М. Булатова и А.И. Якубовича в день 14 декабря и т.д.)⁶. Вместе с тем полная картина распространения декабристского заговора в этой работе не была представлена. В последние десятилетия вышли работы В.М. Боковой и А.Б. Шешина, внесших вклад в изучение как заговора в Петербурге, так и хода событий 14 декабря.⁷ К перечисленным исследованиям следует добавить важные для понимания фактографии декабристского заговора и содержащие новации в фактологическом анализе статьи Н.Ф. Лаврова, А.В. Семеновой, С.Н. Коржова,

¹ Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. (На с. 153–206 – «военно-историческая справка» Г.С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года»).

² Там же. С. 150, 173.

³ Нечкина М.В. Восстание 14 декабря 1825 года. М., 1951 (переизд.: М., 1975; М., 1985; под загл. «День 14 декабря 1825 года»).

⁴ Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. М., 1985. С. 4, 68–69.

⁵ Гордин Я.А. События и люди 14 декабря. М., 1985 (переизд.: Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 г. Л., 1989).

⁶ Эйдельман Н.Я. Новый взгляд на события 14 декабря 1825 г. // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 146–148.

⁷ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 518–538; Шешин А.Б. К анализу событий 14 декабря 1825 года: дополнения, исправления, новые версии // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 292–347.

А.Б. Шешина, М.С. Белоусова⁸. Наши работы рассматривают персоналии декабристов-заговорщиков, не нашедшие достаточного отражения в литературе и связанные с малоизученными эпизодами событий⁹.

Как видим, исчерпывающего или достаточно полного описания развития декабристского заговора в Петербурге в историографии практически не существует. Настоящая работа имеет своей задачей охватить в возможно большей степени внутреннюю структуру и распространение декабристского заговора 1825 г. Акцентируя внимание на персональном аспекте – составе участников декабристской конспирации, автор стремился, во-первых, затронуть вопрос, получивший явно недостаточное освещение в предшествующей историографии, а во-вторых – представить важнейшую составляющую декабристской конспирации, которая отражает степень развития военного заговора, его потенциальные и реальные возможности.

К декабрю 1825 г. в Петербурге существовали два тайных политических союза, участники которых преследовали цель ликвидации неограниченного самодержавия, а для ее достижения считали необходимым постепенно готовить условия для открытого военного выступления: Северное общество и петербургская организация Южного общества¹⁰. К обоим конспиративным союзам, в которых числились в основном офицеры Гвардейского корпуса, примыкали кружки, участники которых, будучи единомышленниками членов декабристских обществ, могли быть присоединены к основным организациям, образуя их «ближайший резерв». В случае Северного общества это были кружки офицеров Гвардейского экипажа и экипажей Балтийского флота, служивших в Петербурге и Кронштадте, а также негласные кружки офицеров в нескольких гвардейских частях. К петербургскому филиалу «южан» примыкали собрания офицеров, сходившихся на квартирах руководителей филиала¹¹. Оценивая состояние тайных обществ до начала междоусобицы 1825 г., следует отметить, что как Северное общество, так и петербургские «южане» постепенно набирали новых членов, усиливая свое влияние в гвардейских полках.

Кончина Александра I стала для участников конспиративных союзов, как и для всего русского общества, неожиданной: к немедленному выступлению они не были готовы. Внезапное начало междоусобицы и непредсказуемость развития событий повлияли на действия заговорщиков: ограниченные в возможности выбора средств воздействия на власть, не имея значительных рычагов влияния на нее, не располагая решительно настроенными союзниками в правительственной сфере, которые могли бы поддержать их планы, руководители тайного общества были вынуждены встать на путь ускоренной подготовки выступления гвардейских частей. Все решилось в крайне сжатый срок – около двух недель.

⁸ Лавров Н.Ф. Диктатор 14 декабря // Бунт декабристов. Л., 1926. С. 129–222; Шешин А.Б. Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 107–127; Шешин А.Б. «Морская управа» Северного общества // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 115–128; Семенова А.В. Кавалергарды – члены тайного общества в день 14 декабря 1825 г. // История СССР. 1979. № 6. С. 192–199; Коржов С.Н. Северный филиал Южного общества декабристов // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 99–151; Белоусов М.С. Диктатор 14 декабря 1825 г. // Декабристы: Актуальные направления исследований. СПб., 2014. С. 155–172.

⁹ Ильин П.В. И.И. Богданович – одна из трагических фигур 14 декабря 1825 г. // Памяти Ю.Д. Марголиса: письма, воспоминания, статьи. СПб., 2000. С. 630–654; Ильин П.В. Новые имена в истории движения декабристов: купец-заговорщик А.П. Сапожников // Научный диалог. 2024. Т. 13. Вып. 6. С. 388–408; Ильин П.В. Декабристы, оправданные на следственном процессе: случай И.Ф. Львова // Клио. 2024. № 8 (212). С. 106–114; Ильин П.В. Декабристы, оправданные на следственном процессе: офицеры-конногвардейцы М.Ф. Голицын, А.К. Ливен, А.А. Плещеев // Клио. 2024. № 9 (213). С. 91–99.

¹⁰ Обе организации, связанные между собой через отдельных участников, действовали совместно (например, при приеме новых членов в Кавалергардском и Конном полках), но в то же время сохраняли организационную самостоятельность: петербургские «южане» не ставили под сомнение свою подчиненность «директории» Южного общества во главе с П.И. Пестелем.

¹¹ См., например, сведения из записок М.И. Пущина о кружке, собиравшемся на квартире Д.А. и А.А. Искрицких, в состав которого входили, помимо хозяев квартиры и самого мемуариста, К.В. Чевкин, В.Е. Галямин, отставной офицер гвардии И.А. Яковлев (Пущин М.И. Записки // Русский архив. 1908. № 11. С. 434); в этом кружке преобладали штабные офицеры. О собраниях на квартире лидера «южан» в Петербурге П.Н. Свистунова показал поручик Измайловского полка А.С. Гангеблов (Восстание декабристов. Документы (ВД). М., 1984. Т. XVIII. С. 25).

27 ноября лидеры Северного общества С.П. Трубецкой, Е.П. Оболенский и К.Ф. Рылеев пришли к выводу, что необходимо постепенно готовить средства к открытому выступлению гвардейских частей: «надобно приготовиться, сколько возможно», хотя бы для содействия членам Южного общества, «если они подымутся»¹². Причина такого решения заключалась в появлении признаков кризиса междоусобицы: одновременно с присягой распространились слухи о возможном отречении Константина. Поскольку в этом случае создавалась ситуация, благоприятная для предъявления требований к власти и организации государственного переворота, лидеры Северного общества приняли решение активизировать привлечение новых членов из числа офицеров гвардии. С 27 ноября берет начало оживленная конспиративная деятельность, направленная на подготовку мятежа силами гвардии. Декабристское общество усиленно перестраивается в военный заговор. 6 декабря руководящей группе заговорщиков стало достоверно известно, что цесаревич Константин откажется от трона. «Ядро» Северного общества приняло окончательное решение воспользоваться сложившейся ситуацией для вооруженного выступления и предъявления политических требований. Действия заговорщиков, в первую очередь привлечение к заговору новых участников в полках, заметно активизировались. 8 или 9 декабря начался наиболее интенсивный этап подготовки восстания¹³.

Несмотря на ослабление декабристской организации из-за отсутствия в столице многих офицеров, в том числе состоявших в высоких чинах¹⁴, отхода бывших членов от участия в политической деятельности¹⁵ и внутренних разногласий¹⁶, она смогла в короткий срок приобрести существенную силу, опираясь на быстро налаженную сеть конспиративных связей в большинстве гвардейских частей.

Мобилизация сил в гвардейских полках легла на плечи Е.П. Оболенского, который являлся непосредственным организатором военного выступления, державшим в своих руках большую часть связующих нитей с ячейками заговора или отдельными заговорщиками, чему благоприятствовало его служебное положение адъютанта начальника пехоты Гвардейского корпуса. Оболенский вел работу по расширению круга участников заговора, налаживал связи между офицерами разных частей. Ему содействовали К.Ф. Рылеев, А.А. и Н.А. Бестужевы, П.Г. Каховский, И.И. Пущин, а также представители «центра» заговорщиков в гвардейских частях.

По нашим наблюдениям, руководители заговора стремились к образованию конспиративных ячеек в гвардейских частях, состоявших из представителя «штаба» в полку (чаще всего состоявшего ранее в тайном обществе), двух или трех офицеров, помогавших ему, нескольких вновь привлеченных адептов и некоторого круга лиц, примкнувших к заговорщикам. Такого рода ячейки были созданы почти в каждом из полков, на участие которого в восстании рассчитывали заговорщики. Представитель «штаба» в полку, а тем более член «штаба», не связанный с полком, не могли организовать выступление гвардейской части без содействия служивших в ней офицеров. Чем больше участников насчитывала полковая ячейка, тем больше было шансов на успех. Эти шансы существенно возрастали в том случае, если в тайном обществе состояли или примыкали к заговору офицеры в высоких чинах¹⁷.

¹² ВД. М.; Л., 1925. Т. I. С. 184.

¹³ ВД. М.; Л., 1925. Т. I. С. 451 (показания А.А. Бестужева); см. об этом: Гордин Я.А. Мятеж реформаторов... С. 94, 128.

¹⁴ В 1824–1825 гг. из числа членов Северного общества из гвардии в армию перешли М.М. Нарышкин, Н.И. Лорер, А.В. Поджио, находились в отпуске или командировке на момент событий 1825 г. Н.М. Муравьев, М.Ф. Митьков, В.Д. Вольховский, М.А. Назимов; из числа петербургских «южан» отсутствовали А.З. Муравьев, А.Л. Кологривов, Н.А. Васильчиков, С.И. Кривцов, Алексей А. Плещеев, И.Ю. Поливанов, З.Г. Чернышев.

¹⁵ В Петербурге служили на момент событий 1825 г. бывшие участники тайных обществ Ф.Н. Глинка, Н.И. Кутузов, С.П. и И.П. Шиповы, А.А. Кавелин и В.А. Перовский (адъютанты великого князя Николая), И.Г. Бибииков и И.А. Долгоруков (адъютанты великого князя Михаила).

¹⁶ Речь идет о позиции лидера филиала Южного общества в Петербурге П.Н. Свистунова, возражавшего против подготовки выступления гвардии 14 декабря, а также придерживавшегося сходной позиции капитан-лейтенанта К.П. Торсона.

¹⁷ Речь идет о штаб-офицерах, чины которых в гвардии начинались со штабс-капитана в пехоте, штабс-ротмистра в кавалерии и капитан-лейтенанта во флоте и заканчивались чинами полковника (в пехоте и кавалерии) и капитана 1-го ранга (во флоте).

Особую роль играли батальонные и ротные командиры, способные вести за собой возглавляемые ими подразделения.

Могли ли члены Северного общества и примкнувшие к ним участники других тайных обществ и кружков сформировать военный заговор, способный успешно организовать выступление гвардейских частей? Насколько значительными были привлеченные декабристами накануне 14 декабря силы? Сколько гвардейских полков надеялись увлечь лидеры заговорщиков?

Наибольшие надежды декабристский союз возлагал на флотскую часть гвардии – Гвардейский экипаж. Еще весной 1823 г.¹⁸ возник политический кружок офицеров экипажа, первоначально независимый от Северного общества (лейтенант А.П. Арбузов, мичманы А.П. и П.П. Беляевы, М.А. Бодиско, В.А. Дивов и др.). Среди гвардейских моряков было немало свободомыслящих людей, и этот кружок стал ядром, вокруг которого группировались сочувствующие; инициаторы кружка были связаны с офицерами балтийских экипажей, тяготевшими к гвардейским морякам¹⁹. Вскоре установились контакты кружка с Северным обществом, искавшим возможности для расширения влияния основанной им в 1824 г. «морской управы». Капитан-лейтенант Н.А. Бестужев, лейтенант Д.И. Завалишин, отставной офицер Н.Н. Оржицкий были связующими звеньями между Гвардейским экипажем и Северным обществом, с начала декабря 1825 г. эту роль стал играть лейтенант А.П. Арбузов – глава тайного кружка в Гвардейском экипаже. В сферу влияния заговорщиков вошло не менее 18 офицеров экипажа: ротные командиры и командующие ротами лейтенанты А.П. Арбузов, А.А. Баранцев, Б.А. Бодиско, Ф.Г. Вишневецкий, М.К. Кюхельбекер, Е.С. Мусин-Пушкин, Н.П. Окулов, а также лейтенанты П.Ф. Миллер, В.А. Шпейер, мичманы А.П. и П.П. Беляевы, М.А. Бодиско, В.А. Дивов, В.М. Тыртов, намерения которых, по-видимому, разделяли другие офицеры – лейтенанты Н.А. Колончаков, Д.Н. Лермантов, А.П. Литке, А.Р. Цебриков²⁰. Существует мемуарное свидетельство, удостоверяющее участие в восстании 14 декабря лейтенанта П.Д. Балкашина²¹. Есть основания полагать, что у руководителей заговора были контакты со старшими офицерами экипажа, основанные на давних товарищеских связях офицеров-моряков: материалы следствия содержат данные о том, что капитан-лейтенант Т.К. Лялин в канун и в начале событий 14 декабря выражал сомнения в правомерности присяги Николаю Павловичу и, возможно, был готов присоединиться к выступлению; именно к Лялину направился Н.А. Бестужев после прибытия в казармы экипажа в день восстания (содержание переговоров неизвестно). Капитан-лейтенанту Н.Г. Казину, которого Бестужев давно и хорошо знал, было предложено возглавить мятежный экипаж (тот отказался)²². Гвардейский экипаж был наиболее подготовленной к выступлению частью; большая группа офицеров поддерживала идею ограничения самодержавной власти, у некоторых из них были налажены доверительные отношения с нижними чинами, которые были ознакомлены с политическими целями заговора²³. Экипаж практически в полном составе мог выступить основным ударным отрядом заговорщиков – в нем почти все ротные командиры состояли в конспирации или были о ней осведомлены, а многочисленная группа активных младших офицеров могла их поддержать.

Уверенно рассчитывали лидеры тайного общества и на Гренадерский полк. В нем еще весной 1825 г. благодаря усилиям П.Г. Каховского в Северное общество вступили ротный командир поручик А.Н. Сутгоф, а осенью – поручик Н.А. Панов, служивший долгое время

¹⁸ Афанасьев С.И. О времени образования декабристского общества в Гвардейском морском экипаже (уточнение датировки события) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2005. Вып. 7. С. 211–214.

¹⁹ См. об этом: Шешин А.Б. Декабристское общество... С. 107–127; Шешин А.Б. «Морская управа»... С. 115–128.

²⁰ Участие в выступлении 14 декабря лейтенантов А.А. Баранцева и А.П. Литке хотя и отразилось в документах следствия, но не стало предметом расследования; эти офицеры не были включены в «Алфавит...» Боровкова.

²¹ См. записки П.А. Каратыгина: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 433.

²² ВД. М., 1976. Т. XIV. С. 295–296, 305; ВД. М., 1979. Т. XV. С. 30.

²³ А.П. Арбузов и, по-видимому, члены его кружка – младшие офицеры экипажа, накануне 14 декабря и в день восстания разъясняли офицерам и матросам намерения тайного общества, касающиеся введения справедливых законов и ограничения срока службы солдат (см.: ВД. М.; Л., 1926. Т. II. С. 24–25, 30–31, 39, 45–47).

батальонным адъютантом и имевший значительное влияние на солдат, и подпоручик А.Л. Кожевников. С их помощью в тайный союз были привлечены прапорщик С.Н. Жеребцов и поручик М.М. Корсаков. Не лишено оснований предположение, что некоторые офицеры, принявшие участие в выступлении 14 декабря, в частности поручик Н.Р. Меллин, подпоручики П.Д. Прянишников и А.А. Шторх, прапорщик Г.Г. Лелякин, были связаны с декабристским обществом и инициированным им военным заговором; по всей видимости, часть конспиративных связей в Гренадерском полку была скрыта от официального расследования. В выступлении 14 декабря приняли участие ротные командиры штабс-капитан А.П. Пушин и поручик П.Е. Штакельберг, а также подпоручик К.Ф. Вреде, однако их причастность к заговору, судя по недолгому пребыванию в мятежном каре и отзывам с декабристской стороны, менее вероятна. В рядах восставшего каре на Сенатской площади оказались даже те офицеры, кто, судя по всему, не сочувствовал целям заговора, но все же получил о них некоторое представление (например, поручик В.И. Зальца)²⁴. Состав офицеров Гренадерского полка – участников выступления 14 декабря выявлен не полностью: все вышеназванные лица, кроме Сутгофа, пришли на Сенатскую площадь вместе с отрядом Н.А. Панова, но очевидцы событий видели офицера, шедшего вместе с Сутгофом впереди его роты, которая появилась на площади раньше; кто это был – до сих пор неизвестно²⁵. Можно заключить, что в Гренадерском полку, как и в Гвардейском экипаже, сформировалось надежное ядро решительно настроенных офицеров, окруженное вовлеченными в заговор товарищами, способное «поднять» большую часть лейб-гренадер и оказать влияние на нижние чины. Лейб-гренадеры представляли собой вторую основную ударную силу, которой располагали лидеры заговора.

Давно пользовались влиянием члены Северного общества в Московском полку. С марта 1825 г., после перехода из Балтийского флота, ротным командиром в нем служил штабс-капитан М.А. Бестужев. В дни междуцарствия он привлек в тайное общество другого ротного командира – штабс-капитана Д.А. Щепина-Ростовского. Оба энергичных, преданных целям заговора офицера начали деятельную подготовку к выступлению, вели агитацию среди нижних чинов. За несколько дней до 14 декабря благодаря их усилиям против новой присяги были согласны действовать еще четыре командира и командующих ротами: поручик А.А. Брокке, штабс-капитан В.Ф. Волков, капитан А.А. Корнилов и поручик А.С. Кушелев. К заговорщикам присоединились также поручик А.А. Бекетов, подпоручики М.Ф. Кудашев и П.И. Цицианов, прапорщик А.Ф. Багговут и прикомандированный к полку штабс-капитан Учебного карабинерного полка С.Н. Лашкевич²⁶. По полученным в ходе следствия данным, принять участие в выступлении против присяги Николаю I соглашался батальонный командир полковник А.Д. Неелов, что, однако, полностью не подтвердилось²⁷. Мемуарные записки А.Ф. Багговута, помимо указаний на собственное участие в событиях на стороне заговорщиков и оказанное сопротивление присяге Николаю I, содержат уникальные данные,

²⁴ См. мемуарную записку В.И. Зальцы: 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 169–171. Следует указать на факт близких дружеских связей Зальцы с заговорщиками в Гренадерском полку, благодаря чему ему было известно о причастности к заговору А.М. Булатова (см. рассказ сводного брата декабриста Александра Булатова в записи А.А. Титова: Русская старина. 1887. Т. 53. № 1. С. 213; ср. комментарий к этому рассказу: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 662).

²⁵ См. рапорт дежурного штаб-офицера Отдельного корпуса внутренней стражи Репешки Е.Ф. Комаровскому: Русский архив. 1905. Кн. 2. № 6. С. 312–313. Указания о том, что с ротой А.Н. Сутгофа на Сенатскую площадь прибыл прапорщик С.Н. Жеребцов, не подтверждаются документами его следственного дела – он был в составе правительственных войск на Дворцовой площади (ВД. М., 2008. Т. XXI. С. 239; ср.: Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 68).

²⁶ Степень близости этих офицеров к тайному обществу и их осведомленность о планах заговорщиков в достаточной мере не изучены. А.Ф. Багговут и С.Н. Лашкевич не были включены Боровковым в его «Алфавит...», отсутствуют они и в биографическом справочнике «Декабристы». Об участии этих офицеров в событиях 14 декабря см.: Гордин Я.А. Мятеж реформаторов... С. 199, 240–241. См. также записки А.Ф. Багговута и рассказы М.А. Бестужева в записи М.И. Семева: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 288–289, 318–320.

²⁷ Декабристы. Биографический справочник... С. 127, 292.

раскрывающие действия А.Д. Неелова и его брата подпоручика Н.Д. Неелова в день 14 декабря, направленные против присяги Николаю I²⁸. Не исключено, что братья Нееловы действовали в согласии с ячейкой заговора в Московском полку. Материалы полкового расследования показывают, что к числу заговорщиков-московцев возможно принадлежал прапорщик А.П. Малиновский²⁹. Наличие двух решительно настроенных офицеров, образовавших активное «звено» тайного общества в Московском полку, позволяло «штабу» заговорщиков уверенно рассчитывать на участие в перевороте по крайней мере двух рот; мобилизация всех сил, причастных к заговору (особенно одного из батальонных командиров), обеспечивала переход на сторону восстания если не всего полка, то подавляющего большинства московцев. Две роты Московского полка могли составить еще одну ударную силу заговорщиков.

На другие полки, входившие в 1-ю гвардейскую пехотную дивизию, руководители готовящегося восстания в полной мере рассчитывать не могли: в их рядах находились лишь единичные участники заговора (например, подпоручик Преображенского полка Н.В. Шереметев), на которых нельзя было опереться³⁰. Тем не менее заговорщики питали надежду, что Семеновский полк мог быть увлечен соседним с ним Московским³¹. По-видимому, были предприняты усилия с целью склонить к участию в восстании старейший и наиболее авторитетный в Гвардейском корпусе Преображенский полк. Полковник И.П. Шипов, с которым, как уже отмечалось, предположительно вели переговоры лидеры заговора, хотя и принадлежал к давним участникам Северного общества, но к 1825 г. отошел от политических замыслов; возможно, с его именем были связаны надежды заговорщиков на содействие преображенцев.

Эти же расчеты, как можно полагать, повлекли за собой практические действия – возможно, попыткой декабристов повлиять на ситуацию в старейшем гвардейском полку стало происшествие в казармах 1-го батальона преображенцев на Большой Миллионной улице, имевшее место в ночь с 13 на 14 декабря. Явившийся в казармы поручик гвардейского Конноегерского полка А.В. Чевкин начал уверять солдат, что присяга Николаю I – это «клятвопреступление», что «вся гвардия» ожидает от них «примера и указания», как следует ей действовать, убеждал не принимать этой присяги. Задержанный фельдфебелем Чевкин сумел освободиться и покинуть казармы, но той же ночью был арестован³². Я.А. Гордин справедливо заметил по этому поводу: «Эпизод этот странен и непонятен по сию пору. Плохо верится, что Чевкин действовал сам по себе. Известно, что лидеры [тайного] общества думали о способах воздействия на преображенцев, стоявших рядом с [Зимним] дворцом и представлявших собой главную опасность при попытке ареста Николая и его семейства. Не установлено никаких связей Чевкина с [тайным] обществом... Очевидно, мы плохо знаем этот второй ряд декабристской периферии»³³. В настоящее время не обнаружено доказательств участия А.В. Чевкина в декабристском обществе, однако опубликованы свидетельства, которые проясняют его причастность к заговору. Воспитывался он в Пажеском

²⁸ См. записки А.Ф. Багговута: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 319.

²⁹ ВД. Т. XXI. С. 317.

³⁰ Кроме Н.В. Шереметева, в числе офицеров Преображенского полка были знавшие о существовании и целях тайного общества, но отказавшиеся стать его участниками подпоручик В.Х. Граве и поручик Н.Д. Зубов; предложения им задолго до 14 декабря 1825 г. делал активист Южного общества А.В. Поджио; первого из них (Граве) пытался повторно вовлечь в заговор Н.В. Шереметев (Декабристы. Биографический справочник... С. 250, 259). В рядах преображенцев числился ставший в 1824 г. адъютантом великого князя Михаила капитан Н.Н. Анненков, предположительно знавший о тайном обществе. На его квартире Поджио останавливался, приезжая в Петербург и встречаясь с другими членами декабристского союза (ВД. Т. I. С. 266). Наконец, к дружескому окружению Поджио относился ротный командир капитан П.Н. Игнатьев, который, согласно семейным рассказам, «вращался в кругу будущих декабристов» и чудом избежал участия в восстании, дав накануне 14 декабря слово своей матери, что «будет «благоразумен» и не выступит против власти» (Игнатьев А.А. На фронте. Пятьдесят лет в строю. М., 2013. С. 4).

³¹ См. «Записки декабриста» Д.И. Завалишина: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 332, 335.

³² См. записку П.Н. Игнатьева: 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография... Вып. 4. С. 102–103.

³³ Гордин Я.А. Мятёж реформаторов... С. 214–215.

корпусе, где его товарищами по обучению были П.Н. Свистунов, А.С. Гангеблов, другие будущие члены декабристских союзов. Как следует из показаний Д.А. Искрицкого, Чевкин был с ним хорошо знаком, а показания близкого к тайному обществу Г.А. Перетца свидетельствуют: в Петербурге Чевкин проживал на квартире Искрицкого, принятого в Северное общество в дни междоусобицы. Согласно показаниям Перетца, Чевкин действовал не один: вместе с ним в казармы преображенцев приехал еще один офицер³⁴. К этому следует добавить, что его младший брат К.В. Чевкин (впоследствии член Государственного совета, главноуправляющий ведомства путей сообщения) посещал собрания кружка, примыкавшего к Северному обществу, вращаясь в кругу «северян» – офицеров Генерального штаба и петербургских «южан»³⁵. Действия А.В. Чевкина как участника событий 14 декабря не стали предметом рассмотрения следствия, поэтому сведения о нем отсутствуют в «Алфавите...» Боровкова. В конечном счете попытка офицера, очевидно, связанного с декабристским заговором, оказать влияние на 1-й батальон Преображенского полка, расположенный недалеко от Зимнего дворца, и вызвать в нем сопротивление присяге закончилась неудачей.

Тайное общество распространило свое влияние и на 2-ю гвардейскую пехотную дивизию. В нее входили полки (Измайловский, Егерский, Финляндский), в которых в разные годы служили многие участники декабристских организаций; к 1825 г. могли сохраняться связи руководителей Северного общества с участниками офицерских кружков в этих полках, существовавших в начале 1820-х гг., что могло поддерживать надежды на содействие; в дни перед 14 декабря из числа измайловцев и финляндцев активно вербовались новые участники заговора.

В Измайловском полку к тайному обществу принадлежали ротный командир капитан И.И. Богданович и подпоручик Н.П. Кожевников – оба вступили в декабристский союз задолго до кончины Александра I. В дни междоусобицы в этом полку благодаря усилиям Е.П. Оболенского и Н.П. Кожевникова в заговор вошло еще не менее 10 офицеров: подпоручики А.Н. Андреев, А.П. Вадбольский, М.П. Малютин, А.А. Фок, поручики В.Ф. и И.Ф. Львовы, подпоручик И.П. Гудим (Гудима), к заговорщикам имели отношение молодые офицеры – прапорщики В.Н. и Н.Н. Креницыны, а также, возможно, подпоручик К.П. Миллер. Кроме того, в 3-м батальоне, находившемся за городом, служили участники петербургского филиала Южного общества подпоручик М.Д. Лаппа и поручик А.С. Гангеблов. К ним в канун 14 декабря была послана записка от Н.П. Кожевникова с сообщением о готовящемся сопротивлении присяге и вероятным призывом поддержать эти действия в загородном батальоне³⁶. Важную роль в распространении заговора среди измайловцев сыграли Рылеев и Оболенский: первый содействовал принятию в тайный союз своего родственника М.П. Малютина, а последний поддерживал связь с офицерами полка, способствуя укреплению их отношений с ядром декабристского общества. Многочисленная группа офицеров, согласившихся противиться «переприсяге», налаженные некоторыми из них контакты с нижними чинами, наличие среди заговорщиков по крайней мере одного ротного командира – все это позволяло

³⁴ ВД. М., 1984. Т. XVIII. С. 133; М., 2001. Т. XX. С. 53. Г.А. Перетц отрицал участие А.В. Чевкина в заговоре, сообщая, что «он действовал только по безрассудной пылкости»; недостаточная осведомленность автора показаний, отошедшего от конспиративных связей, заставляет в этом усомниться.

³⁵ По собственным воспоминаниям К.В. Чевкина, он был знаком с «влиятельнейшими» лицами из круга декабристов, а по словам его биографа – только служебная занятость спасла его от вступления в тайное общество; данные о прямом участии его в заговоре не обнаружены, но тесные связи с заговорщиками, осведомленность об их настроениях не вызывают сомнений (*Ореус И.И.* Константин Владимирович Чевкин. Биографический очерк // *Русская старина*. 1877. Т. 19, № 5. С. 4; см. показания А.С. Гангеблова: ВД. Т. XVIII. С. 22, 25; ср. записки М.И. Пущина, согласно которым К.В. Чевкин проживал с братьями Д.А. и А.А. Искрицкими в одном из домов на набережной Мойки недалеко от квартиры К.Ф. Рылеева, входил в близкий к тайному обществу кружок: *Русский архив*. 1908. № 11. С. 434). В этом контексте складывается более отчетливое представление о связях его старшего брата (А.В. Чевкина) с участниками заговора.

³⁶ ВД. Т. XVIII. С. 18, 23 (показания А.С. Гангеблова). Гангеблов и Лаппа были не единственными измайловцами, причастными к петербургскому филиалу «южан», имена других неизвестны; кроме того, в 3-м батальоне служили несколько предполагаемых участников заговора, о которых будет сказано дальше.

«штабу» заговора рассчитывать на участие в выступлении большей части измайловцев, если не всего полка. При благоприятном для заговорщиков развитии событий Измайловский полк в полном составе (или его часть) мог выступить значительной вооруженной силой в поддержку главных ударных отрядов.

Нельзя быть уверенным, что сеть конспиративных контактов, связывавшая офицеров Измайловского полка с декабристским обществом, была в полной мере установлена в ходе официального следствия. Очевидно, на допросах и в письменных показаниях часть данных скрывалась, предпринимались усилия для сокрытия обстоятельств, связанных с антиправительственным заговором. Вновь опубликованные материалы следствия заставляют обратить внимание на фигуру полковника Измайловского полка А.П. Воейкова, связанного дружескими, а возможно, и конспиративными связями с членами Северного общества. В день 14 декабря он совершил несколько поездок в казармы гвардейских полков – в первую очередь восставшего Московского, вероятно, для сбора информации о ходе событий; причины его активности не были выяснены, на следствии эти показания Воейков отрицал и был освобожден как непричастное лицо³⁷. Сохранились указания на близость к заговору еще одного измайловца, подпоручика А.П. Козлова, переведенного в 1826 г. на Кавказ «за соприкосновенность с лицами, причастными к злоумышлению и государственному преступлению», но сделавшего затем значительную карьеру³⁸. Кроме того, до нас дошел уникальный документ, озаглавленный «Полицейская характеристика офицеров л.-гв. Измайловского полка» (1827), возможно, проливающий свет на утаенные от официального следствия конспиративные связи в этом полку. В сводке данных, добытых агентами тайной полиции, даются сведения о заговорщиках, уцелевших от правительственного расследования: спустя два года после событий восстания полицейские агенты располагали информацией о том, что часть офицеров, продолживших службу, в день 14 декабря была в числе «подстрекателей», отговаривавших солдат от присяги Николаю I и призывавших к возмущению. Особое значение документу придает наличие на нем помет, принадлежащих самому императору, из чего следует, что документ был подан на высочайшее рассмотрение. В числе офицеров – участников заговора, действовавших в день восстания, были названы³⁹: поручики Н.В. Зиновьев, Е.А. Кобяков, М.Ф. Плаутин, штабс-капитаны В.Д. или П.Д. Норов, О.Е. Штакельберг, капитан М.Н. Семенов⁴⁰, а также поручик Бутурлин⁴¹. Еще один названный в сводке офицер, прапорщик В.Н. Креницын, согласно материалам следствия, действительно участвовал в собраниях заговорщиков в полку, что придает сведениям этого источника определенную достоверность⁴². Данные, включенные в сводку, почти не поддаются критической проверке, но заслуживают внимания как отражение, вероятно, скрытых от внимания следствия связей офицеров-измайловцев с декабристским заговором.

Финляндский полк также принадлежал к гвардейским частям, на которые лидеры заговора делали самую серьезную ставку. В некотором отношении этот полк мог сыграть ключевую роль в реализации планов заговорщиков. 10 и 11 декабря, с помощью И.И. Пущина, Е.П. Оболенского (числившегося в этом полку), а также главного «агента» заговорщического «центра» среди финляндцев – штабс-капитана Н.П. Репина (участника

³⁷ ВД. Т. XXI. С. 177, 251–252 (показания К.П. Миллера, следственное дело А.П. Воейкова).

³⁸ Принцева Г.А. Декабристы в изобразительном искусстве. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1990. С. 193.

³⁹ Чины даются по состоянию на 1825 г.

⁴⁰ М.Н. Семенов был связан с участниками Союза благоденствия и вместе со старшим братом, офицером-измайловцем Н.Н. Семеновым, мог с начала 1820-х гг. сохранять дружеские отношения с активом Северного общества.

⁴¹ Поскольку в списках офицеров Измайловского полка фамилия Бутурлина в эти годы не значится, следует полагать, что в текст документа вкралась ошибка или же она была допущена при публикации; скорее всего, в данном случае подразумевается один из братьев – Д.И. или П.И. Батурин.

⁴² Полицейская характеристика офицеров л.-гв. Измайловского полка // Русская старина. 1906. № 12. С. 705–710. В отношении Бутурлина (Батурина), Е.А. Кобякова, В.Д. (или П.Д.) Норова, О.Е. Штакельберга Николай I отрицал представленную в донесении информацию об участии их в событиях 14 декабря на стороне заговорщиков, в отношении В.Н. Креницына отметил: «Он почти наверное участвовал в заговоре 14 декабря», в отношении Н.В. Зиновьева – «За него не ручаюсь», в отношении М.Ф. Плаутина отозвался незнанием, а в отношении М.Н. Семенова косвенно отверг его причастность к заговору: «Он был в Петергофе».

петербургской организации Южного общества, вступившего также и в Северное общество)⁴³, в этой гвардейской части в замысел восстания было посвящено не менее 11 офицеров: сначала поручик А.Е. Розен⁴⁴, а затем подпоручики И.А. Базин, А.А. Бурнашев, Я.Г. Насакин, прапорщики А.И. Богданов, А.Ф. Гольтгоер, А.И. Мореншильд, Ф.Б. Мореншильд, Г.Г. Насакин, А.Ф. Нумерс, о намерениях тайного общества знал поручик Н.Р. Цебриков⁴⁵. Все они были ознакомлены с целями заговора и выразили согласие принять участие в выступлении, оказав сопротивление присяге Николаю I. Несомненно, эта группа офицеров была более многочисленной по сравнению с тем, что стало известно следствию. Так, согласно запискам А.Е. Розена, на собрании у Н.П. Репина 11 декабря, помимо хозяина и самого мемуариста, присутствовало «до 16 молодых офицеров», «частью посвященных в тайны главного предприятия»⁴⁶. Еще один участник декабристского общества в полку – состоявший в петербургской организации «южан» поручик А.А. Добринский, по-видимому, остался вне сферы деятельности заговорщиков.

Следует подчеркнуть, что на Финляндский полк руководители заговора возлагали особые надежды: в Северном обществе состояли оба командира батальонов, находившихся в Петербурге, – гвардии полковники А.Ф. Моллер и А.Н. Тулубьев. Связь с ними поддерживали Е.П. Оболенский, Н.А. Бестужев, в канун 14 декабря – К.Ф. Рылеев. Содействие обоих полковников, казалось бы, обеспечивало участие финляндцев в восстании в полном составе двух батальонов, однако надежного согласия со стороны как Моллера, так и Тулубьева, по-видимому, не было, так как лидеры заговора неоднократно посещали казармы полка. Особенно важным было участие 2-го батальона, вступавшего 14 декабря в караулы в Зимнем дворце, что открывало перед заговорщиками возможности, сопоставимые с теми, которыми обладали участники заговора против Павла I. Командир 2-го батальона А.Ф. Моллер сначала дал слово действовать на стороне восстания⁴⁷. Возглавляя дворцовые караулы, он имел широкий круг полномочий, позволявших беспрепятственно проводить войска внутри дворца или своей волей их задерживать. Участие Моллера на стороне декабристов в контексте замысла захвата Зимнего дворца становилось одним из ключевых факторов успеха заговорщиков. 10 декабря к нему приезжал Оболенский (давний товарищ по тайному союзу), в дальнейшем контакты поддерживал Н.А. Бестужев. Но накануне присяги, 13 декабря, Моллер отказался от участия в выступлении, а значит в установлении контроля над Зимним дворцом. Большой интерес в связи с этим представляет свидетельство из записок М.И. Пущина, который вечером 13 декабря на собрании у Рылеева узнал, что Моллер «должен был завладеть дворцом», а затем встретил его на улице у квартиры Рылеева, куда тот направлялся для объяснений в связи с данным ранее обещанием; после разговора с М.И. Пущиным полковник решил не участвовать в восстании, «от замыслов которого у него кружилась голова»⁴⁸. Без согласия полковника А.Н. Тулубьева Розен не мог обеспечить переход на сторону восставших 1-го батальона, обещая содействие только командующего им взвода. В канун 14 декабря Тулубьев вслед за Моллером отказался выступить

⁴³ Н.П. Репин командовал ротой в 3-м батальоне Финляндского полка, располагавшемся в окрестностях Петербурга, но находился в городе.

⁴⁴ А.Е. Розен был привлечен Н.П. Репиным ранее других офицеров (10 декабря) и, как можно полагать, принят в Северное общество (см.: ВД. Т. II. С. 363; Т. XV. С. 213, 215).

⁴⁵ Н.Р. Цебриков состоял в 3-м батальоне, но находился в Петербурге.

⁴⁶ См.: Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 122. Мемуарист подчеркивал: «Можно было положиться на готовность молодых офицеров, но отнюдь не на ротных командиров» (Там же). В связи с вопросом о причастных к декабристскому союзу лицах, оставшихся в тени следствия, обращают на себя внимание офицеры-финляндцы, входившие в близкое окружение наиболее активных заговорщиков в полку Репина и Розена, предположительно знавшие о существовании заговора. К их числу относятся поручик П.И. Греч, младший брат известного литератора и журналиста Н.И. Греча, и подпоручик В.А. Бурнашев, брат А.А. Бурнашева. В начале 1825 г. вышел в отставку близкий к декабристским кругам еще со времен Союза благоденствия капитан И.В. Малиновский – родственник А.Е. Розена и давний друг И.И. Пущина; в декабре 1825 г. его участие в заговоре стало бы практически несомненным.

⁴⁷ Розен А.Е. Записки декабриста... С. 122; ср.: Гордин Я.А. Мятеж реформаторов... С. 143.

⁴⁸ Пущин М.И. Записки... С. 436.

на стороне тайного общества. Надежды на присоединение к восстанию обоих батальонов Финляндского полка исчезли, как и благоприятная возможность быстрого и беспрепятственного захвата Зимнего дворца; тем не менее заговорщики были уверены в том, что Финляндский полк, пусть и не в полном составе, выступит на их стороне, поскольку сохранялась возможность активных действий младших офицеров, находившихся под влиянием Репина и Розена.

Согласно следственным показаниям, в число гвардейских частей, на которые рассчитывали руководители заговора, входил Егерский полк⁴⁹. Следствие не установило участия в тайном обществе ни одного из офицеров этого полка за исключением числившегося в нем подпоручика Я.И. Ростовцева, однако он находился не во фронте, а занимал адъютантскую должность. Было известно, что солдаты и офицеры Егерского полка враждебно настроены к своему дивизионному (до 1825 г. – бригадному) начальнику великому князю Николаю Павловичу из-за его претензий к полку и жесткой манеры командования. Сообщество офицеров – гвардейских егерей за несколько лет до событий 1825 г. было вовлечено в деятельность декабристских обществ и кружков, проявило себя в известной «норовской истории» 1822 г., которая была вызвана конфликтом группы офицеров именно с великим князем Николаем⁵⁰. Офицеры-егеря на протяжении многих лет проживали в одном здании с измайловцами (дом М.А. Гарновского), были связаны с ними товарищескими узами. Наконец, начальник пехоты Гвардейского корпуса К.И. Бистром, бывший прежде командиром Егерского полка, имел на него значительное влияние; можно было надеяться, что популярность генерала в солдатской среде послужит залогом того, что полк займет 14 декабря враждебную Николаю I позицию⁵¹. Однако все эти соображения не отменяют того обстоятельства, что для уверенных расчетов на гвардейских егерей нужны были активные действия офицеров в полку, нацеленные на вывод их из казарм и присоединение к восставшим. Вероятно, конспиративная ячейка в Егерском полку, связанная с «центром» заговора, существовала, но была полностью укрыта от внимания следствия, поэтому нам о ней ничего неизвестно.

В целом в обеих гвардейских пехотных дивизиях вне влияния тайного общества оставались Преображенский, Семеновский и Павловский полки и Саперный батальон; в их рядах практически отсутствовали офицеры, на содействие которых можно было рассчитывать. В Саперном батальоне служил младший брат члена Северного общества М.А. Назимова подпоручик И.А. Назимов, который, согласно запискам М.И. Пущина, знал о существовании заговора (вероятно, от самого мемуариста)⁵², но в одиночку он ничего не мог сделать; других данных о связях офицеров-саперов с тайным обществом не обнаружено.

⁴⁹ К.Ф. Рылеев показал, что на Егерский полк рассчитывали, основываясь на словах лейтенанта Гвардейского экипажа А.П. Арбузова, а тот в свою очередь ссылался на сообщение лейтенанта Н.П. Окулова, утверждавшего, что гвардейские егеря (нижние чины), шефом которых был цесаревич Константин, не хотят присягать Николаю Павловичу (ВД. Т. I. С. 65, 185–186; Т. II. С. 39), однако едва ли такого рода информация могла лежать в основе уверенных расчетов заговорщиков на этот полк.

⁵⁰ О «норовской истории» (протесте В.С. Норова и других офицеров Егерского полка против Николая Павловича) см.: *Поливанов Н.П.* Декабрист В.С. Норов // *Русский архив.* 1900. № 2. С. 273–304; *Смирнов И.А.* Декабрист В.С. Норов // *Декабристы Дмитровского уезда: сб. ст. Дмитров, 1925.* С. 50–82; *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 374; *Гордин Я.А.* Мятёж реформаторов... С. 57–58; *Левин С.В.* В.С. Норов – «декабрист без декабря» // *Известия Саратовского университета. Сер.: История, международные отношения.* 2008. Т. 8, № 1. С. 47–52.

⁵¹ Я.А. Гордин выстроил аргументированную версию поведения К.И. Бистрома в период междуцарствия и в день 14 декабря. Согласно ей, еще 27 ноября Бистром вместе с М.А. Милорадовичем противодействовал воцарению Николая – генерал твердо сказал тогда своему адъютанту Е.П. Оболенскому, что «никому, кроме Константина, не присягнет». 14 декабря Бистром до последнего момента затягивал присягу Егерского полка, так что в 1-м часу дня присягнул только 1-й батальон (*Гордин Я.А.* Мятёж реформаторов... С. 311–318); егеря примкнули к правительственному лагерю одними из последних. По пути следования у Каменного моста произошла попытка стрелкового взвода повернуть назад, описанная самим Николаем I (см.: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 47).

⁵² *Пущин М.И.* Записки... С. 438.

Легкая гвардейская кавалерия (Гусарский, Уланский, Драгунский, Казачий полки) в полном составе располагалась в окрестностях Петербурга, поэтому вряд ли могла сыграть существенную роль в надвигающихся событиях; к тому же, насколько известно, в этих полках имелись только единичные участники тайных обществ (например, поручик Гусарского полка Г.Д. Колокольцев), которые без поддержки других офицеров не имели возможности повлиять на ход событий. Тем не менее декабристские лидеры, вероятно, принимали меры с целью оказать воздействие на полки, находившиеся в окрестностях Петербурга⁵³.

Не могли в полной мере надеяться заговорщики и на тяжелую (кирасирскую) гвардейскую кавалерию, однако в этом случае ситуация была несколько иной. В рядах находящихся в столице кавалерийских полков числились многие участники тайного общества, но для руководства декабристской конспирации положение дел здесь складывалось неблагоприятным образом. В Кавалергардском полку офицеры – члены тайного общества (главным образом петербургские «южане»), вследствие позиции их руководителя корнета П.Н. Свистунова, не были готовы к выступлению, испытывали сомнения в целесообразности сопротивления присяге, в большинстве своем не имели каналов влияния на нижние чины. 11 или 12 декабря поручик И.А. Анненков и корнет Д.А. Арцыбашев совещались с руководителями «северян», получили сведения о разработанных ими планах открытого выступления, передали эти сведения товарищам в полку, но не обещали активного содействия, а считали возможным присоединение кавалергардов к восставшим полкам только в случае успешного начала возмущения; корнеты Н.Н. Депрерадович и А.Н. Вяземский занимали пассивную позицию. Только член Северного общества корнет А.М. Муравьев и поручик А.С. Горюханский, продолжавшие поддерживать связь с Е.П. Оболенским, собирались предпринять решительные шаги при известии о начале восстания – у обоих были налажены контакты с солдатской средой⁵⁴. К сказанному необходимо добавить, что не все вовлеченные в конспиративные связи офицеры-кавалергарды были выявлены в ходе следствия или привлекли его внимание. В следственных материалах содержатся данные о том, что о намерениях заговорщиков на 14 декабря знал подпоручик Андрей Н. Вяземский (старший брат корнета Александра Н. Вяземского). В ходе следствия прозвучало имя юнкера Кавалергардского полка В.Г. Строганова как офицера, принятого в тайное общество, но это не имело для обоих никаких последствий. Источники подтверждают возможное участие в тайном обществе и почти несомненную осведомленность о заговоре корнета В.Ф. Фрезера (по-видимому, он был арестован, но затем освобожден); наконец, в числе молодых офицеров, тяготевших к заговорщикам (сообщавших им в день выступления 14 декабря, как видно из материалов следствия, сведения о ходе событий), оказались юнкеры Павел Г. и Петр Г. Демидовы, представители известного рода заводчиков и землевладельцев⁵⁵. В целом проявленная петербургскими «южанами» нерешительность вызвала у лидеров заговора сомнения относительно перехода Кавалергардского полка на сторону восстания. В то же время сохранялись надежды, что при успешном начале выступления кавалергарды к нему примкнут, поскольку в полку имелось немало число членов тайного общества.

В Конном полку корнет А.И. Одоевский и другие офицеры (члены Северного и Южного обществ – всего не менее 7 человек: «северяне» поручики А.К. Ливен, М.Ф. Голицын, корнет А.А. Плещеев 2-й и «южане» юнкер А.А. Суворов, корнеты Ф.В. Барыков и А.Е. Ринкевич) также вели себя достаточно пассивно и не могли надеяться на поддержку солдат, обещая при благоприятных условиях только личное содействие; они не решались вести конногвардейцев туда, куда укажут лидеры заговора. Вероятно, эта позиция стала следствием недостаточно активных связей офицеров с ядром тайного общества. А.А. Бестужев, возможно, раскрыл

⁵³ См. далее эпизод с поручиком гвардейского Уланского полка А.А. Скалоном.

⁵⁴ ВД. Т. I. С. 245, 247; Т. XIV. С. 362; Т. XVIII. С. 260.

⁵⁵ ВД. Т. XIV. С. 362, 385; Т. XVIII. С. 261–262; Т. XI. М., 1954. С. 207. В мемуарном очерке И.Д. Якушкина «Четырнадцатое декабря» (14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 251) в числе членов тайного общества в Кавалергардском полку значится полковник П.П. Ланской, но участие его в декабристском союзе (или заговоре 1825 г.) не подтверждается осведомленными свидетелями (*Свистунов П.Н. Сочинения и письма...* С. 170).

в своих показаниях причину, не позволившую привлечь конногвардейцев к участию в восстании. Оценивая действия Одоевского, он показал: «Накануне [14 декабря] стоял он в карауле и потому не успел передать мне своих офицеров, от чего ни одного из них на площади не было»⁵⁶. Так или иначе, группа заговорщиков в Конном полку осталась незадействованной; расчеты декабристов на этот полк если и были, то не опирались на прочное основание.

Зато можно было рассчитывать на входивший в состав Конно-пионерного дивизиона гвардейский Конно-пионерный эскадрон (около 300 сабель) – военно-инженерную часть, экипированную в виде кавалерийской⁵⁷. На протяжении 1824–1825 гг. время от времени командование над гвардейскими конно-пионерами принимал капитан М.И. Пущин, популярный среди нижних чинов. С приездом из Москвы старшего брата И.И. Пущина Михаил, давно находившийся в орбите влияния декабристского союза, вошел в ряды тайного общества и согласился принять участие в восстании, сначала обещая присоединить к нему весь эскадрон, а затем его часть⁵⁸. Судя по всему, Пущин был не одинок в этом намерении: согласно его запискам, с ним были тесно связаны служившие в эскадроне штабс-капитан В.С. Денисов, поручики А.Ф. Бартоломей и П.М. Дараган, которых он посвятил в замыслы организаторов восстания и на содействие которых, вероятно, рассчитывал; с ними же накануне 14 декабря он обсуждал возможность активных действий в день присяги⁵⁹.

Декабристы питали определенные надежды на присоединение к восстанию гвардейской артиллерии, хотя сохранившиеся данные о связях «штаба» заговора с офицерами-артиллеристами отличаются несомненной неполнотой и фрагментарностью. В конной артиллерии несколько офицеров согласились выступить на стороне тайного общества. В «Алфавите...» Боровкова указаны имена пятерых из них: подпоручиков А.Г. Вилламова, А.И. Гагарина, К.Д. Лукина, прапорщика А.В. Малиновского и прикомандированного к гвардейской конной артиллерии прапорщика 9-й конноартиллерийской роты И.П. Коновницына. Их связь с руководителями тайного общества объясняется тем, что один из активных заговорщиков-конноартиллеристов, прапорщик А.В. Малиновский, был младшим братом лицейского товарища И.И. Пущина И.В. Малиновского (их связывала давняя дружба), в силу чего был знаком с представителями «штаба» восстания, а другой – прапорщик И.П. Коновницын имел контакты с Е.П. Оболенским, хорошо знавшим его старшего брата П.П. Коновницына, члена Северного общества⁶⁰. Эти два офицера, судя по всему, образовали «опорное звено» заговорщиков в рядах конной артиллерии. Точное число конноартиллеристов, согласившихся участвовать в восстании, до сих пор неизвестно, поскольку выявленными в ходе следствия офицерами, судя по всему, дело не ограничилось. Согласно мемуарным свидетельствам, опирающимся на сообщения участников событий, количество офицеров, оказавших сопротивление присяге, было несомненно больше по сравнению с тем, что известно благодаря «Алфавиту...» Боровкова. Отец одного из заговорщиков Г.И. Вилламов сообщает в своем дневнике о шести, затем о семи офицерах, отказавшихся присягать и затем арестованных; в другом месте он, как и другой мемуарист – начальник артиллерии Гвардейского корпуса И.О. Сухозанет, утверждает, что против присяги возражали едва ли не все офицеры (кроме командиров и старших по чину)⁶¹. Таким образом, есть основание полагать, что в число присоединившихся к основной ячейке заговорщиков, связанной с Северным обществом, могла войти большая часть офицеров конно-батарейной батареи, где 14 декабря

⁵⁶ ВД. Т. I. С. 445; ср.: Ильин П.В. Декабристы, оправданные на следственном процессе: офицеры-конногвардейцы М.Ф. Голицын, А.К. Ливен, А.А. Плещеев... С. 91–99.

⁵⁷ См.: Габеев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года: военно-историческая справка // Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года... С. 170.

⁵⁸ ВД. Т. XIV. С. 453, 459.

⁵⁹ Пущин М.И. Записки... С. 436.

⁶⁰ См.: ВД. Т. XIV. С. 160 (показания В.И. Штейнгейля); Т. I. С. 236 (показания Е.П. Оболенского). С. 446 (показания А.А. Бестужева).

⁶¹ См. воспоминания И.О. Сухозанета и дневник Г.И. Вилламова: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 84, 85, 223, 225.

произошли беспорядки, за вычетом штаб-офицеров и старших обер-офицеров. Исключив их, а также тех, кто занимал адъютантские должности и, по всей видимости, не находился в строю, получаем перечень предполагаемых участников волнений в конной артиллерии: прапорщики С.С. Голицын, М.П. Добринский, К.И. Клочковский, Н.И. Лавров; к этой группе относился и внук фаворита Павла I И.П. Кутайсов, служивший в 1825 г. прапорщиком гвардейской конной артиллерии. Итак, организаторы восстания могли опереться на немалое число примкнувших к заговору молодых офицеров-конноартиллеристов, но все зависело от степени их активности в день выступления, способности вывести из казарм нижние чины, а значит орудийные расчеты с пушками, что могло быть блокировано действиями старших офицеров. Фактор «малого чина» заговорщиков проявляется здесь особенно наглядно: как покажут события, усилий младших офицеров оказалось недостаточно для перелома ситуации в пользу заговорщиков; тем не менее накануне 14 декабря шансы на участие конной артиллерии сохранялись.

Существуют указания, что ожидалось участие на стороне восставших и гвардейской пешей артиллерии (1-я артиллерийская бригада). И.Д. Якушкин (со слов И.И. Пущина и Е.П. Оболенского), а также М.А. Бестужев в своих мемуарах называют по имени одного члена тайного союза – поручика А.М. Голицына (старшего брата участника Северного общества В.М. Голицына), который не только состоял в заговоре, но и предпринял попытку присоединить пешую артиллерию к восстанию. Д.И. Завалишин в своих «Записках» отмечает руководящую роль А.М. Голицына среди заговорщиков в 1-й артиллерийской бригаде и упоминает еще поручиков И.М. Бакунина и А.И. Философова если не принятых в декабристский союз, то знавших о его существовании и находившихся под влиянием Голицына⁶². Являются ли эти указания безосновательной выдумкой (мотивы которой трудно объяснить) или за ними стоят реальные факты? Следственные материалы не подтверждают мемуарных указаний декабристов, как и акта сопротивления присяге в пешей артиллерии, но в период следствия, как уже говорилось, многие конспиративные связи были скрыты от правительства по вполне понятным причинам. Историкам (в частности, Г.С. Габаеву) удалось собрать только косвенные данные о скрытом сопротивлении приказам правительственной стороны, проявившемся в пешей артиллерии: 14 декабря в 1-й батарее роте построики в орудийных конных упряжках были перерублены, поэтому пушки против восставших быстро вывезти не удалось⁶³. Вновь опубликованные источники позволяют дополнить ранее известные сведения: донесение полицейского агента, передающее рассказ солдата 1-й артиллерийской бригады, подтверждает – офицеры пешей артиллерии (в частности, один из адъютантов начальника бригады – А.И. Философов или А.П. Безак) намеревались не присягать Николаю I и объявили об этом солдатам⁶⁴; вряд ли такого рода поступок мог быть случайным. Следует полагать, что противодействие присяге в 1-й артиллерийской бригаде, инициированное заговорщиками, все же имело место. Исследователи далеко не все знают о связях офицеров-артиллеристов с «ядром» декабристской организации; эти связи, по всей видимости, позволяли надеяться на участие в возмущении хотя бы части гвардейской артиллерии.

В тайном обществе состояла группа офицеров гвардейского Генерального штаба, которые должны были передавать сведения о ходе событий в казармах и передвижениях полков: это были штабс-капитан А.О. Корнилович, подпоручики Д.А. Искрицкий, П.П. Коновницын и прапорщик С.М. Палицын. Незадолго до событий 14 декабря ячейка тайного общества,

⁶² См. очерк И.Д. Якушкина «Четырнадцатое декабря», воспоминания «14 декабря 1825 года» М.А. Бестужева и «Записки декабриста» Д.И. Завалишина (14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 247, 276, 344). Известно, что один из упомянутых офицеров, близких к заговору (И.М. Бакунин), начальствовал над орудиями, открывшими артиллерийский огонь по восставшим, что в полной мере показывает, насколько непредсказуемо изменчива была граница, пролежавшая между двумя лагерями разделенной в день 14 декабря гвардии.

⁶³ См.: Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года... С. 204.

⁶⁴ См. рассказ солдата-артиллериста В.П. Киндякова: Московские толки и слухи в донесениях секретного агента отставного майора И.И. Евневича // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв. М., 2003. Вып. 12. С. 88–90 (публ. В.М. Боковой).

возникшая среди офицеров-штабистов, лишилась активного участника – младшего брата М.И. и С.И. Муравьевых-Апостолов Ипполита, недавно окончившего Училище колонновожатых и принятого в Северное общество, одновременно близкого к петербургской организации «южан». Молодой конспиратор отбыл к месту службы в главный штаб 2-й армии, выехав из Петербурга накануне 14 декабря вместе с П.Н. Свистуновым⁶⁵. В числе офицеров Генерального штаба и квартирмейстерской части, служивших при штабе Гвардейского корпуса и в учреждениях Главного штаба в столице, можно найти нескольких лиц, принадлежавших к заговору или близко к нему стоявших. Младший брат Д.А. Искрицкого, прапорщик А.А. Искрицкий, находился в числе участников кружка, примыкавшего к Северному обществу; не следует забывать и о входившем в тот же кружок офицере штаба Гвардейского корпуса К.В. Чевкине⁶⁶. Особое внимание привлекает к себе фигура подполковника В.Е. Галямина, который по сведениям, полученным в ходе следствия, вошел в состав заговора и был готов оказать сопротивление присяге Николаю I; эти сведения отвергались самим Галяминым, но такого рода факты подозреваемые лица в ходе расследования старались скрыть или смягчить; близость Галямина к заговорщикам, его осведомленность об их намерениях не вызывают сомнений⁶⁷. Участие офицера в высоком чине могло сыграть значимую роль в действиях офицеров-штабистов, обеспечив отпадение от правительственной стороны штаба гвардии или структур Главного штаба, блокирование их работы.

Итак, руководители заговора могли твердо рассчитывать на следующие гвардейские части: практически весь Гвардейский экипаж, большую часть Гренадерского, Московского и Финляндского полков, отдельные роты Измайловского полка, часть конной артиллерии и Конно-пионерного эскадрона. В случае успеха восстания к ним могли присоединиться Егерский полк, возможно – подразделения 1-й артиллерийской бригады. Сложнее обстояло дело с кавалерией: лидеры заговора надеялись на участие Кавалергардского и, возможно, Конного полков – в каждом из них были ячейки заговора, которые могли обеспечить их переход на сторону восстания. Координацию действий заговорщиков обеспечивали штабные офицеры, служившие в штабе Гвардейского корпуса и Главном штабе; здесь также ожидалось акты сопротивления присяге.

По-видимому, заговорщики имели связи с войсками, расположенными за городом. Выше упоминалась записка офицера Измайловского полка Н.П. Кожевникова, отправленная утром 14 декабря к товарищам по полку А.С. Гангеблову и М.Д. Лаппе, служившим в 3-м батальоне, находившемся в Петергофе. Правоммерно предположить, что подобные послания были отправлены участниками заговора в другие загородные батальоны. Дальнейшие события, связанные с 3-м батальоном измайловцев, вероятно, обнаруживают скрытые от нас тайные отношения, которые стоят за попытками агитации, направленными на возмущение загородных батальонов. В ночь на 15 декабря 3-й батальон измайловцев, уже после присяги, получил приказ двинуться к петербургской заставе вместе с другими частями, находившимися в окрестностях столицы. Ранним утром состоялась встреча с лейб-гвардии Уланским полком; согласно показаниям Гангеблова и Лаппы, уланский поручик А.А. Скалон обратился к заговорщикам-измайловцам и близким к ним офицерам (которыми оказались штабс-капитан В.Д. Норов⁶⁸, поручик И.А. Болтин и прапорщик

⁶⁵ ВД. Т. XIV. С. 334, 337, 340–342, 344.

⁶⁶ ВД. Т. XVIII. С. 126; ср.: *Пуцин М.И.* Записки... С. 434.

⁶⁷ ВД. Т. XXI. С. 121–124 (дело В.Е. Галямина); М., 1986. Т. XVI. С. 74, 101, 113; Т. XVIII. С. 125, 130; Декабристы. Биографический справочник... С. 247.

⁶⁸ Согласно показаниям А.С. Гангеблова, это был «Норов 4-й», что соответствует данным о В.Д. Норове. Судя по показаниям Гангеблова и Лаппы, он был осведомлен о существовании заговора и его целях, имел связь с заговорщиками в 3-м батальоне, обсуждал с ними события, связанные с выступлением 14 декабря, присутствовал во время самых откровенных разговоров (ВД. Т. XVIII. С. 23, 30). Нет сомнений, что Норов относился к числу причастных к заговору офицеров в Измайловском полку. Его брат, штабс-капитан П.Д. Норов, предположительно мог быть связан с заговорщиками согласно приведенной выше полицейской характеристике 1827 г. К этому следует добавить, что в донесении командующего полком Л.А. Симанского в числе обнаруживших свою причастность к заговору офицеров назван один из братьев Норовых (Архив измайловца [Бумаги Л.А. Симанского] // Журнал Императорского военно-исторического общества. 1911. № 2. С. 11).

П.А. Скалон – брат агитатора), утверждая, что восстание в Петербурге не разгромлено, а, напротив, разгорается: «...никто в Петербурге не присягает... нас обманывают», все гвардейские части собрались на Сенатской площади. А.А. Скалон сообщил также, что «они, лейб-улань, ожидают только первого сигнала от... батальона, чтобы единодушно закричать: “Ура Константин!”»⁶⁹. Возмущение подразделений двух гвардейских полков чуть было не началось: Лаппа с трудом был удержан от обращения к нижним чинам. Была ли эта агитация случайным эпизодом, «всплывшим» на следствии благодаря откровенности двух офицеров, или представляла собой одну из попыток связанного с заговором офицера «поднять» гвардейские части в окрестностях столицы – остается трудноразрешимым вопросом. Можно лишь предполагать, что это обращение агитатора, возможно к знакомым ему по конспиративным связям офицерам, обуславливалось влиянием обязательств перед тайным союзом. В связи с этим не лишним будет вспомнить о сведениях, полученных начальством Гвардейского корпуса к вечеру 14 декабря, «будто к гвардейским войскам, за городом расположенным, от мятежников отправлены агенты». Существуют указания мемуаристов, согласно которым были предприняты попытки со стороны бежавших после разгрома восстания мятежников воздействовать на войска, шедшие из загородного расположения к Петербургу, побудить их к новому выступлению⁷⁰. В любом случае эпизод с поручиком Скалоном показывает, что попытки агитации загородных частей предпринимались и, возможно, исходили из круга офицеров, причастных к декабристской конспирации.

Подводя итог рассмотрению военной силы, на которую рассчитывали декабристы, следует отметить, что в течение конца ноября – середины декабря 1825 г., особенно в последние дни перед восстанием, руководителям Северного общества удалось мобилизовать, по имеющимся данным, не менее 90 офицеров, состоявших в тайных обществах или заново привлеченных к заговору. Часть из них была увлечена политическими планами декабристского союза, другие не верили в законность присяги Николаю I. За офицерами стояли подчиненные им нижние чины. В результате декабристы могли опереться на численно значимую часть гвардии.

Определенный вклад в развитие заговора 14 декабря внесла невоенная часть декабристского общества – гражданские чиновники и отставные офицеры, некоторые из которых служили прежде в гвардии. Роль К.Ф. Рылеева («души» заговора 14 декабря) как одного из главных организаторов выступления трудно переоценить. Среди гражданских лиц выделяется И.И. Пущин – один из тех, кто налаживал связи заговорщиков в разных полках и частях гвардии, где служили его многочисленные друзья и знакомые (Конно-пионерный эскадрон, конная артиллерия, Финляндский полк и т.д.). Заметную роль играл основатель ячейки в Гренадерском полку П.Г. Каховский, связывавший «штаб» заговорщиков с Гвардейским экипажем. Опытный чиновник В.И. Штейнгель, как и подавший в отставку инженер-подполковник Г.С. Батеньков, принимали участие в выработке политической программы восстания и, как и Пущин, были готовы вести переговоры с государственными учреждениями и высшими сановниками. Близкий к Рылееву столоначальник правления Российско-Американской компании и литератор О.М. Сомов, которому удалось оправдаться по результатам следствия, скорее всего, участвовал в совещаниях заговорщиков, обсуждая меры, необходимые для организации выступления. В.К. Кюхельбекер поддерживал связи со своими учениками по Благородному пансиону при Петербургском университете, в числе которых

⁶⁹ ВД. Т. XV. С. 173; Т. XVIII. С. 30; Т. XXI. С. 149–156 (дело А.А. Скалона); Декабристы. Биографический справочник... С. 318–319; см. также воспоминания А.С. Гангеблова (14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 330).

⁷⁰ См. мемуарную записку Е.А. Головина (14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2004. Вып. 6. С. 24), записки А.И. Варженевского (14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 242), указание из дневника Н.Н. Яновского о том, что от восставших было послано сообщение о начавшемся восстании в Уланский полк (Marasinoва E. The Alexander Brückner Archive and an Unknown Diary of the Period of the Decembrist Uprising // “A Century Mad and Wise”: Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Leuven, Бельгия, 17–24 июля 2014 г. Groningen, 2015. P. 152).

были заговорщики в гвардейском Генеральном штабе; один из его учеников, чиновник Комиссии погашения долгов М.Н. Глебов, был близок к офицерам-штабистам и ячейке в Гренадерском полку; на Сенатской площади он передал нижним чинам деньги для покупки вина (чтобы согреться в декабрьский день)⁷¹. Отставной офицер Н.Н. Оржицкий имел связь с гвардейскими моряками, присутствовал на совещаниях на квартире Рылеева, вечером 14 декабря, после поражения восстания, согласился выполнить поручения лидеров заговорщиков, касающиеся связи с Южным обществом. На Сенатской площади к восставшим присоединился бывший вице-губернатор Кавказской губернии, отставной статский советник О.-Ю.В. Горский, знакомый нескольких заговорщиков, судя по всему, не состоявший в тайном союзе; надев эффектный мундир и вооружившись пистолетом, он поддерживал боевой дух мятежной стороны, обращая на себя всеобщее внимание. Кроме Горского, на Сенатской площади к восставшим присоединились другие гражданские лица, вероятно, привлеченные лозунгом защиты прав на престол цесаревича Константина; некоторые из них впоследствии подверглись репрессиям⁷². Наконец, тайное общество имело виды на включение в свои ряды образованных и критически мыслящих представителей столичного купечества. Один из них, купец А.П. Сапожников, был принят в декабристский союз в дни междоусобицы своим родственником Я.И. Ростовцевым и участвовал в подготовке акции по воздействию на Николая Павловича 12 декабря, став одним из авторов письма к великому князю, с которым Ростовцев явился в Зимний дворец⁷³.

Влияние декабристского общества вышло за пределы Гвардейского корпуса. Члены тайного союза и причастные к нему лица, не служившие в гвардии, могли сыграть определенную роль во время или после переворота, поддержав восставшие части в случае достижения успеха. Прежде всего следует остановиться на офицерах флота. «Морская управа» Северного общества, основанная К.Ф. Рылевым и Н.А. Бестужевым в 1824 г., не имела потенциала для существенной помощи в организации выступления: адъютант начальника Морского штаба капитан-лейтенант К.П. Торсон отказался участвовать в заговоре, считая восстание несвоевременным и не веря в его успех⁷⁴, лейтенант Ф.Ф. Матюшкин находился в кругосветном плавании⁷⁵, лейтенант В.П. Романов – в отпуске; оставались надежды на мичмана П.А. Бестужева и лейтенанта Н.А. Чижова.

Помимо «морской управы», существовали близкие к декабристскому обществу кружки «свободомыслящих» морских офицеров. Первый из них непосредственно примыкал к тайному обществу офицеров Гвардейского экипажа и состоял из офицеров, служивших в экипажах Балтийского флота в Петербурге и Кронштадте (некоторые из них через Н.А. и П.А. Бестужевых были связаны с «морской управой» Северного общества); в состав кружка входили лейтенанты Воейков, П.С. Дурново, А.С. Шушерин, мичманы В.П. Гебауер,

⁷¹ Говоря о гражданских чиновниках, осведомленных о целях заговора, следует упомянуть лиц, состоявших в Северном обществе (А.В. Семенов, В.М. Голицын и, возможно, Петр И. Колошин), служивших в одном учреждении – Департаменте внешней торговли Министерства финансов.

⁷² Речь идет о британских подданных Э. Буле и В. Гайнаме, которые находились в каре на Сенатской площади или рядом с ним, были замечены правительственной стороной, вскоре арестованы, а впоследствии высланы за границу. Были ли эти два иностранца причастны к заговору, какое участие принимали в событиях восстания (возможно, речь шла об их активном поведении в толпе собравшегося народа), в чем состояла их «виновность» – все эти вопросы до сих пор не выяснены; следствие по их делу проводилось отдельно. Первый из них, по некоторым данным, находился под надзором полиции еще до событий 14 декабря, а второй, сын ученого-механика и члена-корреспондента Петербургской академии наук Р. Гайнама, был знаком с А.А. и Н.А. Бестужевыми (см.: *Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций Центрального государственного военно-исторического архива СССР*. М., 1975. Ч. 1. С. 167, 207; *Декабристы. Биографический справочник*... С. 33, 49, 231, 242).

⁷³ См.: *Ильин П.В.* Новые имена в истории движения декабристов... С. 388–408.

⁷⁴ ВД. Т. XIV. С. 198, 213.

⁷⁵ О принадлежности Ф.Ф. Матюшкина к «морской» управе Северного общества см.: *Шешин А.Б.* Друг А.С. Пушкина Ф.Ф. Матюшкин – декабрист // *Временник Пушкинской комиссии*. Л., 1989. Вып. 23. С. 161–166; *Ильин П.В.* К вопросу о принадлежности Ф.Ф. Матюшкина к Северному обществу декабристов // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2004. Вып. 29. С. 170–184.

А.М. Иванчин-Писарев, В.А. Кротов, Н.И. Морозов, А.В. и К.В. Осетровы⁷⁶. Другой кружок офицеров балтийских экипажей, связанный с Д.И. Завалишиным, также отличался «свободными» разговорами и состоял из более опытных офицеров (лейтенанты М.Д. Анненков, Н.И. Завалишин, И.А. Купреянов, А.М. Трескин, мичман Ф.С. Лутковский)⁷⁷. Состав кружков морских офицеров выяснен на основе следственных материалов далеко не полностью. Морские офицеры не имели возможности влиться в гвардейский заговор и участвовать в выступлении 14 декабря, но могли содействовать усилиям заговорщиков по установлению контроля над Балтийским флотом после переворота – в частности, быть полезными для возможного содержания императорской семьи в Кронштадте и последующей высылки ее за границу⁷⁸. В этой связи обращают на себя внимание показания капитан-лейтенанта К.П. Торсона о разговоре с Рылеевым, состоявшемся летом 1825 г. – последний сообщил тогда автору показаний о следующем замысле: «...при восстании войск в Петербурге» Торсону или Н.А. Бестужеву следовало «ехать в Кронштадт, где при помощи членов возмутить матросов, сменить начальство и принять город и крепости под свою команду»; предполагалось содержание членов царской семьи под арестом в Кронштадте, при необходимости – отправление их за границу на борту судна⁷⁹. В реализации этих планов могли быть, очевидно, задействованы как члены «морской управы» Северного общества, служившие на Балтийском флоте, так и участники кружков морских офицеров.

«Вольнодумные» настроения в это время широко распространились в Петербурге, а кризис междоусобицы усиливал их, способствуя развитию политически острых взглядов; декабристское «ядро» формировало вокруг себя окружение, состоявшее из единомышленников и сочувствующих, к нему тянулись юные «вольнодумцы» из следующего поколения⁸⁰. Очертания этой среды, из которой вербовались заговорщики, проступают в материалах следствия, свидетельствах современников, мемуарных указаниях в виде отдельных персоналий. Лица, причастные к движению сторонников политических перемен, составлявшие их ближайшее окружение, фрагментарно «высвечивались» в ходе правительственного расследования. Так, гвардейские офицеры из богатых и влиятельных семейств А.А. Бобринский и Н.А. Самойлов, будучи друзьями некоторых заговорщиков, вероятно, были осведомлены об их планах, вели с ними разговоры на политические темы, обсуждая возможность выступления в пользу того или иного претендента на престол⁸¹. Обращает на себя внимание фигура «таинственного вольнодумца» польского аристократа Е.О. Понятовского, отставного офицера Кавалергардского полка, близкого к кружку офицеров-моряков Гвардейского экипажа и одновременно кавалергардам – членам петербургского филиала «южан»; по отзывам декабристов, он отличался решительностью, выражал готовность принять участие в открытом выступлении и антисамодержавных актах вплоть до цареубийства⁸². По-видимому, был причастен к тайному обществу отставной кавалергард М.М. Устинов, однополчанин руко-

⁷⁶ См.: *Шешин А.Б.* Морская управа Северного общества... С. 126–128.

⁷⁷ Согласно запискам Д.И. Завалишина, к тайному обществу принадлежали капитан-лейтенант П.А. Дохтуров, занимавший должность адъютанта М.А. Милорадовича, и генерал-интендант флота В.М. Головин, который якобы намеревался принять участие в перевороте и был готов «на самые решительные меры», вплоть до цареубийства; но к этим указаниям следует подходить критически (*Завалишин Д.И.* Воспоминания. М., 2003. С. 61, 264, 313).

⁷⁸ *Шешин А.Б.* Морская управа Северного общества... С. 126–128; *Шешин А.Б.* Выполнял ли К.Ф. Рылеев поручения А.Н. Голицына и намеревался ли он вывезти императорскую фамилию в Форт-Росс в Калифорнию? // *Декабристы. Актуальные направления исследований.* СПб., 2014. С. 455–457.

⁷⁹ ВД. Т. XIV. С. 203, 206, 212–213.

⁸⁰ Из числа юных «вольнодумцев» упомянем младшего из братьев Бестужевых Павла, знавшего о существовании тайного общества и не раз посещавшего Рылеева, а также извещенного о заговоре и обещавшего быть на Сенатской площади К.О. Куликовского (оба юноши учились в Главном артиллерийском училище) и воспитанника пансиона при Царскосельском лицее М.А. Искрицкого (ВД. Т. XIV. С. 300; Т. XVIII. С. 138–139; Т. XVI. С. 183, 185; *Декабристы. Биографический справочник...* С. 94, 272).

⁸¹ ВД. Т. II. С. 12, 15, 52. Самойлов на основании полученных показаний был включен в «Алфавит...» Боровкова (*Декабристы. Биографический справочник...* С. 315), а Бобринский избежал этого.

⁸² ВД. Т. II. С. 38–42. Сведения о Понятовском хотя и оказались отраженными в следственных показаниях, но не заинтересовали следователей и не были включены в «Алфавит...» Боровкова.

водителей петербургского филиала Южного общества, которого допрашивали вследствие близкой дружбы с П.Н. Свистуновым, переписки с ним и хранения его бумаг⁸³. К этому следует добавить, что, несомненно, были случаи, когда попытки вербовки в тайное общество, а позднее в военный заговор, заканчивались неудачей. При этом отказавшиеся от участия в заговоре получали вполне ясное представление о целях и планах декабристской конспирации, но доносов или иных осведомлений власти практически не последовало. Например, брат члена Южного общества Е.Е. Лачинова, Н.Е. Лачинов, состоявший в день 14 декабря при Николае I и выполнявший его поручения (за что был награжден «высочайшей признательностью»), не принадлежал к тайным обществам, но, согласно его собственным рассказам, участники этих обществ, товарищи Лачинова по обучению в Московском университете и многолетние друзья, «старались впутать его» в конспиративные связи, неоднократно делая предложения о поступлении в их ряды⁸⁴. Дошедшие до нас источники раскрывают лишь отдельные персоналии из среды столичных «вольномудцев», входившие в декабристское окружение и, как можно полагать, имевшие представления о замыслах, обсуждавшихся в этой среде в дни междоусобицы; вполне возможно, что в такого рода случаях перед нами предстает одно из звеньев неизвестных нам конспиративных связей⁸⁵.

Общее количество достоверно установленных и предполагаемых участников заговора – как давних членов тайных обществ, так и вновь принятых в декабристский союз, а также примкнувших к ним в последние дни перед восстанием офицеров и чиновников, некоторые из которых не знали о политических целях декабристского «ядра», согласно очевидно неполным данным, превышает 150 человек. Из них большая часть служила в тех полках, на которые рассчитывали руководители заговора.

В целом персональный состав декабристского заговора, известный благодаря комплексу следственных показаний и других материалов, полученных на процессе 1825–1826 гг., а также сведениям, собранным в ходе работы полковых следственных комиссий, не является исчерпывающим⁸⁶. Исследователи в настоящее время далеко не всё знают о конспиративных связях, соединявших офицеров различных полков, офицерах и нижних чинах, причастных к заговору, среди которых велась агитация, ближайшем окружении декабристов, посвященном в планы выступления. По-прежнему остается нераскрытым и непроясненным то, что относится к «декабристской периферии», второму и третьему «ряду» лиц, вовлеченных в декабристский заговор в дни междоусобицы. Показания и записи допросов, полученные в ходе официального расследования, не охватывают все факты и обстоятельства заговорческой активности – в ходе допросов и в письменных показаниях многое скрывалось от внимания следствия. В этом вопросе ощущается дефицит документальных свидетельств – отсутствие источников, способных пролить свет на тайные связи в среде петербургских «вольномудцев», противоречивость и затушеванность сведений, отраженных в документах, высвечивающих такого рода связи, фрагментарность общей картины. Можно уверенно

⁸³ ВД. Т. XIV. С. 343, 345–347. М.М. Устинов, как и его брат А.М. Устинов, близкий к членам московской организации Северного общества и, возможно, причастный к ее деятельности, не были внесены в «Алфавит...» Боровкова.

⁸⁴ См.: Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1903. Т. 3. С. 319–322. Подобные известия о близости к заговорщикам и приглашения посетить их собрания сохранились в семье капитана и ротного командира Саперного батальона П.А. Витовтова (Русский архив. 1907. Кн. 2. № 7. С. 351–352).

⁸⁵ Выше приводились сведения из полицейской характеристики офицеров Измайловского полка (1827), раскрывающие круг предположительно причастных к заговору лиц, избежавших следствия. В другом документе, под заглавием «Список 93-х лиц, обративших на себя внимание полиции в 1827 г.», имеются данные о «вольномудцах», которые спустя два года после событий 14 декабря вызвали подозрение своими «либеральными» разговорами. В их числе оказались привлеченные к следствию по делу 14 декабря, но прощенные или оправданные офицеры и чиновники – П.Н. Креницын, бывший член тайных обществ П.И. Колошин, не привлекавшийся к следствию А.А. Оленин (охарактеризованный в документе как «копия Никиты Муравьева») и его старший брат П.А. Оленин (сыновья государственного секретаря А.Н. Оленина) (Русская старина. 1885. Т. 48, № 3. С. 397–400).

⁸⁶ Состав декабристских тайных обществ, участников заговора и выступления 14 декабря реконструирован на документальной основе – см.: Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 590–643.

полагать, что существенная часть конспиративной «сети», созданной декабристским обществом в ноябре-декабре 1825 г., осталась скрытой и в свидетельствах мемуарного характера, в том числе по соображениям этического характера – спустя многие годы оглашение причастности к антиправительственному заговору и тайным обществам лиц, многие из которых сделали благополучную карьеру, продолжало оставаться дискредитирующим актом.

Разумеется, нельзя оставить без внимания слабые стороны заговора, которые в значительной мере определили несомненный и вполне очевидный (в том числе для самих организаторов) риск планируемого восстания. Декабристам не удалось подготовить достаточно сил для перехода на их сторону старейших и наиболее авторитетных гвардейских полков – Преображенского и Семеновского. Участие в восстании этих полков обеспечило бы мятежной стороне преимущество и присоединение других гвардейских частей. За исключением конно-пионеров и конной артиллерии, в распоряжении заговорщиков практически не оказалось кавалерии и артиллерии, что затрудняло достижение решающего успеха и ставило восставших перед уничтожающим противодействием противника. Наконец, бросается в глаза почти полное отсутствие в рядах заговорщиков офицеров в высоких чинах (от штабс-капитана и выше): в основном среди них находились обер-офицеры (прапорщики, подпоручики, поручики). Количество ротных командиров, задействованных в заговоре, было сравнительно небольшим – дело ограничивалось младшими офицерами, зачастую не имевшими под своей командой солдат, среди которых было небольшое число ротных командиров; в рядах заговорщиков находились считанные штаб-офицеры (в том числе только два батальонных командира)⁸⁷. Чтобы изменить эту ситуацию, организаторы выступления привлекли офицеров хотя и не состоявших в гвардии, но имевших чин штаб-офицера (Н.А. Бестужев, А.М. Булатов, А.И. Якубович). Записки М.И. Пущина, присоединившегося к тайному обществу в период междуцарствия, передают обоснованные сомнения, которые, несомненно, испытывали многие участники заговора. Мемуарист сообщает о высказанных им на совещании у Рыльева 13 декабря опасениях, скептическом отношении к готовящемуся восстанию вследствие того, что организаторы не привлекли на свою сторону офицеров в высоких чинах: «...нельзя полагаться на прапорщиков... чтобы они, помимо своих начальников, повели полки... это несбыточно; если старшие офицеры исполнят свою обязанность [выполнят приказания начальства], то я посмотрел бы, как младший офицер... сделал бы это». Сомневаясь в успехе, Пущин выразил мнение: «...другое дело, если бы... Милорадович и[ли] другое известное войску лицо» возглавили выступление⁸⁸.

Несмотря на слабые стороны заговора, его участники надеялись на благоприятный исход, поскольку полагали, что решительных действий нескольких полков будет достаточно для достижения главных целей – обеспечения контроля над зданием Сената и захвата Зимнего дворца. Наибольший ресурс составляли привлеченные в заговор батальонные и ротные командиры, которые имелись в Гвардейском экипаже (почти весь состав ротных командиров (7 из 8) был причастен к заговору), Московском (6 ротных командиров из 8 находящихся в двух батальонах), Финляндском (2 батальонных командира, 1 ротный командир), Гренадерском и Измайловском полках (1 ротный командир в каждом из них, предположительно – более 1). На них возлагались главные надежды, связанные с переходом гвардейских частей на сторону восстания.

В целом, если бы лидерам заговора удалось задействовать в максимальной степени все известные нам и предполагаемые негласные связи и каждый заговорщик принял участие в реализации плана выступления, то на декабристской стороне оказалась бы преобладающая часть находившейся в пределах Петербурга гвардии (шесть из десяти пехотных частей, подразделения двух из трех артиллерийских частей, одной из двух военно-инженерных

⁸⁷ Полковники Финляндского полка А.Ф. Моллер и А.Н. Тулубьев, штабс-капитан этого же полка Н.П. Репин, капитан Измайловского полка И.И. Богданович, капитан Московского полка А.А. Корнилов, штабс-капитаны этого же полка М.А. Бестужев, В.Ф. Волков и Д.А. Щепин-Ростовский, капитан Конно-пионерного эскадрона М.И. Пущин, возможно – полковник Московского полка А.Д. Неелов.

⁸⁸ Пущин М.И. Записки... С. 435.

частей, двух полков тяжелой кавалерии⁸⁹), что могло вполне обеспечить успех заговора, а также переход на его сторону других гвардейских частей.

Какие итоги можно подвести? Несмотря на особый интерес к военному заговору и событиям 14 декабря 1825 г., проявленный официальным расследованием, в особенности – к выявлению причастных к заговору лиц, установлению их участия в тайном «злоумышленном» обществе, многие конспиративные связи не были обнаружены в полной мере, а часть обстоятельств и персоналий, как можно уверенно полагать, вовсе укрылась от внимания правительства. Не все конспиративные контакты, не вся деятельность заговорщиков и участников тайных обществ нашли отражение в документах следствия. Недостающие звенья предстают в виде фрагментарно высвеченных в документах следствия, а также в современных и позднейших материалах, эпизодов с упоминанием отдельных персоналий. Неустановленные следствием обстоятельства, факты и персоналии отражаются в документальной базе в виде отрывочных данных. Поскольку исследователи смотрят на события 1825 г. через призму результатов официального следствия, для исследовательской традиции факты и персоналии такого рода также остаются за пределами внимания – в виде «белых пятен», а скрытые от следствия эпизоды оказываются непроясненными и «непривязанными» к деятельности декабристов. Следует сказать еще об одном обстоятельстве: в большинстве случаев разработку тех или иных слабо освещенных сюжетов ограничивает дефицит источниковых данных. Остается надеяться, что в будущем появятся новые документальные свидетельства, которые позволят расширить круг изучаемых реалий.

По итогам рассмотрения следует заключить, что недостаточно изученными остаются такие эпизоды, связанные с заговором декабристов, как попытка агитации против присяги Николаю I в казармах 1-го батальона Преображенского полка, предпринятая А.В. Чевкиным, агитация офицеров загородного батальона Измайловского полка, связанная с именем А.А. Скалона, сопротивление присяге в казармах конной артиллерии, где действовало большее число заговорщиков, нежели было выяснено следствием, а также предполагаемый акт сопротивления присяге в казармах пешей артиллерии. Требуют дальнейшего изучения, ввиду несомненной неполноты, существующие представления о ячейках декабристского заговора в Московском, Гренадерском, Измайловском, Финляндском полках и Конно-пионерном эскадроне; далеко не полностью установлен состав заговорщиков в Кавалергардском полку. В случае Егерского полка до сих пор не выяснен вопрос о причине расчетов на него руководителей декабристского заговора. Недостаточно изучен вопрос о кружках флотских офицеров, связанных с Северным обществом, сопряженных с планами ареста царской семьи и высылки ее за границу. Все сказанное позволяет сделать вывод о неполной изученности обстоятельств петербургского заговора декабристов, особенно в персональном аспекте. Нельзя не заключить, что сохраняются «белые пятна» и неразработанные вопросы фактографии и персоналистики, связанной с заговором декабристов и восстанием 14 декабря 1825 г.

Литература

Афанасьев С.И. О времени образования декабристского общества в Гвардейском морском экипаже (уточнение датировки события) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.: Нестор-История, 2005. Вып. 7. С. 211–214.

Белоусов М.С. Диктатор 14 декабря 1825 г. // Декабристы: Актуальные направления исследований. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 155–172.

Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии пресс, 2003. 656 с.

Восстание декабристов. Документы. М., 1925–2025. Т. I–XXV.

Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года (военно-историческая справка) // Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 153–206.

⁸⁹ См.: Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года... С. 164–166.

Головин Е.А. Записка / публ. Т.В. Андреевой, П.В. Ильина // 14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. СПб.: Нестор-История, 2004. Вып. 6. С. 21–24.

Гордин Я.А. События и люди 14 декабря: хроника. М.: Советская Россия, 1985. 285 с.

Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л.: Лениздат, 1989. 398 с.

Декабристы. Биографический справочник / изд. подгот. С.В. Мироненко. М.: Наука, 1988. 448 с.

Дружинин Н.М. Семейство Чернышевых и декабристское движение // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 330–356.

Завалишин Д.И. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 608 с.

Зальца В.И. Записка / публ. Т.В. Андреевой, П.В. Ильина // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2001. Вып. 4. С. 169–171.

Игнатъев А.А. На фронте. Пятьдесят лет в строю. М.: Вече, 2013. 448 с.

Игнатъев П.Н. Записка / публ. Т.В. Андреевой, П.В. Ильина // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2001. Вып. 4. С. 102–108.

Ильин П.В. И.И. Богданович – одна из трагических фигур 14 декабря 1825 г. // Памяти Ю.Д. Марголиса: письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб.: Серебряный век; Контрфорс, 2000. С. 630–654.

Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. 664 с.

Ильин П.В. К вопросу о принадлежности Ф.Ф. Матюшкина к Северному обществу декабристов // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2004. Вып. 29. С. 170–184.

Ильин П.В. Новые имена в истории движения декабристов: купец-заговорщик А.П. Сапожников // Научный диалог. 2024. Т. 13. Вып. 6. С. 388–408.

Ильин П.В. Декабристы, оправданные на следственном процессе: случай И.Ф. Львова // Клио. 2024. № 8 (212). С. 106–114.

Ильин П.В. Декабристы, оправданные на следственном процессе: офицеры-конногвардейцы М.Ф. Голицын, А.К. Ливен, А.А. Плещеев // Клио. 2024. № 9 (213). С. 91–99.

Коржов С.Н. Северный филиал Южного общества декабристов // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев: Нестор, 2000. Вып. 3. С. 99–115.

Лавров Н.Ф. Диктатор 14 декабря // Бунт декабристов. Л., 1926. С. 129–222.

Левин С.В. В.С. Норов – «декабрист без декабря» // Известия Саратовского университета. Сер.: История, международные отношения. 2008. Т. 8, № 1. С. 47–52.

Московские толки и слухи в донесениях секретного агента отставного майора И.И. Евневича / публ. В.М. Боковой // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2003. Вып. 12. С. 86–92.

Нечкина М.В. Восстание 14 декабря 1825 года. М.: АН СССР, 1951. 204 с.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: АН СССР, 1955. Т. 1. 484 с.

Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. М.: Мысль, 1985. 256 с.

Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 226 с.

Принцева Г.А. Декабристы в изобразительном искусстве. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1990. 230 с.

Розен А.Е. Записки декабриста / изд. подгот. Г.А. Невелевым. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1984. 480 с.

Свистунов П.Н. Сочинения и письма / изд. подгот. В.А. Федоровым. Сер.: Полярная звезда. Т. 1. Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2002. 415 с.

Семенова А.В. Кавалергарды – члены тайного общества в день 14 декабря 1825 года // История СССР. 1979. № 1. С. 192–199.

Смирнов И.А. Декабрист В.С. Норов // Декабристы Дмитровского уезда: сб. ст. Дмитров: Музей Дмитровского края, 1925. С. 50–82.

14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев / сост. П.В. Ильин, А.А. Кононов. СПб.: Академический проект, 1999. 752 с.

Шешин А.Б. Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 107–127.

Шешин А.Б. «Морская управа» Северного общества // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 115–128.

Шешин А.Б. Друг А.С. Пушкина Ф.Ф. Матюшкин – декабрист // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 161–166.

Шешин А.Б. К анализу событий 14 декабря 1825 года: дополнения, исправления, новые версии // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 292–347.

Шешин А.Б. Выполнял ли К.Ф. Рылеев поручения А.Н. Голицына и намеревался ли он вывезти императорскую фамилию в Форт-Росс в Калифорнию? // Декабристы. Актуальные направления исследований. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 410–466.

Эйдельман Н.Я. Новый взгляд на события 14 декабря 1825 г. // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 146–148.

Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы / изд. подгот. В.И. Порохом, И.В. Порохом. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. 400 с.

Marasino E. The Alexander Brückner Archive and an Unknown Diary of the Period of the Decembrist Uprising // «A Century Mad and Wise»: Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Leuven, Бельгия, 17–24 июля 2014 г. Groningen, 2015. P. 145–169.

References

Afanas'ev, S.I. (2005). O vremeni obrazovaniya dekabristskogo obshchestva v Gvardeyskom morskoy ekipazhe (utochnenie datirovki sobytiya) [On the Time of the Formation of the Decembrist Society in the Guards Naval Crew (Clarification of the Date of the Event)]. In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. Iss. 7. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 211–214.

Andreeva, T.V., Il'in, P.V. (Publ.). (2001). Ignat'ev, P.N. Zapiska [Memoir]. In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. Iss. 4. St. Petersburg, Kishinev, Nestor-Istoriya, pp. 102–108.

Andreeva, T.V., Il'in, P.V. (Publ.). (2004). Golovin, E.A. Zapiska [Memoir]. In *14 dekabrya 1825 goda: istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. Iss. 6. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 21–24.

Andreeva, T.V., Il'in, P.V. (Publ.). (2001). Zal'tsa, V.I. Zapiska [Memoir]. In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. Iss. 4. St. Petersburg, Kishinev, Nestor-Istoriya, pp. 169–171.

Belousov, M.S. (2014). Diktator 14 dekabrya 1825 g. [Dictator on December 14, 1825]. In *Dekabristy: Aktual'nye napravleniya issledovaniya*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 155–172.

Bokova, V.M. (2003). *Epokha taynykh obshchestv. Russkie obshchestvennye ob'edineniya pervoy treti XIX v.* [The Age of Secret Societies. Russian Public Associations of the First Third of the 19th Century]. Moscow, Realii press. 656 p.

Bokova, V.M. (Publ.). (2003). Moskovskie tolki i slukhi v doneseniyaх sekretnogo agenta otstavnogo mayora I.I. Evneva [Moscow Gossip and Rumors in the Reports of Secret Agent, Retired Major I.I. Evnevich]. In *Rossiyskiy arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XIX vv.* Moscow, Studiia TRITE, Rossiyskiy Arkhiv. Iss. 12, pp. 86–92.

Druzhinin, N.M. (1985). Semeystvo Chernyshevyykh i dekabristskoe dvizhenie [The Chernyshev Family and the Decembrist Movement]. In *Druzhinin N.M. Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v.* Moscow, Nauka, pp. 330–356.

Eydelman, N.Ya. (1988). Novyy vzglyad na sobyitiya 14 dekabrya 1825 g. [A New Look at the Events of December 14, 1825]. In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 146–148.

Fedorov, V.A. (Publ.). (2002). *Svistunov P.N. Sochineniya i pis'ma* [Writings and Letters]. Vol. 1. Seriya Polyarnaya Zvezda. Irkutsk, Memorialnyy muzey dekabristov. 415 p.

Gabaev, G.S. (1926). Gvardiya v dekabrist'skie dni 1825 goda (voenno-istoricheskaya spravka) [The Guard in the December Days of 1825 (Military Historical Background)]. In *Presnyakov A.E. 14 dekabrya 1825 goda*. Moscow, Leningrad, Gos. izdatelstvo, pp. 153–206.

Gordin, Ya.A. (1985). *Sobyitiya i lyudi 14 dekabrya* [Events and People on December 14]. Moscow, Sovetskaya Rosiya. 285 p.

Gordin, Ya.A. (1989). *Myatezh reformatorov. 14 dekabrya 1825 goda* [The Reformers' Revolt, December 14, 1825]. Leningrad, Lenizdat. 398 p.

Ignat'ev, A.A. (2013). *Na fronte. Pyat'desyat let v stroyu* [At the Front. Fifty Years in Service]. Moscow, Veche. 448 p.

Il'in, P.V. (2000). I.I. Bogdanovich – odna iz tragicheskikh figur 14 dekabrya 1825 g. [I.I. Bogdanovich – One of the Tragic Figures of December 14, 1825]. In *Pamyati Yu.D. Margolisa: pis'ma, dokumenty, nauchnye raboty, vospominaniya*. St. Petersburg, Serebryanny vek, Kontrfors, pp. 630–654.

Il'in, P.V. (2004). K voprosu o prinadlezhnosti F.F. Matyushkina k Severnomu obshchestvu dekabristov [On the Question of F.F. Matyushkin's Membership in the Northern Society of Decembrists]. In *Vremennik Pushkinskoy komissii*. Iss. 29. St. Petersburg, pp. 170–184.

Il'in, P.V. (2004). *Novoe o dekabristakh. Proshchennyye, opravdannyye i ne obnaruzhennyye sledstviem uchastniki tainnykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg.* [New Information about the Decembrists. Members of Secret Societies and Military Actions of 1825–1826 Who were Pardoned, Acquitted and Undetected by the Investigation.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 664 p.

Il'in, P.V. (2024). Dekabristy, opravdannyye na sledstvennom protsesse: ofitsery-konno-gvardeytsy M.F. Golitsyn, A.K. Liven, A.A. Pleshcheev [Decembrists Acquitted in the Investigation Process: Horse Guards Officers M.F. Golitsyn, A.K. Lieven, A.A. Pleshcheyev]. In *Klio*. No. 9 (213), pp. 91–99.

(1925–2025). *Vosstanie dekabristov. Dokumenty* [The Decembrist Uprising. Documents]. Moscow. Vol. I–XXV.

Il'in, P.V. (2024). Dekabristy, opravdannyye na sledstvennom protsesse: sluchay I.F. L'vova [Decembrists Acquitted in the Investigation Process: The Case of I.F. Lvov]. In *Klio*. No. 8 (212), pp. 106–114.

Il'in, P.V. (2024). Novye imena v istorii dvizheniya dekabristov: kupets-zagovorshchik A.P. Sapozhnikov [New Names in the History of the Decembrist Movement: The Merchant Conspirator A.P. Sapozhnikov]. In *Nauchnyy dialog*. Vol. 13, Iss. 6, pp. 388–408.

Il'in, P.V., Kononov, A.A. (Publ.). (1999). *14 dekabrya 1825 goda: vospominaniya ochevidtsev* [December 14, 1825: Eyewitness Memoirs]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt. 752 p.

Korzhov, S.N. (2000). Severnyy filial Yuzhnogo obshchestva dekabristov [The Northern Branch of the Southern Society of Decembrists]. In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. St. Petersburg, Kishinev, Nestor, Iss. 3, pp. 99–115.

Lavrov, N.F. (1926). Diktator 14 dekabrya [The Dictator on December 14th]. In *Bunt dekabristov*. Leningrad, pp. 129–222.

Levin, S.V. (2008). V.S. Norov – “dekabrist bez dekabrya” [V.S. Norov – “a Decembrist without December”]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya, mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 8, No. 1, pp. 47–52.

Marasinova, E. (2015). The Alexander Brückner Archive and an Unknown Diary of the Period of the Decembrist Uprising. In “A Century Mad and Wise”: Russia in the Age

of the Enlightenment: Papers from the IX International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Leuven, 17–24 iyulya 2014 g. Groningen, pp. 145–169.

Mironenko, S.V. (Publ.). (1988). *Dekabristy. Biograficheskiy spravochnik* [The Decembrists: A Biographical Handbook]. Moscow, Nauka. 448 p.

Nechkina, M.V. (1951). *Vosstanie 14 dekabrya 1825 goda* [Uprising December 14, 1825]. Moscow, AN SSSR. 204 p.

Nechkina, M.V. (1955). *Dvizhenie dekabristov: v 2 t.* [Decembrists Movement: In 2 Vol.]. Vol. 1. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 483 p.

Nechkina, M.V. (1985). *Den' 14 dekabrya 1825 goda* [December 14, 1825]. Moscow, Mysl'. 256 p.

Nevelev, G.A. (Publ.). (1984). *Rozen A.E. Zapiski dekabrista* [Memoirs of a Decembrist]. Seriya: Polyarnaya zvezda. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo. 480 p.

Porokh, V.I., Porokh, I.V. (Publ.). Yakushkin, I.D. (1993). *Memuary, stat'i, dokumenty* [Memoirs, articles, documents]. Seriya: Polyarnaya zvezda. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo. 400 p.

Presnyakov, A.E. (1926). *14 dekabrya 1825 goda* [December 14, 1825]. Moscow, Leningrad, Gos. izdatelstvo. 226 p.

Printseva, G.A. (1990). *Dekabristy v izobrazitel'nom iskusstve. Sobranie Gosudarstvennogo Ehrmitazha* [The Decembrists in Fine Art. Collection of the State Hermitage Museum]. Moscow, Iskusstvo. 230 p.

Semenova, A.V. (1979). Kavalergardy – chleny taynogo obshchestva v den' 14 dekabrya 1825 goda [Cavalry Guards – Members of a Secret Society on December 14, 1825]. In *Istoriya SSSR*. No. 1, pp. 192–199.

Sheshin, A.B. (1975). Dekabristskoe obshchestvo v Gvardeyskom morskoy ekipazhe [The Decembrist Society in the Guards Naval Crew]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 96, pp. 107–127.

Sheshin, A.B. (1979). “Morskaya uprava” Severnogo obshchestva [“Naval Branch” of the Northern Society]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 115–128.

Sheshin, A.B. (1989). Drug A.S. Pushkina F.F. Matyushkin – Dekabrist [A.S. Pushkin's Friend, F.F. Matyushkin – the Decembrist]. In *Vremennik Pushkinskoy komissii*. Iss. 23, pp. 161–166.

Sheshin, A.B. (2008). K analizu sobytiy 14 dekabrya 1825 goda: dopolneniya, ispravleniya, novye versii [To Analyze the Events of December 14, 1825: Additions, Corrections, New Versions]. In *Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podkhody*. Moscow, RGGU, pp. 292–347.

Sheshin, A.B. (2014). Vypolnyal li K.F. Ryleev porucheniya A.N. Golitsyna i namerevalsya li on vyvezti imperatorskuyu familiyu v Fort-Ross v Kaliforniyu? [Did K.F. Ryleev Carry Out A.N. Golitsyn's Orders and did He Intend to Take the Imperial Family to Fort Ross in California?]. In *Dekabristy. Aktual'nye napravleniya issledovaniy*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 410–466.

Smirnov, I.A. (1925). Dekabrist V.S. Norov [Decembrist V.S. Norov]. In *Dekabristy Dmitrovskogo uezda. Sbornik statey*. Dmitrov, Muzei Dmitrovskogo kraya, pp. 50–82.

Zavalishin, D.I. (2003). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Zakharov. 608 p.

М.В. Ленчиненко*

**ДЕКАБРИСТ ДО ДЕКАБРЯ:
КНИГИ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА**doi:10.31518/2618-9100-2025-6-2
УДК 930.2

Выходные данные для цитирования:
Ленчиненко М.В. Декабрист до декабря: книги Никиты Муравьева // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 35–48.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-02.pdf>

M.V. Lenchenenko*

**DECEMBRIST UNTIL DECEMBER:
BOOKS BY NIKITA MURAVYOV**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-2

How to cite:
Lenchenenko M.V. Decembrist until December: Books by Nikita Muravyov // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 35–48.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-02.pdf>]

Abstract. The article presents selected results of a study of the library of the Decembrist Nikita Mikhailovich Muravyov, which is stored in the collection of the Scientific Library of Moscow State University as a gift from his mother, Ekaterina Fedorovna Muravyova. It contains books dating back to 1825. This collection is interesting not only for its contents but also for the traces of reading left by their owner. His numerous marginalia allow us to supplement our understanding of the development of the political views of the future Decembrist. The library's contents demonstrate the diversity of its owner's interests and the level of his education, which he owed largely to his father, Mikhail Nikitich Muravyov. He instilled in him a love for classical languages, literature, and history. Studying at Moscow University in the Physics and Mathematics Department of the Philosophy Faculty played a role in Muravyov's development as a professional military man, as evidenced not only by books on military literature but also by maps with his notes. His special attitude towards history was manifested in his interest in its methodology, which he drew from the works of Thucydides and Mably. Thanks to his reading of historical literature, it becomes clear that Muravyov paid attention not only to N.M. Karamzin's "History of the Russian State", but also to history in general, which he perceived as the accumulated experience of humanity. His notes show how military affairs and history were intertwined in his work, resulting in the preparation of the "Course of Lectures on the Strategy and Tactics of Military Art".

Keywords: the Decembrist movement, Decembrist libraries, N.M. Muravyov, worldview, reading circle, socio-political views.

*The article has been received by the editor on 10.11.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты изучения библиотеки декабриста Никиты Михайловича Муравьева, которая хранится в фондах Научной библиотеки МГУ как дар его матери Екатерины Федоровны Муравьевой. В ней собраны книги до 1825 г. включительно. Этот комплекс интересен не только своим составом, но и теми следами чтения, которые оставил их владелец. Его многочисленные маргиналии позволяют дополнить наши представления о становлении политических взглядов и мировоззрения будущего декабриста. Состав библиотеки показывает, насколько

* **Марина Владиславовна Ленчиненко**, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: lenchmar@rambler.ru

Marina Vladislavovna Lenchenenko, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: lenchmar@rambler.ru

разнообразны были интересы их владельца, уровень его образованности, которым он во многом обязан своему отцу Михаилу Никитичу Муравьеву, привившему сыну любовь к классическим языкам, литературе, истории. Учеба в Московском университете на физико-математическом отделении философского факультета сыграла свою роль в становлении Муравьева как профессионального военного, о чем говорят не только книги по военной литературе, но и карты с его пометами. Особое отношение к истории проявилось в интересе Н.М. Муравьева к ее методологии, которую он почерпнул в трудах Фукидида и Мабли. Благодаря его чтению исторической литературы становится понятным внимание Муравьева не только к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, но и к истории вообще, которая воспринималась декабристом как накопленный опыт человечества. Его пометы показывают, как переплелись в его деятельности военное дело и история, в результате чего был подготовлен «Курс лекций по стратегии и тактике военного искусства».

Ключевые слова: движение декабристов, библиотеки декабристов, Н.М. Муравьев, мировоззрение, круг чтения, общественно-политические взгляды.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025 г.

Научная библиотека Московского университета с 1844 г. хранит книги семьи Муравьевых. Это был дар Екатерины Федоровны Муравьевой (1771–1848), матери декабриста¹. Ей хотелось сохранить память о муже – Михаиле Никитиче Муравьеве (1757–1807) как о первом попечителе Московского университета (с 1803 по 1807 г.). Среди подаренных книг большая часть принадлежала Никите. И тем не менее университет книги принимает, а на дарственном экслибрисе указываются инициалы не только отца, но и сына. Упоминание имени Никиты Муравьева акцентирует внимание на то, как университет в лице его тогдашнего попечителя С.Г. Строганова (с 1835 по 1848 г.) отнесся к опальному, правда уже почившему, но государственному преступнику. Помимо упоминания его имени на экслибрисе, многие книги сохранили владельческую надпись Никиты Муравьева. Несмотря на то, что в составе подаренных книг университетские цензоры обнаружили издания, запрещенные в то время для публики², имя владельца не вымарывалось.

Работая с данным комплексом книг, нужно иметь в виду, что он отобран самым близким человеком и, следовательно, содержит только часть книг, некогда принадлежавших декабристу. Экземпляры книг, на которых Никита делал черновые наброски к проекту Конституции, остались в доме Муравьевых³. Путем отбора библиотеке была придана некоторая «благонамеренность», но и в нашем собрании оказалось немало книг с пометами будущего декабриста.

Названием своей статьи мы хотели подчеркнуть еще один важный признак данного собрания. 1825 год как бы подвел черту: отданы были издания, вышедшие до этого года включительно, кроме двух книг. Одна из них 1837 г. «Историческое рассуждение о постах православной, восточной католической церкви», другая – о женском здоровье: Heimann H. Avis aux dames ou... (М., 1826). Заметим также, что переданные книги не покидали столицу, хотя в свое время была попытка обосновать их пребывание в Сибири. Доказательством служила карандашная запись в томике Парни. В тексте «Élégie I» из четвертой книги «Poésies érotiques» по внутреннему полю отчеркнуты строки:

¹ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1844 – академический и 1845 гражданский годы. М., 1846. С. 33.

² Библиотека Императорского Московского университета с самого начала своего существования, а именно с 1755 г., считалась также и публичной библиотекой.

³ Многие из этих книг попадают в 1929 г. в РГБ. См.: *Алехина Л.А.* Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах отдела рукописей // ГБЛ. Записки Отдела рукописей. М., 1990. Т. 49. С. 8.

Qu'il est facile d'abuser
L'amant qui s'abuse lui-même!⁴

Рядом записан фактически дословный русский перевод, но в поэтической форме, так хорошо знакомой всем по последним строкам «Признания» А.С. Пушкина:

Ах, обмануть меня нетрудно,
Я сам обманываться рад.

Посчитав, что эта запись принадлежит самому Никите Муравьеву, Э.И. Лесохина решила, что пушкинские строки являются неоспоримым доказательством того, что часть книг и конкретно эти томики Парни находились вместе с осужденным в ссылке, а потом вернулись в Москву и были подарены университету⁵. Логика рассуждений выглядела вполне убедительно: пушкинское «Признание» датируется 1826 г., хотя в комментариях допускается временной интервал с конца 1824 до августа 1826 г.⁶, исследовательница берет во внимание только 1826 г. В 1826 г. Никита Муравьев отбывал сначала заключение в Петропавловской крепости, потом каторгу, и потому не мог знать о новом сочинении Пушкина, существовавшем пока только в рукописном виде. Напечатано оно было после смерти поэта, в мае 1837 г.⁷, значит запись появилась несколько позднее этого времени, т.е. тогда, когда Никита Муравьев был на каторге.

Однако автор статьи не обратила внимание на то, что запись передана в современной орфографии, без буквы «Ъ» (ер), и на самих томах нет характерной цензорской записи генерал-майора Станислава Лепарского, коменданта Нерчинских рудников: «*Видалъ Лепарскій*» или «*Читалъ Лепарскій*», в чьи обязанности входило просматривать все книги, принадлежащие осужденным. Добавим, что и на остальных книгах Муравьевых, которые сейчас хранятся в фондах Научной библиотеки МГУ, подобных записей не обнаружено. И, наконец, полностью была проигнорирована принадлежность томов Парни поэту К.Н. Батюшкову, дальнему родственнику отца декабриста, который подолгу жил в доме Муравьевых: на корешках томов сохранился его суперэкслибрис в виде латинских инициалов «С.В.», на форзацах его автографы. Но имя Батюшкова в статье даже не упоминается. Автор статьи также не попыталась представить себе состояние самого Никиты Муравьева, который в это время переживал трагедию: в 1832 году умерла приехавшая к нему в ссылку жена, 28-летняя Александрина (в девичестве Чернышева). С этого времени до 1839 года он занят возведением часовни над ее могилой. Трудно представить его, овдовевшего каторжанина, у которого подрастает маленькая дочь, читающим эротическую лирику Парни и отслеживающим параллели с любовным посланием другого поэта.

И тем не менее ошибка исследовательницы демонстрирует главную проблему в работе с владельческими собраниями в нашей библиотеке. Увы, за время пребывания в стенах университета они прирастают новыми пометами, и отделить их от записей предыдущих владельцев получается далеко не всегда. Не исключено, что и мы можем оказаться в ситуации автора статьи «В библиотеке декабриста».

Книги Никиты Муравьева привлекали внимание исследователей начиная с Н.М. Дружинина⁸. Он проследил связи между чтением Муравьева и становлением его взглядов. Опираясь на переписку Муравьева и гипотетически представляя, каков мог быть состав библиотеки будущего декабриста, Дружинин выбирает по университетскому каталогу книги

⁴ Parny, Évariste de. Oeuvres d'Évariste Parny. Т. 1. Paris, 1808. С. 85. Как легко обмануть / Влюбленного, который обманывает самого себя (фр.).

⁵ Лесохина Э.И. В библиотеке декабриста Никиты Муравьева // Книга: Исследования и материалы. М., 1969. Сб. 18. С. 212–213.

⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М., 1995. Т. 3, кн. 2. С. 1129.

⁷ Библиотека для чтения. 1837. Т. XXII. Май. Отд. I. С. 6. В журнале стихотворение А.С. Пушкина ошибочно (скорее всего, опечатка) датировано 1821 годом.

⁸ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. Хранители библиотеки начали изучать пометы Муравьева, но выборочно, см.: Верецагина Е.И. Маргиналии и другие пометы декабриста Н.М. Муравьева на «Письмах русского путешественника» в девятитомном издании «Сочинений...» Карамзина 1814 года // Из коллекций редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1981. С. 48–71.

и благодаря дарственному экслибрису составляет небольшой список книг Никиты Муравьева, который публикует в своем исследовании в качестве приложения. Дружинину пришлось выбирать муравьевские книги из общего фонда университетской библиотеки, хотя С.Г. Строганов в благодарственном письме Е.Ф. Муравьевой обещал хранить их отдельно именно как «муравьевские»⁹. То, что не удалось Строганову, удалось сделать много позднее благодаря замечательной работе советского историка. Очевидно, после выхода его книги библиотека занялась извлечением муравьевских книг из общего фонда, о чем свидетельствуют старые инвентари. Начавшаяся Великая Отечественная война прервала эту работу. Закончить ее удалось только в 1953 году, но и до сегодняшнего дня продолжается выявление книг Муравьевых из общего фонда. Мы почти приближаемся к тому количеству томов, а их насчитывалось чуть больше 4 000, которое было подарено, но все собрать не удастся, поскольку некоторые книги были переданы во вновь открывшийся Новороссийский университет (теперь Одесский) в 1865 г., часть оказалась разбросанной по другим московским хранилищам.

И все же собранные книги дают немало материала для понимания столь ярких фигур, какими были отец и сын Муравьевы. Их книги позволяют проследить, как менялись читательские интересы русского дворянства от екатерининского «золотого века» к «дням alexсндровых прекрасному началу»¹⁰. В данной статье мы добавим несколько штрихов к тем наблюдениям, которые уже были сделаны Н.М. Дружининым. Он выявлял книги, а свою задачу мы видим в снятии всех помет, которые оставил Никита Муравьев на страницах своих книг.

В работе над Конституцией Муравьев, как известно, обращался к текстам основного закона как европейских стран, так и Северо-Американских Штатов. Это отмечали его единомышленники, позднее сравнительным анализом занимались историки. В библиотеке на данный момент отсутствуют издания с текстом американской конституции, но сохранились книги, где описывалось положение европейских колоний на американском континенте. Особо выделяется интерес Муравьева к революции в Сан-Доминго и тому, как эти события осмыслились в самой метрополии¹¹. Помимо этого, он интересуется положением на Антильских островах и конкретно на Ямайке¹². Он приобретает записки бывшего императора Мексики Августина де Итурбиде, чья книга попала под запрет в 40-е гг. XIX в., судя по библиотечной отметке «Запр[ещено] д[ля] п[ользования]»¹³. Вполне естественно для Муравьева, размышляющего о свободе человека, приобретение сочинений испанского гуманиста Бартоломео де лас Касаса, защитника свободы коренных народов Америки, который считается первым в истории обличителем расизма и колониализма¹⁴. Борьба же самой Америки за независимость представлена сочинением бывшего разведчика и участника войн Генри Брэкенриджа¹⁵.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1153 (Муравьевы). Д. 15. Л. 1.

¹⁰ Мы попытались проследить эти изменения на чтении богословской литературы, см.: *Ленчиненко М.В.* *Libri theologici* в библиотеке Муравьевых: к характеристике богословских интересов русского дворянства // *Территория: журнал исторических исследований*. 2025. Т. 1, № 2. С. 232–275.

¹¹ *Dalmas Antoine*. Histoire de la révolution de Saint-Domingue, depuis le commencement des troubles; suivie d'un mémoire sur le rétablissement de cette colonie. Paris, 1814. Т. 1–2; *Métral Antoine*. Histoire de l'insurrection des esclaves dans le nord de Saint-Domingue. Paris, 1818; *Malo Charles*. Histoire de l'île de Saint-Domingue depuis sa découverte jusqu'à ce jour, suivie de pieces justificatives. Paris, 1819.

¹² *Boer-Peyreleau Eugène Édouard*. Les Antilles françaises, particulièrement la Guadeloupe, depuis leur découverte jusqu'au 1er Janvier 1823. Paris, 1823. Т. 1–3; *Drouin de Bercy*. Histoire civile et commerciale de la Jamaïque; suivie du tableau général des possessions Anglaises et Françaises etc. Paris, 1818.

¹³ *Itúrbide Agustín de*. Mémoires autographes de Don Augustin Iturbide, Ex-Empereur du Mexique; contenant le Détail des principaux événements de sa vie publique, avec une préface et des pièces justificatives. Paris, 1824.

¹⁴ *Casas Bartolomé de las*. Oeuvres de Don Barthélemy de las Casas, évêque de Chiapa, défenseur de la liberté des naturels de l'Amérique; précédées de sa vie, et accompagnées de notes historiques, additions, développemens, etc. Paris, 1822. Т. 1–2.

¹⁵ *Brackenridge Henry Marie*. Histoire de la guerre entre les États-Unis d'Amérique et l'Angleterre, pendant les années 1812, 13, 14 et 15. Par M. Brackenridge, Henry, citoyen américain. Paris, 1820. Т. 1–2.

Определенный интерес у Муравьева вызывала книга военного хирурга континентальной армии Дэвида Рэмси по истории американской революции¹⁶. Приведем лишь некоторые отмеченные им места. Судя по пометам, он увидел сходство в природных условиях американских колоний по отношению к английской метрополии и сибирских просторов Российской империи к ее европейскому центру. Протяженность пространства и времени, как писал автор, обуславливала ослабление власти метрополии, что благоприятствовало духу свободы и независимости, позволяла Штатам сохранять верность республиканским идеалам¹⁷. Возможно, подобные географические наблюдения подпитывали близкую Муравьеву идею федерализма как будущего устройства Российской империи.

Муравьев отметил и религиозный момент, связанный с протестантизмом, поскольку колонисты были в основном протестантами, а сам протестантизм основан на требовании естественной свободы и права личного суждения: «The religion of the colonists also nurtured a love for liberty. They were chiefly protestants, and all protestantism is founded on a strong claim to natural liberty, and the right of private judgement...»¹⁸. В этой связи Муравьев вполне мог иметь в виду наших старообрядцев, в значительном количестве нашедших свое убежище в Сибири. По крайней мере об их праве на вероисповедание читаем в 98-й статье его проекта Конституции¹⁹. В тексте также отчеркнуты места, где описывались отношения колонистов с туземным населением: умение вести переговоры, заключать мирные соглашения и т.п.

Сочинения одного из отцов-основателей США Бенджамина Франклина²⁰, по всей видимости, Муравьеву были особенно близки. В одном из писем матери он пишет о своем брате: «Я бы весьма желал, чтоб Саша прислал мне свой перевод Франклина, и чтоб я мог его поправить...»²¹. В книге много отмеченных фрагментов, но более всего их в «Ответе» генералу английской армии Гове (Гоу). Франклин пишет о причинах войны за независимость британских колоний: «...не допустить Американскую торговлю перейти к иностранным. – Мне кажется, что ни получение, ни сохранение торговли, при всей ее выгоде, не стоит того, чтобы люди проливали кровь других людей»²². О глубинных причинах Франклин пишет в другом месте, а Муравьев отмечает: «Необузданная ее (английской нации. – М. Л.) страсть быть воинствующим народом и распространять свои завоевания, честолюбие, беспокойное желание начальствовать, ненасытимость собирать богатства новыми налогами, суть такие причины, которые хотя не оправдывают ее в том, что она напала на нас, но вообще скрывают от ее глаз все настоящие ее выгоды и побуждают непрестанно предпринимать сии дальние, разорительные походы, которые стоят ей столько людей и денег, и которые наконец столько же будут для ней пагубны, сколько были пагубны для большей части Европейских наций Крестовые походы»²³.

Но Муравьеву были интересны самые разные вопросы, коих касался ученый-эрудит Франклин: смерть, сны, леность, роскошь, трудолюбие, распределение богатств в обществе, отношение к «диким» народам, а «дикими называем.., потому что нравы их различествуют от наших, и что свои почитаем совершенством учтивости; но они равным образом думают о наших нравах», и, наконец, анекдот, но анекдот о свободе человеческого выбора: «...он (апостол Петр. – М. Л.) спросил меня, какой я держался религии. Ах! отвечал я ему, я бедный Жак Мантресор, к несчастью, не имел никакой религии. – Это худо, сказал св. Петр. Не знаю, где поместить тебя; однако ж войди и займи место, где сыщешь»²⁴.

¹⁶ Ramsay David. The history of the American Revolution. London, 1791. Vol. 1–2.

¹⁷ Ibid. Vol. 1. P. 29.

¹⁸ Ibid. Религия колонистов также питала любовь к свободе. Они были преимущественно протестантами, а весь протестантизм основан на твердом утверждении естественной свободы и права на частное суждение... (англ.).

¹⁹ Конституция Никиты Муравьева, сохранившаяся в бумагах И.И. Пущина. Ст. 98 // Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 334–335.

²⁰ Франклин Б. Собрание разных сочинений Вениамина Франклина. М., 1803.

²¹ Письмо от 30 декабря 1821 г. // Муравьев Н.М. Письма декабриста. 1813–1826. М., 2001. С. 167.

²² Франклин Б. Собрание разных сочинений... С. 116.

²³ Там же. С. 114.

²⁴ Там же. С. 86.

Издание текстов Франклина, чтение их показывают, какие серьезные изменения произошли в русском обществе со времен Екатерины II. В статье о Радищеве 1836 г. А.С. Пушкин писал: «Екатерина сказала Храповицкому: “Он мартинист, он хуже Пугачева. Он хвалит Франклина”. Слово глубоко замечательное. Монархиня, стремившаяся к соединению воедино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии»²⁵. Но ко времени, когда Муравьев увлекался чтением Франклина, США уже признаны, а будущие декабристы думали об использовании опыта государственного строительства этой страны. Неизменным осталась только связка: революция – США.

Судя по книгам, еще одна страна, которая могла казаться Муравьеву близкой России по развивающимся процессам, – это Испания. Сходным было сопротивление войскам Наполеона, когда воевали не только армии, но и народ. Сходным было понимание необходимости радикальных изменений в управлении государством. Но если в Испании на фоне всеобщей борьбы за независимость страны произошло свержение королевской власти брата Наполеона и стало возможным требовать конституционных ограничений для будущей династии, то Россия только жила такими ощущениями.

Принятая Кадисскими кортесами Конституция 1812 г. также изучалась Муравьевым. В статье Т.А. Алексеевой дается подробное сравнение Кадисской конституции и Конституции Никиты Муравьева²⁶. Первым из исследователей, кто обратил внимание на параллели в испанской конституции и проектах Муравьева, был В.И. Семевский, который расшифровал помету «И.К.» как «Испанская Конституция»²⁷. Помета эта, судя по всему, принадлежала С.П. Трубецкому, поскольку обнаружена была на списке Конституции Муравьева, хранившемся в его бумагах. Речь идет о первой статье, которая гласит: «Русский Народ свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого Семейства». В действительности помета Трубецкого не сводится только к сокращению, она длиннее и категоричнее: «Из И[спанской] К[онституции] NB не должно быть и предположения принадлежности»²⁸. Отмечая и далее следы обращения к испанской конституции, В.И. Семевский полагал, что Муравьев имел дело с 6-томным изданием «Collection des Constitutions», где 5-й том был посвящен, в том числе, Испании (Paris, 1823). Но на данный момент этих томов в муравьевском собрании нет²⁹.

Среди его книг обнаруживаем другой вариант издания испанской Конституции. Он прилагается к исследованию Иеремии Бентама, чьим поклонником был Муравьев и за методичное чтение книг которого пеняли Муравьеву за медлительность в работе над проектом Конституции: «Essais de Jérémie Bentham, sur la situation politique de l'Espagne, sur la constitution et sur le nouveau code espagnol, sur la constitution du Portugal, etc., etc.» (Paris, 1823). В книге пометы отсутствуют. Среди других изданий, посвященных Испании, в библиотеке Муравьевых имеется запрещенное в свое время университетской цензурой исследование испанского юриста, историка и богослова Франциско Мартинеса Марины о кортесах и конституции Испании³⁰, сочинение английского историка Джона Бигленда³¹. Единственное издание, сохранившее помету Никиты Муравьева, – это книга Хуана Эскоикиса, испанского богослова и политика, «Exposé des motifs qui ont engagé en 1808,

²⁵ Пушкин А.С. Александр Радищев // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М., 1949. Т. 12. С. 33.

²⁶ Алексеева Т.А. Испанская конституция 1812 года и декабристы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 3. С. 88–101.

²⁷ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 452.

²⁸ Конституция Никиты Муравьева, сохранившаяся в бумагах С.П. Трубецкого. Ст. 1... С. 304.

²⁹ Любопытно, но данное парижское издание в прекрасных переплетах имеется в другой личной библиотеке – генерала А.П. Ермолова, которая также хранится в фондах Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.

³⁰ Marina Francisco Martinez. Théorie des cortès, ou histoire des grandes assemblées nationales des royaumes de Castille et de Léon, 2: depuis l'origine de la monarchie espagnole jusqu'à nos jours, avec quelques observations sur la constitution actuelle de l'Espagne. Trad. de l'espagnol par P.F.L. Fleury. Paris, 1822. Т. 1–2. На обоих томах надпись: «Запр. д.п.» («Запрещено для публики»).

³¹ Bigland John. The history of Spain, from the earliest period to the close of the year 1809. London, 1810. Vol. 1–2.

S.M.C. Ferdinand VII, à se rendre à Bayonne» (Paris, 1816). В тексте нет помет, но на тонкой типографской обложке Муравьев пером вывел имя автора: *Escoiquiz*.

Мы не можем обойти вниманием данную короткую запись, поскольку с именем этого человека, настоящего интригана, связан династический так называемый «эскориальский» заговор 1807 г. Заговор внутри королевской семьи, заговор сына, Фердинанда VII, против отца, короля Карла IV, – тема актуальная для будущих декабристов. Книга Эскоикиса дает не просто описание событий. Он публикует документы, в том числе и свой диалог с Наполеоном, к которому обратились как к третейскому судье Фердинанд VII и Карл IV³²: «Conférences qui ont eu lieu a Bayonne, dans le moi de mai 1808, entre Napoleon I et les commissaires du roi d’Espagne Ferdinand VII, particulièrement avec le conseiller d’état D. Juan Escoiquiz»³³. Думается, что Муравьеву был особенно интересен этот приложенный отчет, поскольку фигура Наполеона не могла не привлекать его внимания, как привлекала она многих русских офицеров. Но в данном случае речь шла не о полководце, а о жестком дипломате.

Мы не располагаем какими-либо записями, где Муравьев высказывал свое отношение к императору французов, но гордость за победу в Отечественной войне звучит в письме к матери, когда речь идет о книге Ш. Нодье³⁴, «доказывающую, что Бонапарт свергнут не нами, но заговором, 15-ть лет в его армии продолжавшимся»³⁵. Желание обнаружить ошибки военного гения просматриваются в пометах на томах Жомини «Разсуждение о великих военных действиях, или Критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона». Там, где речь идет о правилах осады во время наступательных действий и линия осады не должна быть слишком близкой к крепости, Муравьев замечает: «Бонапартъ въ 1796 году погрѣшилъ противъ сего правила, оставивъ австр[ийцев] въ Пьем[онте] и на Адигъ за то потер[ял] 130 пушекъ и всѣ осадн[ые] снаряды»³⁶. В другом месте, комментируя кампанию 1800 г., когда «полтора-ста тысяч человек пробираются по обеим сторонам Швейцарии», Муравьев пишет на полях: «Совсѣмъ не нужно было итти въ Италию всѣмъ»³⁷. Это далеко не единственные примеры критики тактики Наполеона, но не восхищаться его отвагой, будучи боевым офицером, Муравьев не мог. Об этом говорит помета в истории Тацита в переводе Ф. Пospелова, где описывается вступление императора Гальбы в Рим в условиях вероятного бунта и, как формулирует переводчик, «при таковых обстоятельствах возвращаться мог не один кто-либо из благоприятствуемых счастьем, но всякий из отважнейших»³⁸. На что Муравьев замечает с восторгом, поскольку помета открывается восклицательным знаком: «Поспѣловъ предвидѣлъ возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы».

Чтение Муравьевым военной литературы, подбор немалого количества книг с разбором военных операций, пометы на картах говорят о нем как о профессиональном военном, который не переставал учиться уже будучи штабным офицером по квартирмейстерской части. Известно, что к 1824 г. он подготовил для офицеров Генерального штаба «Курс лекций по стратегии и тактике военного искусства»³⁹. Как показывают его пометы, во время

³² Для обоих это закончилось плачевно: король отрекся от престола, который занял Жозеф Бонапарт, а Фердинанд был пленен.

³³ Сопещания, состоявшіеся в Байонне в мае 1808 г. между Наполеоном I и уполномоченными короля Испании Фердинанда VII, в частности с государственным советником Хуаном Эскоикисом (фр.) // *Escoiquiz Juan. Exposé des motifs qui ont engagé en 1808, S.M.C. Ferdinand VII, à se rendre à Bayonne. Paris, 1816. С. 107–142.*

³⁴ *Nodier Charles. Histoire des sociétés secretes de l’armée et des Conspirations Militaires qui ont eu pour objet la Destruction du Gouvernement de Bonaparte. Paris, 1815.* На данный момент эта книга отсутствует в собрании Муравьевых, но представлена на полках библиотеки генерала А.П. Ермолова.

³⁵ Письмо из Праги от 29 апреля 1815 г. // Муравьев Н.М. Письма декабриста... С. 80.

³⁶ *Жомини Г.Н. Рассуждение о великих военных действиях, или критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона. СПб., 1809. Ч. 1. С. 192.*

³⁷ Там же. Ч. 2. СПб., 1809. С. 156.

³⁸ *Тацит П.К. История П. Корнелия Тацита. СПб., 1807. С. 14.*

³⁹ Рукопись Н.М. Муравьева «Курс высшей тактики и стратегии». Автограф и писарская копия с правкой автора [1819–1821 гг.]. 128 л. (ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 99).

подготовки использовалась не только военная литература, но и историческая, как, например, «История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей» (СПб., 1820). Именно с точки зрения военной тактики и вооружения читался им Ветхий Завет, где особо выделены эпизоды с подготовкой к войне Гедеона с мадианитянами (Суд. 7:3–8).

В собрании Муравьевых насчитывается 71 карта, среди которых как российские, так и европейские. Известно, что Никита Муравьев в составе польской армии принимал участие в заграничных походах 1813–1814 гг.: непосредственно участвовал в отдельных боевых столкновениях в Богемии и Саксонии, в «битве народов» под Лейпцигом. География его военных передвижений включала такие города, как Дрезден, Магдебург, Франкфурт, Веймар, Гамбург, Алтона, он объехал всю Голштинию и т.д. Соответственно, в собрании Муравьевых находим карты этих городов, многокрасочную карту Веймарского княжества и др. Любопытна карта Дрездена с пометами Муравьева боев 1813 г., подробности о которых теперь не так просто найти (пометы, к сожалению, угасают). К примеру, он подчеркивает сад графини Мошинской⁴⁰, в котором французы построили редут и который стал ареной сражения между ними и австрийцами. Его пометы интересны своими деталями, поскольку он сам участвовал в боях за этот город.

Среди карт особо выделяется двухметровый фрагмент так называемой «Столистой карты Российской империи». Подробные обозначения, выполненные Муравьевым, дают представление о начальном этапе русской историографии по Отечественной войне 1812 г., в котором участвовал сам Муравьев в качестве помощника Жомини. В 1816 г. Александр I задумался о написании истории только что завершившейся войны и обратился с этим предложением к Жомини как военному теоретику и историку. Приняв приглашение, он просит выделить ему в помощь двух образованных русских офицеров для подготовки материалов и получает их – Дмитрия Бутурлина и Никиту Муравьева, который на тот момент служил в Гвардейском генеральном штабе в чине подпоручика. Однако в скором времени задуманный проект был прерван, Жомини покинул Россию, а в 1823 г. в двух частях выходит труд Д.П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году». Сопоставление книги Бутурлина и помет Муравьева на карте указывает на любопытные расхождения⁴¹.

Обратив внимание на образованность Никиты Муравьева, нельзя не упомянуть о роли его отца – Михаила Никитича (1757–1807), поэта, первого попечителя Московского университета, учителя будущего императора Александра I и его брата, великого князя Константина Павловича. Занимаясь русской историей с августейшими внуками Екатерины II, он, конечно, успел привить и старшему сыну Никите представление о необходимости изучать историю и языки, в том числе классические – латынь и греческий. И уже взрослый Никита, возможно, размышляя над «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина и обращаясь к греческим источникам, которые использовал историк, вновь взялся за немецкое школьное издание Гомера на языке оригинала⁴². В тексте первых двух песен «Илиады» сохранились подписанные карандашом переводы отдельных слов: *θαρσῆσας* – «дерзай» (II, I 85); *ἄσταχ' ὕεσσι* – «клонить колосья» (II, II 148) и др. Знаком «NB» отмечены строки, где описано эмоциональное состояние Агамемнона в ответ на слова пророка Фесторида, что он должен вернуть Хрисеиду отцу (II, I 103–104).

Таких помет-переводов немало в книгах Геродота, ссылки на которого мы находим в его записке об «Истории» Карамзина⁴³. В этой связи любопытно, что привлекло его

⁴⁰ Дворец с прекрасным огромным садом был построен в 40-х гг. XVIII в. для незаконнорожденной дочери короля Августа Сильного и графини Констанции фон Козель.

⁴¹ Подробнее см.: *Ленчиненко М.В.* «Столистая карта» Никиты Муравьева: работа над историей войны 1812 года // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии. М., 2025 (в печати).

⁴² *Ὀμήρου ἔπη. Homeri et Homeridarum opera et reliquiae. Ex recensione Frid. Aug. Wolfii. Nova recensio multis locis emendatior. Vol. I [–II]. In usum scholarum Lipsiae, 1817.*

⁴³ Подробнее о книгах греческих историков: *Ленчиненко М.В., Любжин А.И.* Издания древнегреческих историков в семейной библиотеке Муравьевых // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIII: Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского., Сер. 23. СПб., 2019. Т. 2. С. 705–727.

внимание у Геродота в сюжете о подавлении восстания магов в Древнем Иране и последующей дискуссии о выборе формы правления: никаких пометок в рассуждениях Отана о народовластии, но подчеркивания в контраргументах Мегабиза о безрассудном народоправии и предпочтительном установлении власти олигархии. Больше всего помет в доказательствах Дария в пользу монархии⁴⁴.

Муравьев также обращается и к Диодору Сицилийскому, и к Полибию. На трудах последнего, как писал отец Никиты Муравьева, «поучаются знанию дел и гражданской мудрости»⁴⁵. Полибий предостерегал от охлократии, называя это «господством слепой черни, что является величайшим из зол». Именно так звучит это во французском переводе, и именно этот тезис выделил Никита Муравьев⁴⁶.

Он внимательно прочел шестую книгу «Всеобщей истории», где рассматриваются «круговращательная смена различных форм государства», социальные механизмы зарождения той или иной формы правления, развития и увядания, на что не мог не обратить внимания Муравьев, отметив в тексте: «Но все погибает, все подвержено изменениям. Нет нужды это доказывать. Необходимое сцепление естественных причин уже неоспоримое доказательство. Однако же любой вид правительства погибает двумя способами: один приходит извне, другой находится внутри»⁴⁷.

Тезис Полибия о гибели правительства Никита Муравьев развивает примерами из сочинений Диодора Сицилийского. Судя по маргиналиям, оставленным в «Исторической библиотеке», его беспокоили социальные катаклизмы, вызванные как внешними, так и внутренними причинами. На полях книг с 12-й по 14-ю он ведет счет кровавым жертвам и изгнанникам: «500 главнейшихъ гражданъ изгнали»; «600 гражданъ изгнано»; «500 гражданъ убито остальные ушли». Этот же подсчет продолжается в книгах 19-й и 20-й, где описывается борьба сиракузского тирана Агафокла с господствующей партией олигархов: «600 сенаторовъ изгнано»; «4 000 дворянъ убиты»; «8 000 гражданъ изгнано изъ Сиракузъ бритами Агафокла»; «Агафокль 10,000 гражданъ перебилъ»⁴⁸. То, что убитых при этом горожан Сиракуз он называет «дворянами», доказывает, насколько глубоко его волновала древняя история, как естественно она проецировалась им на современную ему действительность.

Не менее любопытно чтение Муравьевым Фукидида. Здесь интереснее даже не то, что он отметил, а то, что он обошел вниманием проявления внешней силовой политики Афин по отношению к другим полисам. А это несколько удивляет, потому что Муравьев как участник Заграничных походов 1813–1814 гг., имеющий боевой опыт, мог бы задуматься над внешней политикой Наполеона как политикой, говоря современным языком, глобалистской, сопоставив ее с политикой Афин, начавших претендовать на господство в греческом мире. Однако нет, его, как настоящего реформатора, интересует, что происходит с обществом изнутри, как оно изменяется во время войны, как меняется даже привычное значение слов в оценке человеческих действий. Никита Муравьев отметил также и метод, заявленный историком: «Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалек от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими

⁴⁴ Ἡροδότου Ἀλικαρνασσοῦς Ἱστοριῶν λόγοι Θ', ἐπιγραφόμενοι Μοῦσαι. Textus Wesselingianus passim refictus argumentorumque ac temporum notation. Editionem Frid. Volg. Reizii morte interruptam continuavit God. Henr. Schäfer. Accedunt Index rerum historiae chronologia et glossae: necnon editionis Wesselingianae cum edit. Reizii et Schäferi collatio. – Oxonii, 1814. T. 1: Herodoti Halicarnassei Historiarum libri IX. Musarum nominibus inscripti; Latine, ex Laur. Vallae interpretatione. P. 215–216.

⁴⁵ Муравьев М.Н. Историки древности // Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений. СПб., 1819. Т. 2. С. 20–21.

⁴⁶ Polybius. Histoire de Polybe, nouvellement traduite du grec par dom Vincent Thuillier, bénédictin de la Congrégation de Saint Maur. Avec un commentaire ou Un Corps de science militaire, enrichi de notes critiques et historiques, ou toutes les grandes parties de la guerre, soit pour l'Offensive, soit pour la Défensive, sont expliquées, démontrées, & représentées en Figures. Par M. de Folard. Amsterdam, 1774. Vol. 6. P. 36.

⁴⁷ Ibid. P. 57.

⁴⁸ Διοδώρου τοῦ Σικελιώτου Βιβλιοθήκης ἱστορικῆς βιβλία πεντε-καίδεκα, ἐκ τῶν τεσσαράκοντα: Diod. Siculi Bibliothecae historicae libri XV, de XL. Hanoviae, 1604. Vol. 2. P. 77, 189, 263, 655, 757, 802.

события, или историям, которые сочиняют логографы (более изящно, чем правдиво), историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке»⁴⁹.

В библиотеке Муравьевых можно найти разнообразную юридическую литературу – как отечественную, так и зарубежную. Она представлена собраниями законодательных документов, а также аналитической литературой.

Известно, что для будущих декабристов Новгородская республика являлась важным аргументом для утверждения республиканских принципов на основании исторического опыта России. Отсюда интерес Муравьева к русским летописям. На форзаце «Русской летописи по Никонову списку...» (СПб., 1767–1792) он фактически законспектировал главу «Об источниках Российской истории до XVII века» из 1-го тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Напротив перечисленных списков летописи Нестора он отмечал наличие их в своей библиотеке: «имѣю». Пока их насчитывается шесть, и один из них – «Летописец Новгородский...» (М., 1781). В нем много подчеркиваний карандашом, которые вполне могут принадлежать Муравьеву, поскольку выделены фрагменты, интересовавшие его своей тематикой: бунт посадников, отношения новгородцев с князьями, княжеская власть, назначение архиепископов, народное вече и т.п. Но мы вынуждены оговариваться, поскольку нет записей, которые бы однозначно указывали на карандаш Муравьева. Бесспорно только наличие данного летописца в его библиотеке.

Однако Муравьева беспокоила опасность идеализации исторического прошлого. Работа над реформированием государственного устройства России заставляла его обращаться к западноевропейской юридической мысли. В сочинении голландского юриста И. Мейера о развитии судебных институтов Европы⁵⁰ он выделяет сноску, где указана работа И. Бентама, в которой говорится, что юриспруденция, основанная на законах и обычаях, принадлежащих исключительно прошлым векам, не может двигаться в ногу со временем, и что если она останется позади, то вероятно возможность подвергнуть себя риску увидеть варварские решения среди либеральных учреждений, суждения, которые напоминают невежество Средневековья, в то время как современное общество выше этих предрассудков. Муравьев, очевидно, прочитал эту статью, напечатанную в ноябрьском номере *Edinburgh review* за 1817 г., поскольку рядом пером приписал номер журнала – «29».

Исходя из рассуждений Бентама и соглашаясь с ними, Мейер дает соответствующую характеристику Петру I: «Le genie d'un monarque, sana modèle comme sans rival, parvint a retirer cette nation de l'oubli dans lequel elle se trouvait; il lui fit adopter, non des lois conformes a ses usages, mais des usages conformes aux lois qu'il donna...»⁵¹. Рядом Муравьев с восторгом записывает: «Quelle manière exacte d'envisager les choses! Le Génie d'un seul hom[m]e!»⁵². А немного ниже на полях, судя по всему, с иронией перечисляет имена русских императоров и императриц, которых Мейер, не называя их, считал достойными продолжателями дела Петра I: «Catherine I, Pierre II, Anna, Elisabeth, Pierre III, Paul I!!!»⁵³.

В этом списке нет и не могло быть Екатерины II. Законотворчество периода ее царствования внимательно изучалось Муравьевым. Он отметил многие пункты в экономической части «Наказа»⁵⁴ под названием «О рукоделии и торговле». Не обойден вниманием обряд выбора депутатов из дворян, а чтение раздела «Преступление в оскорблении Величества» вызвал спор с книгой «Сердце и законы Екатерины Великия...», где пересказывается пункт 480 Наказа: «Оскорбление Величества есть умысел противу жизни и безопасности Государя,

⁴⁹ *Thucydides*. Übersetzt von Maximilian Jacobi. Hamburg, 1804. Bd. 1. P. 21.

⁵⁰ *Meyer Jonas Daniel*. *Esprit, origines et progrès des institutions judiciaires des principaux pays de l'Europe*. Paris, 1818. Vol. 1. P. VIII.

⁵¹ *Ibid.* P. XLIX. Гений монарха, не имевший ни образца, ни соперника, сумел вывести эту нацию из забвения, в котором она оказалась; он заставил его принять не законы, соответствующие его обычаям, а обычаи, соответствующие законам, которые он дал... (фр.).

⁵² Какой точный взгляд на вещи! Гений одного человека! (фр.).

⁵³ *Ibid.* P. L.

⁵⁴ Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения. [М., 1767]. На форзаце владельческая надпись: «Наказъ Екатерины II. Комисіи о составленіи Законовъ. Изъ книгъ Никиты Муравьева. Москва Ноября 6-го 1817-го года».

измена против Государства. Умысел же есть, когда кто, пришед на место Народного Собрания, увещавает подданных к возмущению; потому что слова совокуплены с действием. Слова же одни никогда не вменяются в преступление». Помета на полях: «Въ Наказъ Екат[ерины] II не такъ сказано, смыслъ совершенно другой»⁵⁵. В самом Наказе Муравьев отчеркнул это место на с. 125: «Слова не вменяются никогда во преступление, разве оныя приуготовляют, или соединяются, или последуют действию беззаконному...».

Городовое положение 1785 г. Екатерины II⁵⁶, с одной стороны, служит ему готовой моделью выстраивания судебной власти на местах. На полях книги он рисует схему заседания в Городской думе, подчеркивает многие позиции, касающиеся так называемого 3-го сословия: ведение торговли, обучение мастеровых, юридическая защита ремесленников, запись в рекруты и т.п. С другой – оставляет в тексте критические, доходящие иногда до сарказма замечания. Так, в продолжение названия статьи 144 «Мелочный торг посадским не запрещается» запись пером: «Какая милость!». В пункте 32 о выборе губернским городом заседателей в губернский магистрат и совестный суд, где говорится: «...выбираются <...> и представляются Правителю или Губернатору; и буде за ними нет явнаго порока, то Губернатор дозволяет им заседание», оставлена помета: «Не губернатору судить о порокахъ выбранныхъ, а ихъ избирателямъ». В пункте 99 на внешнем поле отчеркнуто: «Записавшимся в гильдии подтверждается дозволение при рекрутском наборе или наряде работников, вместо наличнаго рекрута или работника платить, поскольку указом предписано (есть или будет), располагая деньги по числу душ, с которых набор или наряд в тот год назначен». Рядом помета на французском языке: «Il faud rait etendre cela surtout»⁵⁷.

Нам пришлось выбирать пометы Муравьева, рассыпанные по всему тексту как Городового положения, так и в других изданиях по юриспруденции екатерининского времени. Относительно реакции на законы Петра I можно заметить лишь, что в огромном томе его указов⁵⁸ он отметил в оглавлении 131 указ в диапазоне от «неделания дубовых гробов» до «о бытии шляхетству на смотре». В тексте отмеченных им указов помет нет.

Современное для Н.М. Муравьева законотворчество Александра I разбирается в том же ключе, что и Городовое положение Екатерины II: магистраты и ратуша, их состав; состав малых посадов, устройство гражданских судов⁵⁹. Особо выделены статьи заключения частных договоров: об условиях проявления свободы воли при заключении договоров согласия и о нравственном качестве свободы воли⁶⁰. При этом министерские уставы полиции, финансов остались без помет. Но Конституцию, данную полякам Александром I⁶¹, Никита Муравьев все-таки посмотрел на предмет состава сената (напротив статьи 109 «Le nombre des Sénateurs ne peut dépasser la moitié du nombre des Nonces et des Députés»⁶² он на полях записал: «Maximum 64»), посчитал количественный состав Палаты послов⁶³ и особо выделил статью 99, по которой проекты, вносимые по повелению царя, не могут изменяться иначе как государственным советом вследствие замечаний, представленных соответствующими комиссиями сейма⁶⁴.

⁵⁵ Екатерина II. Сердце и законы Екатерины Великия самодержицы всероссийской, почерпнутыя из ея изустных изречений, писаний и законодательства Михаилом Антоновским. СПб., 1804. С. 14.

⁵⁶ Городовое положение, с принадлежащими к оному узаконениями с 1785 по апрель месяц 1817 года. СПб., 1817.

⁵⁷ Более всего следовало бы распространить это (фр.).

⁵⁸ Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великаго самодержца всероссийскаго. Состоявшися с 1714, по кончину Его Императорскаго Величества, генваря по 28 число 1725 году. Печатаны третьим тиснением. СПб., 1777.

⁵⁹ Кукольник В.Г. Российское частное гражданское право. 2-м тиснением. СПб., 1816. Ч. 2. С. 22, 26–27, 29, 32, 36.

⁶⁰ Там же. Ч. 1. С. 277, 278.

⁶¹ Charte constitutionnelle et statuts organiques du royaume de Pologne. Ustawa konstytucyjna i statute organiczne królestwa Polskiego. Varsovie: de l'imprimerie rue Nowolipie № 646, 1816.

⁶² Ibid. P. 57. Число сенаторов не может превышать половины числа послов и депутатов (фр.). Заметим, что пометы делались в тексте на французском языке. Само издание было напечатано как билингва: на польском и французском.

⁶³ Charte constitutionnelle... P. 61.

⁶⁴ Ibid. P. 51.

Известно, как взбудоражила Польская конституция будущих декабристов. Но если мы обратимся к письмам Муравьева 1821 г., то можем встретить такую фразу: «...поляки; как их ни ласкают, все смотрят в лес»⁶⁵. Бывая в западных губерниях по долгу службы, он замечает в письмах к матери: «Мы с поляками не можем сойтись как вода с маслом»⁶⁶. И еще: «Большая часть молодых людей здешних носят орден Почетного легиона, который дал им Наполеон за то, что в 1812-м году они воевали противу нас, и сие весьма естественно придает холодность взаимному обращению»⁶⁷. Но при этом просит мать прислать ему польскую грамматику и словарь, рассказывает о первом уроке польского языка, взятом им вместе с князем Цициановым и Вальховским⁶⁸.

Национальный вопрос как таковой не поднимался в Конституции Муравьева. С разными формулировками, в разных ее редакциях видим исходную позицию: «Русскими признаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившиеся в России...»⁶⁹. Однако не видеть проблем в этом вопросе он не мог. Его желание не оговаривать национальных привилегий, не заигрывать с местной аристократией выдает в нем человека имперских взглядов. Характерна его помета, оставленная в указе Павла I «О восстановлении в Лифляндской и Эстляндской Губерниях присутственных мест» (28 ноября 1796 г.): «Несчастливая мысль!»⁷⁰. Как известно, в 1783 г. на Лифляндию была распространена реформа губернского управления, проведенная в остальной России в 1775 г. Сущность реформы состояла в усилении власти генерал-губернатора и ограничении автономии лифляндского дворянства. Указом 1786 г. была ликвидирована коллегия ландратов и отменена сама должность ландрата. В 1786 г. в Риге было введено Городовое положение. Магистрат был ликвидирован. Административная власть передавалась Общей думе, Шестигласной думе и городскому голове. В выборах принимали участие граждане, способные платить городской казне налог не менее 50 рублей в год. Национальная принадлежность теперь в расчет не принималась. Эта система управления существовала в Лифляндии до 1796 г., пока 28 ноября 1796 г. император Павел I не восстановил в губернии прежние порядки. В 1801 г. Лифляндская, Курляндская и Эстляндская губернии были объединены в одно генерал-губернаторство с центром в Риге (такой порядок сохранялся до 1876 г.).

Книги Муравьева дают возможность говорить о нем не только как о реформаторе. Его пометы демонстрируют своеобразный темперамент, каким обладал «беспокойный Никита», как описал его А.С. Пушкин в 10-й незаконченной главе «Евгения Онегина». С одной стороны, он дотошен и въедлив, что неудивительно для бывшего студента физико-математического отделения, каковым он числился в Московском университете в 1811 г. (в библиотеке немало книг по математике, физике). Он скрупулезно исправляет опечатки в книгах, вносит, как уже говорилось, исправления на картах, на книгах встречаются самые разные арифметические подсчеты. Но при этом его записи нередко эмоциональны: от ругани, когда дураком он называет Карамзина⁷¹ или автора «Деяний Петра Великого» Ивана Голикова⁷², до сентиментальных восклицаний на книге того же Карамзина. В его повести «Остров Борнгольм» он подчеркивает последнюю фразу («Вздохи теснили грудь мою – наконец я взглянул на небо, – и ветер свеял в море слезу мою») и следом дописывает: «Прекрасно вотъ истинное чувство! вотъ натура!»⁷³.

Мы уже упоминали о методе Фукидида, который Муравьев отметил для себя: строго излагать события, ничего не приукрашивая. А в книге Мабли о том, как писать историю⁷⁴,

⁶⁵ Муравьев Н.М. Письма декабриста... С. 141.

⁶⁶ Там же. С. 156.

⁶⁷ Там же. С. 155.

⁶⁸ Там же. С. 152, 153.

⁶⁹ Конституция Никиты Муравьева, сохранившаяся в бумагах С.П. Трубецкого. Ст. 14... С. 306.

⁷⁰ Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1775 по 1817 июнь месяц. СПб., 1818. С. 165–166.

⁷¹ Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина. Изд. 2-е. М., 1814. Т. 4: Письма русского путешественника. С. 167.

⁷² Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 3. С. XXIX.

⁷³ Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина... Т. 6. С. 264.

⁷⁴ Mably Gabriel Bonnot de. De la maniere d'ecrire l'Histoire. Paris, 1783. Заметим, что данный том принадлежал

он выделил большой фрагмент о Вольтере на с. 50, сделал в нем подчеркивание, предварив пометой «Правда!», а завершил почти аплодисментами: «*Bravo Mably!*»: «Telle est, pour vous le dire en passant, l'Histoire Universelle de Voltaire. J'étois très disposé à lui pardonner sa mauvaise politique, sa mauvaise morale, son ignorance & la hardiesse avec laquelle il tronque, défigure & altere la plupart des faits. Mais j'aurais au moins voulu trouver dans l'historien, un Poète qui eût assez de sens pour ne pas faire grimacer ses personnages, & qui rendît les passions avec le caractère qu'elles doivent avoir. J'aurais désiré un écrivain qui eût assez de goût savoir que l'Histoire ne doit jamais se permettre des bouffonneries, & qu'il est barbare & scandaleux de rire & de plaisanter des erreurs qui intéressent le bonheur des hommes»⁷⁵.

Работа с пометами, оставленными Никитой Муравьевым на книгах, делает наши представления о нем более полнокровными и живыми. Характер самого источника можно рассматривать как наиболее аутентичный личности автора записей, если только оставленные пометы заведомо не предназначались другому читателю⁷⁶. Любой другой автокоммуникативный источник – дневник, письма, мемуары как автобиографии – вольно или невольно предполагает стороннего читателя, что заставляет отступать от собственных сиюминутных реакций и примеривать на себя тот или иной образ. При чтении же книг читатель остается один на один с автором, и то, как он реагирует на прочитанное, не подразумевает наблюдателя. Эти записи заведомо предполагают откровенность мыслей, а еще более чувств.

Литература

Алехина Л.А. Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах отдела рукописей // ГБЛ. Записки Отдела рукописей. М.: Книга, 1990. Т. 49. С. 4–89.

Верещагина Е.И. Маргиналии и другие пометы декабриста Н.М. Муравьева на «Письмах русского путешественника» в девятитомном издании «Сочинений...» Карамзина 1814 года // Из коллекций редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1981. С. 48–71.

Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Изд. Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 402 с.

Ленчиненко М.В. Libri theologici в библиотеке Муравьевых: к характеристике богословских интересов русского дворянства // Территория: журнал исторических исследований. 2025. Т. 1, № 2. С. 232–275.

Ленчиненко М.В. «Столистая карта» Никиты Муравьева: работа над историей войны 1812 года // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии. М., 2025 (в печати).

Ленчиненко М.В., Любжин А.И. Издания древнегреческих историков в семейной библиотеке Муравьевых // Индоевропейское языкознание и классическая филология: XXIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. СПб.: ИЛИ РАН СПб, 2019. Сер. 23. Т. 2. С. 705–727.

Лесохина Э.И. В библиотеке декабриста Никиты Муравьева // Книга: Исследования и материалы. М., 1969. Сб. 18. С. 210–217.

в свое время вел. кн. Константину Павловичу, о чем говорят наклеенные на корешок характерные суперэкслибрисы, которые в свое время заказала внукам Екатерина II для их личных библиотек.

⁷⁵ Такова, между прочим, «Всемирная история» Вольтера. Я охотно простил бы ему скверную политику, дурную мораль, его невежество и вольность, с которой он кромсает, уродует и искажает большинство фактов, если бы мог найти в этом историке по крайней мере поэта, которому хватило ума не заставлять своих героев кривляться и который изображает страсти со свойственными им характерными чертами. Я хотел бы встретить писателя, которому хватило желания понять, что никогда история не должна позволять себе паясничать и что жестоко и постыдно смеяться и шутить над заблуждениями, которые близко касаются благоденствия людей (фр.).

⁷⁶ В семье Муравьевых были подобные случаи, о которых можно узнать из переписки Никиты с матерью Екатериной Федоровной. В 1818 г. она посылает ему в Москву итальянское издание жизнеописания Витторио Альфьери. В книге она подчеркнула отдельные строки, предназначенные для сына. К сожалению, в настоящее время среди книг, хранящихся в библиотеке МГУ, этого издания нет. См.: *Муравьев Н.М. Письма декабриста...* С. 120.

Муравьев Н.М. Письма декабриста. 1813–1826. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 310 с.

References

Alekhina, L.F. (1990). Arkhivnye materialy M.N. Murav'eva v fondakh otdela rukopisey [Archival Materials of M.N. Murav'ev in the Collections of the Manuscripts Department]. In *GBL. Zapiski Otdela rukopisey*. Moscow. Vol. 49, pp. 4–89.

Druzhinin, N.M. (1933). *Dekabrist Nikita Murav'ev* [Decembrist Nikita Murav'ev]. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev. 402 p.

Lenchinenko, M.V. (2025). “Stolistovaya karta” Nikity Murav'eva: rabota nad istoriey voyny 1812 goda [Nikita Murav'ev's “Hundred-Sheet Map”: Working on History of the War of 1812]. In *Ezhegodnik Gosudarstvennogo arkhiva RF: publikatsii, issledovaniya, retsenzii*. Moscow. (In publ.).

Lenchinenko, M.V. (2025). Libri theologitsi v biblioteke Murav'evykh: k kharakteristike bogoslovskikh interesov russkogo dvoryanstva [Libri Theologici in the Murav'ev Library: Towards a Characterization of the Theological Interests of the Russian Nobility]. In *Territoriya: zhurnal istoricheskikh issledovaniy*. Vol. 1, No. 2, pp. 232–275.

Lenchinenko, M.V., Lyubzhin, A.I. (2019). Izdaniya drevnegrecheskikh istorikov v semeynoy biblioteke Murav'evykh [Works by Ancient Greek Historians in the Murav'ev Family Library]. In *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. XXIII Materialy chteniy, posvyashchennykh pamyati professora I.M. Tronskogo. Seriya 23*. St. Petersburg. Vol. 2, pp. 705–727.

Lesohina, E.I. (1969). V biblioteke dekabrista Nikity Murav'eva [In the Library of Decembrist Nikita Murav'ev]. In *Kniga: Issledovaniya i materialy. Sb. 18*. Moscow, pp. 210–217.

Murav'ev, N.M. (2001). *Pis'ma dekabrista. 1813–1826* [Letters of the Decembris. 1813–1826]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli. 310 p.

Vereshchagina, E.I. (1981). Marginalii i drugie pomety dekabrista N.M. Murav'eva na “Pis'mah russkogo puteshestvennika” v devyatomnom izdanii “Sochineniy...” Karamzina 1814 goda [Marginalia and Other Notes by the Decembrist N.M. Murav'ev on the “Letters of a Russian Traveler” in the Nine-Volume Edition of Karamzin's “Works...” from 1814]. In *Iz kollektsiy redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki Moskovskogo universiteta*. Moscow, pp. 48–71.

Е.В. Пшеничная*

КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ И.П. ЛИПРАНДИ: ФРАГМЕНТ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ УЗБЕКИСТАНА ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-3
УДК 94+908(470)"18/19"

Выходные данные для цитирования:

Пшеничная Е.В. Книжное наследие И.П. Липранди: фрагмент личной библиотеки в Национальной библиотеке Узбекистана имени Алишера Навои // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 49–59.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-03.pdf>

E.V. Pshenichnaya*

THE BOOK LEGACY OF I.P. LIPRANDI: A FRAGMENT OF HIS PERSONAL LIBRARY IN THE ALISHER NAVOI NATIONAL LIBRARY OF UZBEKISTAN**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-3

How to cite:

Pshenichnaya E.V. The Book Legacy of I.P. Liprandi: A Fragment of His Personal Library in the Alisher Navoi National Library of Uzbekistan // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 49–59.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-03.pdf>]

Abstract. This article examines a fragment of the personal library of Ivan Petrovich Liprandi (1790–1880), a Russian military leader, writer, and collector whose work explores military history and the Schism. The study attempts to reconstruct the nature of I.P. Liprandi's connections with the Decembrist movement through an analysis of the composition and features of his personal library. The focus is on the portion of his book collection held in the collections of the A. Navoi National Library of Uzbekistan. The purpose of this article is to introduce new documents related to the history of this collection into scholarly circulation and to analyze its distinctive features. The primary research methods used were historical and bibliological analysis, visual examination of the library collections, and bibliographic method. The study analyzes the composition of the collection, which includes rare editions from the 18th–19th centuries, cartographic materials, manuscripts, and documents reflecting Liprandi's interests as a researcher of Eastern cultures and military strategy. In particular importance are copies with author's notes, dedicatory inscriptions, and bookplates, which allow us to reconstruct the owner's intellectual circle. Using the collections of the A. Navoi National Library of Uzbekistan, the history of part of its book collection is reconstructed, revealing its composition and distinctive features. This study helped clarify the connection between Liprandi's intellectual interests, his official activities, and his controversial reputation. The data obtained will contribute to the study of the history of Russian book collecting in the 19th century, providing a methodological model for analyzing personal libraries as sources for intellectual history. The work is particularly significant for Pushkin scholars given the presence of publications used by A.S. Pushkin in this collection.

Keywords: I.P. Liprandi, Decembrists, personal libraries, Turkestan Public Library, K.P. von Kaufman.

* **Евгения Владимировна Пшеничная**, кандидат исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: pshenichnaya@gpntbsib.ru

Evgeniya Vladimirovna Pshenichnaya, Candidate of Historical Sciences, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: pshenichnaya@gpntbsib.ru

** Статья подготовлена по плану научно-исследовательской работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, проект № 122041100088-9 «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.».

The article was prepared according to the plan of research work of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 122041100088-9 "Transformation of Book Culture in Social Communications of the 19th–21st Centuries".

The article has been received by the editor on 01.09.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена исследованию фрагмента личной библиотеки Ивана Петровича Липранди (1790–1880) – русского военного деятеля, писателя и коллекционера, чье творческое наследие связано с изучением военной истории и русского сектантства. В рамках исследования предпринята попытка реконструировать характер связей И.П. Липранди с декабристским движением через анализ состава и особенностей его личной библиотеки. Основное внимание уделено части его книжного собрания, хранящейся в фондах Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои. Цель настоящей статьи – ввести в научный оборот новые документы, связанные с историей этой коллекции, и проанализировать ее характерные особенности. Основными методами исследования стали историко-книговедческий анализ, визуальное обследование библиотечных фондов и библиографический метод. В работе анализируется состав коллекции, включающей редкие издания XVIII–XIX вв., отражающие интересы Липранди как исследователя восточных культур и военной стратегии. Особое значение имеют экземпляры с авторскими пометками, дарственными надписями и экслибрисами, которые позволяют реконструировать интеллектуальный круг общения владельца. На основе фондов Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои реконструируется история бытования части его книжного собрания, выявляются его состав и характерные особенности неучтенных ранее изданий. Исследование позволило уточнить связь между интеллектуальными интересами Липранди, его служебной деятельностью и противоречивой репутацией. Полученные данные внесут вклад в изучение истории русского книжного собирательства XIX в., предоставив методологическую модель для анализа личных библиотек как источников по интеллектуальной истории. Особую значимость работа приобретает для пушкинистов, учитывая наличие в этой коллекции изданий, которыми пользовался А.С. Пушкин.

Ключевые слова: И.П. Липранди, декабристы, личные библиотеки, Туркестанская публичная библиотека, К.П. фон Кауфман.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025 г.

Изучение личных библиотек декабристов и их единомышленников в контексте 200-летнего юбилея восстания на Сенатской площади приобретает особую научную и культурно-историческую значимость. Декабристы, будучи представителями интеллектуальной элиты Российской империи, не только участвовали в политическом движении, но и выступали проводниками европейских просветительских идей, формируя новые культурные ориентиры для своего времени. Их книжные собрания – это уникальные «интеллектуальные портреты», отражающие мировоззрение, образованность и связи эпохи. Находясь в ссылке, декабристы продолжали влиять на культурную жизнь Сибири и других регионов, а их библиотеки становились центрами просвещения. Например, личные книжные собрания Н.А. Бестужева, С.Г. Волконского, В.К. Кюхельбекера, С.П. Трубецкого или И.И. Пущина включали труды Вольтера, Руссо, Монтескье, а также научные и художественные издания¹. Эти книги

¹ Сакович А.В. Коллекция редких книг в собрании Иркутского музея декабристов // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 36–43.; Цуприк Р.И. Круг чтения ссылных декабристов в Сибири (историческая литература) // Ссылные революционеры в Сибири. 1985. Вып. 9. С. 157–176; Куликаускене Н.В. Книги декабристов в редком фонде библиотеки Иркутского университета // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 199–208.

использовались для образования местного населения, что способствовало интеграции либеральных идей в российскую провинцию.

Иван Петрович Липранди – генерал-майор, российский военный историк, чиновник особых поручений и коллекционер – известен своей неоднозначной ролью в истории декабристского движения. Его участие в преддекабристских кружках, а затем последующая служба в Министерстве внутренних дел создали ему репутацию «двойного агента». Советские историки Е.К. Бетгер, С.Я. Штрайх однозначно характеризовали Липранди не иначе как провокатора². На сегодняшний день известны публикации, посвященные его биографии. Однако исследований, посвященных его личной библиотеке, в частности фрагмента, хранящегося в настоящее время в Национальной библиотеке Узбекистана им. А. Навои, практически нет. Между тем изучение личной библиотеки И.П. Липранди обладает значительным исследовательским потенциалом, так как позволяет уточнить круг интересов Липранди, его научные и идеологические предпочтения, а также уровень вовлеченности в интеллектуальные дискуссии эпохи. Анализ тематического состава и владельческих книжных знаков может выявить отношение книгособираателя к ключевым событиям и фигурам декабристского движения, а также к официальной политике.

Личное книжное собрание И.П. Липранди, включенное в круг чтения А.С. Пушкина и, предположительно, отражающее его личные и дружеские связи с декабристами, обладает значимым исследовательским потенциалом в контексте изучения интеллектуальной биографии и идейных ориентиров владельца коллекции. Цель настоящей статьи – ввести в научный оборот новые документы, связанные с историей этой коллекции, и проанализировать ее характерные особенности.

Основными методами исследования стали историко-книговедческий анализ, визуальное обследование библиотечных фондов и библиографический метод. Основными источниками для подготовки статьи стали материалы периодической печати, научные работы, мемуары, письма и архивные материалы, относящиеся к изучаемому историческому периоду. На основе просмотра *de visu* книг из личной библиотеки И.П. Липранди были рассмотрены малоизученные вопросы, связанные с этой владельческой коллекцией: тематический состав, принцип подбора книг, владельческие знаки и инскрипты.

Между лояльностью и инакомыслием: биография И.П. Липранди в контексте политических трансформаций Российской империи первой половины XIX в. Иван Петрович Липранди (1790–1880) – представитель обрусевшей испанской дворянской фамилии. Родился в Санкт-Петербурге в семье надворного советника П.И. Липранди. Иван Петрович начал военную карьеру в 1807 г. в качестве колонновожатого в Свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Начальный этап военной карьеры И.П. Липранди демонстрирует его активное участие в ключевых событиях наполеоновских войн, что подтверждается последовательным повышением в чинах и многочисленными наградами³. Уже в 1808 г. за отличие в службе он получил чин поручика, а в 1809 г. удостоен ордена Святой Анны 3-й ст. и золотой шпаги с надписью «За храбрость». Участие Ивана Петровича в Отечественной войне 1812 г. принесло ему орден Святого Владимира 4-й ст. В битве под Смоленском Липранди получил тяжелую контузию, последствия которой сказывались на его здоровье в течение всей жизни. В ходе Заграничных походов русской армии (1813–1814) И.П. Липранди отличился в битве при Лейпциге (1813). Он был произведен в штабс-капитаны и награжден знаком Военного ордена Святого Георгия. В 1814 г., во время пребывания русского оккупационного корпуса в Париже, Липранди сотрудничал с префектом парижской полиции Э.Ф. Видоком, участвуя в нейтрализации антимонархических заговоров⁴. Этот опыт, вероятно, сформировал основу его дальнейшей карьеры в разведке.

² Бетгер Е.К. Библиотека Липранди: о 39 книгах из библиотеки И.П. Липранди // Правда Востока. 1936. 14 мая; Штрайх С.Я. Знакомец Пушкина – И.П. Липранди // Красная Новь. 1935. Кн. 2. С. 212–218.

³ Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 10. С. 452.

⁴ Иван Петрович Липранди [Электронный ресурс] // Большая биографическая энциклопедия URL: https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia/Липранди,_Иван_Петрович (дата обращения: 30.08.2025); Курочкин Ю. Дело Липранди // Урал. 1973. № 6. С. 141–151.

В 1820 г. И.П. Липранди переведен на службу в Бессарабию, что, согласно историографическим данным, могло быть следствием дуэли, прервавшей его блестящую карьеру в чине подполковника Генерального штаба⁵. В Бессарабии И.П. Липранди осуществлял разведывательные операции по поручению генерала И.В. Сабанеева. Его обширная агентурная сеть включала представителей различных политических групп – валашских и молдавских бояр, сербских воевод, а также греков-фанариотов⁶.

В Кишиневе Липранди стал частым гостем резиденции наместника края генерала И.Н. Инзова, который принимал у себя «кишиневских вольнодумцев»⁷, а также посещал «вечера» главы кишиневской организации декабристов М.Ф. Орлова⁸. Хотя прямых свидетельств его формального членства в тайных организациях не обнаружено, источники указывают на его вовлеченность в круг лиц, связанных с декабристами, в частности с преддекабристским «Союзом благоденствия»⁹. Данный факт наряду с вынужденным переводом в провинциальный гарнизон позволяет предположить, что Липранди в начале 1820-х гг. занимал маргинальное положение в военно-административной системе, обусловленное как личным конфликтом, так и поддержкой идей тайного общества о новых порядках в консервативной армейской среде¹⁰.

В период южной ссылки А.С. Пушкина (сентябрь 1820 – июль 1824 гг.) между поэтом и И.П. Липранди сложилось интеллектуальное взаимодействие, основанное на общности интересов к истории и военному делу. Историк Е.К. Бетгер подчеркивал, что А.С. Пушкин относился к Липранди с большим уважением¹¹. Пушкин, активно пользовавшийся библиотекой Липранди, отмечал в нем сочетание «учености истинной» с профессиональными качествами военного¹². Поэт считал, что Липранди «по своему культурному уровню резко выделялся из среды тогдашнего кишиневского общества». В декабре 1821 г. они совершили совместную 11-дневную поездку по Бессарабии, маршрут которой включал места, связанные с античной ссылкой Овидия, а также локации сражений русско-шведской войны. Липранди как военный историк сопровождал экспедицию специализированными картами, схемами и литературой, что позволило Пушкину глубже погрузиться в историко-культурный контекст региона. Ряд историков и литературоведов выдвигают гипотезу, что Липранди мог послужить прототипом Сильвио – центрального персонажа повести Пушкина «Выстрел» (1830), а также стать источником сюжетной канвы этого произведения. Данное предположение основывается на биографических параллелях: участие Липранди в дуэльных историях и его репутация «воина-интеллектуала»¹³.

В январе 1826 г. в рамках следствия по делу декабристов показания офицера квартирмейстерской части при Главном штабе 2-й армии, члена «Союза благоденствия» Н.И. Комарова, указавшего на причастность И.П. Липранди к деятельности тайного общества, стали основанием для его задержания. Липранди был помещен под арест и в период содержания в Петропавловской крепости разделял камеру с А.С. Грибоедовым¹⁴. В фондах Государственного архива Российской Федерации в настоящее время хранятся документы допроса Липранди от 1826 г.¹⁵ Из них следует, что доказательств его участия в тайном обществе не обнаружено и Липранди был выпущен на свободу 19 февраля 1826 г. с оправдательным аттестатом.

⁵ Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 18.

⁶ Липранди И.П. Замечания на воспоминания Ф.Ф. Вигеля. М., 1873. С. 151.

⁷ Эйдельман Н.Я. Первый декабрист. М., 2005. С. 10.

⁸ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. Т. 2. С. 211.

⁹ Иовва И.Ф. Декабристы в Молдавии. Кишинев, 1975. С. 78.

¹⁰ Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы. М., 2005. С. 41.

¹¹ Бетгер Е.К. Библиотека Липранди: о 39 книгах из библиотеки И.П. Липранди.

¹² Садиков П.А. И.П. Липранди в Бессарабии 1820 г. (по новым материалам) // Пушкин А.С. Временник пушкинской комиссии. 1941. № 6. С. 267.

¹³ Эйдельман Н.Я. Где и что Липранди? // Обреченный отряд. М., 1987. С. 362–391.; Вацуро В.Э. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». М., 1981. С. 24.

¹⁴ Курочкин Ю. Дело Липранди... С. 141–151.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 48. Оп. 1. Д. 191. Л. 33.

В 1828–1833 гг. деятельность И.П. Липранди была связана с военно-разведывательной службой. Будучи прикомандированным к штабу Южной армии под командованием генерала П.Д. Киселева, он сосредоточился на аналитической работе в контексте российско-османского противостояния¹⁶.

В 1840 г. Липранди поступает на службу в Министерство внутренних дел, где занимает должность чиновника особых поручений, состоя председателем комиссии по делам раскольников, скопцов и др. Исследуя этот вопрос, Иван Петрович предложил правительству не преследовать «безвредные раскольничьи секты», так как преследование порождает развитие взяточничества¹⁷. По истории раскола Липранди было также опубликовано немало статей: «Раскольники и острожники», «О секте Татариновой» (1868), «Краткое обозрение русских расколов, ересей и сект» (1870), «Заметка о скопцах» (1874) и др. Эти работы, основанные на материалах следственных дел, раскрывают не только доктринальные особенности сект, но и бюрократическую логику их классификации властями.

В 1848 г. И.П. Липранди получил задание от министерства провести тайный надзор за деятельностью кружка М.В. Буташевича-Петрашевского. По итогам годичного наблюдения Иван Петрович представил доклад, в котором он охарактеризовал это общество как «не столько мелкий и отдельный заговор, сколько всеобъемлющий план общего движения, переворота и разрушения». Липранди указывал на радикализацию взглядов участников кружка, который формировал у молодежи установки, противоречащие доктрине самодержавия. Его заключение стало одним из ключевых аргументов для ареста петрашевцев в 1849 г.¹⁸ Этот эпизод подчеркивает роль Липранди не только как наблюдателя, но и как активного участника идеологического контроля, чьи выводы способствовали ужесточению внутрисполитического курса. Изучение его роли в деле петрашевцев важно для понимания взаимосвязи между бюрократическим аппаратом и репрессивными практиками в Российской империи середины XIX в.

В 1860–1870-е гг. И.П. Липранди активно публикует военно-исторические и публицистические труды, внесшие значимый вклад в историографию военного дела Российской империи. Он поддерживал прямые контакты со многими писателями, учеными и вел активную полемику на страницах газет и журналов¹⁹. Среди его работ следует назвать «Материалы для войны 1808 и 1809 гг. при завоевании Финляндии» (1863), «Воспоминание о событии за полвека тому назад» (1863); «Бородинское сражение» (1861); «Взгляд на театр военных действий на Дунае» (1878) и др. Эти работы, основанные на личном опыте и архивных данных, сочетали реконструкцию событий с критическим анализом стратегических решений, что делает их ценными как для историографии XIX в., так и для понимания эволюции военной мысли. Кроме того, воспоминания И.П. Липранди о пребывании А.С. Пушкина в Кишиневе, опубликованные им в «Русском Архиве» в 1866 г., долго пользовались репутацией наиболее достоверного и точного источника для уяснения биографии Пушкина и установления историко-бытового фона ряда произведений поэта²⁰.

И.П. Липранди скончался в 1890 г., находясь в условиях значительной материальной нужды. Финансовые трудности также вынудили его продать свою личную библиотеку Императорской публичной библиотеке и Библиотеке Генерального штаба²¹.

¹⁶ Русский биографический словарь... С. 450–451.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Касаткин К.А. «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...». И.П. Липранди и образ Османской империи в российском нарративе первой – третьей четверти XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. С. 30.

²⁰ Садиков П.А. И.П. Липранди в Бессарабии 1820 г. (по новым материалам) // Пушкин А.С. Временник пушкинской комиссии. 1941. № 6. С. 268.

²¹ Русский биографический словарь... С. 450–451; Лацинский А.С. К предстоящему 100-летию Библиотеки Генерального и Главного штаба: краткий очерк возникновения библиотеки, развития и современного состояния. М., 2025. С. 3.

Фрагмент личного книжного собрания И.П. Липранди в Туркестанской публичной библиотеке. Переход Туркестанского края под протекторат Российской империи во второй половине XIX в. обусловил существенную трансформацию социокультурного ландшафта региона, выразившуюся, в том числе, развитием библиотечной отрасли. В 1867 г. в целях открытия в регионе первой публичной библиотеки первый генерал-губернатор К.П. фон Кауфман (1818–1882) обратился с просьбой о пожертвовании дублетных изданий в библиотеки различных министерств и ведомств Российской империи. В своих письмах он обосновал целесообразность организации общественной библиотеки в Ташкенте необходимостью удовлетворения образовательных и культурных потребностей представителей «пришлого и служилого классов». На призыв Кауфмана откликнулись многие государственные учреждения и частные лица²². В мае 1870 г. библиотека была открыта для публики и получила название Туркестанская публичная библиотека (ныне Национальная библиотека им. А. Навои)²³.

Среди вышеупомянутых учреждений, отозвавшихся на обращение туркестанского генерал-губернатора, значилась Библиотека Генерального штаба. Эта библиотека, созданная в 1811 г. по инициативе князя И.П. Волконского и с высочайшего разрешения императора Александра I, в рассматриваемый исторический период представляла собой одно из крупнейших книгохранилищ страны²⁴. Ее учредители видели цель создания в том, чтобы библиотека «служила своими научными материалами не только для офицеров Генерального штаба, но и вообще для всех военнослужащих лиц»²⁵. Для пополнения фондов библиотеки выдавались «весьма значительные суммы» для покупки частных книжных собраний в их полном объеме. В 1864 г. библиотекой было приобретено 3 000 томов из личной библиотеки И.П. Липранди²⁶.

В 1873 и 1877 гг. фонды Туркестанской публичной библиотеки пополнились значительным собранием дублетных изданий, переданных Генеральным штабом. Общий объем дара составил 3 242 тома (1 974 названия). Он включал редкие экземпляры XVI–XVIII вв. на французском, немецком, английском, латинском, итальянском, голландском, шведском, чешском и других европейских языках²⁷. Данная коллекция, охватывающая труды по истории, географии, филологии и военному делу, стала основой формирования современного отдела редких книг и рукописей Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои. Особую ее ценность представляют классические военные трактаты XVII–XVIII вв., среди которых выделяются работы Иоганна Якоба фон Вальгаузена (1580–1627), барона Менно ван Кугорна (1641–1704), маркиза де Вобана (1633–1707), а также короля Пруссии Фридриха II (1712–1786). Среди вышеперечисленных книг в Туркестанскую публичную библиотеку была также передана часть книг из личного собрания И.П. Липранди.

На форзацах книг, поступивших в дар от библиотеки Генерального штаба, имелся книжный экслибрис-наклейка с изображением государствен-

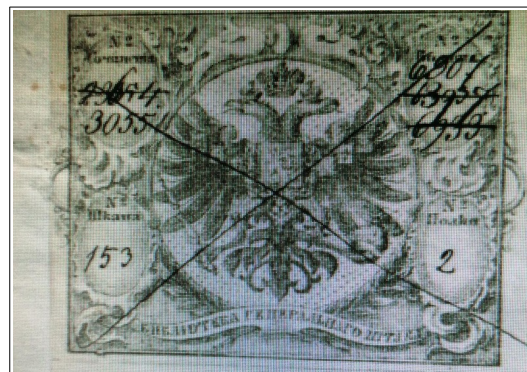

Рис. 1. Экслибрис-наклейка из книг Библиотеки Генерального штаба в Национальной библиотеке Узбекистана им. А. Навои

²² Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. М., 1910; *Дмитровский Н.В.* Двадцатипятилетие Туркестанской публичной библиотеки. Часть 1 // Туркестанские ведомости. 1895. № 33. С. 150.

²³ *Дмитровский Н.В.* Двадцатипятилетие Туркестанской публичной библиотеки. Часть 1... С. 150.

²⁴ *Лацинский А.С.* К предстоящему 100-летию Библиотеки Генерального и Главного штаба... М., 2025. С. 1.

²⁵ Там же. С. 3.

²⁶ Там же.

²⁷ *Бетгер Е.К.* «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...». Ранние страницы истории Национальной библиотеки Узбекистана имени А. Навои // Восток Свыше. 2014. № 3. С. 48–58; *Пьянков В.* Туркестанский календарь на 1880 год. Ташкент, 1879.

ного герба в овале и надписью «Библиотека Главного штаба», которая при принятии книг в фонд была либо зачеркнута, либо заклеена экслибрис-наклейкой Туркестанской публичной библиотеки (рис. 1).

Особенности фрагмента личной библиотеки И.П. Липранди в Узбекистане. Фрагмент книжного собрания И.П. Липранди при поступлении в фонды Туркестанской публичной библиотеки не был выделен в отдельную именную коллекцию. До начала XX в. это личное книжное собрание оставалось незамеченным научным сообществом. Ситуация изменилась в 1918 г., когда историк Е.К. Бетгер, в будущем директор Туркестанской библиотеки, обнаружил на книгах из коллекции Генерального штаба уникальные владельческие записи. Это наблюдение побудило Бетгера начать ее детальное изучение. Работы ученого заложили основу для последующих изысканий. Согласно Бетгеру, в туркестанской коллекции Липранди собрано 39 названий в 189 томах. Признавая ценность этого книжного собрания, он описывал его как «часть когда-то прекрасно подобранной библиотеки»²⁸.

Особый интерес вызывает тематическая структура коллекции: 18 книг по истории и 21 по географии (географические описания и путешествия). Географический фокус коллекции сосредоточен на Леванте – историческом регионе Восточного Средиземноморья, охватывающем территории современных Турции, Сирии, Ливана, Израиля и Кипра. Это свидетельствует о целенаправленном формировании фонда, ориентированного на комплексное изучение Азиатского региона, что отражает научно-исследовательские приоритеты Туркестанской публичной библиотеки.

Среди наиболее ценных изданий Бетгер называет книгу Й.А. Нордберга «Жизнеописание шведского короля Карла XII» (Стокгольм, 1740) (Nordberg Jöran Andersson. Konung Carl den XII-tes historia. Stockholm: Momma, 1740). Он небезосновательно считал, что эта книга «побывала в руках» А.С. Пушкина и послужила подспорьем при написании поэмы «Полтава»²⁹. Сам И.П. Липранди описывал свою книжную коллекцию кишиневского периода как книги «о крае с самой глубокой древности». В этот период Липранди занимался изучением и коллекционированием трудов историков и ученых древности о Европейской Турции. Он вспоминал, что во время пребывания в Кишиневе А.С. Пушкин в основном брал у него книги по географии и истории, читал Овидия, Валерия Флакка («Аргонавтика»), Страбона, К. Мальт-Брюна³⁰.

Для маркировки своих книг И.П. Липранди ставил простые рукописные инициалы черными чернилами – «de Liprandy» (рис. 2). Эта особенность позволяет безошибочно идентифицировать книги, ему принадлежавшие.

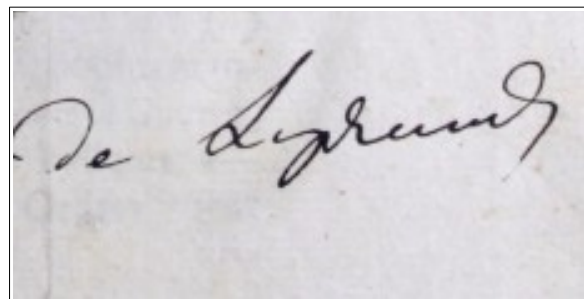

Рис. 2. Владельческие книжные знаки И.П. Липранди

В ходе проведения поэкземплярного анализа книг из фонда отдела редкой книги Национальной библиотеки Узбекистана были выявлены следующие книги из собрания И.П. Липранди (рис. 3):

1. Bernard Picart Cérémonies et Coutumes Religieuses des Peuples Idolatres. 9 volumes. Amsterdam. 1723 [1673–1733].
2. Ludovici Magni Confucius Scinarum Philosophus. Parisiis: Apud Danielelem Northemels. 1687.

Издания содержат многочисленные пометы, которые, судя по почерку, принадлежат владельцу коллекции (рис. 4). Будущим исследователям биографии И.П. Липранди представляется уникальная возможность проследить интеллектуальную эволюцию коллекционера через его взаимодействие с текстами. Маргиналии, подчеркивания и комментарии на полях

²⁸ Бетгер Е.К. Старинные и редкие книги, принадлежащие Государственной публичной библиотеке УзССР // Библиотековедение Узбекистана: сб. ст., посвящ. 100-летию со дня рождения Е.К. Бетгера. Ташкент, 1989. С. 92.

²⁹ Там же.

³⁰ Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний И.П. Липранди // Русский архив. 1866. № 6. С. 1261.

не только отражают личные интересы владельца, но и служат ценным источником для реконструкции историко-культурного контекста эпохи.

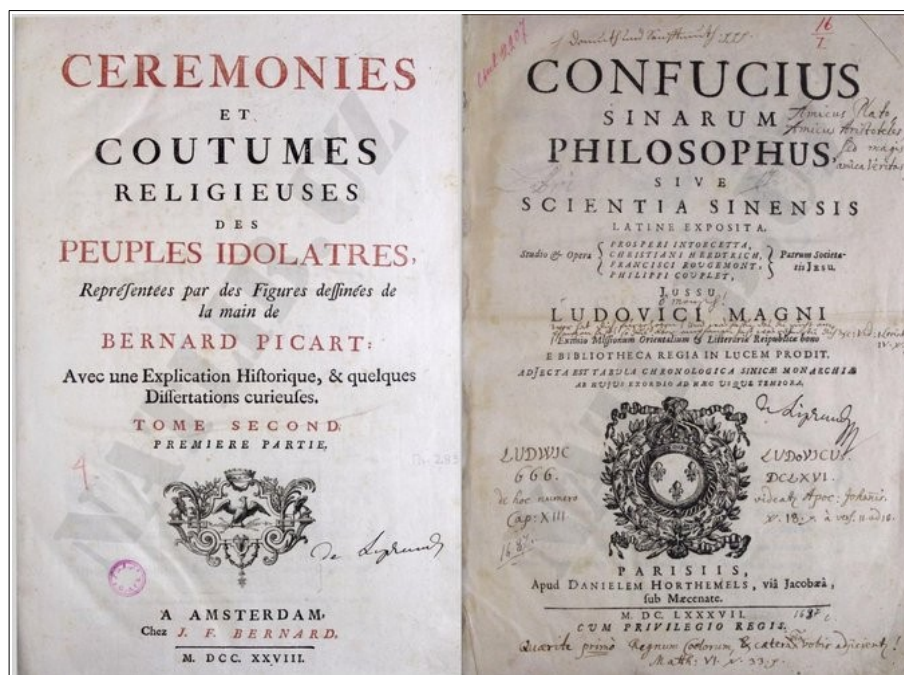

Рис. 3. Книги И.П. Липранди
(источник: Национальная библиотека Узбекистана им. А. Навои)

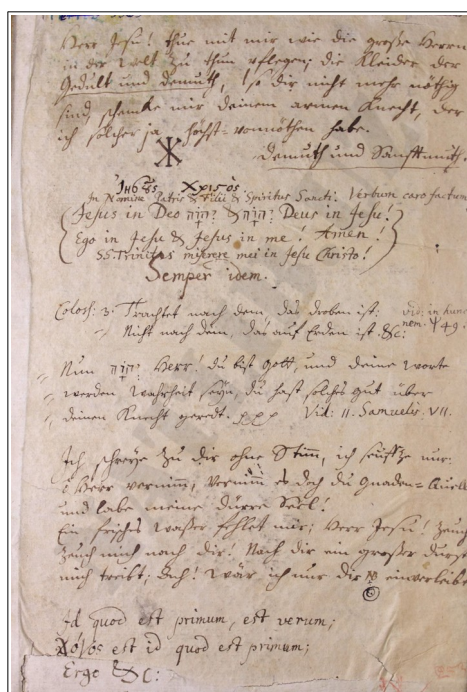

Рис. 4. Читательские пометы из книги Л. Магни
«Великий философ Конфуций»

* * *

Все выявленные издания из личной библиотеки И.П. Липранди бесспорно свидетельствуют о высокой культурно-исторической ценности этого собрания. Книги Липранди – это не просто носители текстов, но материальные свидетельства диалога эпох, маркеры научных и культурных связей. Дальнейшая реконструкция этой коллекции могла бы пролить дополнительный свет не только на биографию самого коллекционера, но и на интеллектуальную жизнь России XIX в.

В конце XIX в. другая часть личного книжного собрания И.П. Липранди была передана в Императорскую Библиотеку Академии наук (БАН). Современные исследования выявили, что в тот же период в фонды БАН поступили принадлежавшие Липранди картографические материалы, которые в наши дни находятся в секторе картографии Отдела фондов особого хранения (ОФО) БАН³¹. Дополнительным источником для реконструкции состава библиотеки служит рукописный каталог «Catalogue de la bibliotheque de I. de Liprandy. 1853. I (1853–1856 гг.)», хранящийся в Российской государственной библиотеке (РГБ).

В настоящее время научное описание личного книжного собрания И.П. Липранди продолжается. Полученные данные внесут вклад в изучение истории русского книжного собирательства XIX в., предоставив методологическую модель для анализа личных библиотек как источников по интеллектуальной истории. Особую значимость работа приобретает для пушкинистов, учитывая наличие в этой коллекции изданий, которыми пользовался А.С. Пушкин.

Литература

Бетгер Е.К. Старинные и редкие книги, принадлежащие Государственной публичной библиотеке УзССР // Библиотековедение Узбекистана: сб. ст., посвящ. 100-летию со дня рождения Е.К. Бетгера. Ташкент: Гос. б-ка УзССР им. А. Навои, 1989. С. 80–111.

Бетгер Е.К. «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...». Ранние страницы истории Национальной библиотеки Узбекистана имени А. Навои // Восток Свыше. 2014. № 3. С. 48–58.

Вацуро В.Э. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». М.: Книга, 1981. 60 с.

Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Артель писателей КРУГ, 1928. Т. 2. 355 с.

Иовва И.Ф. Декабристы в Молдавии. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1975. 231 с.

Касаткин К.А. «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...». И.П. Липранди и образ Османской империи в российском нарративе первой – третьей четверти XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. 443 с.

Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1910. 247 с.

Красникова О.А. Картографические документы из собрания И.П. Липранди в фонде сектора картографии ОФО БАН // Петербургская библиотечная школа. 2020. № 1. С. 52–68.

Куликаускене Н.В. Книги декабристов в редком фонде библиотеки Иркутского университета // Сибирь и декабристы. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1978. Вып. 1. С. 199–208.

Лацинский А.С. К предстоящему 100-летию Библиотеки Генерального и Главного штаба: краткий очерк возникновения библиотеки, развития и современного состояния / [репринтное издание]. М.: Книга по требованию, 2025. 202 с.

Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний И.П. Липранди // Русский архив. 1866. № 6. С. 1213–1283.

Липранди И.П. Замечания на воспоминания Ф.Ф. Вигеля. М.: Университетская типография (Катков и К), 1873. 197 с.

Пьянков В. Туркестанский календарь на 1880 год. Ташкент: Типография военно-народного управления, 1879. 326 с.

Садиков П.А. И.П. Липранди в Бессарабии 1820 г. (по новым материалам) // Пушкин А.С. Временник пушкинской комиссии. 1941. № 6. С. 266–295.

Сакович А.В. Коллекция редких книг в собрании Иркутского музея декабристов // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2011. Вып. 1. С. 36–43.

³¹ Красникова О.А. Картографические документы из собрания И.П. Липранди в фонде сектора картографии ОФО БАН // Петербургская библиотечная школа. 2020. № 1. С. 52.

Штрайх С.И. Знакомец Пушкина – И.П. Липранди. // Красная Новь. 1935. Кн. 2. С. 212–218.

Цуприк Р.И. Круг чтения ссыльных декабристов в Сибири (историческая литература) // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1985. Вып. 9. С. 157–176.

Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М.: Художественная литература, 1979. 422 с.

Эйдельман Н.Я. Где и что Липранди? // Обреченный отряд. М.: Советский писатель, 1987. С. 362–391.

Эйдельман Н.Я. Первый декабрист. М.: Вагриус. 2005. 400 с.

Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы. М.: Вагриус, 2005. 480 с.

Reference

Betger, E.K. (2014). “Otkryt’ v Tashkente obshchestvennuyu biblioteku...”. Rannie stranitsy istorii Natsional’noy biblioteki Uzbekistana imeni A. Navoi [“Open a Public Library in Tashkent...”. Early Pages of the History of the National Library of Uzbekistan Named after A. Navoi]. In *Vostok Svyshe*. No. 3, pp. 48–58.

Betger, E.K. (1989). Starinnye i redkie knigi, prinadlezhashchie Gosudarstvennoy publichnoy biblioteke UzSSR [Ancient and Rare Books Belonging to the State Public Library of the Uzbek SSR]. In *Bibliotekovedenie Uzbekistana: sbornik statey, posvyashchennykh 100-letiyu so dnya rozhdeniya E.K. Betgera*. Tashkent, Gosudarstvennaya biblioteka UzSSSR imeni A. Navoi, pp. 80–111.

Eydel’man, N.Ya. (1987). Gde i chto Liprandi? [Where and What is Liprandi?]. In *Obrechenny otryad*. Moscow, Sovetskiy pisatel’, pp. 362–391.

Eydel’man N.Ya. (2005). *Pervyy dekabrist* [First Decembrist]. Moscow, Vagrius. 400 p.

Eydel’man N.Ya. (2005). *Pushkin i dekabristy* [Pushkin and the Decembrists]. Moscow, Vagrius. 480 p.

Eydel’man, N.Ya. (1979). *Pushkin i dekabristy. Iz istorii vzaimootnosheniy* [Pushkin and the Decembrists. From the History of Relationships]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 422 p.

Iovva, I.F. (1975). *Dekabristy v Moldavii* [Decembrists in Moldova]. Kishinev, Kartya Moldovenyaske. 231 p.

Kasatkin, K.A. (2022). “Opyt slovoistolkovatelya Ottomanskoy imperii...”. I.P. Liprandi i obraz Osmanskoy imperii v rossiyskom narrative pervoy – tret’ey chetverti XIX v. [“The Experience of the Word Interpreter of the Ottoman Empire...” I.P. Liprandi and the Image of the Ottoman Empire in the Russian narrative of the First-Third Quarter of the 19th Century]. Cand. hist. sci. diss. St. Petersburg. 443 p.

(1910). *Kaufmanskii sbornik, izdannyy v pamyat’ 25 let, istekshikh so dnya smerti pokoritelya i ustroitel’ya Turkestanskogo kraya general-ad’yutanta K.P. fon Kaufmana* [Kaufman Collection, Published in Memory of 25 Years that Have Expired Since the Death of the Conqueror and Organizer of the Turkestan Territory, Adjutant General K.P. von Kaufman]. Moscow, Tipolitografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o. 247 p.

Krasnikova, O.A. (2020). Kartograficheskiye dokumenty iz sobraniya I.P. Liprandi v fonde sektora kartografii OFO BAN [Cartographic Documents from the Collection of I.P. Liprandi in the Fund of the Cartography Sector OFO BAN]. In *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*. No. 1, pp. 52–68.

Kulikauskene, N.V. (1978). Knigi dekabristov v redkom fonde biblioteki Irkutskogo universiteta [Decembrists’ Books in a Rare Library Fund of Irkutsk University]. In *Sibir’ i dekabristy*. Irkutsk. Vyp. 1, pp. 199–208.

Latsinskiy, A.S. (2025). *K predstoyashchemu 100-letiyu Biblioteki General’nogo i Glavnogo shtaba: kratkiy ocherk vozniknoveniya biblioteki, razvitiya i sovremennogo sostoyaniya* [For the Upcoming 100th Anniversary of the Library of the General and General Staff: A Brief Outline of the Emergence of the Library, Development and Modern State]. Moscow, Kniga po trebovaniyu. 202 p.

Liprandi, I.P. (1866). *Iz dnevnika i vospominaniy I.P. Liprandi* [From the Diary and Memoirs of I.P. Liprandi]. In *Russkiy arkhiv*. No. 6, pp. 1213–1283.

Liprandi, I.P. (1873). *Zamechaniya na vospominaniya F.F. Vigelya* [Remarks on the Memoirs of F.F. Wiegel]. Moscow, Universitetskaya tipografiya (Katkov i K). 197 p.

P'yankov, V. (1879). *Turkestanskiy kalendar' na 1880 god* [Turkestan Calendar for 1880]. Tashkent, Tipografiya voenno-narodnogo upravleniya. 326 p.

(1914). *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. St. Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya Udelov. Vol. 10. 846 p.

Sadikov, P.A. (1941). *I.P. Liprandi v Bessarabii 1820 g. (po novym materialam)* [I.P. Liprandi in Bessarabia 1820 (Based on New Materials)]. In *Pushkin A.S. Vremennik pushkinskoy komissii*. No. 6, pp. 266–295.

Sakovich, A.V. (2011). *Kollektsiya redkikh knig v sobranii Irkutskogo muzeya dekabristov* [Collection of rare books in the collection of the Irkutsk Museum of the Decembrists]. In *Dekabristskoe kol'tso: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov. Sbornik statey. Iss. 1*. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov, pp. 36–43.

Shtraykh, S.I. (1935). *Znakomets Pushkina – I.P. Liprandi* [Acquaintance of Pushkin – I.P. Liprandi]. In *Krasnaya Nov'*. Book 2, pp. 212–218.

Tsuprik, R.I. (1985). *Krug chteniya ssyl'nykh dekabristov v Sibiri (istoricheskaya literatura)* [Reading Circle of Exiled Decembrists in Siberia (Historical Literature)]. In *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri*. Iss. 9, pp. 157–176.

Vatsuro, V.E. (1981). *“Povesti pokoynogo Ivana Petrovicha Belkina”* [“The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin”]. Moscow, Kniga. 60 p.

Vigel', F.F. (1928). *Zapiski* [Notes]. Moscow, Artel' pisateley KRUG. T. 2. 355 p.

Ю.В. Тимофеева*

СОЧИНЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ И О ДЕКАБРИСТАХ
В БИБЛИОТЕКАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОДХ**doi:10.31518/2618-9100-2025-6-4
УДК 94(47+57)"1825":021(571.1/.5)

Выходные данные для цитирования:

Тимофеева Ю.В. Сочинения декабристов и о декабристах в библиотеках Сибири и Дальнего Востока в дореволюционный период // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 60–72. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-04.pdf>

Yu.V. Timofeeva*

WORKS OF THE DECEMBRISTS
AND ABOUT THE DECEMBRISTS
IN THE LIBRARIES OF SIBERIA AND THE FAR EAST
IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-4

How to cite:

*Timofeeva Yu.V. Works of the Decembrists and about the Decembrists in the Libraries of Siberia and the Far East in the Pre-Revolutionary Period // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 60–72.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-04.pdf>]*

Abstract. With the extensive historiography of the Decembrist movement, the study of the issue of the presence in the libraries of Siberia and the Far East in the pre-revolutionary period of works by their authorship and about them in the publications of researchers is not traced. An article based on 23 printed catalogs shows the presence of such literature in the collections of 19 reviewed libraries. It was divided into five departments: mainly – literature and history, sometimes – law, the history of literature, books for children and the people. The presence of editions of the Decembrists' works of art and their epistolary and memoir heritage was revealed in them. It is noted that fiction was represented mainly by prose works of A.A. Bestuzhev-Marlinsky and poetic – K.F. Ryleeva, ego documents – memories, notes and letters of the Decembrists. There were published documents of the process in the case of the Decembrists. Fiction about Decembrists in library holdings was a rare phenomenon. Significantly more often there were essays on the history of social thought and social movements in Russia, including the Decembrist, as well as those directly devoted to the events of December 14, 1825, to participants in the movement. In addition to historical, there were literary works that analyzed the literary work of the Decembrists. Attention was drawn to the fact that all the catalogs reviewed were approved by censorship and printed with the permission of local governors, which indicates the legality of finding such literature in library collections.

Keywords: Decembrists, Decembrist literature, library stock, library catalog, epistolary-memoir legacy.

*The article has been received by the editor on 31.08.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

* **Юлия Викторовна Тимофеева**, кандидат исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: timofeeva@spsl.nsc.ru

Yulia Viktorovna Timofeeva, Candidate of Historical Sciences, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: timofeeva@spsl.nsc.ru

** Статья подготовлена по плану научно-исследовательской работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, проект № 122041100088-9 «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.».

The article was prepared according to the plan of research work of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 122041100088-9 "Transformation of Book Culture in Social Communications of the 19th–21st Centuries".

Аннотация. При обширной историографии движения декабристов изучение вопроса наличия в библиотеках Сибири и Дальнего Востока в дореволюционный период сочинений за их авторством и о них в публикациях исследователей не прослеживается. В статье на основе 23 печатных каталогов показано наличие такой литературы в фондах 19 рассмотренных библиотек. Она распределилась по пяти отделам: в основном словесности и истории, иногда правоведения, истории литературы, книг для детей и народа. Выявлено присутствие в них изданий художественных произведений декабристов и их эпистолярно-мемуарного наследия. Отмечено, что художественная литература была представлена в основном прозаическими произведениями А.А. Бестужева-Марлинского и поэтическими К.Ф. Рылеева, эго-документы – воспоминаниями, записками и письмами декабристов. Встречались изданные документы процесса по делу декабристов. Художественная литература о декабристах в библиотечных фондах была явлением редким. Значительно чаще встречались сочинения по истории общественной мысли и общественных движений в России, включая декабристское, а также посвященные непосредственно событиям 14 декабря 1825 г., участникам движения. Помимо исторических, имелись и литературоведческие труды, анализировавшие литературное творчество декабристов. Обращено внимание на тот факт, что все рассмотренные каталоги были одобрены цензурой и напечатаны с разрешения местных губернаторов, что свидетельствует о легальности нахождения такой литературы в библиотечных фондах.

Ключевые слова: декабристы, декабристская литература, библиотечный фонд, библиотечный каталог, эпистолярно-мемуарное наследие.

Статья поступила в редакцию 31.08.2025 г.

За двухсотлетний период, прошедший со времени восстания на Сенатской площади, накоплена богатейшая отечественная историография, рассматривающая самые различные аспекты движения декабристов и посвященная его представителям. Пристальное внимание исследователей обращено на декабристскую литературу – литературное творчество декабристов, включающее в себя прозу и поэзию, критические статьи, публицистику, мемуарику.

Проанализировано содержание мемуарно-эпистолярного наследия декабристов, в том числе М.А. Бестужева¹, Н.В. Басаргина², В.К. Кюхельбекера³, И.И. Пущина⁴, И.Д. Якушкина⁵, а также в целом сибирского периода⁶. Указано на особую ценность мемуаров декабристов для исследователей⁷. Представлены результаты изучения декабристской мемуарики Г.П. Шатровой⁸. Большой вклад в изучение эпистолярно-мемуарного наследия декабристов

¹ Сергеев Т.С. Декабристы – исследователи природы, экономики, населения, хозяйства, этнокультуры народов Сибири // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории: мат-лы LXI конф. преп. и студ. ЧГПУ им. И.Я. Яковлева по итогам НИР за 2020 г. Чебоксары, 2021. Вып. 3. С. 182.

² Там же. С. 178.

³ Проданик Н.В. Метафора «книга-пища» в письмах, дневниках и воспоминаниях декабристов: семантические варианты и аксиологическая градация // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 19. С. 62–74.

⁴ Мамсик Т.С. Новое прочтение известных тестов: декабрист И.И. Пущин и другие // Человек – текст – эпоха: сб. науч. ст. и мат-лов. Томск, 2011. Вып. 4. С. 38–63.

⁵ Туманик Е.Н. Эпистолярное наследие декабриста И.Д. Якушкина // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 14–18.

⁶ Еланцева О.П. «Обычная» жизнь декабристов в ссылке в Западной Сибири (по материалам воспоминаний, записок и очерков) // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 120–126; Бобков А.К. Эпистолярная и мемуарная публицистика декабристов сибирского периода и ее влияние на общество // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2011. № 2 (7). С. 130–136.

⁷ Сологуб Н.С. Сибирь и сибиряки в мемуарах декабристов // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 2. С. 19–25.

⁸ Туманик Е.Н. Роль мемуарного наследия декабристов в научной концепции Г.П. Шатровой // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 4. С. 50–57.

внесен Н.П. Матхановой. Стоит, например, указать на подготовку исследовательницей к изданию записок и писем А.В. Поджио⁹ и их анализ¹⁰, данную ею глубокую и всестороннюю характеристику сибирской декабристской мемуаристики, представляющей собой самостоятельный мемуарный комплекс¹¹.

Художественная литература декабристов тоже становилась предметом изучения специалистами. Так, проанализированы рассказ «Похороны»¹² и очерк «Гусиное озеро»¹³ Н.А. Бестужева, место творчества декабристов в отечественной литературе¹⁴. Обобщены сведения о произведениях декабристов, которые, вследствие разнообразных причин, до нас не дошли, но о которых известно из упоминаний о них в разных источниках¹⁵. Перечислены поэты и писатели из числа декабристов¹⁶. Без внимания литературоведов не остались и художественные произведения, посвященные декабристам и декабристкам: охарактеризованы их образы в незаконченном романе «Декабристы» Л.Н. Толстого и поэмах «Дедушка» и «Русские женщины» Н.А. Некрасова¹⁷.

Однако присутствие сочинений декабристов и о декабристах в фондах библиотек Сибирско-Дальневосточного региона в конце XIX – начале XX в. предметом ни комплексных, ни конкретно-исторических исследований не становилось. Данная работа призвана заполнить имеющуюся в историографии лакуну. В ней на основе 23 печатных библиотечных каталогов рассмотрены фонды 19 библиотек на наличие в них такой литературы. В качестве методологической базы исследования был использован ряд методов, которые позволили достигнуть заявленной цели: сравнительный (сопоставление и анализ библиотечных каталогов для выявления общего и различия в их комплектовании декабристской литературы), исторической реконструкции (воссоздание целостной картины наличия декабристской литературы в библиотеках региона на основе анализа библиотечных каталогов), сплошного просмотра библиотечных каталогов для библиографического поиска, нарративный (описательно-повествовательный).

Библиотечные каталоги обладают значительным информационным потенциалом¹⁸, однако не во всех каталогах сибирских и дальневосточных библиотек библиографические описания были полными. Иногда указывались только фамилия автора и название сочинений, которые порой переиздавались по нескольку раз, и установить точно, какое именно издание имелось в библиотеке, не всегда представляется возможным, в таких случаях можно только определить верхнюю границу года издания исходя из года издания каталога. Несмотря на определенную ограниченность некоторых каталогов, они позволяют реконструировать репертуар произведений декабристов, имевшихся в фондах, а наиболее полные из них,

⁹ Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989.

¹⁰ Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио (1798–1873): проблема национальной (и не только) самоидентификации [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 79–92. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-05.pdf> (дата обращения: 10.08.2025); Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио // Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 3–64. (Сер.: Полярная звезда).

¹¹ Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. С. 150–171.

¹² Зильберштейн И.С. Рассказ Николая Бестужева «Похороны» (1829) // Литературное наследство. 1956. Т. 60, № 1. С. 171–190.

¹³ Сергеев Т.С. Декабристы-исследователи... С. 180, 182.

¹⁴ Бобков А.К. Творчество декабристов в отечественном литературоведении // Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: мат-лы в 2 т. Иркутск, 2015. Т. 1. С. 44–50.

¹⁵ Азадовский М.К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Литературное наследство. 1954. Т. 59. С. 601–777.

¹⁶ Сергеев Т.С., Орлов В.В., Андреев В.В. Вклад декабристов в изучение и развитие этнокультуры народов Сибири // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии. 2021. № 1 (57). С. 26.

¹⁷ Гулин А.В. Декабристы в эпическом отображении Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 96–119.

¹⁸ Панченко А.М. Каталоги военно-научной библиотеки Николаевской инженерной академии и училища как наиболее полные библиографические указатели литературы по истории военно-инженерного дела (к 200-летию со дня основания библиотеки) // Роль библиографии в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. М., 2018. С. 721–722, 744–745.

например Иркутской городской публичной и Красноярской городской общественной библиотек, – установить конкретные издания этих сочинений, включая их место и год издания, количество страниц, издательство.

Рассматриваемые библиотеки распределялись следующим образом:

- по территории: Западная Сибирь – 12; Восточная Сибирь – 5; Дальний Восток – 2;
- по губерниям и областям: в Тобольской губ. – 5; Томской губ. – 4; Енисейской губ. – 1; Иркутской губ. – 1; Акмолинской области – 3; Забайкальской области – 3; Амурской области – 1; Приморской области – 1;
- по административному статусу города: в 4-х губернских (Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск) – 7; 3-х областных (Омск, Благовещенск, Владивосток) – 5; 6-ти уездных (Тюмень, Курган, Ишим, Верхнеудинск, Нерчинск, Троицкосавск) – 7;
- по типовой принадлежности библиотек: публичные (общественные) – 13, в том числе 2 – частные; народные бесплатные – 2 (Обществ попечения о начальном образовании в Омск и Томске); общественных собраний – 2 (Тобольского и Омского); профессиональных обществ – 2 (Тюменского приказчиьего клуба и профессионального общества рабочих печатного дела в Томске).

Такой охват библиотек – количественный, территориальный, типовой – позволяет признать их выборку репрезентативной для достижения поставленной цели.

Чаще всего литература декабристов и о декабристах распределялась по двум отделам – литературному (обычно называвшемуся «Беллетристика» или «Словесность») и историческому («История» или «История с вспомогательными дисциплинами. Биографии»). Значительно реже их включали в отделы правоведения, истории литературы, иногда – «Педагогика, дидактика, детские и народные книги». В данной статье рассматриваются только труды, полностью посвященные декабристам или в названии которых они обозначены; сборники и труды более широкой тематики без упоминания в названии декабристов не учтены.

Более всего в фондах числилось сочинений А.А. Бестужева (псевдоним – Марлинский). Они были представлены как изданиями отдельных произведений (Аммалат-бек. СПб., 1885¹⁹ и СПб., 1892²⁰; Кавказские очерки. СПб., 1838²¹; Мореход Никитин. СПб., 1885²²; Мулла Нур²³, СПб., 1885²⁴; Наезды. СПб., 1885²⁵; Страшное гаданье. СПб., 1885²⁶; Фрегат Надежда. СПб., 1885²⁷), так и их сборниками (Аммалат-Бек. Кавказская быль. СПб.: А.С. Суворин, 1885. 208 с.²⁸; Аммалат-бек. Страшное гаданье²⁹; Мулла Нур. Страшное гаданье. СПб., 1885³⁰; Наезды. Фрегат «Надежда»³¹; Романы: Ночь на корабле. Вечер на бивуаке. Латник. Роман и Ольга. Замок Эйзен. Вечер на Кавказских горах. Страшное гадание. Наезды. Киев: Б.К. Фукс, 1904. 243 с.³²; Страшное гадание. Мулла Нур. Мореход Никитин. СПб., 1885³³; Фрегат Надежда. Изменник. СПб., 1885³⁴; Полное собрание сочинений: ч. 1–12, 6 т. СПб.: Тип. III Отделения е.и.в. канцелярии, 1838–1839³⁵; Второе полное собрание сочинений. В 4 т.

¹⁹ Каталог книг Красноярской городской общественной библиотеки. Красноярск, 1889. С. 127.

²⁰ Каталог Красноярской городской библиотеки. Томск, 1914. Вып. II. С. 76.

²¹ Алфавитный указатель книг библиотеки Тюменского приказчиьего клуба. Составлен по август месяц 1911 года. Тюмень, 1912. С. 51.

²² Каталог Красноярской городской библиотеки в 1893 году. Красноярск, 1893. С. 146.

²³ Каталог Курганской городской публичной библиотеки. Вып. 1. Курган, 1914. С. 25.

²⁴ Каталог книг Красноярской городской общественной библиотеки... С. 127.

²⁵ Там же.

²⁶ Каталог Красноярской городской библиотеки в 1893 году... С. 147.

²⁷ Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. II. С. 76.

²⁸ Алфавитный указатель книг библиотеки Тюменского приказчиьего клуба... С. 51.

²⁹ Каталог книг Нерчинской городской общественной библиотеки. Нерчинск, 1890. С. 7.

³⁰ Каталог книг публичной библиотеки П.И. Макушина в Томске. Томск, 1898. С. 114.

³¹ Каталог книг Троицкосавской общественной библиотеки. Нерчинск, 1888. С. 23.

³² Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина. Омск, 1912. С. 138.

³³ Каталог книг народной бесплатной библиотеки в г. Томске (Открыта 30 сентября 1884 г.). Томск, 1887. С. 120.

³⁴ Там же.

³⁵ Каталог книг и периодических изданий Тюменской публичной библиотеки А.В. Эркичева. Казань, 1865. С. 9.

СПб.: Тип. Министерства государственных имуществ, 1847³⁶; Русские повести и рассказы. В 3 кн.: Фрегат «Надежда». Мореход Никитин. Роман и Ольга. Замок Эйзен. Наезды. Изменник. Санкт-Петербург³⁷; Сочинения. СПб., 1839³⁸; Страшное гаданье. Вечер на бивуаке. Второй вечер на бивуаке. Вечер на Кавказских водах в 1824 году. Мореход Никитин. Роман и Ольга. Замок Эйзен. Шах Гуссейн. Фрегат «Надежда». Лейтенант Белозор. Латник: Рассказ партизанского офицера. Мулла-Нур. Быль. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. Красное покрывало. Ночь на корабле. Осада. Наезды³⁹). Вместе они достаточно полно представляют прозаическое творчество этого писателя-декабриста.

В одной из библиотек⁴⁰ имелись прозаические произведения еще одного из братьев Бестужевых – Николая Александровича, морского офицера (Бестужев Н.А. Рассказы и повести старого моряка Н. Бестужева: морские сцены, повести и рассказы. М.: в типографии Грачева и Комп., 1860. 575, [2] с.).

Была представлена в библиотеках и поэзия декабристов. Чаще всего они предоставляли своим читателям возможность познакомиться с поэтическим творчеством К.Ф. Рыльева (Думы и поэмы. СПб.: А.С. Суворин, 1893. 196 с. (Дешевая библиотека)⁴¹; Избранные сочинения. Стихотворения. СПб., 1900⁴²; Полное собрание сочинений Кондратия Федоровича Рыльева: Его портр. и статьи: А.И. Герцена, М.А. Бестужева, Г.В. Балицкого. М.: Б-ка декабристов, 1906⁴³; Сочинения в 2-х т. М., 1906. Т. I: Статьи: Заговор 1825 года / А.И. Герцен. Воспоминание о К.Ф. Рылееве / Н. Бестужев (декабрист). Поэзия гражданской борьбы / Г. Балицкий. II. Думы. III. Поэмы: А.А. Бестужеву; Жизнеописание Войнаровского; Войнаровский; Наливайко (отрывки); Гайдамак (отрывок из поэмы «Хмельницкий»); Палей (два отрывка); Партизаны (отрывок); IV. Стихотворения⁴⁴; Сочинения. С биографическим очерком и примеч. / изд. под ред. Мазаева. СПб.: Евг. Евдокимов, 1893. XX, 183 с. Ежемесяч. Прил. к журн. «Север», за нояб. 1893 г.⁴⁵). были в библиотеках и издания стихотворений А.И. Одоевского (Полное собрание стихотворений князя Александра Ивановича Одоевского (декабриста). М., 1890⁴⁶; Полное собрание стихотворений князя Александра Ивановича Одоевского (декабриста) / Собрал барон А.Е. Розен; (доп. и примеч. изд., портр. и факс. кн. А.И. Одоевского). СПб.: тип. А.А. Краевского, 1883. [2], 216, 2 л. ил.⁴⁷). Кроме того, имелось издание, включавшее в себя произведения обоих поэтов-декабристов (Сочинения К.Ф. Рыльева и А.И. Одоевского: С прил. очерка Т.В. Поссе: «Жизнь и творчество Рыльева и Одоевского в связи с общественными и литературными течениями начала XIX века». СПб.: изд. журн. «Жизнь для всех», 1913. 566, VI с.⁴⁸).

Одно из изданий включало в себя поэтические произведения сразу нескольких декабристов (Собрание стихотворений декабристов. Т. 2-й. Стихотворения В.К. Кюхельбекера, В.Ф. Раевского, П.С. Бобрищева-Пушкина, Н.И. Лорера и С.И. Муравьева-Апостола /

³⁶ Систематический каталог Благовещенской городской общественной библиотеки. Благовещенск, 1913. Т. 1: 1912. С. 26.

³⁷ Каталог книг публичной библиотеки П.И. Макушина в Томске... С. 114.

³⁸ Каталог книг библиотеки Тобольского общественного собрания. Составлен в августе 1912 года. Тобольск, 1912. С. 23.

³⁹ Каталог Первой частной библиотеки Т.Д. Бр. Синкевич. Отдел VI. Беллетристика: 1-е добавление. Владивосток, 1912. С. 208.

⁴⁰ Каталог книг Нерчинской городской общественной библиотеки... С. 33.

⁴¹ Систематический каталог библиотеки Омского общественного собрания. Омск, 1915. С. 96.

⁴² Каталог Курганской городской публичной библиотеки... С. 30.

⁴³ Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. II. С. 94; Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 138.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Каталог Верхнеудинской городской общественной библиотеки. Июль 1910 г. Верхнеудинск, 1911. С. 40; Каталог книг в библиотеке Омского общества попечения о начальном образовании. [Отд. I–X, XIII]. Омск, 1906. С. 136.

⁴⁶ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 124; Систематический каталог библиотеки Омского общественного собрания... С. 96.

⁴⁷ Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. II. С. 86.

⁴⁸ Каталог Курганской городской публичной библиотеки... С. 30.

Изд. И.И. Фомина. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1907. 187 с.: 5 л. портр.⁴⁹).

Широко в библиотеках были представлены изданные эго-документы – воспоминания и записки декабристов: Н.В. Басаргина (Записки Николая Васильевича Басаргина. М.: Тип. Ф. Иогансон, 1872. 171 с.⁵⁰), А.П. Беляева (Воспоминания декабриста⁵¹; Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом: 1805–1850. СПб.: А.С. Суворин, 1882. [4], 507 с.⁵²), С.Г. Волконского (Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста) / Изд [и послесл.] М.С. Волконского. СПб.: Синод. тип., 1901. [2], VIII, 547 с., 3 л. портр.⁵³; 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Синод. тип., 1902⁵⁴), А.С. Гангеблова (Воспоминания декабриста. М.: Унив. тип., 1888. [6], 282 с. 2 руб.⁵⁵), Д.И. Завалишина (Записки декабриста Дмитрия Иринарховича Завалишина. [1-е изд. рус.]. СПб.: тип. «Сириус», 1906. 464 с.⁵⁶), А.Е. Розена (Записки⁵⁷; Записки декабриста: с приложением 8 видов и 1-го плана: 3 ч. в одной книге. Лейпциг: Дункер и Гумблот, 1870. XII, 636 с., 9 л. ил.⁵⁸; Записки декабриста: С портретом и приложениями. СПб.: Общественная польза, 1907. XVI, 466 с., 1 л. портр.⁵⁹; Одиссея недавних дней: в ссылку. Приложение: Самоубийство нового рода. М.: Издание наследников, 1899. [2], 201, III с.⁶⁰ (рис. 1); В ссылку (Записки декабриста). М.: изд. наследников, 1900. 255, IV с.⁶¹), С.П. Трубецкого (Записки кн. С.П. Трубецкого / [авт. предисл. З.С. Свербеева]. СПб.: издание его дочерей; тип. «Сириус», 1906 (обл. 1907). 210, VI с., 1 л. фронт. (портр.), 3 л. ил.⁶²), И.Д. Якушкина (Записки. СПб., 1905. 201 с.⁶³). Обращает на себя внимание тот факт, что часть эпистолярно-мемуарного наследия декабристов издана их потомками.

Распространенным явлением в сибирско-дальневосточных библиотеках было извлечение из журналов отдельных статей, оформление их отдельными книжками и включение в отделы каталогов. Таким образом, читателям предлагались также и эго-документы

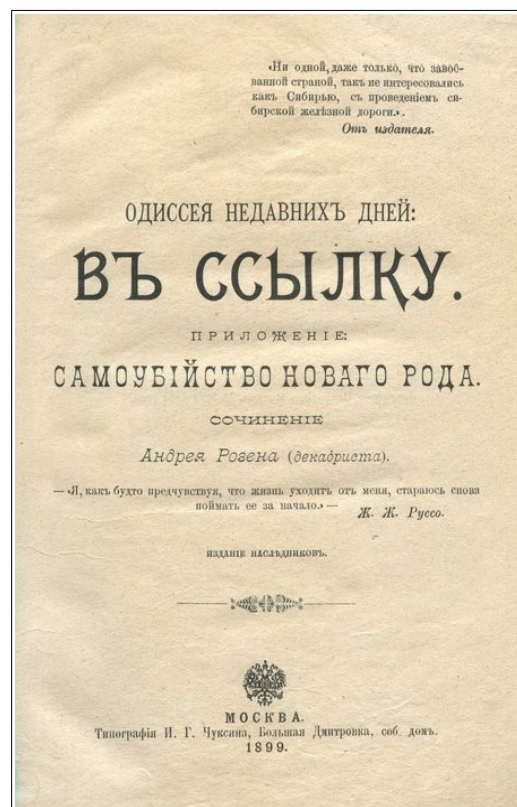

Рис. 1. Розен А.Е. Одиссея недавних дней: в ссылку. Приложение: Самоубийство нового рода. М.: издание наследников, 1899. [2], 201, III с. Обложка книги

⁴⁹ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 138–139.

⁵⁰ Каталог книг публичной библиотеки П.И. Макушина в Томске... С. 48.

⁵¹ Каталог книг Ишимской общественной бесплатной библиотеки. Томск, 1889. С. 12.

⁵² Каталог книг Красноярской городской общественной библиотеки... С. 21; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История. Иркутск, 1909. С. 10.

⁵³ Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 31.

⁵⁴ Каталог Красноярской городской библиотеки. Томск, 1914. Вып. I. С. 30; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 14.

⁵⁵ Каталог книг публичной библиотеки П.И. Макушина в Томске... С. 43; Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. I. С. 30; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 15.

⁵⁶ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 67; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 31.

⁵⁷ Каталог Верхнеудинской городской общественной библиотеки... С. 40.

⁵⁸ Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. I. С. 33.

⁵⁹ Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. I. С. 43; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 62.

⁶⁰ Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 62.

⁶¹ Каталог 2-ой Городской публичной библиотеки. Томск, 1917. С. 57.

⁶² Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 71.

⁶³ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 67; Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. I. С. 48.

декабристов (Якушкин И.Д. Записки⁶⁴). Много таких «книжиц» было в Троицкосавской общественной библиотеке⁶⁵ (Фролов А.Ф. Воспоминания и заметки декабриста; Пущин М.И. Декабристы на Кавказе; Бестужев М.А. Записки декабриста; Завалишин Д.И. Декабристы в Чите и Петровске; Чижов Н.А. Воспоминания) и Публичной библиотеке П.И. Макушина⁶⁶ (Записки декабриста А.П. Беляева; Записки Д.И. Завалишина; Дневник декабриста В.К. Кюхельбекера; Записки М.А. Фонвизина; Воспоминания М.И. Муравьева-Апостола).

В таком же формате было представлено опубликованное письмо В.И. Штейнгейля (Штейнгейль В.И. Сибирские сатрапы. 1765–1819 гг. (Письмо барона В.И. Штейнгейля к А.П. Ермолову) // Исторический вестник. 1884. № 8. С. 366–387⁶⁷), в котором содержится краткий обзор правителей Сибири. Его предваряла вступительная статья П.П. Каратыгина, посвященная декабристу.

Встречались издания, включавшие в себя одновременно разные виды эго-документов, например записки и письма, а порой вместе с ними и другие документы, связанные с декабристами, в том числе с процессом по их делу и их программные документы (В ссылке и заключении: Воспоминания декабристов кн. Оболенского, Басаргина и кн. Волконского: [Письма, стихи и др.] / [Ред.-изд. Г. В. Балицкий]. М.: Рус. т-во, 1908. 96 с., 5 л. ил.⁶⁸; Довнар-Запольский М.В. Мемуары декабристов (записки, письма, показания, проекты конституций, извлечения из следственного дела, с вводной статьей). Киев: издание книжного магазина С.И. Иванов и К^о, 1906. XLIV, 348 с.⁶⁹; Из писем и показаний декабристов: критика современного состояния России и планы будущего устройства / под ред. и [с предисл.] А.К. Бороздина. СПб.: изд. М.В. Пирожкова, 1906. [2], IV, 196 с.⁷⁰). Была в библиотечных фондах и «Русская правда» П.И. Пестеля (Пестель П.И. Русская правда: Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и временного верховного правления: Наказ Временному верховному Правлению / автор предисловия П. Щеголев. СПб.: Кн-во «Культура», 1906. XIV, [2], 245 с.⁷¹).

В фондах ряда библиотек состояли издания, опубликованные в которых тексты так или иначе были связаны с К.Ф. Рылеевым: поэзия, письма, статьи, программы за его авторством; документы следственного дела; стихотворения, ему посвященные; письма, ему адресованные; воспоминания о нем и др. (Рылеев К.Ф. Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева / изд. его дочери А.К. Пущиной под ред. и с предисл. П.А. Ефремова. СПб.: тип. И.И. Глазунова, 1872. [X], 382 с.⁷²; 2-е изд. СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1874. X, 346 с.⁷³; СПб., 1893⁷⁴; Рылеев К.Ф. Сочинения в 2-х томах. М., 1906–1907. Т. II. Что сталося с вами / сочинение Мицкевича. Памяти Рылеева / сочинение Н. Огарева. Приговор Верховного Уголовного Суда. Всеподданнейшее донесение о казни декабристов. Уведомление Коменданта. Казнь декабристов (воспоминания современников): Из рассказа полицейского; Рассказ Шницлера; Рассказ В.И. Беркопфа; Со слов присутствовавшего по службе при казни; Воспоминания Е.П. Оболенского; Прозаические статьи Рылеева; Планы и программы; Отрывки и заметки; Переписка К.Ф. Рылеева: Письма к отцу; Письма к матери; Письмо матери к Рылееву; Письмо Н. Мих. Тевяшевой; Письма к жене; Переписка с женой

⁶⁴ Каталог книг библиотеки профессионального общества рабочих печатного дела в г. Томске. Томск, 1913. С. 48.

⁶⁵ Каталог книг Троицкосавской общественной библиотеки... С. 5, 7, 10–12.

⁶⁶ Каталог книг публичной библиотеки П.И. Макушина в Томске... С. 56–57.

⁶⁷ Каталог книг Троицкосавской общественной библиотеки... С. 12.

⁶⁸ Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. I. С. 30.

⁶⁹ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 67.

⁷⁰ Систематический каталог Благовещенской городской общественной библиотеки... С. 241; Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 46; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 9.

⁷¹ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 50; Систематический каталог Благовещенской городской общественной библиотеки... С. 224.

⁷² Каталог книг Красноярской городской общественной библиотеки... С. 134.

⁷³ Каталог Курганской городской публичной библиотеки... С. 30.

⁷⁴ Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. II. С. 93; Каталог книг публичной библиотеки П.И. Макушина в Томске... С. 127.

из крепости; Оболенскому; Черновые письма к Государю; Письма А.С. Пушкину; Письма Пушкина к Рылееву; Письма К.Ф. Булгарину; Неизвестному; Из писем из Парижа; А.А. Дельвигу; Е.А. Баратынскому; Ю.У. Немцевичу. Письма Рылееву: Письмо Зубковского к Рылееву; Письмо Муханова ему же; Письмо Сомова. Из показаний Рылеева⁷⁵).

В нескольких библиотеках имелись записки жен декабристов – М.Н. Волконской (Волконская М. Записки княгини Марии Николаевны Волконской / с предисл. и прил. изд. кн. М.С. Волконского. СПб.: Тип. А. Бенке, 1906. [4], XXXV, 218 с., [10] л. ил.⁷⁶; Волконская М.Н. Записки княгини Марии Николаевны Волконской. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1904. [4], XXXV, 212 с., [9] л. ил., портр.⁷⁷) и П.Е. Анненковой (Записки жены декабриста Прасковьи Егоровны Анненковой [Pauline Gueble]: С портр. ил. и прил. [Петроград]: Прометей, [1915]. [4], 166 с., 3 л. ил., портр.⁷⁸).

Художественная литература о декабристах была представлена единичными изданиями в нескольких библиотеках: в Омской городской имени А.С. Пушкина – роман автора популярных в начале XX в. бестселлеров о любовных похождениях и мистификациях О.М. Бебутовой «Декабристы» (Бебутова О.М. Декабристы : Ист. роман. СПб.: Типо-лит. «Свет», 1906. 275 с., 1 л. портр.⁷⁹); Курганской городской публичной – «Роман декабриста» историка, археографа и писателя М.А. Веневитинова (Веневитинов М.А. Роман декабриста // Русская мысль. 1885. № 10⁸⁰) и «Декабристы» Л.Н. Толстого⁸¹.

Фонды библиотек пополняли трудами историков, обративших свое внимание на общественные движения в Российской империи XIX в., включая декабристское:

– Г. Василича (наст. имя – Г.В. Балицкий) (Разруха 1825 года. Восшествие на престол Императора Николая I. М.: изд. М. Образование, 1909. 159 с.⁸²) (рис. 2);

– литературоведа, выпускника Александровского лицея Н.А. Гастфрейнда, посвятившего свой труд другим лицеистам (Кюхельбекер и Пущин в день 14 декабря 1825 года: Кюхельбекер и Пущин в день четырнадцатого декабря 1825 года: По письменным показаниям В.К. Кюхельбекера, данным Следственной комиссии Верховного уголовного суда. СПб.: Столич. тип., 1901. 46 с.⁸³) (рис. 3);

– Томского, Тобольского, Акмолинского вице-губернатора А.И. Дмитриева-Мамонова (Декабристы в Западной Сибири: Очерк по официальным документам. М.: Унив. тип., 1895. 210 с.⁸⁴; Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб.: издание И. Балашова, 1905. XVI, 262 с., 35 л. ил.⁸⁵);

– профессора М.В. Довнар-Запольского (Идеалы декабристов. М., 1906⁸⁶; Тайное общество декабристов: Исторический очерк, написанный на основании следственного дела. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1906. VI, [2], 340 с.⁸⁷);

– архивиста Н.П. Павлова-Сильванского (Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом⁸⁸);

⁷⁵ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 51.

⁷⁶ Там же. С. 66.

⁷⁷ Каталог 2-ой Городской публичной библиотеки... С. 14.

⁷⁸ Систематический каталог библиотеки Омского общественного собрания... С. 11.

⁷⁹ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 113.

⁸⁰ Каталог книг Ишимской общественной бесплатной библиотеки... С. 31.

⁸¹ Каталог Курганской городской публичной библиотеки... С. 44.

⁸² Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 62.

⁸³ Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 15.

⁸⁴ Каталог книг публичной библиотеки П.И. Макушина в Томске... С. 45.

⁸⁵ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 68; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 22.

⁸⁶ Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. I. С. 32; Систематический каталог Благовещенской городской общественной библиотеки... С. 206.

⁸⁷ Систематический каталог Благовещенской городской общественной библиотеки... С. 220; Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. I. С. 32; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 22.

⁸⁸ Там же. С. 54.

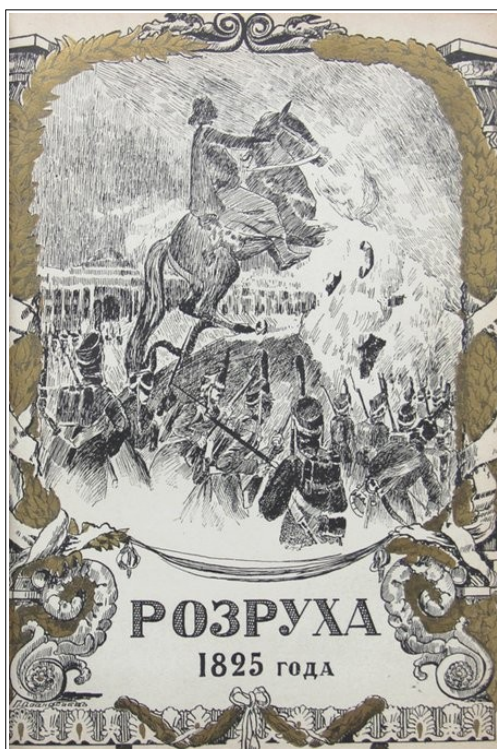

Рис. 2. Василий Г. Разруха 1825 года. Восшествие на престол Императора Николая I. М.: изд. М. Образование, 1909. 159 с. Обложка книги

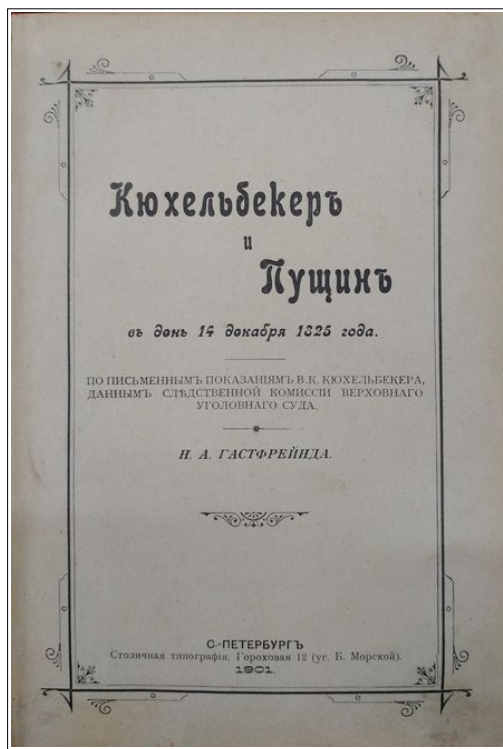

Рис. 3. Гастфрейнда Н.А. Кюхельбекер и Пущин в день 14 декабря 1825 года: По письменным показаниям В.К. Кюхельбекера, данным Следственной комиссии Верховного уголовного суда. СПб.: Столич. тип., 1901. 46 с. Обложка книги

– В.И. Семевского, В.В. Богучарского и П.Е. Щеголева (Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. I. Декабристы: М.А. Фон-Визин, князь Е.П. Оболенский и барон В.И. Штейнгейль (Статьи и материалы). СПб.: книгоизд-во М.В. Пирожкова, 1905. X, [2], 495 с.⁸⁹);

– П.Е. Щеголева (Первый декабрист Владимир Раевский: из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 80 с.⁹⁰, 1906⁹¹).

Сборники документов в сибирских библиотеках отражали следствие и суд по делу декабристов (Декабристы и тайные общества в России. Следствие. Суд. Приговор. Амнистия. Официальные документы. М.: издание В.М. Саблина, 1906. 168 с.⁹²; Процесс декабристов: донесение, следствие, приговор, письмо Рылеева из крепости, указы. М.: издание И.А. Малинина, 1905. 122 с.⁹³ (рис. 4)).

Редким изданием в библиотеках был художественный альбом с портретами декабристов (Декабристы. 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени Пояснительный текст П.М. Головачева. Вступит. статья В.А. Мякотина. М., 1906. XX, 294, III с., 89 л. ил.⁹⁴ (рис. 5)).

⁸⁹ Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 64.

⁹⁰ Каталог книг в библиотеке Омского общества попечения о начальном образовании... С. 51; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 79.

⁹¹ Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. I. С. 48.

⁹² Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 63; Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. I. С. 32; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История литературы. Правоведение. Политическая экономия. Педагогика. Учебники. Иркутск, 1908. С. 34.

⁹³ Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 60; Каталог Красноярской городской библиотеки... Вып. I. С. 55.

⁹⁴ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 68; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 21.

Рис. 4. Процесс декабристов: донесение, следствие, приговор, письмо Рылеева из крепости, указы. М.: издание И.А. Малинина, 1905. 122 с. Обложка книги

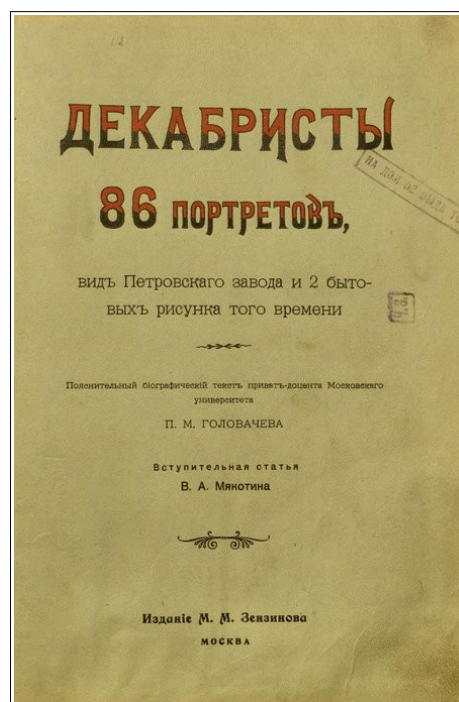

Рис. 5. Декабристы. 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени. Пояснительный текст П.М. Головачева. Вступит. статья В.А. Мякотина. М., 1906. XX, 294, III с., 89 л. ил.

Одна из публикаций рассказывала о судьбах девяти жен, двух невест и одной сестры декабристов, разделивших их участь (Хин М.М. Жены декабристов // Исторический вестник. 1884. № 12. С. 650–683⁹⁵).

Познакомиться с оценкой литературного творчества декабристов, данной специалистами, можно было в состоящих в их фондах изданиях трудов писателя, историка революционного движения в России, издателя, редактора журналов «Былое» и «Минувшие годы» В.Я. Богучарского (наст. фамилия Яковлев) (Богучарский В.Я. Из прошлого русского общества. Семейство Бестужевых. Декабрист-литератор А. Карнилович. Мемуары декабриста. Ал. Ив. Герцен. Столкновение двух течений общественной мысли. Гоголь как учитель жизни и др. статьи. Санкт-Петербург: кн-во М.В. Пирожкова, 1904. [8], 406, XII, 1 с., [5] л. ил., портр.⁹⁶), историков литературы и литературных критиков Р.В. Иванова-Разумника (наст. фамилия Иванов) (История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века. В 2 т. СПб., 1907. Т. I. Что такое интеллигенция. Содержание истории русской интеллигенции. В преддверии XIX века. Сентиментализм и романтизм. Декабристы. Пушкин и Лермонтов. Эпоха официального мещанства. Гоголь. Гончаров. Лишние люди. Тридцатые и сороковые года. Белинский. Западники и славянофилы. Чаадаев. Герцен. XVI, 328 с.⁹⁷; 2-е изд.⁹⁸) и Н.А. Котляревского, являвшегося также академиком Петербургской академии наук (Декабристы: кн. А.И. Одоевский и А.А. Бестужев-Марлинский. Их жизнь и литературная деятельность. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. 439 с.⁹⁹; Рылеев. Литературные направления Александровской эпохи. СПб.: Светоч, 1908¹⁰⁰).

⁹⁵ Каталог книг Троицкосавской общественной библиотеки... С. 11.

⁹⁶ Систематический каталог Благовещенской городской общественной библиотеки... С. 204.

⁹⁷ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 97.

⁹⁸ Систематический каталог Благовещенской городской общественной библиотеки... С. 206.

⁹⁹ Систематический каталог Омской городской библиотеки имени А.С. Пушкина... С. 68; Систематический каталог Благовещенской городской общественной библиотеки... С. 207; Каталог Иркутской городской публичной библиотеки. История... С. 39.

¹⁰⁰ Алфавитный указатель книг библиотеки Тюменского приказничьего клуба... С. 43.

Таким образом, наличие в дореволюционный период сочинений декабристов и о декабристах в фондах библиотек Сибири и Дальнего Востока было явлением повсеместным. Большая часть из них помещалась в отделах беллетристики и истории. Труды декабристов были представлены художественными произведениями, прежде всего прозой А.А. Бестужева-Марлинского и поэзией К.Ф. Рылеева, и эго-документами – воспоминаниями, записками, письмами. Среди сочинений о декабристах было несколько художественных произведений, основную же их часть составляли труды литературоведческие, посвященные творчеству писателей и поэтов из их числа, и исторические – по истории движения декабристов и общественного движения соответствующего периода в целом.

Обращает на себя внимание тот факт, что все рассмотренные библиотечные каталоги были одобрены цензурой и напечатаны с разрешения местных губернаторов, о чем в самих каталогах, как правило, делалась соответствующая запись. А это значит, что сочинения декабристов и о декабристах хранились в библиотечных фондах легально.

Подтверждение присутствия декабристской литературы в библиотеках региона ставит перед исследователями новые задачи – выявления и анализа источников комплектования фондов изданиями с произведениями декабристов и их востребованности у пользователей библиотек.

Литература

Азадовский М.К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Литературное наследство. 1954. Т. 59. С. 601–777.

Бобков А.К. Эпистолярная и мемуарная публицистика декабристов сибирского периода и ее влияние на общество // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2011. № 2 (7). С. 130–136.

Бобков А.К. Творчество декабристов в отечественном литературоведении // Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: мат-лы в 2 т. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2015. Т. 1. С. 44–50.

Гулин А.В. Декабристы в эпическом отображении Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 96–119.

Еланцева О.П. «Обычная» жизнь декабристов в ссылке в Западной Сибири (по материалам воспоминаний, записок и очерков) // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 120–126.

Зильберштейн И.С. Рассказ Николая Бестужева «Похороны» (1829) // Литературное наследство. 1956. Т. 60, № 1. С. 171–190.

Мамсик Т.С. Новое прочтение известных тестов: декабрист И.И. Пущин и другие // Человек – текст – эпоха: сб. науч. ст. и материалов. Томск: Том. гос. ун-т, 2011. Вып. 4. С. 38–63.

Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио // Поджио А.В. Записки, письма / изд. подгот. Н.П. Матхановой. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. С. 3–64. (Сер.: Полярная звезда).

Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.

Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио (1798–1873): проблема национальной (и не только) самоидентификации [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 79–92. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-05.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).

Панченко А.М. Каталоги военно-научной библиотеки Николаевской инженерной академии и училища как наиболее полные библиографические указатели литературы по истории военно-инженерного дела (к 200-летию со дня основания библиотеки) // Роль библиографии в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. М., 2018. С. 719–748.

Проданик Н.В. Метафора «книга-пища» в письмах, дневниках и воспоминаниях декабристов: семантические варианты и аксиологическая градация // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 19. С. 62–74.

Сергеев Т.С. Декабристы – исследователи природы, экономики, населения, хозяйства, этнокультуры народов Сибири // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории: материалы LXI конференции преподавателей и студентов ЧГПУ им. И.Я. Яковлева по итогам НИР за 2020 г. Вып. 3. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2021. С. 176–184.

Сергеев Т.С., Орлов В.В., Андреев В.В. Вклад декабристов в изучение и развитие этнокультуры народов Сибири // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии. 2021. № 1 (57). С. 21–30.

Сологуб Н.С. Сибирь и сибиряки в мемуарах декабристов // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 2. С. 19–25.

Туманик Е.Н. Эпистолярное наследие декабриста И.Д. Якушкина // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 14–18.

Туманик Е.Н. Роль мемуарного наследия декабристов в научной концепции Г.П. Шатровой // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 4. С. 50–57.

References

Azadovskiy, M.K. (1959). Zatoryannye i utrachennye proizvedeniya dekabristov [Forgotten and Lost Works of the Decembrists]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 59, pp. 601–777.

Bobkov, A.K. (2011). Epistolyarnaya i memuarnaya publitsistika dekabristov sibirskogo perioda i ee vliyanie na obshchestvo [Epistolary and Memoir Journalism of the Decembrists of the Siberian Period and its Impact on Society]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 2 (7), pp. 130–136.

Bobkov, A.K. (2015). Tvorchestvo dekabristov v otechestvennom literaturovedenii [Creativity of the Decembrists in Domestic Literary Criticism]. In *Vos'mye Baykal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya: materialy v 2 tomakh*. Irkutsk. Vol. 1, pp. 44–50.

Elantseva, O.P. (2019). "Obychnaya" zhizn' dekabristov v ssylke v Zapadnoy Sibiri (po materialam vospominaniy, zapisok i ocherkov) [The "Ordinary" Life of the Decembrists in Exile in Western Siberia (Based on Memoirs, Notes and Essays)]. In *Filologicheskii klass*. No. 3 (57), pp. 120–126.

Gulin, A.V. (2021). Dekabristy v epicheskom otobrazhenii L.N. Tolstogo i N.A. Nekrasova [Decembrists in the Epic Display of L.N. Tolstoy and N.A. Nekrasov]. In *Dva veka russkoy klassiki*. Vol. 3, No. 2, pp. 96–119.

Mamsik, T.S. (2011). Novoe prochtenie izvestnykh tekstov: dekabrist I.I. Pushchin i drugie [New Reading of Famous Tests: Decembrist I.I. Pushchin and Others]. In *Chelovek – tekst – epokha: sbornik nauchnykh statey i materialov*. Tomsk. Iss. 4, pp. 38–63.

Matkhanova, N.P. (1989). Dekabrist Aleksandr Viktorovich Podzhio [Decembrist Alexander Viktorovich Poggio]. In *Podzhio A.V. Zapiski, pis'ma*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 3–64. (Seriya: Polyarnaya zvezda).

Matkhanova, N.P. (2010). *Sibirskaya memuaristika XIX veka* [Siberian Memoirism of the 19th Century]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 551 p.

Matkhanova, N.P. (2020). Dekabrist Aleksandr Viktorovich Podzhio (1798–1873): problema natsional'noy (i ne tol'ko) samoidentifikatsii [Decembrist Alexander Viktorovich Poggio (1798–1873): The Problem of National (And Not Only) Self-Identification]. In *Istoricheskii kur'er*. No. 6 (14), pp. 79–92. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-05.pdf> (date of access 10.08.2025).

Panchenko, A.M. (2018). Katalogi voenno-nauchnoy biblioteki Nikolaevskoy inzhenernoy akademii i uchilishcha kak naibolee polnye bibliograficheskie ukazateli literatury po istorii voenno-inzhenernogo dela (k 200-letiyu so dnya osnovaniya biblioteki) [Catalogs of the Military Scientific Library of the Nikolaev Engineering Academy and School as the Most Complete Bibliographic

Indexes of Literature on the History of Military Engineering (To the 200th Anniversary of the Founding of the Library)]. In *Rol' bibliografii v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statey*. Moscow, pp. 719–748.

Prodanik, N.V. (2019). Metafora “Kniga-Pishha” v pis'makh, dnevnikakh i vospominaniyakh dekabristov: semanticheskie varianty i aksiologicheskaya gradatsiya [The Metaphor of the “Food Book” in Letters, Diaries and Memoirs of the Decembrists: Semantic Variants and Axiological Gradation]. In *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. No. 19, pp. 62–74.

Sergeev, T.S. (2021). Dekabristy – issledovateli prirody, ekonomiki, naseleniya, khozyaystva, etnokul'tury narodov Sibiri [Decembrists – Researchers of Nature, Economics, Population, Economy, and Ethnoculture of the Peoples of Siberia]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii: materialy LXI konferentsii prepodavateley i studentov ChGPU imeni I.Ya. Yakovleva po itogam nauchno-issledovatel'skoy raboty za 2020 g.* Iss. 3. Cheboksary, pp. 176–184.

Sergeev, T.S., Orlov, V.V., Andreev, V.V. (2021). Vklad dekabristov v izuchenie i razvitie etnokul'tury narodov Sibiri [Decembrists-Researchers of Nature, Economics, Population, Economy, Ethnoculture of the Peoples of Siberia]. In *Vestnik XII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovii*. No. 1 (57), pp. 21–30.

Sologub, N.S. (2020). Sibir' i sibiryaki v memuarakh dekabristov [Siberia and Siberians in the Memoirs of the Decembrists]. In *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. No. 2. pp. 19–25.

Tumanik, E.N. (2013). Epistolyarnoe nasledie dekabrista I.D. Yakushkina [Epistolary Heritage of the Decembrist I.D. Yakushkin]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1, pp. 14–18.

Tumanik, E.N. (2020). Rol' memuarnogo naslediya dekabristov v nauchnoy kontseptsii G.P. Shatrovoy [The Role of the Memoir Heritage of the Decembrists in the Scientific Concept of G.P. Shatrova]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 27, No. 4, pp. 50–57.

Zil'bershteyn, I.S. (1956). Rasskaz Nikolaya Bestuzheva “Pokhorony” (1829) [Nikolay Bestuzhev's Story “Funeral” (1829)]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 60, No. 1, pp. 171–190.

Н.П. Матханова*

ЛАРИСА АНДРЕЕВНА ПОДЖИО –
ЖЕНА ДЕКАБРИСТА, НО НЕ «ДЕКАБРИСТКА»**doi:10.31518/2618-9100-2025-6-5
УДК 94(47).073+08

Выходные данные для цитирования:
Матханова Н.П. Лариса Андреевна Поджио – жена декабриста,
но не «декабристка» // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 73–92.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-05.pdf>

N.P. Matkhanova*

LARISA ANDREEVNA PODZHIO:
A DECEMBRIST'S WIFE, BUT NOT A "DECEMBRISTKA"***

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-5

How to cite:
Matkhanova N.P. Larisa Andreevna Podzhio: A Decembrist's Wife,
but not a "Decembristka" // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 73–92.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-05.pdf>]

Abstract. The study examines the distinctions between the terms “Decembrist’s wife” and “Decembristka” (women who traveled to Siberia to join their brothers, husbands, or fiancés sentenced to penal servitude and exile). It proposes a classification of Decembrists’ wives into three groups based on their social origin. The article notes that very little is known about the women who came from the middle strata of the Siberian population and married Decembrists. The primary focus is to reconstruct the key events in the life of L.A. Smirnova, the wife of the Decembrist L.A. Podzhio. The research draws on sources such as letters from L.A. Podzhio and L.A. Podzhio and their daughter V.A. Vysotskaya, correspondence from other Decembrists and their families, and memoirs by N.A. Belogolovyi and S.M. Volkonsky. It has been established that L.A. Smirnova graduated from the Alexanderovskii School for Girls in Moscow, receiving a substantial education for the mid-19th century. The article provides details about her life with her husband, both before and after the amnesty, as well as her activities in Italy during her final years. It highlights the difficulties she faced, including financial uncertainty, the lack of a permanent home, frequent relocations, and anxiety about her daughter’s future. The study identifies specific aspects of L.A. Podzhio’s daily life that align with the practices common in noble-intellectual families in the second half of the 19th century. These include the significant role of women in the family, the recognition of the need for female education and preparation for professional work, and women’s ability and determination to earn a living. The text also points to L.A. Podzhio’s personal acquaintance with A.I. Herzen and her decisive role in providing him with information about a conflict between the Decembrist and his nephew. The article emphasizes that L.A. Podzhio maintained contact with many Decembrists, their wives, and children, both during her husband’s lifetime and after his death. Her role in preserving and publishing L.A. Podzhio’s “Memoirs” is underscored.

Keywords: Decembristka, Decembrists’ wives, L.A. Podzhio, L.A. Podzhio (Smirnova), V.A. Vysotskaya (Podzhio), gender history, biographies of non-famous women.

* Наталья Петровна Матханова, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nmatkhanova@mail.ru

Natalia Petrovna Matkhanova, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nmatkhanova@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

The article was made on the topic of the state assignment “The Past in the Manuscript Sources of the 16th–20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” (FWZM-2024-0006).

The article has been received by the editor on 27.10.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Рассматриваются различия между понятиями «жены декабристов» и «декабристки» (приехавшие к осужденным на каторгу и ссылку братьям, мужьям или женихам). Предложено деление жен декабристов на три группы в соответствии с социальным происхождением. Отмечено, что очень мало известно о тех женщинах, которые происходили из средних слоев сибирского населения и вышли замуж за декабристов. Реконструируются основные вехи биографии Л.А. Смирновой, жены декабриста А.В. Поджио. Используются такие источники, как письма А.В. и Л.А. Поджио, их дочери В.А. Высоцкой, переписка других декабристов и членов их семей, воспоминания Н.А. Белоголового и С.М. Волконского. Установлено, что Л.А. Смирнова закончила Московское Александровское училище для девочек, т.е. получила серьезное для середины XIX в. образование. Приведены сведения о ее жизни с мужем как до амнистии, так и после нее, а также о ее деятельности в Италии в последние годы. Показаны переживавшиеся ею трудности – неопределенность финансового положения, отсутствие собственного дома, частые переезды, неуверенность в будущем дочери. Выявлены те черты повседневной жизни Л.А. Поджио, которые соответствовали распространенным во второй половине XIX в. в дворянско-интеллигентских семьях практикам: значительная роль женщины в семье, осознание необходимости женского образования и подготовки девушек к профессиональному труду, умение и решимость женщин зарабатывать на жизнь. Указывается на личное знакомство Л.А. Поджио с А.И. Герценом и ее решающую роль в передаче последнему информации о конфликте декабриста с его племянником. Подчеркивается, что Л.А. Поджио как при жизни мужа, так и после его смерти поддерживала контакты со многими декабристами, их женами и детьми. Отмечается ее роль в сохранении и публикации «Записок» А.В. Поджио.

Ключевые слова: декабристки, жены декабристов, А.В. Поджио, Л.А. Поджио (Смирнова), В.А. Высоцкая (Поджио), гендерная история, биографии незначительных женщин.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025 г.

Споры о декабристах, их роли в истории России, их идейно-политических взглядах и духовно-нравственном облике не прекращаются уже почти 200 лет. Взвешенная и современная характеристика истории движения представлена в написанной С.В. Мироненко главе в коллективной «Истории России»¹. обстоятельный и высокопрофессиональный обзор историографии содержится в монографии Т.В. Андреевой², а также серьезных статьях ряда других исследователей³.

¹ Мироненко С.В. Тайные общества декабристов. Восстание 14-го декабря 1825 г. // История России в 20 томах. Т. VIII. Россия в первой половине XIX века (в печати).

² Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 12–84.

³ Бокова В.М. «Больной скорее жив, чем мертв»: заметки об отечественном декабристоведе 1990-х гг. // 14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2011. Вып. 6. С. 497–561; Ильин П.В. Актуальные направления в изучении истории декабристов вчера и сегодня: некоторые оценки и наблюдения // Декабристы. Актуальные направления исследований. СПб., 2014. С. 3–21; Цамутали А.Н., Белоусов М.С. 190-летие восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2015. Сер. 2, вып. 4. С. 5–20; Эдельман О.В. Разговор о декабристах // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 156–160; Ильин П.В., Шкерин В.А. Междоусобие и петербургское восстание декабристов в зеркале постсоветской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, вып. 2. С. 655–671.

Жены декабристов, во всяком случае в рамках научного дискурса, не подвергаются критике, им почти не дают негативных оценок. Понятия «жены декабристов» и «декабристки» воспринимаются как синонимы. В энциклопедических статьях так и указывается: «Декабристки – жены осужденных на каторгу декабристов, добровольно последовавшие за мужьями в Сибирь», хотя в перечень исторических лиц, к которым относилось это понятие, включены также сестры М.А. и Н.А. Бестужевых, мать и сестра К.П. Торсона⁴. Сложившийся и вошедший в общественное сознание образ декабристки во многом мифологичен. Он заложен в историческую память еще поэмой Н.А. Некрасова «Русские женщины». Содержание мифа о женах декабристов в общественном сознании постсоветского времени рассмотрено С.Е. Эрлихом, который тоже не различает декабристок и жен декабристов⁵. Традиционные составляющие образа: богатство, знатность, самоотверженность, страдания. Обычно все это относится к женщинам, отправившимся вслед за мужьями (в двух случаях еще не мужьями) в страшную Сибирь, на каторгу и в ссылку. В массовом сознании всех жен декабристов и даже всех «декабристок» в стереотипном понимании этого слова затмевают три из них – М.Н. Волконская, А.Г. Муравьева и Е.И. Трубецкая, принадлежавшие по рождению и по замужеству к элите Российской империи. Благодаря фильму В. Мотыля «Звезда пленительного счастья» в этот ряд вписана Полина Гельб с ее романтической историей.

Жен декабристов можно условно разделить на три группы:

Первая – дамы, приехавшие в Сибирь за мужьями или женихами: П.Е. Анненкова, М.Н. Волконская, А.И. Давыдова, А.В. Ентальцева, К.П. Ивашева, А.Г. Муравьева, Е.П. Нарышкина, А.В. Розен, Е.И. Трубецкая, Н.Д. Фонвизина, М.К. Юшневская. Им посвящены монографии и статьи, стихи и поэмы, романы и рассказы. О сестре и матери Торсона и их приезде в Сибирь довольно подробно рассказано в биографии К.П. Торсона⁶, но о сестрах Бестужева почти ничего не написано⁷.

Вторая, самая многочисленная группа – сибирячки «из народа»: крестьянки А.П. Бечаснова (Кичигина), Ф.И. Киреева (Соловьева), А.Д. Люблинская (Тюменцева), Е.М. Раевская (Середкина), гражданские жены А.И. Тютчева – А.П. Жибинова, А.Ф. Бригена – А.Т. Темникова, М.К. Кюхельбекера – А.С. Токарева; казачки Ф.С. Аврамова (Даурская), Е.Л. Мозгалевская (Агеева), Е.Н. Фролова (Макарова), А.Ф. Фаленберг (Соколова), Е.М. Фролова (Макарова); служанки М.Д. Крюкова (урожд. Чотушкина, по первому мужу Сайлотова), В.С. Оболенская (Баранова), гражданская жена Н.А. Бестужева Сабилаева; М.А. Свистунова (мещанка Неугодникова), А.Н. Киреева (ссыльная Якубова) и др. Их судьбы, хотя и кратко, освещены в ряде статей⁸.

Третья – женщины, происходившие из средних слоев и вышедшие за ссыльных декабристов: М.Е. Басаргина (дочь поручика Маврина), О.И. Басаргина (дочь педагога Менделеева), М.Н. Бестужева (дочь казачьего есаула Селиванова), А.С. Завалишина (дочь горного чиновника Смольянинова), Д.И. Кюхельбекер (дочь почтмейстера Артенова), П.А. Лисовская (дочь священника Петрова), Ж.А. Муравьева (гувернантка Бракман), М.К. Муравьева-Апостол (дочь священника Константинова), Л.А. Поджо (классная дама Смирнова). Краткие сведения о них приведены в предисловиях и комментариях к публикации сочинений и писем их мужей и других декабристов.

Предложенное деление крайне условно. Во-первых, в третью группу, строго говоря, следовало бы включить незнатных и небогатых А.И. Давыдову и А.В. Ентальцеву,

⁴ Сокольский Л.А. Декабристки // Советская историческая энциклопедия. М., 1964. Т. 5. Стб. 47–48.

⁵ Эрлих С.Е. Декабристы в исторической памяти: конец 1990-х – начало 2010-х. СПб.; М., 2014. С. 121–125.

⁶ Шешин А.Б. Декабрист К.П. Торсон. Улан-Удэ, 1979. С. 138–142, 160–175, 186–190.

⁷ Есть лаконичная информация в комментариях к публикации ее воспоминаний (Воспоминания Бестужевых / редакция, коммент. и вступит. статья М.К. Азадовского. СПб., 2005 (репринтное переизд.). Сер.: «Литературные памятники». С. 541, 790.

⁸ Богданова М.М. Жены декабристов сибирячки // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 242–262; Матханова Е.И., Матханова Н.П. «Здесь моего семейства не брошу...»: неравные браки и внебрачные дети декабристов // Семейные узы: Модели для сборки. М., 2004. Кн. 2. С. 355–383.

служившую гувернанткой К.П. Ле Дантю, «модистку» П. Гебль – гражданскую жену И.А. Анненкова, обвенчанную с ним в Сибири. Во-вторых, в статьях о женах декабристов – сибирячках вместе с крестьянками, казачками и т.п. фигурируют обычно Д.И. Кюхельбекер, А.С. Завалишина, обе жены Н.В. Басаргина, П.А. Лисовская, но не называются жены П.Н. Свистунова, М.И. Муравьева-Апостола, А.М. Муравьева, А.В. Поджио.

О том, как складывалась жизнь незнатных жен, какими были перенесенные ими трудности, что они думали и чувствовали, практически неизвестно. В то же время тема эта имеет немалое значение и в гендерном аспекте, ее разработка показывает возможности освещения истории «незnamenитых женщин», составлявших «молчаливое большинство». Это понятие традиционно применяется к крестьянству и вообще низам средневекового общества, но может быть использовано и для обозначения женщин самого разного социального происхождения и положения в Новое время.

О жене декабриста Александра Викторовича Поджио Ларисе Андреевне (урожд. Смирновой), как и о большинстве женщин из второй и третьей групп, до сих пор известно совсем немного. Она родилась 1 февраля 1823 г. – дата названа в одном из писем А.В. Поджио⁹, год устанавливается по его же официальному обращению к московскому генерал-губернатору П.А. Тучкову¹⁰. На одном из генеалогических сайтов приведены выписки из метрических книг, которые подтверждают: 1 февраля 1823 г. у титулярного советника Андрея Никитовича Смирнова и его жены Анны Николаевны, дочери «умершего Олоненского мушкетерского полку дворянина вагенмейстера Николая Шевлякова», родилась дочь Лариса¹¹.

В 1841 г. она закончила с серебряной медалью Московское Александровское училище, в конце XIX в. переименованное в Александровский институт¹². В это учебное заведение принимали успешно сдавших экзамен 80 девочек в возрасте от 11 до 12 лет, дочерей имевших обер-офицерский чин служащих в «воинской, статской или придворной службе», а также мещан, священников, медиков. Воспитанницы находились на полном «казенном иждивении», хотя можно было учиться за счет родителей или других лиц¹³. Их готовили «к жизни трудовой на всех поприщах, доступных женскому труду, и особенно в качестве воспитательниц и наставниц». Для этого они должны были приобрести «необходимые познания» и учиться «работам или рукоделиям»¹⁴. Им преподавали Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, арифметику, историю, географию, чистописание, рисование¹⁵. А в «свободные от учения часы» они должны были практиковаться «в шитье платья и белья <...> и в починках оных»¹⁶. Кроме того, было организовано особое обучение пепиньерок – помощниц классных дам, которых готовили к занятию этих должностей¹⁷. Они могли оставаться в училище не более трех лет, а затем должны были «приискывать места» классных дам или наставниц детей «в хорошем партикулярном доме». На практике «все почти, по бедному своему состоянию», выпускницы поступали «в частные дома гувернантками», хотя бывало, что какие-то могли стать классными дамами в институтах¹⁸.

Сведений о жизни Л.А. Смирновой между окончанием ею в 1841 г. Александровского училища до поступления в 1848 г. в Девичий институт Восточной Сибири не обнаружено. Можно предполагать, что она некоторое время была пепиньеркой и гувернанткой, но вряд ли ей удалось стать классной дамой в Москве, она бы не оставила такое место.

Девичий институт Восточной Сибири был открыт 1 июля 1845 г. по ходатайству генерал-губернатора В.Я. Руперта. Первой директрисой стала «вдова чиновника X класса»

⁹ Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989 (Сер.: Полярная звезда). С. 161.

¹⁰ Там же. С. 258.

¹¹ Сайт семейной истории Петровых [Электронный ресурс]. URL: <https://petrovy.su/t/mhi525357.html> (дата обращения: 10.07.2025).

¹² Московский Александровский институт. 1805–1905 гг. М., 1905. С. 202.

¹³ Там же. С. 14–17.

¹⁴ Там же. С. 46.

¹⁵ Там же. С. 99.

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ Там же. С. 72, 74, 79–80.

¹⁸ Там же. С. 78, 127.

Каролина Карловна Куз[ь]мина¹⁹. В 1834 г. мать декабристов Н.М. и А.М. Муравьевых отправила ее в Сибирь для воспитания внучки²⁰, после ссоры с Муравьевыми она уехала из Сибири, но через год вернулась и с февраля 1841 по март 1842 г. жила у Трубецких в Оёке²¹. «Первыми по времени назначения на службу в институт классными дамами были Мария Павловна Стахович <...> и две сестры Эк – Софья Андреевна <...> и Дарья Андреевна»²². М.П. Стахович оставалась в институте до 1860 г., Д.А. Эк – до 1849 г., С.А. Эк – до 1852 г. Д.А. Эк, кроме того, преподавала музыку²³. В статье Л.С. Пихтиной пропущена классная дама фон-Герцен, служившая в 1845–1848 гг.²⁴ Именно на ее место, очевидно, и была принята в 1848 г. Л.А. Смирнова²⁵. Можно предположить, что какую-то роль сыграл приезд в Москву члена Совета вновь учреждаемого в Иркутске института И.М. Осипова. Он был командирован для приобретения «всего необходимого» и докладывал, что особенно полезны оказались советы начальницы Московского Екатерининского института С.К. Певцовой²⁶. Александровское училище первоначально входило в Московское училище ордена Св. Екатерины на правах отделения для девочек недворянского происхождения, в 1838–1859 гг. у них был один инспектор классов (Н.Д. Брашман)²⁷. Все это могло способствовать получению Л.А. Смирновой рекомендации в новое учреждение.

Все же не удалось выяснить, как она попала в Сибирь. Шаг был решительный и даже отчаянный. В художественной и учебной литературе начала XIX в. доминировал образ Сибири как «страны-тюрьмы, пустынной, холодной», далекой, «страны изгнания»²⁸ и т.п. В 1858 г. отправлявшаяся в Девичий институт Восточной Сибири из Смольного В.П. Быкова записывала в дневнике: «Ехать за 6 000 верст. Уф! Страшно»²⁹. Добравшись еще не до Иркутска, но до границы Сибири, она ужасалась: «Страшно и вспомнить эту дорогу! Какой дикий край»³⁰. Скорее всего, таким же было и настроение Смирновой.

Сибирский вариант имел благоприятные стороны. Классной даме Девичьего института Восточной Сибири тогда полагалось жалованье в 300 руб. в год³¹, что было совсем неплохо. По расчетам И.С. Черновой, во второй половине XIX в. в Сибири жалованье редактора периодического издания составляло примерно 600 руб. в год³². При этом, как и в других институтах, классным дамам, очевидно, предоставлялось проживание, а может быть и питание³³. Служба отнимала много времени. Известно, как складывался день у воспитанниц: они «вставали в 6 часов утра и после утренней молитвы пили чай; от 7 1/2 до 9 готовили уроки, от 9 до 12-ти занимались в классах, в 12 обедали, после обеда до 2-х пользовались рекреационным временем для игр и отдыха, от 2 до 5 снова занимались в классах, в 5 пили чай,

¹⁹ Исторический очерк деятельности Иркутского института императора Николая I. Первое 50-летие: 1845–1895 гг. Иркутск, 1896. С. 10.

²⁰ Лисицына Г.Г., Филиппова Э.Н. Декабрист Александр Михайлович Муравьев // Муравьев А.М. Записки, письма. Иркутск, 1999. С. 43.

²¹ Павлова В.П. Комментарий // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Иркутск, 1987. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. С. 483, 501.

²² Пихтина Л.С. Педагоги Иркутского Девичьего Института: судьбы, вклад в образование города и формирование женской интеллектуальной культуры // История и археология: мат-лы I Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб., 2012. С. 48–52.

²³ Исторический очерк. Прилож. С. 3, 4, 10.

²⁴ Там же. С. 3.

²⁵ Там же. С. 4.

²⁶ Там же. С. 11.

²⁷ Московское училище ордена св. Екатерины. 1803–1903 гг. Исторический очерк. М., 1903. С. 462; Московский Александровский институт. 1805–1905 гг. ... С. 191.

²⁸ Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. С. 80, 324.

²⁹ [Быкова В.П.] Записки старой смолянки В.П. Б-вой. 1858–1878. СПб., 1999. Ч. 2. С. 4.

³⁰ Там же. С. 16.

³¹ Исторический очерк. С. 51. Таким же было жалованье классных дам в Московском Александровском училище (Московский Александровский институт. 1805–1905 гг. ... С. 123).

³² Чернова И.С. Становление и функционирование профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2024. С. 202.

³³ Исторический очерк... С. 48.

от 6 до 8 готовили уроки, в 8 ужинали и затем после вечерней молитвы ложились спать»³⁴. Таким же был рабочий день классных дам, которые должны были смотреть за порядком в классах и на переменах, за внешним видом воспитанниц и их поведением, помогать им готовить домашние задания и сопровождать в класс, на прогулку, в столовую³⁵. Так что Лариса Андреевна привыкла к труду. И все же, несмотря на такую занятость, существовала возможность вести светскую жизнь, институтки вспоминали о развлечениях своих классных дам³⁶. С.П. Трубецкой, чьи дочери учились в Институте, писал в мае 1848 г. И.Д. Якушкину: «В дни рождения и именин домашних обыкновенно обедают у нас наши, кто тогда в городе, Каролина Карл[овна] и две классные дамы их Института, которые любят наших детей, сестры Эк»³⁷.

После смерти К.К. Кузьминой начальницей Института в августе 1849 г. была назначена М.А. Дорохова. Для нее не только сотрудники нового генерал-губернатора Н.Н. Муравьева, но и «некоторые из осевших в Иркутске и возле него декабристов, с их семьями – Волконские, Трубецкие, Юшневские, Поджио и др. <...> были свои люди по общности воспитания, образования и круга общества, к которому она принадлежала». Она была доступна для институток и «особенно охотно вводила в круг своих знакомых воспитанниц старшего класса»³⁸. Легко допустить, что и молодые классные дамы могли бывать в этом обществе. Во всяком случае уже 21 мая 1850 г. двадцатисемилетняя Л.А. Смирнова вышла за ссыльного декабриста, официально числившегося на поселении в Усть-Куде, но фактически жившего в Иркутске, Александра Викторовича Поджио («Сегодня 21 год нашему браку», – писал А.В. Поджио 21 мая 1871 г. М.С. Волконскому)³⁹. Шафером был П.А. Муханов⁴⁰. Польский ссыльный, живший в Иркутске, Ю. Сабиньский записал в дневнике: «Сейчас все только и говорят, что о свадьбе Александра Поджио и девицы Ларисы Смирновой, одной из воспитательниц здешнего института. <...> Всех удивляет это внезапное чувство Поджио, которого не было еще несколько дней назад, и такое скорое решение обоих, которое трудно понять, ведь ему пятьдесят с лишним лет, и он очень болезненный, ей же двадцать два или двадцать три, она хорошо образованна и весьма привлекательна»⁴¹.

А.В. Поджио, которому ко времени брака было 58 лет, в молодости пользовался успехом в свете. В 1844 г. Е.П. Оболенский напоминал родственнице Е.Н. Хвостовой о ее знакомом, «любезном офицере Преображенского полка Александре Поджио». По слухам, сестра преображенца П.Н. Игнатьева Мария «была влюблена в молодого красивого товарища брата и после его ареста постриглась в монахини»⁴². В 1859 г. она пригласила Александра Викторовича с женой посетить ее; позже Л.А. Поджио говорила Н.А. Белоголовому, что «старушка монахиня, сжимая ее руки в своих, сказала ей: “Вы счастливейшая женщина! Вы должны посвятить всю вашу жизнь, чтобы заботиться о вашем муже и беречь его, потому что это – святой человек”»⁴³. И в Сибири он пользовался успехом у дам. Е.С. Волконская вспоминала в письме к брату: «... влюбчивый же был Дядька (так звали А.В. Поджио в семье Волконских. – Н. М.), сколько у него было пассий <...> Наконец, вершина любви Дядьки прекраснее из всех Лариса! Тут уж баста, угомонился»⁴⁴.

³⁴ Исторический очерк... С. 41.

³⁵ Стерлигова А.В. Воспоминания // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2008. С. 84-87; Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц... С. 139, 143, 144, 147, 192.

³⁶ Хвоцинская-Зайончковская С.Д. Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. № 9. С. 269; № 10. С. 548.

³⁷ Трубецкой С.П. Материалы о жизни... Т. 2. С. 188.

³⁸ Исторический очерк... С. 62.

³⁹ Поджио А.В. Записки, письма... С. 441

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Сабиньский Ю. Сибирский дневник: в 2 т. Иркутск, 2015. Т. 2. С. 720.

⁴² Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио // Поджио А.В. Записки, письма... С. 9.

⁴³ Белоголовый Н.А. А.В. Поджио // Знаменский М.С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 333.

⁴⁴ Добрынина Е.А. Бедная Нелли: Судьба дочери декабриста. Иркутск, 2024. С. 359.

Вот как описывал его облик к предполагаемому времени знакомства с будущей женой Н.А. Белоголовый: «Длинные черные волосы, падавшие густыми прядями на плечи, красивый лоб, черные выразительные глаза, орлиный нос при среднем росте и изящной пропорциональности членов давали» ему «привлекательную внешность. <...> Под этой красивой наружностью скрывался человек редких достоинств и редкой души. Тяжелая ссылка и испорченная жизнь только закалили в нем рыцарское благородство, искренность и прямодушие в отношениях, горячность в дружбе и <...> придали ему редкую мягкость, незлобие и терпимость к людям»⁴⁵.

Л.А. Смирнова, как и П. Гебль, К. Ле Дантю, Ж. Бракман, – приезжая, она не родилась и не выросла в Сибири. Но, в отличие от них или, во всяком случае, от двух первых, Смирнова приехала не к мужу или жениху, а на работу. Еще важнее другое – Поджио не был так богат, как И.А. Анненков, В.П. Ивашев, А.М. Муравьев. Брак с ним не сулил особых материальных благ. Л.А. Смирнова вышла за ссыльного, лишенного прав состояния и не очень обеспеченного. С другой стороны, она, в отличие от приехавших ранее, выходила не за каторжного, не испытала связанных с этим тягот, которые окружили «декабристов» ореолом мученичества.

О событиях в жизни четы можно узнать из переписки декабристов и их родных. Н.Д. Свербеев, ставший позже зятем С.П. Трубецкого, писал сестре, что 21 сентября 1851 г. у Волконских праздновали именины Д.В. Молчанова, мужа Е.С. Волконской, и на обед «собралось человек до 25 близких», в том числе «мадам и месье Поджио»⁴⁶. С.Г. Волконский писал И.И. Пущину 28 июня 1854 г.: А.В. Поджио «ждет разрешения беременности своей супруги. Дай бог, чтобы кончилось счастливее предыдущего»⁴⁷. Это единственное известие о печальном событии в жизни семьи. С.Г. Волконский отзывался о Ларисе Андреевне не слишком одобрительно, называл ее «тонкой особой», которая «со всеми ладит и в особенности приютилась у двора» (т.е. у Н.Н. Муравьева), сетовал, что и у Александра Викторовича теперь «сердце не на ладони, а прежде это бывало у него и чересчур»⁴⁸. Е.С. Волконская, разгневанная тем, что Поджио попытались примирить ее с родственниками умершего Н.А. Кочубея, а еще больше – неодобрением, с каким они отнеслись к ее браку с А.А. Рахмановым, восклицала в письме к брату: «Мама наша правду говорила, что Лариса фальшива»⁴⁹. Отзывы, впрочем, были очень противоречивыми. В 1863 г. в письме к Г.С. Батенькову она писала: «Поджио с семейством провели у нас зиму <...> Его жена предобрая и премилая особа, и я с ней очень весело провожу время»⁵⁰. А сообщая о смерти матери, Елена Сергеевна подчеркивала: «Лариса вместе с Мишей (М.С. Волконским. – Н. М.) не отходила от постели мамы»⁵¹.

Имя Л.А. Поджио часто фигурирует в переписке декабристов в 1854 г. в связи с рождением у нее 22 октября 1854 г. дочери. Крестными стали сын И.Д. Якушкина Вячеслав, состоявший чиновником по дипломатической части при Н.Н. Муравьеве, и классная дама Девичьего института Анна Андреевна Боборыкина⁵². Волконский признавал, что А.В. Поджио «в родительском восторге»⁵³. И.Д. Якушкин, живший в это время в Иркутске, объяснял Пущину, что «Трубецкой и Викторочи (т.е. А.В. и Л.А. Поджио. – Н. М.) часто выдаются и в самых лучших отношениях между собой; и у тех, и у других Волконские остаются в стороне по известным вам обстоятельствам»⁵⁴. Современники не раз упоминали о неладах между двумя семьями. У Якушкина сложились самые хорошие отношения с Л.А. Поджио,

⁴⁵ Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. Из детских лет // Знаменский М.С. Исчезнувшие люди... С. 251.

⁴⁶ Добрынина Е.А. Бедная Нелли... С. 39.

⁴⁷ Летописи Государственного литературного музея. Декабристы. М., 1938. Кн. 3. С. 92.

⁴⁸ Там же. С. 107.

⁴⁹ Добрынина Е.А. Бедная Нелли... С. 346.

⁵⁰ Там же. С. 191.

⁵¹ Там же. С. 192.

⁵² Поджио А.В. Записки, письма... С. 155 (Письмо И.И. Пущину, 29–31 октября 1854 г.).

⁵³ Летописи Государственного литературного музея... С. 107 (Письмо С.Г. Волконского И.И. Пущину, 4 декабря 1854 г.).

⁵⁴ Там же. С. 446 (Письмо И.Д. Якушкина И.И. Пущину, 20 сентября 1854 г.).

он писал Пущину: «Ларису Андреевну вы знаете и потому легко можете вообразить, как по доброте своей она любезна со мной». Они часто встречались, играли в карты «по четверть копейки»⁵⁵. И сам Александр Викторович писал Пущину о том, что между женой и Якушкиным «страшная дружба»⁵⁶. У Поджио Якушкин «обедал и проводил вечера» по вторникам, у Трубецких – по четвергам и воскресеньям, как и Поджио с женой⁵⁷. В другом письме есть обобщенная характеристика семейной жизни А.В. Поджио: «Он и Лариса Андреевна так хорошо умели устроиться, что не только когда бываешь у них, с ними прекрасно, но и заочно отрадно об них думать»⁵⁸. Несколько позже Якушкин описывает П.Н. Свистуну: «Поджио по временам прихварывает и много на нем морщин, зато в семействе своем он вполне счастлив; жена у него предобрая и премилая, и двухмесячная дочь, которой он не нарадуется»⁵⁹. Н.А. Белоголовый, увидевший старого учителя после длительного перерыва, тоже замечал, что с рождением Вари на ней «сосредоточил Александр Викторович всю страсть своей любящей натуры»⁶⁰, любил ее «до безумия» и готов был бы с нею «нянчиться сутра и до вечера»⁶¹, вообще «он преобразился, даже помолодел и чувствовал себя блаженнейшим человеком в заботах о семье»⁶².

Естественно, и сам А.В. Поджио упоминает о жене в письмах друзьям. Так, он подчеркивал: «Первые три дня <...> были тяжелы, но с появлением молока Варенька начала жить новою жизнью», «мать сама кормит», «мать заливает ее молоком»⁶³. Это вовсе не было общепринятой практикой в дворянских семьях середины XIX в., обычно к новорожденным приглашали кормилиц. Несколько иронично отзывается о жене Александр Викторович в письме к М.С. Корсакову от 13 (25) ноября 1868 г.: «...Все та же суетливая и озабоченная по всему хозяйка и спутница»⁶⁴. «Хозяйкой» Лариса Андреевна являлась не только в сугубо бытовом смысле – именно она распоряжалась финансами семьи. В феврале 1871 г. А.В. Поджио писал М.С. Волконскому: «Так как жена орудует капиталами, то я ей и поручил представить на твоё рассмотрение смету»⁶⁵. По мнению В.А. Веременко, к концу XIX в. «вопрос о том, кто в провинциальной дворянской семье занимался составлением бюджета и определением трат на основные статьи расхода, не может быть решен однозначно», однако «контроль за тратами был преимущественно женской прерогативой»⁶⁶.

Если внешняя канва биографии Л.А. Поджио реконструируется, хотя и с большими лакунами, то о ее внутренней жизни, взглядах, настроениях, мыслях, кругозоре источники почти не содержат сведений. Н.А. Белоголовый, упоминая о браке Поджио, писал о ней как о «чрезвычайно доброй» и отмечал, что «эта доброта и большой здравый смысл сглаживали разницу, которая была заметна в образовании, вкусах и самих натурах обоих супругов»⁶⁷. В этих словах виден намек на недостаточную образованность Л.А. Смирновой, с которой сам Белоголовый был знаком очень хорошо.

Л.А. Поджио «крепко горевала», узнав о смерти мужа старшей сестры Елизаветы, Егора Петровича Друганова – он «умер от холеры в Москве, имея хорошее место, жил безбедно – теперь оставил жену и 6 человек детей без пенсии, без всего»⁶⁸. Н.А. Белого-

⁵⁵ Летописи Государственного литературного музея... С. 446.

⁵⁶ Поджио А.В. Записки, письма... С. 161 (Письмо И.И. Пущину, февраль 1855 г.).

⁵⁷ Летописи Государственного литературного музея... С. 445. (Письмо И.Д. Якушкина И.И. Пущину, 20 сентября 1854 г.); Там же. С. 449 (Письмо И.Д. Якушкина И.И. Пущину 30 сентября 1854 г.).

⁵⁸ Там же. С. 455 (Письмо И.Д. Якушкина И.И. Пущину, 3 декабря 1854 г.).

⁵⁹ Там же. С. 459 (Письмо И.Д. Якушкина П.Н. Свистуну, 31 декабря 1854 г.).

⁶⁰ Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка... С. 293.

⁶¹ Там же. С. 301.

⁶² Там же. С. 295.

⁶³ Поджио А.В. Записки, письма... С. 155, 161.

⁶⁴ Там же. С. 370.

⁶⁵ Там же. С. 432.

⁶⁶ Веременко В.А. Хозяйственные заботы: жизнь замужней дворянки в провинциальном городе России в конце XIX – начале XX вв. // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 72.

⁶⁷ Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка... С. 293.

⁶⁸ Поджио А.В. Записки, письма... С. 156. Письмо И.И. Пущину, 29–31 октября 1854 г.

ловый, вероятно, по просьбе своего старого учителя, навестил Е.А. Друганову в Москве и писал о ней жене своего брата: «сестра Ларисы Андреевны – неприятное существо и в весьма бедном положении»⁶⁹. Л.А. и А.В. Поджио заботились о вдове и сиротах и помогали им как могли, хлопотали об устройстве ее во Вдовый дом, а детей – в учебные заведения⁷⁰. Близкий к декабристам жандармский штаб-офицер Я.Д. Казимирский просил И.П. Корнилова, который был знаком с А.В. Поджио, обратиться к брату, управляющему делами московского губернатора, чтобы губернатор распорядился «вдову поместить во Вдовый дом, а детей в Воспитательный или в другое заведение»⁷¹. Помогал им Е.И. Якушкин⁷², которого А.В. Поджио благодарил «за заботливое попечение <...> о вдовице и бедных малютках» и просил дать какому-то из мальчиков «прочное назначение, определив его в одну из гимназий»⁷³. В 1857 г. учившиеся в Киевском кадетском корпусе племянники Л.А. Поджио, «очень порядочные мальчишки», в праздники бывали в доме дочери С.П. Трубецкого А.С. Ребиндер⁷⁴. М.С. Волконский в 1868 г. виделся с Пашей Другановым⁷⁵, З.С. Свербеева в 1872 г. навещала «старушку Лизавету Андреевну», готовившуюся к свадьбе второй дочери с художником В.Г. Перовым⁷⁶.

Л.А. Поджио, предки которой происходили из духовенства⁷⁷, была привержена православной вере. Почти через 20 лет бывшая компаньонка сестры С.Г. Волконского А. Пэт, встречавшаяся с декабристами в Иркутске, писала Е.С. Рахмановой о Л.А. Поджио: «...она, такая набожная, такая благочестивая в прежние времена»⁷⁸. Сам А.В. Поджио был довольно равнодушен к религии. Крещенный в католичество, он во второй половине своей жизни соблюдал обряды русской православной церкви, особенно во время пребывания за границей⁷⁹. Обычно он коротко упоминает: жена говеет, Лариса пошла в церковь и т.п. Чуть подробнее – в письме С.Г. Волконскому, которого просил передать Марии Николаевне, «поскольку она придает этому такое значение, что Лариса всегда поминает ее в молитвах»⁸⁰. Разумеется, дочь была православной. А.В. Поджио сообщал: «Третьего дня малютку окрестили. <...> Вчера возили в церковь причаститься, сегодня молебен Казанской божией матери. Велика вера Ларисы, и я чту ее до такой степени, что ни в чем не противоречу»⁸¹.

Дочь не только радовала родителей, ее рождение стало причиной беспокойства за будущее ее благополучие, прежде всего в материальном отношении. Финансовое положение было непростым. Как и все декабристы, Поджио был лишен прав состояния, а после смерти матери в 1842 г. не получил своей части наследства, которая не полагалась по закону, но часто выплачивалась родственниками.

Поджио писал в декабре 1854 г. Пущину: «Дела мои довольно стеснены – малютка надбавила издержки, и я вынужден был взять к себе Зимина, за которого получаю 400 руб.»⁸². Он не просто давал уроки детям иркутских купцов, они в летнее время жили у него

⁶⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 2 об., 3 об.

⁷⁰ Поджио А.В. Записки, письма... С. 346; Матханова Н.П. Комментарий // Поджио А.В. Записки, письма... С. 493.

⁷¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 377 (Корниловы). Оп. 1. Д. 751. Л. 4.

⁷² Поджио А.В. Записки, письма... С. 232.

⁷³ Там же. С. 170.

⁷⁴ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1987. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. С. 278, 532.

⁷⁵ Поджио А.В. Записки, письма... С. 357.

⁷⁶ Там же. С. 462.

⁷⁷ Дядей Е.А. Другановой при ее венчании назван дьякон Яков Михайлов Смирнов. Сайт семейной истории Петровых [Электронный ресурс]. URL: <https://petrovyy.su/t/mhi525357.html> (дата обращения: 10.07.2025).

⁷⁸ Добрынина Е.А. Бедная Нелли... С. 411.

⁷⁹ Подробнее см.: Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио (1798–1873): проблема национальной (и не только самоидентификации) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 79–92. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-05.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

⁸⁰ Поджио А.В. Записки, письма... С. 200 (Письмо С.Г. Волконскому, 18 августа 1857 г.).

⁸¹ Там же. С. 155–156 (Письмо И.И. Пущину, 29–31 октября 1854 г.).

⁸² Там же. С. 158.

«под наблюдением» с середины мая до середины сентября⁸³. Н.А. Белоголовый вспоминал, что Александр Викторович арендовал «небольшой участок земли», «известный под названием “Рупертовская заимка” <...> с небольшим жилым домом, в одной половине которого жил сам Поджио с семьей, а другую сдавал на лето в виде дачного жилья кому-нибудь из иркутских знакомых», причем всех доходов хватало только на то, чтобы окупить собственное проживание⁸⁴. И, наконец, он «поддался всеобщему <...> увлечению – попробовать свое счастье в золотопромышленности; для этого он решил даже затратить свой небольшой капитал, хранившийся у старшего племянника»⁸⁵. Понятно, что версия о хранившемся у А.О. Поджио капитале основана на рассказах А.В. и Л.А. Поджио. «Заниматься предпринимательством декабристам в ссылке было законом запрещено, но они находили для этого обходные пути. <...> Для поиска золота в 1853 г. была составлена компания в составе С.П. Трубецкого, Н.Д. Свербеева, А.В. Поджио и А.О. Поджио»⁸⁶. Делами компании руководил А.В. Поджио, прииск, по мнению В.П. Бойко, поначалу был «вполне благополучным и эффективным», но отсутствие опыта и средств привело к предсказуемому финалу и «в 1860 г. компания официально прекратила свое существование»⁸⁷.

Собственного дома семья не имела – то жили на заимке, то в доме Свербеевых или Трубецких, а порой даже на прииске. Собираясь в поездку, Лариса Андреевна должна была «сбыть лишнее» и перевезти мебель, посуду и т.п. к Свербеевым, где Поджио жили после отъезда тех из Иркутска и до продажи дома⁸⁸. Жизнь в этом доме, где проживали также бывший гувернер Вани Трубецкого П.А. Горбунов и его свояченицы Н.А. и Е.А. Неустроевы, сблизила Ларису Андреевну с ними, после отъезда из Сибири велась переписка. У Л.А. Поджио имелись в Иркутске и другие знакомства, в том числе вне декабристского круга: классные дамы А.А. и Н.А. Боборыкины, Е.И. Невельская⁸⁹ и др.

Л.А. Поджио и Варя сопровождали Александра Викторовича в поездке на золотые прииски, жили там в довольно трудных условиях. А.В. Поджио сообщал: «Везу с собой на Елихту и неразлучных со мной и жену, и дочь!»⁹⁰. Подробно о трудной дороге и спартанских условиях жизни на Элихтенском золотом прииске он рассказывал компаньону по золотопромышленной компании С.П. Трубецкому: «Таежные кочки, нырки, пропасти преодолены, все недуги переиспытаны. Жена и Варя в особенности очень немогли, а теперь мы начинаем свыкаться с тунгусским солнцем и с нашей лачугой, в которой никак не могу довести ночью теплоту выше 7°! Пол без наката, везде щели, кошмы, ковры даже не в помощь против ежедневной бурной погоды»⁹¹. Он не ожидал настолько тяжелых условий и писал З.С. и Н.Д. Свербеевым 29 марта 1857 г.: «Мог ли я предполагать, что буду вынужден поместить их в жалкой лачуге и что найду в столь позднее время столь низкую температуру»⁹². Единственное утешение – здесь ребенок был «в безопасности от scarlatины», которой болели многие дети знакомых⁹³. Испытания не остановили семью и через год они опять собрались на прииск⁹⁴.

Как бы ни оценивать ход золотоискательской деятельности, результаты ее бесспорны – «прииск не только не обогатил» Поджио, а «поглотил и тот скромный капитал, которым он владел»⁹⁵. Пришлось уехать из Сибири, принять предложение старшего племянника

⁸³ Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка... С. 273–274.

⁸⁴ Там же. С. 294.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Бойко В.П. Предпринимательская деятельность декабриста А.В. Поджио в Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 6.

⁸⁷ Там же. С. 8.

⁸⁸ Поджио А.В. Записки, письма... С. 188, 198, 204.

⁸⁹ Там же. С. 155, 227, 237, 391, 430, 466.

⁹⁰ Там же. С. 190.

⁹¹ Там же. С. 193.

⁹² Там же. С. 192.

⁹³ Там же. С. 183 (Письмо С.Г. Волконскому, конец января – начало февраля 1857 г.).

⁹⁴ Там же. С. 209 (Письмо И.И. Пущину 19 января 1858 г.).

⁹⁵ Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка... С. 304.

А.О. Поджио и поселиться у него в имении в Псковской губернии. Пребывание там оказалось недолгим, так как условия жизни и вся обстановка не соответствовали взглядам и привычкам Александра Викторовича, несогласного к тому же с консервативными политическими настроениями хозяина имения и его жены⁹⁶. Можно предположить, что не только сам Поджио, но и Лариса Андреевна была недовольна «системой воспитания», к которой приходилось приспосабливаться и им, и Варе⁹⁷. Попытка получить у Александра Осиповича остававшуюся у того часть наследства дяди кончилась неудачей и в декабре 1859 г. пришлось искать новое пристанище. Им стало подмосковное имение сибирского знакомого К.Я. Дарагана. Л.А. Поджио писала Н.А. Неустроевой 22 мая 1860 г.: «...мы взяли в аренду село Никольское, имение Дарагана, в котором провели нынешнюю зиму; условия довольно выгодны, но хлопот бездна; летом эти хлопоты не только не вредят здоровью мужа, но приносят, напротив, ему большую пользу, а что будет зимой, не знаю»⁹⁸. Здесь они прожили 1860-й и половину 1861 г., после чего перебрались в подмосковное же имение, унаследованное маленьким внуком С.Г. Волконского, Шуколово, которое также было взято в аренду⁹⁹.

Для Ларисы Андреевны все эти переезды означали отсутствие стабильности, необходимость вновь и вновь устраивать жизнь семьи на новом месте. К тому же непонятно было, как и на что жить дальше. В разговоре с Н.А. Белоголовым она «созналась, что муж сам сильно озабочен будущностью семьи, так как средства их слишком недостаточны, чтобы жить без стороннего заработка и вместе с тем доставить Варе такое образование, какое ему хотелось»¹⁰⁰. Переписка М.С. Волконского с А.О. Поджио не привела к желаемому результату, тот отрицал наличие у него долга перед дядей¹⁰¹. В этих условиях именно Л.А. Поджио согласилась на предложение Белоголового обратиться к А.И. Герцену. Она решилась на такой смелый и необычный шаг, хотя «ее смущало то, что муж ее при известной его щекотливости в денежных вопросах и боязни печатного скандала ни за что не позволит» привести эту мысль в исполнение. Решено было действовать втайне от него¹⁰². Жена открыла ему «заговор» только после успешного завершения дела¹⁰³, когда вынужденный согласиться после публикации в «Колоколе» на третейский суд А.О. Поджио выплатил дяде 6000 руб.¹⁰⁴ Очевидно, Л.А. Поджио хорошо знала и кто такой Герцен, и что такое «Колокол», и какое он имеет влияние.

Осенью 1863 г. семья Поджио впервые выехала за границу, сопровождая дочь С.Г. Волконского и ее второго мужа Н.А. Кочубея, тяжело заболевшего¹⁰⁵. Весной 1864 г. они вернулись вместе с Кочубеями в их имение Воронки Черниговской губернии¹⁰⁶. Осенью этого же года Поджио перебрались в Швейцарию¹⁰⁷. Выбор был обусловлен надеждой на то, что там «и тепло, и дешево, и научно будет» для дочери, ибо «при малых наших средствах я там только и могу обойтись без неизбежных гувернанток», писал Александр Викторович Н.А. Белоголову¹⁰⁸. Решение серьезно учить дочь соответствовало набиравшей силу тенденции, которая к концу XIX в. превратилась в поведенческую норму, когда «интели-

⁹⁶ Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио... С. 42.

⁹⁷ Поджио А.В. Записки, письма... С. 239.

⁹⁸ ГА РФ. Д. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 163–163 об.

⁹⁹ Поджио А.В. Записки, письма... С. 264.

¹⁰⁰ Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 353.

¹⁰¹ Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио... С. 42; Бойчук Л.Л. Драматическая страница из жизни А.В. Поджио после его возвращения из Сибири // Сибирь и декабристы. Иркутск, 2009. Вып. 6. С. 300.

¹⁰² Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 353.

¹⁰³ Там же. С. 354.

¹⁰⁴ Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 354; Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио... С. 47; Бойчук Л.Л. Драматическая страница из жизни А.В. Поджио... С. 301, 306. Приведенные ранее сведения о возврате 6 600 руб. (Поджио А.В. Записки, письма... С. 272), очевидно, объясняются ошибочным прочтением публикатора.

¹⁰⁵ Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио... С. 48.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же; Поджио А.В. Записки, письма... С. 283.

¹⁰⁸ Поджио А.В. Записки, письма... С. 283.

гентная работающая дворянка стала привычным явлением», а девочек стали готовить «к самостоятельному выбору жизненного пути»¹⁰⁹.

Скорее всего, первой учительницей дочери, как обычно в дворянско-интеллигентских семьях, была мать. Как правило, именно она обучала «русской грамоте, французскому языку, основам Закона Божьего»¹¹⁰. Для Ларисы Андреевны это было тем естественнее, что она была профессиональным педагогом. Но первые уроки музыки, что являлось почти обязательным в таких семьях, Варя давала «maestro Нелли (Е.С. Волконская. – Н. М.), которая так усердно занималась и била ее по рукам»¹¹¹.

Довольно рано определилось и конкретное направление обучения: «У нее наклонность к музыке образовалась теперь в страсть <...> она много и много играет. <...> Учится классически и хочет быть maestro! Пожалуй, если так пойдет, то и достигнет своей и моей цели», – писал А.В. Поджио З.С. Свербеевой в марте 1865 г.¹¹² В этом же письме проскользнуло критическое замечание в адрес Ларисы Андреевны – отмечая любовь дочери к музыке, он заметил: «хотя Бог наделил» Варю «чудною матерью, но я в одном отношении незаменим»¹¹³.

В.А. Поджио «кончила курс в высшей женевской школе, <...> брала уроки у лучших женевских пианистов» и Ганса фон Бюлова¹¹⁴. Жена Н.А. Белоголового Софья Петровна писала старшему брату мужа о Варя: «...такой премоилой девушки я редко видала, но что мне в ней в особенности нравится, это соединение детства с серьезностью; очень хорошенъкая – карточка ее не дает настоящего понятия о ее лице, оно у ней слишком подвижное, такие лица редко хорошо выходят в фотографии; хорошая музыкантша, вообще очень образованна, много читает, вместе с тем живого характера донельзя, шалит как ребенок, очень умна и остра»¹¹⁵. В ноябре 1868 г. А.В. Поджио хвастался в письме к М.С. Корсакову успехами дочери в изучении четырех языков и музыки и сообщал: «...мы поочередно с матерью водим ее в классы»¹¹⁶, а в январе 1869 г. с гордостью перечислял М.С. Волконскому предметы, по которым дочь блестяще сдала экзамены¹¹⁷. Без согласия матери вряд ли возможно было такое усиленное внимание к обучению девушки.

Ясно, что Л.А. Поджио разделяла взгляды мужа, высказанные тем в письмах М.С. Волконскому. В 1870 г. он писал: «Женщине пришлось учиться <...> и я не хочу, чтобы Варя отстала в этом отношении»¹¹⁸; «Судьба <...> обрекла ее на учебный труд. <...> И да не будет она тунейдкой, а трудовым и полезным орудием, насколько ее силы и способности дозволит»¹¹⁹. Естественно предположить, что в дальнейшем эмоциональном высказывании запечатлен личный опыт Ларисы Андреевны. Ее муж в том же письме так определял будущность дочери: «Пусть она применится к труду во всех его видах, за исключением, однако же, посвящения себя в гувернантки! Такое служительское состояние не соответствует достоинству свободной женщины! Подчинять себя лицу в таких размерах, как требует того господа, противно всякой свободе действия <...>. Давать уроки у себя, на дому; поступить в общественное заведение, где служишь всем, а не одному, где есть постановления, а не произвол вчастую своенравного лица, и пр[оч.]. Вот мое мнение»¹²⁰. Педагогический

¹⁰⁹ Верменко В.А., Жукова А.Е. Воспитательная практика в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб., 2020. С. 33.

¹¹⁰ Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М., 2009. С. 77.

¹¹¹ Поджио А.В. Записки, письма... С. 444.

¹¹² Там же. С. 288.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 391.

¹¹⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 22. Оп. 1. Карт. 8. Д. 36. Л. 19. (22/10 августа 1872 г.; Лукка, Италия).

¹¹⁶ Поджио А.В. Записки, письма... С. 370.

¹¹⁷ Там же. С. 380.

¹¹⁸ Там же. С. 412.

¹¹⁹ Там же. С. 427.

¹²⁰ Поджио А.В. Записки, письма... С. 427.

труд вообще был наиболее распространенным занятием работающих женщин в XIX в. Впоследствии уроки музыки стали важным источником дохода для семьи В.А. Высоцкой (урожд. Поджио)¹²¹.

Живя в Женеве, Л.А. Поджио тяжело заболела¹²², муж «хлопотал около нее и был очень расстроен», консультировался с навестившим их Н.А. Белоголовым, но наблюдавший ее местный врач сделал больной успешную операцию и все обошлось. Рассказывая об этом эпизоде, Белоголовый уточнил, что адрес Поджио и сведения о болезни жены он узнал у Герцена, которого посетил¹²³. О знакомстве и отношениях старого декабриста с Герценом не раз уже писали исследователи, но оказывается, что и Лариса Андреевна была с ним знакома. Мемуарист попутно упомянул, что семья Поджио жила «в скромном четырехфранковом пансионе на краю города»¹²⁴.

И отца, и мать по-прежнему крайне беспокоило будущее дочери, прежде всего в материальном отношении. Конкретные сведения о финансовом положении Поджио весьма противоречивы. Сам он сообщал Е.И. Якушкину в начале 1860 г.: «Всего у меня имущества 5 000 руб. сер[ебром]»¹²⁵, то же самое писала Л.А. Поджио Н.А. Неустроевой¹²⁶. Справедливость этих слов подтверждается намерением, хотя и неосуществленным, А.В. Поджио приобрести имение где-нибудь неподалеку от Москвы, о чем он писал Г.С. Батенькову, Е.П. Оболенскому, С.П. Трубецкому, Е.И. Якушкину¹²⁷. Тогда же он возмущался в письме к племяннику Л.О. Поджио: «Я еще жив, вернулся на родину и в крайне стесненном положении»¹²⁸. Какие-то небольшие суммы регулярно пересылала старшая племянница С.О. Плесская¹²⁹. По духовному завещанию Н.А. Кочубея его вдова должна была выплатить 5 000 руб. «дочери друга моего А.В. Поджио» и еще 500 руб. самому Александру Викторовичу¹³⁰, их Елена Сергеевна высылала в течение нескольких лет с процентами¹³¹. Л.А. Поджио писала впоследствии М.С. Волконскому: «Ребиндер взял у нас 1 200 руб. в самую тяжелую для него минуту и говорил мужу, что он ссудой этих денег выручил его из страшной беды. Мой муж, имея сам скудные средства, вынул из капитала, находившегося у Дарагана и приносившего 10 %, и отдал Ребиндеру за 8 %, да и тех не получил»¹³². Деньги эти по частям возвращали М.И. Бибиков и И.С. Трубецкой как опекуны детей Ребиндера¹³³. В июле 1868 г. Л.А. Поджио передавала от имени мужа И.С. Трубецкому, что деньгами, пересланными в Женеву, он способствовал выезду семьи из-за границы к Елене Сергеевне, и просила выслать в Воронки следующую сумму, чтобы было на что вернуться¹³⁴.

Во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг., как писал А.В. Поджио М.С. Волконскому, Л.А. и В. Поджио ходили «три раза в неделю работать в пользу раненых», т.е. участвовали в организованном дамским комитетом общества Красного креста в Женеве приготовлении «перевязочных средств, корпии и т.п.»¹³⁵. Таким образом, они во многом разделяли взгляды А.В. Поджио, осуждавшего войны.

В 1871–1872 гг. семья перебралась из Женевы во Флоренцию (первое письмо оттуда написано осенью 1871 г.¹³⁶), первоначально, как вспоминал Белоголовый, это было связано

¹²¹ Волконский С.М. Мои воспоминания: в 2 т. М., 2018. Т. 1. Лавры. Странствия. С. 273.

¹²² Поджио А.В. Записки, письма... С. 293, 367, 314.

¹²³ Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 367.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Поджио А.В. Записки, письма... С. 242.

¹²⁶ Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио... С. 42.

¹²⁷ Там же. С. 43; Поджио А.В. Записки, письма... С. 242, 245, 249, 254, 259.

¹²⁸ Бойчук Л.Л. Драматическая страница из жизни А.В. Поджио... С. 287.

¹²⁹ Поджио А.В. Записки, письма... С. 289, 328.

¹³⁰ Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио... С. 48.

¹³¹ Поджио А.В. Записки, письма... С. 290, 432; и др.

¹³² Матханова Н.П. Комментарий... С. 526.

¹³³ Там же. С. 536; Поджио А.В. Записки, письма... С. 291, 319, 328, 343.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 180. Л. 3–4.

¹³⁵ Поджио А.В. Записки, письма... С. 419; Матханова Н.П. Комментарий... С. 560; Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 385.

¹³⁶ Поджио А.В. Записки, письма... С. 443.

с переездом туда фон Бюлова, а после его отъезда из Италии было решено остаться, так как на возвращение в Швейцарию не было средств, к тому же дочь могла получить здесь «разностороннее образование»¹³⁷. Во Флоренции была лишь «убогая квартирка»¹³⁸, но все же денег хватало на выезд летом на Луккские воды, куда они «привезли с собой свою кухарку»¹³⁹.

Чрезвычайно интересны негативные высказывания о Л.А. Поджио ее недоброжелателей. Графиня С.Г. Ностиц в письме к М.С. Корсакову, генерал-губернатору Восточной Сибири, близкому знакомому Поджио, возмущалась их поведением: «Гарибальди в Женеве, третьего дня его торжественно встретили, Поджио <...> остались его ожидать в толпе два часа битых и слушать его речь, которая была весьма нескладная, я его не видала, и речи не слыхала, но другие говорили, что плохо. П[оджио] же в восторге. Сегодня ходили его слушать <...> и Варенька, поэтому пришедшая в телячий восторг, также просидела три часа в спертой атмосфере»¹⁴⁰. Очевидно, речь шла о выступлении Дж. Гарибальди при открытии «учредительного конгресса Лиги мира и свободы», о котором А.В. Поджио писал И.С. Трубецкому¹⁴¹.

Решительно и сурово осуждала Ларису Андреевну за отношение к дочери и ее мужу в письме к Е.С. Рахмановой в 1881 г. А. Пэт, бывшая компаньонка С.Г. Волконской: «Что меня удивляет более всего, это мать, которая твердит о разводе, будучи так возмущена положением дочери, она, такая набожная, такая благочестивая в прежние времена, не испытывает угрызений совести в выражении симпатий американским идеям свободной любви и независимости женщины»¹⁴². Это осуждение сочетается с жалостью к Варя, которая с тремя детьми может остаться без средств, с критикой В.С. Высоцкого, который, по мнению А. Пэт, «совершает ряд спекуляций» и «слывет «отъявленным авантюристом»¹⁴³. В другом письме к Е.С. Рахмановой А. Пэт замечает, что Л.А. Поджио «выставляет свою антипатию к зятю, разоренному и больному; она его не любила и раньше»¹⁴⁴.

В.А. Поджио 15 августа 1873 г. вышла замуж за В.С. Высоцкого (первоначально свадьба была назначена на 1 июля¹⁴⁵, но 6 июня скончался Александр Викторович). Отец одобрил брак Вари с В.С. Высоцким – «дочери он нравился и имел независимое состояние»¹⁴⁶. Владимир Степанович Высоцкий (1849 – после 1917) служил в Гродненском гусарском полку, затем, уйдя с военной службы, принял должность начальника таможни на пограничном пункте в Вержболове¹⁴⁷. С.М. Волконский писал, что в таможенное управление Высоцкий был принят по его просьбе¹⁴⁸. Лариса Андреевна в первые годы отзывалась о нем благосклонно и сообщала Е.И. Якушкину: «Дети мои помогали мне усердно»¹⁴⁹, – речь шла о переписывании «Записок» А.В. Поджио. Однако через несколько лет она уже жаловалась М.С. Волконскому: Варя «работает как вол, я ей помогаю в хозяйстве, занимаюсь с детьми и имею тоже кое-какие уроки. Он же ест, спит и хандрит»¹⁵⁰. В 1883 г. Высоцкий собирался взять в России «имение в аренду», тем временем жил во Флоренции с семьей. Через три года Л.А. Поджио писала М.С. Волконскому: «Варя <...> занята по горло. Два раза в неделю

¹³⁷ Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 391.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 394.

¹⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 137. Оп. 1. Карт. 113. Д. 35. Л. 6 об. – 7.

¹⁴¹ Поджио А.В. Записки, письма... С. 338; Матханова Н.П. Комментарий... С. 542.

¹⁴² Добрынина Е.А. Бедная Нелли... С. 411.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. С. 407.

¹⁴⁵ А РФ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 87 об. (Письмо С.П. Белоголовой к Н.А. Белоголовой от 19 (31) июля 1873 г.); Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио... С. 53.

¹⁴⁶ Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 398.

¹⁴⁷ Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио... С. 53; Гончаренко Н.В. Мария Сукачёва – художница из семьи декабриста Александра Поджио // Декабристское кольцо. Иркутск, 2020. Вып. 5. С. 125.

¹⁴⁸ Волконский С.М. Мои воспоминания... С. 273.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 54 об. (20 (8) мая 1876 г.); Матханова Н.П. «Обращаюсь к Вам с просьбой...»... С. 132.

¹⁵⁰ ОР РГБ. Ф. 56. Оп. 1. Карт. 12. Д. 34. Л. 38. (5 (17) декабря 1883 г.); Матханова Н.П. «Обращаюсь к Вам с просьбой...»... С. 132.

она работает от 8 1/2 часов утра до 7 ч[асов] вечера <...>. Дети растут, расходы прибавляются, а доходы убавляются. Зять мой, взяв аренду, затратил все бывшие у него деньги»¹⁵¹.

Став вдовой, Лариса Андреевна действовала весьма решительно. Во-первых, выдав дочь замуж и похоронив мужа, который перед смертью приехал к Е.С. Рахмановой и был похоронен рядом с М.Н. и С.Г. Волконскими, Лариса Андреевна с дочерью вернулась в Италию и осталась там. Л.А. и В.А. Поджио сумели справиться с финансовыми трудностями. Им удалось создать с помощью близкой знакомой Л.И. Челюсткиной (певицей, известной под сценическим псевдонимом Альбини) пансион во Флоренции. Лариса Андреевна в 1886 г. писала М.С. Волконскому: «...мы соединили свои скудные средства и <...> взяли рядом с нашей квартирой другую большую квартиру на солнце и на будущую зиму устраиваем пансион на 9 человек»¹⁵². Позже появился еще один пансион во Флоренции, а затем и в Риме, все исправно действовали¹⁵³. Вообще сдача комнат была одним из распространенных занятий женщин, вынужденных самостоятельно добывать средства¹⁵⁴. В пансионах, содержавшихся Л.А. и В.А. Поджио, жили приезжие из России, всегда останавливалась Е.С. Рахманова. Дополнительно обе женщины давали уроки, что тоже требовало времени и сил. От разорившегося В.С. Высоцкого помощи не было, но дети М.Н. и С.Г. Волконских не оставляли заботами семью Дядьки.

Во-вторых, хотя номинально владелицей капитала была Варя, фактически деньгами, очевидно, распоряжалась Лариса Андреевна. Вероятно, завещанные Кочубеем деньги составили хранившийся у М.С. Волконского «капитал Высоцкой». Как указано в выписке из счета 8 ноября 1886 г., к этому времени на нем находилось 6020 руб.¹⁵⁵ Жизнь не была легкой и беззаботной, но в результате удалось «поднять» трех дочерей В.А. Высоцкой и дать им образование.

Имя Ларисы Андреевны Поджио в последний раз встречается в воспоминаниях С.М. Волконского. В 1881 г. он побывал во Флоренции и посетил вдову старого друга его отца и деда. Это «была милая, приветливая старушка, не глубокой культуры, но тонкого воспитания», она «жила более настоящим, нежели прошлым». Дочери В.А. Высоцкой занимались живописью, сама она давала уроки музыки. «Старушка всем этим интересовалась. <...> Не скажу, чтобы она жила искусством, литературой и пр., нет, но она интересовалась тем, чем жили ее дочь и внучки. <...> Лариса Андреевна была прелестного характера. Она чувствовала горячо. <...> Она всегда сообщала последнюю новость, она всегда говорила о завтрашнем дне. Маленькая, кругленькая, с круглым лицом, с высоким оголенным лбом, покрытым черной косынкой, она была сама приветливость»¹⁵⁶. В воспоминаниях С.И. Лаврентьевой, бывавшей в пансионе Высоцкой в 1896 г., имя Л.А. Поджио не встречается. Как сообщила изучающая историю декабристских погребений за рубежом М.В. Вершевская, Л.А. Поджио скончалась во Флоренции 23 ноября 1888 г. в возрасте 65 лет, похоронена там же 25 ноября¹⁵⁷. Ранее считалось, что она умерла в 1892 г.¹⁵⁸

Как обычно, женщина остается в тени мужа, ее личность редко проявляется. Это относится почти ко всем женам декабристов, во всяком случае включенным во вторую и третью группы. Те, кто входил в число признанных декабристок, были выведены из тени не только усилиями литераторов. Такие яркие личности, как П.Е. Анненкова, М.Н. Волконская, А.Г. Муравьева, Н.Д. Фонвизина, сами вышли на свет благодаря оставшимся запискам и письмам. К Л.А. Поджио это не относится – она вполне традиционно заметна лишь как

¹⁵¹ ОР РГБ. Ф. 56. Оп. 1. Карт. 12. Д. 34. Л. 16–16 об.; *Матханова Н.П.* «Обращаюсь к Вам с просьбой...»... С. 133.

¹⁵² ОР РГБ. Ф. 56. Карт. 12. Д. 34. Л. 17–17 об.

¹⁵³ *Волконский С.М.* Мои воспоминания... С. 274; ОР РГБ. Ф. 196. Карт. 11. Д. 58. Л. 1 (Письмо В.А. Высоцкой к С.П. Белоголовой).

¹⁵⁴ *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Мир женщины... С. 154–155.

¹⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 56. Оп. 1. Карт. 1. Д. 61. Л. 1.

¹⁵⁶ *Волконский С.М.* Мои воспоминания... С. 273–274.

¹⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 1539. Л. 199 об. – 200 (сообщено М.В. Вершевской).

¹⁵⁸ *Декабристы. Биографический справочник.* М., 1988. С. 145.

спутница декабриста, жена и мать, ее самостоятельная личность в источниках (во всяком случае сохранившихся, ведь ее писем очень мало) почти незаметна.

Однако Л.А. Поджио при жизни мужа не только поддерживала его, создавала дом и уют, вместе с ним воспитывала дочь. Она писала под диктовку Александра Викторовича многие его письма¹⁵⁹, делала приписки к другим. После кончины Поджио она переписывалась с некоторыми из его товарищей и членами их семей. Главное же – она организовала копирование его «Записок» и обеспечила их сохранность, что является бесспорным доказательством уважительного отношения Л.А. Поджио к истории участия мужа в движении декабристов.

С.М. Волконский явно ошибался, когда утверждал, что Л.А. Поджио мало интересовалась прошлым. Уже в 1876 г. Лариса Андреевна и Варвара Александровна, первоначально при помощи Высоцкого, занимались перепиской «Записок» А.В. Поджио, очевидно, готовя их к публикации (почерк А.В. Поджио плохо разбирали даже его близкие друзья). В архиве Якушкиных имеются письма Л.А. Поджио к Е.И. Якушкину, который, как известно, был озабочен сохранением и изданием наследия декабристов. В мае (вероятно, 1876 г.) она сетовала: «...посылка моя, к несчастью, не готова. Дети мои помогали мне усердно, но болезнь их подкосила». Позже, 9 октября 1876 г., Лариса Андреевна уже писала: «...Работа моя кончена совершенно»¹⁶⁰. Из недатированного письма В.А. Высоцкой М.С. Волконскому выясняется, что дочь сначала не вполне разделяла намерение матери. Она писала своему покровителю: «...я была уверена, что нельзя напечатать записки, да и, как вы говорите, никого они не могут интересовать, кроме тех немногих, которые знали моего отца»¹⁶¹. Но в 1890-е гг. В.А. Высоцкая познакомилась с Е.С. Некрасовой, деятельницей женского движения, журналисткой и историком, которая занималась сбором, изучением и публикацией наследия А.И. Герцена и Н.П. Огарева, а также создавала первый музей российского освободительного движения – «Комнату людей 1840-х годов» в Румянцевском музее¹⁶². Екатерина Степановна поселилась в пансионе Высоцкой, который ей рекомендовала С.П. Белоголовая, о чем свидетельствует запись в дневнике Некрасовой за сентябрь 1897 г.¹⁶³ Сама С.П. Белоголовая писала Некрасовой 12 мая 1898 г., что должна передать ей «пакет, полученный <...> вчера для передачи вам. Пакет этот – рукопись А.В. Поджио, присланная Варенькой Высоцкой через Сукачевых»¹⁶⁴. С известной иркутской семьей Сукачевых Высоцкие были тесно связаны: в 1898 г. дочь В.А. Высоцкой Мария вышла замуж за Б.В. Сукачева, биолога, сына иркутского городского головы, коллекционера и мецената В.П. Сукачева¹⁶⁵. Но знакомство произошло, разумеется, раньше – уже в 1896 г. С.И. Лаврентьева встретила в пансионе Высоцкой с их доброй знакомой Н.В. Сукачевой¹⁶⁶. Таким образом, рукопись была отправлена в Москву В.А. Высоцкой при посредничестве дочери и вдовы Н.А. Белоголовой, ученика и друга декабриста Поджио. Так появилась та самая «копия Высоцкой»¹⁶⁷, по которой до 1989 г. издавались и переиздавались «Записки» Поджио. Издание в серии «Полярная звезда» осуществлено по автографу, сохранившемуся в фонде Н.А. Белоголовой¹⁶⁸.

Сохранилось еще несколько рукописей, написанных рукой Л.А. Поджио. Это неточные выписки из «Автобиографических записок» А.Д. Боровкова, текст вопросов следствия

¹⁵⁹ Поджио А.В. Записки, письма... Письма № 53, 66, 69, 71, 73–74, 76, 86, 105–106, 107.

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 41–42 об., 53–54 об.

¹⁶¹ Там же. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 68.

¹⁶² Казбек М.М. Некрасова Екатерина Степановна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 282.

¹⁶³ ОР РГБ. Ф. 196. Карт. 17. Д. 21. Л. 15, 35 об.

¹⁶⁴ Там же. Карт. 10. Д. 31. Л. 3.

¹⁶⁵ Гончаренко Н.В. Мария Сукачёва – художница из семьи декабриста Александра Поджио... С. 128. О жене В.П. Сукачева Надежде Владимировне см.: Гаращенко Л.В. Школа Н.В. Сукачевой в Иркутске // Педагогический ИМИДЖ. Иркутск, 2017. № 3 (36).

¹⁶⁶ Лаврентьева С.И. Пережитое. СПб., 1914. С. 217.

¹⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 218. Карт. 59. Д. 6.

¹⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 22. Карт. 4. Д. 1.

к Н.М. Муравьеву, отрывок из показаний М.Ф. Орлова, копия «Воспоминаний о 1826-м и 1827-м годах Евгения Петровича Оболенского»¹⁶⁹. Очевидно, эти материалы (как и подлинник письма М.И. Муравьева-Апостола к Л.А. Поджио¹⁷⁰) поступили вместе с «Записками» А.В. Поджио. История и задачи создания этих рукописей заслуживают особого рассмотрения.

В биографии Ларисы Андреевны Поджио прослеживаются характерные для женщин XIX в. новации: возможность получить образование и работать, самостоятельно себя обеспечивая, умение и готовность предпринимать решительные поступки, такие как переезд в Сибирь, брак с политическим ссыльным, инициативная предпринимательская деятельность и т.п. В то же время траектория ее жизни удивительна. Выпускница женского учебного заведения – классная дама в Сибири – жена ссыльного декабриста – мать музыкантши – хозяйка пансиона. Переменила много мест жительства: Москва, Иркутск, Псковская, Московская, Черниговская губернии, Женева, Флоренция, где прошли ее последние годы и где она умерла. В Сибири она провела всего 10 с небольшим лет, но здесь ее помнят. В историческую память она вошла благодаря тому, что сохранила «Записки» мужа-декабриста, и тому, что в архивах его друзей остались ее и его письма, которые и позволили хотя бы в основных чертах описать ее биографию.

Литература

Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 911 с.

Богданова М.М. Жены декабристов сибирячки // В сердцах Отечества сынов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. С. 242–262.

Бойко В.П. Предпринимательская деятельность декабриста А.В. Поджио в Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 5–8.

Бойчук Л.Л. Драматическая страница из жизни А.В. Поджио после его возвращения из Сибири // Сибирь и декабристы. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2009. Вып. 6. С. 275–306.

Бокова В.М. «Больной скорее жив, чем мертв»: заметки об отечественном декабристоведении 1990-х гг. // 14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. Т. 6. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 497–561.

Веретенко В.А. Хозяйственные заботы: жизнь замужней дворянки в провинциальном городе России в конце XIX – начале XX вв. // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 71–78.

Веретенко В.А., Жукова А.Е. Воспитательная практика в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: Ленинградский государственный университет, 2020. 232 с.

Гаращенко Л.В. Школа Н.В. Сукачевой в Иркутске // Педагогический ИМИДЖ. Иркутск, 2017. № 3 (36). С. 53–62.

Гончаренко Н.В. Мария Сукачёва – художница из семьи декабриста Александра Поджио // Декабристское кольцо. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2020. Вып. 5. С. 124–131.

Декабристы. Биографический справочник / подгот. С.В. Мироненко. М.: Наука, 1988. 448 с.

Добрынина Е.А. Бедная Нелли: Судьба дочери декабриста. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2024. 577 с.

Ильин П.В. Актуальные направления в изучении истории декабристов вчера и сегодня: некоторые оценки и наблюдения // Декабристы. Актуальные направления исследований. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 3–21.

¹⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 218. Карт. 59. Д. 2, 4, 5.

¹⁷⁰ Там же. Д. 3.

Ильин П.В., Шкерин В.А. Междоусобица и петербургское восстание декабристов в зеркале постсоветской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 655–671.

Казбек М.М. Некрасова Екатерина Степановна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1999. Т. 4. Столбец 282.

Лисицына Г.Г., Филиппова Э.Н. Декабрист Александр Михайлович Муравьев // Муравьев А.М. Записки, письма / изд. подгот. Г.Г. Лисицыной, Э.Н. Филипповой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1999. Сер.: Полярная звезда. С. 3–78.

Матханова Е.И., Матханова Н.П. «Здесь моего семейства не брошу...»: неравные браки и внебрачные дети декабристов // Семейные узы: Модели для сборки. Кн. 2. М.: НЛЮ, 2004. С. 355–383.

Матханова Н.П. «Обращаюсь к Вам с просьбой...» Прошение о пенсии дочери декабриста В.А. Высоцкой (Поджио) // Декабристское кольцо. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2020. Вып. 5. С. 131–134.

Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио (1798–1873): проблема национальной (и не только) самоидентификации [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 79–92. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-05.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио // Поджио А.В. Записки, письма / изд. подгот. Н.П. Матхановой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. Сер.: Полярная звезда. С. 3–64.

Павлова В.П. Комментарий // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. / изд. подгот. В.П. Павловой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. С. 464–574.

Пихтина Л.С. Педагоги Иркутского Девичьего Института: судьбы, вклад в образование города и формирование женской интеллигенции // История и археология: мат-лы I Междунар. науч. конф. СПб.: Реноме, 2012. С. 48–52.

Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М.: Русское слово – РС, 2009. 320 с.

Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.

Сокольский Л.А. Декабристки // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 5. Стб. 47–48.

Цамутали А.Н., Белоусов М.С. 190-летие восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4. История. СПб., 2015. С. 5–20.

Чернова И.С. Становление и функционирование профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2024. 303 с.

Шешин А.Б. Декабрист К.П. Торсон. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1979. 192 с.

Эдельман О.В. Разговор о декабристах // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 156–160.

Эрлих С.Е. Декабристы в исторической памяти: конец 1990-х – начало 2010-х. СПб.; М.: Нестор-История, 2014. 314 с.

References

Andreeva, T.V. (2009). *Taynye obshchestva v Rossii v pervoy treti XIX v.: pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie* [The Secret Societies in Russia in the Early 19th Century: Government Policies and Public Opinion]. St. Petersburg, Liki Rossii. 912 p.

Bogdanova, M.M. (1975). *Zheny dekabristov sibiryachki* [Decembrists' Wives from Siberia]. In *V serdtsakh Otechestva synov*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 242–262.

Bokova, V.M. (2001). "Bol'noy skoree zhiy, chem mertv": zametki ob otechestvennom dekabristovedenii 1990-kh gg. ["The Sick is Alive Rather than Dead": Notes on the National

Decembrists Studies in 1990s]. In *14 dekabrya 1825 goda: istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. Vol. IV. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 497–561.

Boyчук, L.L. (2009). Dramaticheskaya stranitsa iz zhizni L.A. Podzhio posle ego vozvrashcheniya iz Sibiri [A Dramatic Page from the Life of L.A. Podzhio after His Return from Siberia]. In *Sibir' i dekabristy*. Iss. 6. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov, pp. 275–306.

Boyko, V.P. (2013). Predprinimatel'skaya deyatel'nost dekabrista A.V. Poggio v Sibiri [Enterprisership of Decembrist A.V. Poggio in Siberia]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 6, pp. 5–8.

Chernova, I.S. (2024). *Stanovlenie i funktsionirovanie professional'nogo soobshchestva sibirskikh zhurnalistov vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Formation and Functioning of the Professional Community of Siberian Journalists in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 303 p.

Dobrynina, E.A. (2024). *Bednaya Nelli: Sud'ba docheri dekabrista* [Poor Nelly: The Fate of a Decembrist's Daughter]. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov. 577 p.

Edel'man, O.V. (2019). Razgovor o dekabristakh [A Conversation about the Decembrists]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 2, pp. 156–160.

Erlikh, S.E. (2014). *Dekabristy v istoricheskoy pamyati: konets 1990-kh – nach. 2010-kh gg.* [Decembrists in Historical Memory: Late 1990s – Early 2010s]. St. Petersburg, Moscow, Nestor-Istoriya. 314 p.

Garashchenko, L.V. (2017). Shkola N.V. Sukachevoy v Irkutske [School of N.V. Sukacheva in Irkutsk]. In *Pedagogicheskiy IMIDZh*. No. 3 (36), pp. 53–62.

Goncharenko, N.V. (2020). Mariya Sukacheva – khudozhnitsa iz sem'i dekabrista Aleksandra Podzhio [Maria Sukacheva – An Artist from the Family of the Decembrist Alexander Podzhio]. In *Dekabristskoe kol'tso*. Iss. 5. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov, pp. 124–131.

Il'in, P.V. (2014). Aktual'nye napravleniya v izuchenii istorii dekabristov vchera i segodnya: nekotorye otsenki i nablyudeniya [Current Directions in the Study of the History of the Decembrists Yesterday and Today: Some Assessments and Observations]. In *Dekabristy. Aktual'nye napravleniya issledovaniy*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 3–21.

Il'yn, P.V., Shkerin, V.A. (2021). Mezhdutsarstvie i peterburgskoe vosstanie dekabristov v zerkale postsovetskoy istoriografii [The Interregnum and the Saint Petersburg Revolt of the Decembrists as Reflected in the Post-Soviet Historiography]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 66, No. 2, pp. 655–671.

Kazbek, M.M. (1999). Nekrasova Ekaterina Stepanovna. In *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar'*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 4, col. 282.

Lisitsyna, G.G., Filippova, E.N. (1999). Dekabrist Aleksandr Mikhaylovich Murav'ev [Decembrist Alexander Mikhailovich Muravyov]. In *Murav'ev A.M. Zapiski, pis'ma*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 3–78.

Matkhanova, E.I., Matkhanova, N.P. (2004). “Zdeshnego moego semeystva ne broshu...”: neravnye braki i vnebrachnye deti dekabristov [“I Will Not Abandon My Family Here...”: Unequal Marriages and Extramarital Children of the Decembrists]. In *“Semeynye uzy: Modeli dlya sborki”*. Book 2. Moscow, NLO, pp. 355–383.

Matkhanova, N.P. (1989). Dekabrist Aleksandr Viktorovich Podzhio [Decembrist Alexander Viktorovich Podzhio]. In *Podzhio L.A. Zapiski, pis'ma*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 3–64.

Matkhanova, N.P. (2020). “Obrashchayus' k Vam s pros'boy...” Proshenie o pensii docheri dekabrista V.A. Vysotskoy (Podzhio) [“I Turn to You with a Request...”: A Petition for a Pension for the Decembrist's Daughter V.A. Vysotskaya (Podzhio)]. In *Dekabristskoe kol'tso*. Iss. 5. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov, pp. 131–134.

Matkhanova, N.P. (2020). Dekabrist Aleksandr Viktorovich Podzhio (1798–1873): problema natsional'noy (i ne tol'ko) samoidentifikatsii [Decembrist Aleksandr Viktorovich Poggio (1798–1873): The Problem of National (And Not Only) Self-Identity]. In *Istoricheskiy kurier*.

No. 6 (14), pp. 79–92. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-05.pdf> (date of access 10.07.2025).

Mironenko, S.V. (Publ.). (1988). *Dekabristy. Biograficheskiy spravochnik* [Decembrists. Biographical Reference Book]. Moscow, Nauka. 448 p.

Pavlova, V.P. (1987). Kommentariy [Comment]. In *Trubetskoy S.P. Materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatelnosti. Tom 2* [Materials on the Life and Revolutionary Activity. Vol. 2]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 464–574.

Pikhtina, L.S. (2012). Pedagogi Irkutskogo Devich'ego Instituta: sud'by, vklad v obrazovanie goroda i formirovaniye zhenskoy intelligentsii [Teachers of the Irkutsk Girls' Institute: Fates, Contribution to the City's Education and the Formation of the Female Intelligentsia]. In *Istoriya i arkheologiya: materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, pp. 48–52.

Ponomareva, V.V., Khoroshilova, L.B. (2009). *Mir russkoy zhenshchiny: vospitanie, obrazovanie, sud'ba. XVIII – nachalo XX veka* [The World of the Russian Woman: Education, Destiny. 18th – Early 20th Centuries]. Moscow. 320 p.

Rodigina, N.N. (2006). “*Drugaya Rossiya*”: obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [“The Other Russia”: The Image of Siberia in the Russian Magazine Press in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGPU. 343 p.

Sheshin, A.B. (1979). *Dekabrist K.P. Torson* [Decembrist K.P. Torson]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 192 p.

Sokol'skiy, L.A. (1964). Dekabristki [Decembrist Woman]. In *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya*. Vol. 5. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, col. 47–48.

Tsamutali, A.N., Belousov, M.S. (2015). 190-letie vosstaniya dekabristov [190-Anniversary of the Decembrists Uprising]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Iss. 2, No. 4, pp. 5–19.

Veremenko, V.A. (2019). Hozyaystvennye zaboty: zhizn' zamuzhney dvoryanki v provincial'nom gorode Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [Hostess's Concerns: Everyday Life of a Married Noblewoman in a Russian Provincial Town in the Late 19th – Early 20th]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1, pp. 71–78.

Veremenko, V.A., Zhukova, A.E. (2020). *Vospitatel'nye praktiki v dvoryansko-intellectual'skikh sem'yakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Educational Practices in Noble and Intellectual Families of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. St. Petersburg, Leningradskiy universitet. 231 p.

Э.Б. Штец*

**БЫВШИЙ ДАТСКИЙ ОФИЦЕР
НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ (РОССИЙСКИЙ ПЕРИОД
ЖИЗНИ ДЕКАБРИСТА Е.В. ФОН РУГЕ)**doi:10.31518/2618-9100-2025-6-6
УДК 94(47).073

Выходные данные для цитирования:
Штец Э.Б. Бывший датский офицер на русской службе (Российский период жизни декабриста Е.В. фон Руге) // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 93–110. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-06.pdf>

E.B. Shtets*

**FORMER DANISH OFFICER
IN RUSSIAN SERVICE (RUSSIAN PERIOD
OF THE DECEMBRIST'S LIFE E.V. VON RUGE)**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-6

How to cite:
Shtets E.B. Former Danish Officer in Russian Service (Russian Period of the Decembrist's Life E.V. von Ruge) // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 93–110. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-06.pdf>]

Abstract. Lieutenant General K.-E. von Ruge went down in Russian history as a participant in the Decembrist conspiracy and an officer of the Quartermaster Service, who played a significant role in the establishment and development of Russian military topography in the first half of the 19th century. The study uses previously unknown personnel data from different years to ensure historical accuracy and completeness. A key contribution of this publication is the introduction into scholarly circulation of von Ruge's personal correspondence, preserved in the Ruge family archive in Oslo, Norway. These letters provide valuable new insights into his life and career. The article provides official correspondence about his enlistment in the Russian army. It examines various periods of his life, including his involvement in the Decembrists' secret society, his subsequent arrest, investigation, and punishment. His role in collecting intelligence and surveying the territories of the future theater of war in the run-up to the Russo-Turkish War of 1828–1829, as well as his participation in the post-war establishment of borders with Turkey, has been established. The article describes more than 30 years of service related to conducting topographic surveys in the southern provinces of the empire. It also provides information about the financial support provided to the generals of the Russian army and the system of rewards for their valiant service. After many years of service, Ruge's words about the attractiveness of Russian military service for foreigners, the emperor's favor towards him, and his recognition of Russia as his second homeland deserve special attention. The last years of his life are shown, and the exact date of his death and burial place are established. Given that biographical information on von Ruge – known as a Decembrist – has remained fragmented and largely unchanged since the 19th century, the article offers considerable interest to scholars of military and cartographic history. In conjunction with a previously published study on von Ruge's Norwegian-Danish period, this publication constitutes the first attempt to reconstruct a full and cohesive biography of this notable military topographer.

Keywords: Foreigners in the Russian service, military topographic service, the Decembrist, the maintenance of generals, epistolary heritage.

The article has been received by the editor on 25.08.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Эдуард Богданович Штец, независимый исследователь, Москва, Россия, e-mail: edicshtetc@mail.ru
Eduard Bogdanovich Shtets, Independent Researcher, Moscow, Russia, e-mail: edicshtetc@mail.ru

Аннотация. Генерал-лейтенант К.-Э. фон Руге вошел в российскую историю как участник декабристской конспирации и офицер квартирмейстерской службы, внесший значительный вклад в становление и развитие русской военной топографии в первой половине XIX в. В статье впервые публикуются ранее неизвестные биографические сведения из формуляров (послужных списков) разных лет. Существенным дополнением являются письма К.-Э. фон Руге, хранящиеся в семейном архиве семьи Руге (Осло, Норвегия), которые впервые вводятся в научный оборот. Приведена служебная переписка о зачислении Руге на службу в русскую армию. Рассмотрены периоды его жизни: участие в декабристском тайном Союзе благоденствия, последующий арест, нахождение под следствием и отбывание наказания. Выявлена его роль по сбору разведывательных данных и обследовании территорий будущего театра военных действий в преддверии Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и участие в послевоенном установлении границ с Турцией. Исследована более чем 30-летняя служба по проведению топографических съемок южных губерний империи. Изложен порядок финансового довольствия генерала русской армии и система поощрений за доблестную службу. Особое внимание после многолетней службы заслуживают слова Руге о привлекательности русской военной службы для иностранцев, о благосклонности к нему императора и признание России своей второй родиной. Показаны последние годы жизни и установлена точная дата его смерти и место погребения. Если учесть, что отрывочные биографические сведения декабриста не менялись и не дополнялись со времен их публикаций в XIX в., данная статья представляет исключительный интерес для военных историков. Ранее опубликованная статья о норвежско-датском периоде К.-Э. фон Руге и данная публикация впервые дают целостную биографию видного военного топографа.

Ключевые слова: иностранцы на русской службе, военно-топографическая служба, декабрист, содержание генералов, эпистолярное наследие.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Исторически сложилось, что генерал-лейтенант Карл-Эмануэль Виктор фон Руге¹ в современной российской историографии больше известен как причастный к заговору декабристов, чем военный топограф, хотя он внес неоценимый вклад в развитие русской военной топографии и его фамилия выгравирована на юбилейной медали «В память 50-летия корпуса военных топографов 1872». Но, кроме кратких биографических сведений в справочнике о декабристах², его биография осталась без внимания историков. Ярким примером тому служит факт, что составители сборника о выдающихся военных топографах³ не смогли ничего добавить о Руге кроме того, что опубликовано в XIX в., дополнительно внеся еще ошибочные сведения. Для полноты реконструкции военной биографии К.-Э. фон Руге в основу легли его формулярные списки, архивные документы и письма, которые впервые вводятся в научный оборот.

К.-Э. фон Руге происходил из норвежских дворян. Обучался и проходил службу в армии королевства Дании. Его норвежско-датский период жизни подробно освещен⁴.

¹ Carl Emanuel Victor von Ruge (18.04.1792 Øyer, Oppland, Norway – 15.11.1868 Рига, Лифляндия). В российских документах его называли Емельян, Карл или Карл-Эмиль Викторович.

² Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 160.

³ Сергеев С.В., Долгов Е.И. Военные топографы Русской армии // Список офицеров Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, Генерального штаба и других ведомств, оказавших существенное влияние на становление и развитие Корпуса военных топографов и топографическое (топогеодезическое) обеспечение войск. М., 2001. С. 518–519.

⁴ Штец Э.Б. Норвежско-датский период жизни декабриста Е.В. фон Руге // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 93–106.

Родился в семье датского офицера, провел детство в Норвегии, обучался в кадетском корпусе в Копенгагене, и позднее, как способного офицера, его назначили преподавать в этом же корпусе. После двух лет преподавания, летом 1811 г., Руге похитил денежный ящик кадетского корпуса с 4 100 ригсдалерами и покинул Данию. За хищение денег и дезертирство датским правосудием был заочно приговорен к смертной казни. Руге бежал в Германию, где вступил в немецкий Ганзейский легион. В составе легиона воевал против наполеоновских войск и их союзников, в том числе против своих сослуживцев по датской армии. Так, по воспоминаниям очевидца, отряд из егерской и стрелковой роты Ганзейского легиона под командованием бывшего датского капитана фон Руге 13 ноября 1813 г. атаковал и разбил лагерь датчан в Ратцебурге близ Любека⁵.

После роспуска Ганзейского легиона К.-Э. фон Руге поступил на службу в русскую армию. Из формулярного списка следует, что по Высочайшему повелению он принят из капитанов Ганзейского легиона в поручики 38-го егерского полка⁶.

В архиве генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли сохранились документы о зачислении на службу в русскую армию иностранных офицеров, в том числе и К.-Э. фон Руге⁷. Началось с того, что в Гамбурге в ноябре 1814 г. иностранные офицеры обратились к командующему Польской армией⁸ с просьбой о переходе на службу в русскую армию. Генерал И.Н. Инзов направил ходатайство о принятии их на русскую службу. В том же месяце Руге зачислен в 38-й егерский полк. Но из штаба М.Б. Барклая де Толли сообщили 5 декабря 1814 г., что численность офицеров у них превышена в два раза, и для зачисления иностранных офицеров на службу предлагалось отправить их в Петербург, и там они должны получить разрешения от военного министра. Вероятно, Руге и прочие офицеры были в Петербурге, когда состоялось Высочайшее повеление от 3 января 1815 г., а через два дня приказ об их зачислении. Приводим эти документы ниже.

1

*Управление Главного Штаба
Польской Армии
По части Дежурного Генерала
1-е Отделение
№ 2338-й
10-го ноября 1814 года*

Главная квартира г. Гамбург

*Датско-королевской службы подполковник
Стибольт и майор фон Гидде, подавшие на высочайшее Его Императорского Величества имя прошения о принятии в российскую службу с определением первого в пехотные полки польской армии, а последнего в легкую кавалерию, по случаю назначенного польской армией похода и не получения об них разрешения, при сем в Главное Дежурство отправляются.*

Дежурный генерал Польской армией генерал-лейтенант Инзов.

2

⁵ Asmus Heinrich. Grundlinien der Lübschen Geschichte oder: Kleine Lübsche Chronik Von Heinrich Asmus. Lübeck, 1859. P. 145.

⁶ Формулярные списки К.-Э. фон Руге: за 1-ю половину 1821 г. (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7065. Л. 623 об. – 624), за 1-ю половину 1823 г. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7067. Л. 152–153), за 1-ю половину 1825 г. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7070. Л. 393 об. – 394), за 1-ю половину 1826 г. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7071. Л. 526 об. – 527), за 1-ю половину 1857 г. (РГВИА. Ф. 395. Оп. 49. Д. 342. 1 отд. 3 ст. Л. 1–11 об.).

⁷ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 21. Д. 42. Л. 35–41 об.

⁸ Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745–1826), генерал от кавалерии, главнокомандующий Польской армией с 1813 г.

Управление Главного Штаба
Польской Армии
По части Дежурного Генерала
1-е Отделение
№ 2340-й
11-го ноября 1814 года

Главная квартира г. Гамбург⁹

Прилагаю у сего список штаб и обер-офицеров, подавшим на высочайшее Его Императорского Величества имя прошения о принятии в российскую службу, которые по случаю назначенного польской армией похода и не получению о принятии их в службу разрешения отправлены в г. Варшаву, о чем, уведомляя Главное Дежурство, покорнейше прошу значущих по списку капитанов Донопы, Руге, поручиков Овенса и Беренса, желающих продолжить службу в 38-м Егерском полку, до поступления Высочайшего разрешения, прикомандировать к оному.

Дежурный генерал генерал-лейтенант Инзов.
В Главное Дежурство армии генерал-фельд-маршала графа Барклая де Толли.

Список

штаб и обер-офицеров, подавших на высочайшее Его Императорского Величества имя прошения о принятии в российскую службу с означением в какие именно полки

№	Звание чинов	В каких полках имеют желание продолжить службу	В которые полки
	Датской службы		
	Подполковник Стибольт	В кавалерийские полки в польской армии состоящие	Определены 9 декабря № 12521
	Майор Гидде	В легкую кавалерию	
	Ганзиатических легионов		
-	Капитан Руге	9-й пехотной дивизии в 38-й Егерской полк	Прибыл и определен в 38 егер[ский] полк
	----- Доноп		Прибыл и опред[елен] в 38 егер[ский полк]
-	Поручик Овенс		Не прибыл. 5 генваря № 49 приком. в 38-й егер[ский полк]
х	----- Беренс		
	Российско-немецких легионов		
	Поручик Гобе	В легкую кавалерию	Определены оба 11 декабря № 12527
	Императорско-австрийской службы		
	Поручик Кукули	В егерские полки 15 или 16 дивизии	
	Ганноверской службы		
х	Поручики Ульрих	В пехотные полки в польской армии состоящие	Прибыл. Гв[ардейской] дивизии к рез[ервному] батальону приком- мандир[ован]
	----- Вутман	В легкую кавалерию	Прибыл. Прикомандирован в Сакена корпус
	Вспомогательных войск Рейнского союза принца Шварцбург-Зондерсгаузенского		
х	Поручик Мюнг	По кавалерии	Прибыл
	Ванденской службы		
	Поручик Виндель	В инженерный корпус	Прибыл

⁹ На письме резолюция: «В 3-е отд. 25 ноября 1814. № 1458. Оставить до их прибытия и передано 28 ноября».

Управление Главного Штаба
Польской Армии
По части Дежурного Генерала
1-е Отделение
№ 2492-й
3-го Декабря 1814 года

Главная квартира г. Гамбург¹⁰

Начальник Главного Штаба Его Императорского Величества господин генерал-адъютант князь Волконский уведомляет, что из числа отправленных от сель в город Варшаву г[оспод] штаб и обер-офицеров просившихся в нашу службу, Государь Император высочайше повелеть соизволил согласно их желанию принять и именно: Датской службы отставного майора фон Гиде ротмистром, Ганзейтических легионов **капитана Руге** и Донопа, поручиками в 38-й Егерский полк, датской службы подпоручика фон Овенса в тот же полк прапорщиком, Ганноверской службы поручика Вутмана корнетом, о чем и в Высочайшем приказе будет отдано.

О каковом Высочайшем соизволении прошу покорнейше Главное Дежурство дать знать 38-му Егерскому полку о тех кои в оной определены, а последним двум в легкую кавалерию просившимся объявить в какие полки они определены, о том в Высочайшем приказе сказано будет.

Дежурный генерал генерал-лейтенант Инзов.

В Главное Дежурство армии генерал-фельд-маршала графа Барклая де Толли.

4

Получено 5-го декабря к № 1854

Доставленное при отношении Вашего превосходительства № 229 отношение к Вам генерал-лейтенанта Инзова и при оном список штаб и обер-офицеров, подавших прошение о принятии их в военную службу, при сем имею честь препроводить обратно к Вашему превосходительству с тем, чтобы по сем по списку значащимся чиновника[м] приказали объявить, чтобы они отправлялись в С. Петербург и явились к Управляющему военным министерством. Снабдить их, по мере прибытия их сюда, на проезд до С. Петербурга пашпортами. Сие делается, потому что в армии, вверенной главнокомандующему графу Барклаю де Толли, по воле которого сие пишу, есть двойной комплект в полках офицеров.

Действительный статский советник Омеляненко. 5 декабря 1814. Варшава.

5

№ 339 к № 1854-му

Писано барону Сакену
7 генваря № 409

№ ____ г. Варшава
____ февраля 1815 г.

6 февраля 1815.

Польской армии дежурный генерал Инзов при отношении своем от 11-го ноября 1814 года на имя Главного Дежурства препроводил список штаб и обер-офицеров иностранной службы, подавшим на Высочайшее имя прошения о принятии в российскую службу и после того 3-го декабря он же г[осподин] Инзов уведомил, что Его Императорское Величество из числа означенных в том списке г[оспод] штаб и обер-офицеров Высочайше повелеть соизволил согласно желанию определить на службу и прибывшего сюда датской службы

¹⁰ На письме резолюция: «В 3-е отд[еление]. Когда придут, то им объявить».

отставного майора Гиде, и принятого ротмистром и изъявившего желание служить в легкой кавалерии, а как не означено в который именно полк, то не благоугодно ли будет до получения Высочайшего утверждения прикомандировать его к какому[-либо] кавалерийскому полку, о чем представить честь имею на разрешение.

Список
иностранным офицерам
Генваря 30-го 1814¹¹ года

Какой службы	Каким чином в нашу службу приняты	В которые полки	
<i>Ганзеатических легионов</i>			
Капитан Руге	Поручиком	В 38-й Егерский полк	
Поручик Овенс	Прапорщиком	В 38-й Егерский	
<i>Ганноверской службы</i>			
Поручик Вутман	Корнетом	По кавалерии	Прикомандирован в корпус г. Генерала барона Сакена

Господин дежурный генерал приказать изволил оным офицерам приготовить бумаги для отправления. Бумаги по сему предмету генерал-лейтенанта Инзова за № 2338, 2492 и 2340 и при сем последнем список, при сем посылаются и бумаги действительного статского советника Омельяника за № 1707. Аудитор 8-го класса <подпись>.

О дальнейшей службе К.-Э. фон Руге можно проследить из формулярного списка. С 10 апреля 1815 г. был в походе в Силезию и Баварию, перейдя р. Рейн в Мангейме, вступил во французские пределы. Участвовал в блокаде крепости Метц (20–25 июня 1815 г.), а с 30 июня по 23 августа – в экспедиции по поиску французских партизан. С 25 августа по 1 сентября – на маневрах при г. Вертю, и по их окончании зачислен в Отдельный оккупационный корпус во Франции в должности плац-майора крепости Шарлемон (Fort de Charlemont) в Живе (Givet). Из Живе Руге напишет 31 июля 1816 г. младшему брату Христиану Фредерику Руге¹² свое первое письмо после бегства из Дании.

7 октября 1817 г. переведен в 10-й егерский полк. Но в полк не прибыл, оставшись в должности плац-майора крепости Живе. Через месяц (14 ноября 1817 г.) зачислен в Свиту Его Императорского Величества и ему присвоен гвардейский чин – подпоручик. В следующем году присвоен чин поручика (30 августа) и «за отличие по службе» штабс-капитана (12 октября). С 13 ноября 1818 г. состоял в должности квартирмейстера 9-й (позже 20-й) пехотной дивизии и при походе обратно в Россию проводил правую колонну Отдельного оккупационного корпуса под начальством генерал-майора Е.Е. Удома через немецкие княжества и Польшу.

По возвращении в Россию в 1819 г. Руге назначен исполняющим должность оберквартирмейстера 7-го пехотного корпуса. В этой должности с 1819 по 1823 г. проводил рекогносцировку и статистическое описание четырех уездов Херсонской губернии, двух уездов Киевской губернии и одного уезда Таврической губернии. Итогом этой работы стали подготовленные подробные географические карты и статистический анализ указанных уездов.

В 1821 г. «за отличие по службе» Руге присвоен чин капитана (8 апреля) и «за ревностную и отлично-усердную службу» императорским указом он был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени (13 июня).

¹¹ Год указан ошибочно, правильно 1815.

¹² Christian Fredrik Ruge (3.07.1787, Øyer – 20.03.1855, Christiania).

В 1823 г. Руге находился при Главной квартире 2-й армии (Тульчин), составляя карту европейской части Турции (к будущей войне с ней), а 26 ноября 1823 г. «за отличие по службе» получил чин подполковника. С 5 декабря 1823 по 1827 г. руководил военно-топографической съемкой Бессарабской области, в том числе размежеванием казенных земель Буджака. В итоге была создана тригонометрическая сеть Северной Бессарабии и проведена топографическая съемка Оргеевского и Ясского цинутов.

В этот период в Петербурге 14 декабря 1825 г. произошло восстание декабристов и после первых допросов заговорщиков выяснилось, что К.-Э. фон Руге принадлежал к тайному обществу. Приказ об аресте последовал 3 января 1826 г. Руге был арестован в г. Хотине и препровожден в столицу.

Сохранился рапорт об отправке К.-Э. фон Руге в Петербург¹³:

*Главный Штаб 2-й армии
По части генерал-квартирмейстера
Отделение
в м. Тульчине
15 января 1826 № 61*

*Свиты Его Императорского Величества
по квартирмейстерской части господину
генерал-майору кавалеру Селявину*

Генерал-квартирмейстер 2-й армии

Рапорт

В исполнение Высочайшего повеления г. главнокомандующий приказать изволил отправить в С. Петербург начальника съемки Бессарабской области квартирмейстерской части подполковника фон Руге; вследствие чего я предписал ему сдать все дела, относящиеся до военной съемки старшему по себе Корпуса топографов поручику Безкорнилову; поставив сему последнему в обязанность надзирать впредь до повеления за продолжением рисовки и заниматься приведением в порядок частей, снятых в течение прошедшего лета. Что же касается до гражданской съемки, то из рапорта к Вашему превосходительству подполковника фон Руге от 27 прошедшего месяца № 803 Вы изволили видеть, что разрезка казенных земель в природе уже кончена, а планы, межевые журналы и статистическое описание могут быть представлены к будущему июню месяцу, и приведение оных к окончанию предписал я подполковнику Руге передать прикомандированному к сему размежеванию уездному землемеру Волынской губернии Владимирского повета коллежскому секретарю Горлову, который, давно уже находясь при сей работе, успешнее может наблюдать за исправным окончанием оной.

О сем имея честь донести Вашему превосходительству присовокупляю, что, не зная скоро ли возвратится г. фон Руге и полагая, что столь важные занятия не могут быть производимы с желаемым совершенством, оставаясь долгое время без надзора опытного и сведущего начальника, я считаю обязанностью.

Руге был доставлен на Главную гауптвахту 24 января 1826 г. На следующий день переведен в каземат № 13 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. При аресте было изъято 175 рублей ассигнациями и 6,30 рублей серебром, золотое кольцо, золотые часы с бисерной цепочкой, 1 бисерный кошелек, 6 столовых и 9 чайных серебряных ложек, чемодан и сундук с вещами (около 30 предметов одежды), документы и письма, зашитые в два мешка. Все вещи сданы на хранение в Главный штаб¹⁴.

В ходе следствия установлено, что в конце 1820 г. в штабе 2-й армии (Тульчин) Руге встречался с декабристами Н.В. Басаргиным и И.Г. Бурцовым и вступил в тайное общество декабристов – в тульчинскую управу Союз благоденствия. Но на этом его деятельность в заговоре закончилась, так как на следующий день он отправился по делам службы

¹³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 75. Л. 6–7 об.

¹⁴ Восстание декабристов. М., 2016. Т. XXIII: Материалы об имущественном положении декабристов. С. 155, 238, 242, 379.

в Херсон. Приехав обратно в Тульчин весной 1821 г., Руге узнал от Басаргина, что тайный союз распался, и больше о заговорщиках не слышал¹⁵.

Каким образом Руге попал в поле зрения декабристов и что побудило его принять предложение вступить в тайный союз, в делах следственной комиссии не отразилось. Вероятно, все произошло в «духе того времени», когда была мода на масонские ложи и увлечение политическими науками. Тогда Союз благоденствия содержал внешние признаки масонской ложи и пополнял свои ряды офицерами с либеральными взглядами. Поэтому желание Руге стать братом в масонской ложе выглядит логично. Из материалов следствия известна тенденция членов Тульчинской управы на установление связи с зарубежными тайными обществами. Это контакты с польскими заговорщиками для выхода на английские тайные союзы или прием француза на русской службе Ираклия Полиньяка для установления связи с тайными обществами во Франции. Можно предположить, что и Руге, как подданный Датского королевства, мог быть интересен декабристам как связной со скандинавскими тайными обществами.

Еще до окончания следствия и вынесения Уголовным судом приговора декабристам К.-Э. фон Руге был освобожден из крепости. Но за то, что в 1822 г. не сообщил в подписке о принадлежности к тайным обществам или масонским ложам, был привлечен к административной ответственности – одному месяцу крепостного содержания. Получив 27 марта 1826 г. изъятые при аресте вещи, он был отправлен для отбытия наказания в Тираспольскую крепость, куда доставлен 9 апреля 1826 г.

Об освобождении Руге из Тираспольской крепости сохранился рапорт¹⁶:

*Вх. № 2642 1-е Отд[еление].
18/20 мая 1826 № 906*

Начальнику Главного штаба Его Императорского Величества господину генерал-адъютанту и кавалеру барону Дибичу

*Тираспольского коменданта
подполковника Сириоти*

Рапорт

По высочайшему Государя императора повелению препровожденного ко мне предписания Вашего превосходительства от 23-го марта сего года за № 611 с нарочным фельдъегерем Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, подполковник фон Руге для помещения его под арест во вверенную мне крепость на один месяц, который 9-го числа прошлого месяца на гауптвахту мною посажен, и сего мая 9-го числа по окончании срока возвращена мною шпага. На проезд его от Тирасполя до местечка Тульчина снабжен подорожною, который того ж числа отправился на службу, и приказав явиться предварительно в главный штаб 2-й армии. О чем сим вашему превосходительству имею честь донести, комендант подполковник Сириоти.

*№ 249, мая 10-го дня 1826-го года
Кре[пость] Тирасполь.*

После крепостного заключения Руге участвовал в подготовительных мероприятиях на балканском театре военных действий в назревавшей войне с Турцией. По царскому повелению в декабре 1826 г. командирован с русским посольством, возглавляемым тайным советником А.И. Рибопьером, в Константинополь, куда оправился в 1827 г. с задачей осуществить проверки российских границ с Османской Портой на островах р. Дуная согласно требованиям Бухарестского договора и Аккерманской конвенции.

Во время следования через Турцию производил военное обозрение и представил высшему начальству топографические маршруты с описанием дорог через Силистрию,

¹⁵ Следственное дело подполковника квартирмейстерской части фон Руге // Восстание декабристов. Документы. М., 2001. Т. 20. С. 215–221.

¹⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 75. Л. 8–8 об.

Шумлу, Айдос и Бургас до Константинополя и обратно через Мидию, Ахиоло, Варну и прочие населенные пункты до крепостей Искачи и Тульчи. Сохранилось около десятка отчетов Руге с описанием маршрутов.

Фактически Руге был определен в состав посольства, чтобы провести разведку местности, по которой должны были бы пройти русские войска при объявлении войны Турции. Результатом собранных Руге сведений стало быстрое и удачное продвижение русских войск по европейской части Османской империи и принужденное подписание турецким султаном мирного договора на выгодных для России условиях.

Когда Свиту Его Императорского Величества переименовали в Генеральный штаб, Руге 27 июня 1827 г. переназначили подполковником Генерального штаба. Непосредственно перед войной с Турцией «за отличие по службе» 5 апреля 1828 г. ему был присвоен чин полковника.

25 апреля 1828 г. К.-Э. фон Руге под начальством генерал-майора Ф.К. Гейсмара в составе авангарда армии перешел р. Прут и 1 мая командирован для занятия двумя эскадронами уланов и сотней казаков позиции напротив крепости Гирсов (ныне г. Хыршова), где ночью со 2 на 3 мая «уничтожил намерение неприятеля», напавшего на деревню Пиопетри, а с 3 по 12 мая совершил с одной сотней казаков рекогносцировку всего протяжения Дуная от Гирсова до Туртукая (ныне г. Тутракан), где 11 мая под выстрелами турецкой флотилии чертил местность неприятельской позиции и определил места для переправы.

С 16 по 28 мая находился при осаде крепости Браилов (ныне г. Брэила), а с 4 по 9 июня – под крепостью Кистенджи (ныне г. Констанца). Перед осадой Кистенджи 29 мая 1828 г. Руге назначен обер-квартирмейстером авангарда армии. Согласно донесению начальника авангарда генерал-лейтенанта Ф.В. Ридигера, 5, 6 и 8 июня он «обозрел с неустрашимостью неприятельские укрепления, с отличным благоразумием назначил позицию войск и под сильным огнем наблюдал движение неприятеля, за что генерал-лейтенант Ридигер рекомендовал к ордену Святой Анны 2-й степени». И через полтора месяца «за ревностную службу, примерное мужество и отличия, оказанные при покорении крепости Кистенджи», императорским указом 12 июля 1828 г. Руге получил бант к ордену Святого Владимира 4-й степени. Участие Руге в боевых действиях закончилось 21 июня 1828 г., когда его назначили состоять при полномочном представителе Диванов дунайских княжеств Молдавии и Валахии¹⁷ для составления статистики этих княжеств.

После окончания войны с Турцией императорским указом от 6 декабря 1829 г. полковник К.-Э. фон Руге награжден орденом Святой Анны 2-й степени. С 22 мая 1830 г. по 26 января 1831 г. по приказу главнокомандующего 2-й армии он назначен комиссаром для разграничения Дуная на основании статьи 111 и дополнительного акта Адрианопольского тракта, и «за ревностную службу, труды и отличное усердие при определении границ по Дунаю с турецкими комиссарами» императорским указом от 28 марта 1831 г. ему вручен орден Святой Анны 2-й степени с императорской короной.

Из Валахии 14 марта 1831 г. Руге откомандирован в Главную квартиру 1-й армии (на основании приказа по Генеральному штабу от 26 сентября 1830 г. № 215), а с 18 мая по 17 ноября 1831 г. он состоял исполняющим должность обер-квартирмейстера 3-го пехотного корпуса (м. Торчин Волынской губ.).

С 30 июня 1831 г. участвовал в подавлении польского восстания. Перейдя р. Буг, совершил поход до крепости Замостье. Участвовал в отражении вылазки поляков в ночь с 13 на 14 июля и 15 июля. При блокаде крепости находился до окончания разгрома польских повстанцев. За участие в подавлении восстания приказом Главнокомандующего 1-й армии 24 сентября 1832 г. Руге вручен «за дела против мятежников в пределах Царства Польского знак отличия за военные достоинства 3-й степени». За все военные кампании ранений он не получал и в плену не был.

¹⁷ Диван – высший совещательный и исполнительный орган при господарях княжеств Молдовы и Валахии.

Царским приказом 28 октября 1832 г. Руге назначен, а 7 декабря того же года вступил в должность обер-квартирмейстера 4-го (потом 3-го) резервного кавалерийского корпуса. Новое назначение на должность обер-квартирмейстера 5-го пехотного корпуса состоялось 13 марта 1834 г. Перед этим назначением приказом по Генеральному штабу от 27 февраля 1834 г. № 72 ему объявлена благодарность от императора. Однако в срочном порядке по приказу военного министра 14 апреля 1834 г. Руге был временно командирован в Молдавию и Валахию для военного описания этих княжеств. Во время пребывания в Молдавии царским приказом 12 мая 1835 г. Руге назначен обер-квартирмейстером 4-го пехотного корпуса. Вернулся из Молдавии и Валахии 24 марта 1836 г. и уже 10 апреля вступил в должность обер-квартирмейстера 4-го пехотного корпуса на основании приказа командира корпуса от 31 марта 1836 г. № 36.

По итогам двухлетней службы указом от 8 мая 1836 г. «в награду отличного исполнения в княжествах Молдавии и Валахии особого поручения» император предписал министру финансов вместо аренды ежегодно выплачивать полковнику Руге 800 рублей серебром в течение 12 лет (по 8 мая 1848 г.).

В дальнейшем служба К.-Э. фон Руге шла ровно и успешно, периодически командование отмечало его успехи различными поощрениями:

- императорским указом 20.11.1837 вручен орден Святого Владимира 3-й степени «за отличную усердную и ревностную службу»;
- объявлена благодарность в императорских приказах от 18, 22, 24 июня 1838 г. за отличие во время военного смотра в Варшаве;
- объявлена императорская благодарность в приказе от 12 августа 1840 г. за военный смотр 11-й пехотной дивизии в Киеве;
- объявлена благодарность в императорском приказе от 25 октября 1842 г. за военный смотр 4-го пехотного корпуса в Киеве, проводимый великим князем Михаилом Павловичем;
- 03.12.1842 награжден орденом Святого Георгия 4-го класса «за выслугу в офицерских чинах 25 лет»;
- 16.10.1843 награжден знаком отличия беспорочной службы за XX лет.

В жизни К.-Э. фон Руге произошло событие, которое окончательно связало его с Россией, – 27 февраля 1841 г. он присягнул на верноподданство Российской империи. Присвоенный 11 апреля 1843 г. чин генерал-майора довершил успех в его военной карьере.

Сохранилось его письмо к брату Христиану Фредерику Руге на немецком языке, в котором он коротко излагает свою жизнь за последние три десятка лет и в котором Россию считает второй родиной:

*Гомель, Могилевская губерния в России¹⁸.
27 ноября / 9 декабря 1843.*

Мой дорогой, нежно любимый брат!

После стольких долгих лет разлуки со всем, что мне было так дорого, я наконец-то испытываю невероятное счастье получить от вас вести. Господин фон Моргенштерне, атташе шведско-норвежского посольства в Санкт-Петербурге, вследствие твоего письма к нему сообщил мне, что ты служишь в качестве подполковника и адъютанта короля и проживаешь в Христиании, и также, к несчастью, что недавно умер наш брат Герман¹⁹. Господин фон Моргенштерне предлагает послать тебе мои письма в Норвегию. Убежденный, что данное письмо будет обязательно доставлено, я немедленно воспользуюсь этой неожиданной возможностью, чтобы излить тебе свою душу, мой дорогой любимый брат, с неописуемым, переполняющим чувством покорности и братской привязанности.

¹⁸ Письма К.-Э. фон Руге к родным в настоящее время хранятся у потомков брата декабриста Христиана Фредерика Руге в Норвегии. Данное письмо целиком и фрагменты других писем декабриста любезно присланы Сверре Ервеллом (г. Осло).

¹⁹ Herman Robert Ruge 2-й (30.03.1778, Lesje – 23.08.1843, Christiania).

В первые годы моей напряженной карьеры в России я писал тебе из всех мест, куда меня только заносила моя нелегкая судьба; мои письма были адресованы в Tuderuhshall, но, скорее всего, они так и не дошли до места назначения, так как ни на одно из них я так и не получил ответа. Понятно, что в самых отдаленных уголках этой огромной империи, таких, например, как бывшие турецкие провинции или попавшие под влияние императорской короны регионы, почта работает не слишком уверенно, и, как следствие, как мои письма, так и твои, попросту могли затеряться. Поскольку я оставался и остаюсь в Петербурге, в конце концов, это стало болезненной привычкой – отказываться от всех новостей от моей семьи и даже быть лишенным утешения хотя бы знать, кто из вас еще жив. Но я всегда был убежден, что Господь присматривает за всеми вами, и вот Всемогущий снова проявил свою благодать вследствие моих постоянных пылких молитв и сохранил тебя для меня, единственного, кого я знал и любил братской любовью. Единственного, кому я многим, да, собственно, всем, обязан.

Ниже я кратко, но очень подробно описываю всю мою жизнь, мои радости и горести за время, что я в России, на моей второй Родине. Вы должны помнить, что сначала я служил в егерском полку, если быть точным – в 38-м. Вскоре у меня появилась возможность использовать полученные мной научные знания и применить мои профессиональные навыки, и уже в 1819 году я был переведен в штаб императорского генерал-квартирмейстера. С того момента и по сей день у меня было очень мало дней, что я не посвятил служению. Неумолимая служба и строгое благочестие не остались без должного внимания, и, хотя мои достижения были чужды и лишены всякой поддержки и защиты, они были справедливо признаны. В 1821 году я был произведен в капитаны, и в том же году блаженный император Александр вручил мне орден Святого Владимира в награду за съемку и статистическое описание части Таврии и Херсонской губернии. В 1823 году я стал подполковником, так как в Генеральном штабе нет майоров, поэтому в нем, отличающемся от остальной армии, из капитанов переходят сразу в подполковники. С 1824 по конец 1826 года я руководил военной съемкой Бессарабии.

В 1827 году я был назначен в императорское посольство в Константинополе в качестве атташе и советника, а в 1828 году, сразу после начала турецкой войны, был назначен полковником и одновременно старшим квартирмейстером арнаутов²⁰ русской армии, действовавших против турок. Во время этой кампании я получил Орден Святой Анны 2-й степени, и, как только в Адрианополе был заключен мир, я был назначен уполномоченным по установлению границ со стороны России княжеств Молдавии и Валахии по соглашению с турецкими властями. В награду за эту очень сложную работу мне вручили императорскую корону к ордену Святой Анны 2-й степени. Именно в Валахии я познакомился с боярином и Верховным комиссаром Полисо, старшая дочь которого, Эльвира, стала моей женой в 1830 году. Через год я стал отцом девочки, которая умерла вскоре после того, и с тех пор я остаюсь бездетным.

Я лишь частично участвовал в Польской войне 1831 года, вызванной злополучным и ничем не оправданным восстанием неблагодарных поляков, в награду за что я получил рыцарский крест «virtuti militari». 1834 и 1835 годы я провел в Валахии и Молдавии, чтобы по приказу императора составить их военно-статистическое описание. В качестве награды в 1836 году меня назначили старшим квартирмейстером 4-го армейского корпуса, это пост, который я занимаю до сих пор. В 1837 г. я получил командорский крест ордена Владимира; в прошлом году рыцарский крест ордена Святого Георгия; и, наконец, в начале этого года я стал генерал-майором.

Видишь, дорогой брат, Всевышний защитил и направил меня, на что я едва ли мог надеяться. Признанный высшими властями страны, уважаемый и любимый моими товарищами и подчиненными, я был бы неблагодарным, если бы не признавал благосклонности императора всем сердцем, не любил бы страну, которая дает мне хлеб, социальное положение, которое не может быть более почетным. Что касается остального, я должен

²⁰ Арнауты – албанцы, проживавшие в Бессарабии.

признаться, что не нажил никакого состояния, но и получить его не представлялось возможным. В России жалованья едва ли хватает на жизнь. Долгие и часто повторяющиеся поездки, в которых приходится участвовать, особенно при работе в Генеральном штабе, полностью лишают возможности хоть на чем-то сэкономить. Моя жена не принесла мне ничего, кроме своей любви, и так получилось, что мы можем жить без больших долгов только благодаря очень строгому ведению домашнего хозяйства. Вся моя надежда на Бога и нашего обожаемого императора! Если Всевышний даст мне здоровья и сил еще на несколько лет, тогда я смогу с полной уверенностью ожидать, что император не откажет мне в пожизненной пенсии, и поэтому я буду жить спокойно и сердечно преданно своей профессии.

Что ж, довольно обо мне, любимый брат, я повторюсь, я не имел и не имею права претендовать на большое счастье, но все, что (как проявление уважения и доброжелательности) честный человек может попросить у сограждан, принадлежит мне, а вместе с этим и ежедневные средства к существованию. За то вечная благодарность Всевышнему.

Ну что же, теперь твоя очередь, дорогой Христиан! С нетерпением жду от тебя очень длинного и объемного письма. Точно так же, как я кратко описал всю свою жизнь в течение почти 30 лет, теперь ты тоже напиши мне все, что касается тебя и других моих братьев, сестер и родных. Не забывай ничто и никого. Хотя я и не знал нашего покойного брата Германа, я искренне оплакивал его смерть. Сколько ему было лет? А сколько лет тебе? Ты знаешь, в апреле мне исполнится 52 года. Я здоров. Хотел бы услышать то же самое и от тебя, и пусть Всевышний поможет тебе жить долго и счастливо в течение многих-многих лет. С сегодняшнего дня я свято обещаю писать тебе хотя бы раз или два в год. При нынешнем очень хорошем и безопасном почтовом сообщении со Швецией, письма из Христиании и в нее должны быть доставлены быстро и безопасно. Прилагаю тебе два адреса, один на французском, другой на русском [языке]. С самого начала ты увидишь, что я пишу свое имя Rouquet, а не Ruge. Это оттого, что этого требует произношение, поскольку в России, кроме Петербурга, почти нигде не говорят и не читают по-немецки, в основном здесь используют лишь русский язык, а среди образованных – французский, так можно произнести «Руге» как «Рюш» (Rüsch), но не знать к кому именно это относится. Я чуть не забыл датский язык, то есть, как писать; однако все написанное я понимаю без труда²¹. Я пишу по-русски и по-французски лучше, чем по-немецки, которого, как я уже сказал, здесь почти не слышно, так как даже немецкие офицеры на русской службе очень редко говорят между собой по-немецки²².

Прощай, родной, любимый, незабвенный брат! Кто знает, суждено ли мне увидеть тебя хотя бы еще раз и прижать тебя к своей груди? Пусть Проведение Господа направляет нас на эту радость. Одна только мысль об этом уже делает меня счастливым! Прощай и пиши скорее, ах, скорее! Напиши, пожалуйста, господину Моргенштерне, надеюсь, он не откажет получить твои письма для дальнейшей передачи. Еще раз до свидания! Я мысленно обнимаю тебя сто тысяч раз. Благодарный, преданный, любящий тебя брат,

Карл ф[он] Руге.

Оставаясь в должности обер-квартирмейстера 4-го пехотного корпуса, царским приказом от 11 декабря 1843 г. Руге назначается обер-квартирмейстером 1-го пехотного корпуса и принимает эту должность 21 февраля 1844 г.

Как и прежде, он служит прилежно и неоднократно отмечен командованием:

– благодарностью командира 1-го пехотного корпуса (приказ от 11 августа 1845 г. № 51) за порядок и устройство корпусного лагеря при г. Елисаветграде;

²¹ В формулярном списке К.-Э. фон Руге записано, что он происходит из норвежских дворян и владеет языками: русским, немецким, французским и датским. Норвежский язык не указан (РГВИА. Ф. 395. Оп. 49. Д. 342. 1 отд. 3 ст. Л. 11 об).

²² Это интересное замечание, что офицеры-немцы на русской службе общаются по-русски, так как до правления Николая I они даже после нескольких десятилетий службы не знали русского языка.

– императорским благоволением в приказах от 31 августа и 1, 3, 4, 6, 8 сентября 1845 г. за смотр, учения и маневры 1-го пехотного корпуса в г. Елизаветграде;

– орденом Святого Станислава 1-й степени (приказ по действующей армии от 10 октября 1845 г. № 148);

– награждается знаком отличия беспорочной службы за XXV лет 22 августа 1846 г.

В 1846 г. у Руге закончилась служба в армейских объединениях. Приказом по Генеральному штабу от 4 марта 1846 г. № 144 он зачислен в распоряжение военного министра и генерал-квартирмейстера Главного штаба. С этим назначением у Руге возобновилась военно-топографическая деятельность, приостановленная войной с Турцией в 1828 г., именно эта успешная служба и запечатлела его фамилию на юбилейной медали 1872 г. Его вклад в развитие военной топографии можно проследить по его формуляру:

– с 1 марта 1847 г. по царскому распоряжению на основании приказа Генерального штаба назначен начальником военной съемки Киевской губернии. Высочайшим приказом от 28 апреля 1850 г. за окончание военной съемки Киевской губернии пожалован кавалером ордена Святой Анны 1-й ст. По докладу военного министра за успешную военную съемку Киевской губернии император пожаловал Руге золотую табакерку, украшенную бриллиантами с вензелем Государя, о чем объявлено в приказе Генерального штаба от 16 мая 1848 г. № 209;

– с 17 апреля 1850 г. по Высочайшему повелению, объявленному приказом по Генеральному штабу, назначен начальником военной съемки Херсонской губернии. Пожалован знак отличия (задним числом с 22 апреля 1850 г.) за безупречную службу за XXX лет (приказ Генерального штаба от 7 марта 1851 г. № 97). За успешную съемку Херсонской губернии награжден орденом Святой Анны 1-й ст. с короной (приказ Генерального штаба от 27 августа 1852 г. № 298);

– с 27 апреля 1853 г. назначен начальником военной съемки Екатеринославской губернии. На основании предписания Генерального штаба от 19 декабря 1854 г. № 8993 по представлению директора Военно-Топографического Депо от 24 декабря 1854 г. № 2382 дополнительно назначен начальником военной съемки северной части Таврической губернии. За отлично проведенную съемку Екатеринославской губернии снова получил золотую табакерку, украшенную бриллиантами с вензелем Государя, о чем объявлено в приказе Генерального штаба от 20 января 1855 г. № 31, а также два монарших благоволения 15 января 1855 г. и 16 января 1856 г. Пожалован знак отличия (задним числом с 22 августа 1855 г.) за безупречную службу за XXXV лет (приказ Генерального штаба от 2 апреля 1856 г.). За отличие по службе 26 августа 1856 г. Руге присвоен чин генерал-лейтенанта с оставлением его начальником тоposesъемки Екатеринославской губернии.

Будучи беспоместным офицером и не имея иных доходов кроме жалования, которого едва хватало на жизнь, Руге нуждался в деньгах. Из приведенного его письма к брату от 27 ноября / 9 декабря 1843 г. следует, что женитьба на дочери валашского дворянина не улучшила его финансовое положение.

В формулярных списках и Списках генералам по старшинству записаны все финансовые поощрения К.-Э. фон Руге:

1825 –	Единоновременно 2 000 рублей ассигнациями;
1831 –	Единоновременно 2 500 денарий из доходов княжества Валахии;
1832 –	Единоновременно 1 000 рублей ассигнациями;
1836–1848 –	ежегодно на 12 лет – 800 рублей серебром (2 400 рублей ассигнациями);
1848 –	табакерка с бриллиантами и вензелем императора;
1848–1854 –	ежегодно на 6 лет – 800 рублей серебром (2 400 рублей ассигнациями);
1854–1858 –	ежегодно на 4 года – 800 рублей серебром (2 400 рублей ассигнациями);
1855 –	табакерка с бриллиантами и вензелем императора ²³ .

Из этого списка выделяется неоднократное предоставление императором денежных компенсаций. В архиве сохранилось дело Министерства военного департамента Генераль-

²³ Список генералам по старшинству. Исправлено по 17-е марта [1844]. СПб., 1844. С. 371; Список генералам по старшинству. Исправлено по 7-е января [1856]. СПб., 1856. С. 309; Список генералам по старшинству. Исправлено по 17-е февраля [1856]. СПб., 1856. С. 233.

ного штаба по канцелярии «По рапорту генерал-майора фон Руге о продолжении ему производства аренды еще на 12 лет» (14 июля 1847 г. – 8 октября 1848 г.)²⁴.

В составе дела есть рапорт начальника военной съемки Киевской губернии генерал-майора фон Руге от 5 июля 1847 г. (г. Киев) в адрес генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-лейтенанта Ризенкампа, в котором Руге сообщает, что за составление военного обозрения Молдавии и Валахии указом от 8 мая 1836 г. император повелел выплачивать ему вместо аренды из государственного казначейства ежегодно 800 руб. серебром в течение 12 лет по 8 мая 1848 г. В настоящее время при недостаточном финансовом состоянии и многолетней болезни жены, которая скончалась в 1846 г., он вынужден снова просить это пособие для погашения образовавшихся долгов, которые выплачивает из получаемого содержания.

К рапорту приложена справка о размере ежегодного содержания Руге, которое составило 2002,20 рублей серебром (справка военного министерства от 31 марта 1848 г. № 1915), а именно: по чину – 838,50 руб.; на чертежные принадлежности – 42,90 руб.; столовые по должности начальника съемки – 1120,80 руб.

Отношением от 12 июля 1848 г. министру финансов император распорядился с 8 мая 1848 г. на 6 лет (по 8 мая 1854 г.) продолжить выплачивать Руге вместо аренды денежное пособие по 800 руб. серебром в год на основании предыдущего указа от 8 мая 1836 г. Данное решение императора доведено до Руге 23 июля 1848 г. На основании уведомления Министерства финансов о назначении пособия от 9 сентября 1848 г. Руге оформил в Киеве доверенность от 25 сентября 1848 г. на имя профессора Императорской военной академии Генерального штаба капитана Лебедева для получения вместо него в Государственном заемном банке (Петербург) в счет будущей аренды 3 855,86 руб. серебром для погашения долгов. С 24 мая 1854 г. император продлил выплату ежегодного пособия в размере 800 руб. серебром вместо аренды еще на 4 года.

Дополнением к биографии офицеров и генералов являются сведения из формуляров о проведенных отпусках, в том числе по болезни. С 1837 по 1851 г. К.-Э. фон Руге находился в следующих отпусках:

- с 17 ноября 1837 г. – на Кавказских Минеральных Водах сроком на 6 месяцев;
- с 18 апреля 1839 г. – отпуск в Бухарест (Валахию) на 28 дней;
- 4 июня 1842 г. – отпуск в Бухарест на 28 дней, выехал 10 октября, из-за болезни задержался из отпуска на 21 день;
- 21 января 1844 г. – отпуск на 28 дней по домашним обстоятельствам, выехал 25 января и вернулся 21 февраля 1844 г.;
- 6 мая 1846 г. – отпуск к Германским Минеральным Водам и в Валахию на 6 месяцев. Фактически в отпуске был 28 дней (с 26 мая по 23 июня 1846 г.);
- 19 марта 1851 г. – отпуск в Бухарест по болезни на 28 дней, выехал 15 мая и вернулся 30 мая 1851 г.

Последние десять лет службы К.-Э. фон Руге в некоторой степени дополняют выдержки из его писем к брату Христиану Фредерику Руге:

8 октября 1844 г. он сообщает, что больше не может писать на своем родном языке (норвежском), но должен использовать немецкий. Он по-прежнему просит своего брата использовать норвежский язык;

1 октября 1845 г. из Киева. Пишет, что успешно лечился от подагры и холеры. Теперь он полностью освобожден от долгов и даже имеет кругленькую сумму. Сейчас отправляет брату 700 рублей серебром. Сам он одинокий человек. О собственной жизни пишет, что на службе пользуется уважением, начальство и подчиненные его поддерживают и любят. Чувствует на себе благосклонность императора;

13/25 апреля 1846 г. Сообщает о больной жене, о курортном отдыхе для себя, о служебном продвижении и т.д. Просит именовать его на конверте на французский манер Шарль де Руге;

²⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 2.Д. 434. Л. 1 – 10 об.

15 декабря 1846 г. из Киева. Извещает о смерти жены, о собственном долге, о болезни брата и невестки и т.д. Мечтает о будущем совместном с братом путешествии на курорт, говорит о тоске по дому;

25 апреля / 7 мая 1847 г. Пишет, что с 1 марта этого года назначен начальником топографической съемки Киевской губернии. Посылает брату 185 рублей серебром. Договорился об отсрочке выплаты долга на год, т.е. будет выплачивать его в течение 3 лет;

1 октября 1847 г. из Киева. Просит брата прислать родословную и рассказать, что произошло после его отъезда из Дании;

25 июля 1848 г. из Киева. Рассказывает о болезни и длительном лечении в госпитале;

25 декабря 1848 г. / 6 января 1849 г. Описывает болезни и новые трудности. Подчеркивает, что он и брат – солдаты и потому вне политики, поэтому ничего запрещенного в их письмах нет;

26 ноября / 9 декабря 1849 г. из Киева. Не сообщает ничего нового, лишь рутина службы и новогодние пожелания;

2/14 июня 1851 г. из Херсона. Пишет об обострении подагры, о том, что побывал у тещи в Бухаресте. Восхваляет условия службы в России и поясняет, почему он обязан царю и стране своим положением в армии и обществе;

9/21 июля 1851 г. из Херсона. Написал, что за трехлетнюю топосъемку Киевской губернии получил Большой крест ордена Святой Анны. Теперь руководит топосъемкой окрестностей Херсона, который еще 50 лет назад был жалким местом, а теперь процветающий город в устье Днепра на Черном море. Побывал в Одессе – по его словам, это еще более процветающий город, поддерживаемый мудрым и энергичным правительством: «Такие новинки за столь короткое время можно увидеть только в России»;

6/18 мая 1853 г. из Екатеринославля. Сообщает об окончании 3-летней топосъемки Херсонской губернии, за что награжден орденом Святой Анны 1-й степени. Приступил к съемке Екатеринославской губернии. Жалуется на слабое здоровье и считает, что Екатеринославль его «последняя обитель на этой земле». Продал предметы роскоши и отправил брату 500 руб. серебром;

18/30 января 1855 г. из Екатеринославля с жалобами на подагру;

15/27 марта 1855 г. из Екатеринославля. Сообщает о смерти императора Николая I и о золотой табакерке, полученной им от царя незадолго до его смерти.

После очередного повышения по чину Руге написал 19 декабря 1856 г. рапорт из Екатеринославля с просьбой уволить его с военной службы с ходатайством наградить за более чем 40-летнюю службу в размере полного оклада, получаемого по чину, и о казенном пропитании по выбранному месту жительства в г. Риге²⁵. К рапорту прилагалось свидетельство о болезни от 12 ноября 1856 г. № 170, оформленное на гербовой бумаге (стоимостью 60 копеек серебром) в Екатеринославле:

Свидетельство

Дано сие начальнику военной съемки Екатеринославской губернии генерал-лейтенанту и кавалеру Карлу фон-Руге для представления при прошении в отставку в том, что он телосложения слабого, от роду имеет 64 года, страдает расстройством пищеварения, которое обозначается постоянными и мучительными запорами, сопровождается исхуданием тела, уменьшением теплоты в теле, замедлением кровообращения, пульс ударяет в минуту только 40 раз. Кроме того одержим хроническою ломотою ног (arthritus chronicus), которая обнаруживается исхуданием мышц – бедер и голеней в высшей степени, негибкость в сочленениях, чувством боли и особенно тягостью в ногах, что препятствует свободному движению и после дневной ходьбы ноги немевают до паралитического состояния.

В течение его многолетней военной службы был он подвержен молдавским лихорадкам, ревматизму, холере (cholera algida), подагре. Предшествовавшие недуги сии поразившие организм каждый раз в сильной степени оставили по себе в теле вышеописанные

²⁵ РГВИА. Ф. 395. Оп. 49. Д. 342. 1 отд. 3 ст. Л. 12–15 об.

болезненные припадки, против коих испытаны были уже многие и разнообразные способы лечения без заметного облегчения.

Описанное расстройство пищеварения, ломота ног (arthritis), изнурение тела (tabes) и истощение физических сил генерал-лейтенанта фон Руге лишают его возможности долее продолжать службу Его Императорского Величества, и для облегчения таких страданий я полагаю полезным употребление Ахенских натуральных минеральных вод и потом Диепские морские купанья. В чем подписом и приложением печати свидетельствую пользующий его врач ноября 12-го дня 1856 года. Г. Екатеринослав.

Екатеринославской губернской больницы старший врач коллежский советник и кавалер П. Бойсенко.

Генерал-лейтенант К.-Э. фон Руге уволен с военной службы по болезни 8 января 1857 г. (приказ Его Императорского Величества об увольнении подписан 21 января 1857 г.). Письмом военного министра генерал-адъютанта Сухозанета в адрес министра финансов от 3 апреля 1857 г. № 4292 сообщается о сохранении за уволенным «с мундиром» Руге пансиона «полного жалования 1145 рублей» с выплатой в г. Риге²⁶.

К этому времени скончался брат К.-Э. фон Руге и основной его корреспондент из числа родных полковник норвежской гвардии Христиан Фредерик Руге. Общение продолжилось с сыном умершего брата камергером Карлом Руге²⁷. Из этой переписки можно почерпнуть небольшую информацию о рижском периоде жизни декабриста.

Так, в письме из Риги от 17 марта 1860 г. К.-Э. фон Руге сообщает, что получил письмо племянника от 26 февраля 1860 г. – первое сообщение от родных с конца 1854 г. Из-за отсутствия писем из Норвегии Руге чувствовал, что брат скончался. О себе он пишет, что «фактически с марта по октябрь 1855 г. я служил в Таврической губернии, где в это время война была в разгаре». После войны стал генерал-лейтенантом и вышел в отставку через год после выслуги полной пенсии, а в последнее время очень спокойно живет в Риге, имея небольшое состояние. «У моих стремлений была цель, и я достиг ее с Божьей помощью. Мое второе любимое отечество (Норвегия) осталось позади».

В следующем письме от 23 марта 1860 г. сообщает о своих друзьях – Михайловском, полковнике Lihlenfeldt и Wilhelm von Saugbusch²⁸.

Летом 1863 г. Руге ездил лечиться на минеральные воды в Германию. В письме из Берлина от 20 июля / 1 августа 1863 г. он сообщал о своей болезни, упоминал о смерти своей сестры 81-летней Elen Margareta von Bentzen († 24 февраля 1862 г., Christiania) и передавал приветы друзьям детства – генерал-майору Michelet и армейскому интенданту Aubert.

В сентябре 1864 г. из Риги 73-летний Руге пишет о расстроенном здоровье. Посылает одну из двух золотых табакерок, украшенную бриллиантами, полученную в качестве награды от императора Николая I, и предлагает продать ее и вырученную сумму разделить между племянниками Карлом, Отто и Германом или сохранить ее как семейную реликвию.

Через год, 22 сентября / 4 октября 1865 г., он снова пишет о своем слабом здоровье. Еще упоминает вторую золотую табакерку с царским вензелем, которую он хочет подарить своему племяннику. Просит забрать ее через посольство. В письмах от 19 февраля / 5 марта 1866 г. и 1/13 апреля 1866 г. Руге сообщает о находящихся у него драгоценностях, которые переданы им в шведско-норвежское консульство и которые отправит Wilhelm von Saugbusch с каким-то капитаном судна, отплывающим в Норвегию.

Согласно Адресной книге Риги на 1868/1869 гг., генерал-лейтенант фон Руге проживал в Петербургском форштадте на Николаевской улице (Nikolaistrasse, бывш. Euphoniestrasse) в доме № 9²⁹. Домовладелец – M.N. Hannemann³⁰.

²⁶ РГВИА. Ф. 395. Оп. 49. Д. 342. 1 отд. 3 ст. Л. 16–18 об.

²⁷ Carl Christian Conrad Ruge (1831–1909).

²⁸ Wilhelm von Saugbusch (1802–1880) – генеральный консул Швеции и Норвегии.

²⁹ Rigasches Adress-buch für 1868/69. Riga, 1868. P. 213.

³⁰ Там же. С. 317; Erster Jahrgang. Adressbuch für Riga. Riga, 1864. P. 185.

В Риге К.-Э. фон Руге скончался. Ранее его дата смерти оставалась неизвестна³¹. Согласно метрической книге лютеранской церкви Святого Якоба за 1868 г. под № 73 в разделе об умерших записано, что 76-летний норвежец, вдовец, генерал-лейтенант Карл-Эмиль Виктор Руге скончался от старости в 9 утра 15 ноября и погребен в 12 пополудни 18 ноября на Старом немецком кладбище³².

У потомков сохранилось письмо из Риги без даты, с которым шведско-норвежское консульство переслало три личных документа К.-Э. фон Руге и кольцо-печать с подписью. Также сообщается, что по завещанию от 7 июля 1866 г. Руге завещал некоторые вещи детскому фонду, золотые часы с 10 чашками с золотыми краями братьям Alexander и Waldemar von Nuhn.

Настоящая статья представляет собой первую попытку обобщения биографических сведений о декабристе и генерале Генерального штаба К.-Э. фон Руге. Будучи «рядовым» участником Союза благоденствия, долгое время он не привлекал внимания историков, в связи с чем его биография оставалась неизвестной и по этой причине она представляет особый интерес и одновременно сложность для исследователя. Судьба Руге типична для прощенных или избежавших наказания бывших членов декабристских конспираций. В подавляющем большинстве случаев участие в тайных обществах не стало препятствием для карьерного роста, и обычно деятельность таких людей заключалась в добросовестном служении монарху. Некоторые из них достигли высокого положения на государственной службе, как, например, А.А. Суворов-Рымникский, С.Д. Нечаев, братья А.Н. и М.Н. Муравьевы, Я.И. Ростовцев, П.Х. Граббе, братья Л.А. и В.А. Перовские, С.П. Шипов, В.А. Глинка и др.

Период правления Николая I давал офицерам возможность преданной службой в мирное и военное время достичь определенного положения. Так случилось и с Руге. Благодаря своим знаниям, профессиональным качествам и добросовестному исполнению долга, не имея семейно-родственной протекции в чужой стране, он неоднократно поощрялся командованием за вклад в развитие русской картографии и, дослужившись до чина генерал-лейтенанта, поднялся на самый верх карьерной лестницы.

Литература

Восстание декабристов. Документы / ред. А.Н. Сахаров; сост. А.В. Семенов. М.: РОССПЭН, 2001. Т. XX. 592 с.

Восстание декабристов. М.: РОССПЭН, 2016. Т. XXIII: Материалы об имущественном положении декабристов / под ред. С.В. Мироненко. 775 с.

Декабристы: Биографический справочник / под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. 446 с.

Сергеев С.В., Долгов Е.И. Военные топографы Русской армии // Список офицеров Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, Генерального штаба и других ведомств, оказавших существенное влияние на становление и развитие Корпуса военных топографов и топографическое (топогеодезическое) обеспечение войск. М.: СиДи-Пресс, 2001. С. 518–519.

Шмец Э.Б. Норвежско-датский период жизни декабриста Е.В. фон Руге [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 93–106. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-06.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).

References

Mironenko, S.V. (Eds.). (2016). *Vosstanie dekabristov. Tom XXII: Materialy ob imushchestvennom polozhenii dekabristov* [Decembrist Uprising. Vol. XXIII: Materials on the Property Status of the Decembrists]. Moscow, ROSSPEN. 775 p.

³¹ Декабристы: Биографический справочник... С. 160.

³² Государственный архив Латвии (LVVA). F. 3142. US. 2. GV. 54. L. 87 об. – 88. В метрической книге на немецком языке вместо Victor ошибочно записано Nestor.

Nechkina, M.V. (Eds.). (1988). *Dekabristy: biograficheskiy spravochnik* [The Decembrists: A Biographical Guide]. Moscow, Nauka. 446 p.

Sergeev, S.V., Dolgov, E.I. (2001). Voennye topografy Russkoy armii [Military Topographers in the Russian Army]. In *Spisok ofitserov Svity Ego Imperatorskogo Velichevstva po kvartirmeysterskoy chasti, General'nogo shtaba i drugih vedomstv, okazavshich suschestvennoe vliyanie na stanovlenie i razvitie Korpusa voennykh topografov i topograficheskoe (topogeodezicheskoe) obespechenie voysk*. Moscow, SiDi-Press, pp. 518–519.

Sakharov, A.N. (Eds.), Semenov, A.V. (Comp.). (2001). *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. Tom 20* [Decembrist uprising. Documents. Vol. XX]. Moscow, ROSSPEN. 592 p.

Shtets, E.B. (2020). Norvezhsko-datskiy period zhizni dekabrista E.V. fon Ruge [Norwegian-Danish Period of the Decembrist's Life E.V. von Ruge]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 6 (14), pp. 93–106. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-06.pdf> (date of access 15.08.2025).

О.В. Эдельман*

**ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ СЕРИЯ
«ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ»:
СТО ЛЕТ РАЗВИТИЯ АРХЕОГРАФИИ**doi:10.31518/2618-9100-2025-6-7
УДК 94(47).072*Выходные данные для цитирования:
Эдельман О.В. Документальная серия «Восстание декабристов»:
сто лет развития археографии // Исторический курьер. 2025. № 6 (44).
С. 111–122. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-07.pdf>*

O.V. Edelman*

**DOCUMENTARY SERIES
“THE DECEMBRIST UPRISING”: ONE HUNDRED YEARS
OF THE DEVELOPMENT OF ARCHEOGRAPHY**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-7

*How to cite:
Edelman O.V. Documentary Series “The Decembrist Uprising”: One Hundred Years
of the Development of Archeography // Historical Courier, 2025, No. 6 (44),
pp. 111–122. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-07.pdf>]*

Abstract. The series was founded on the eve of the 100th anniversary of the Decembrists. The first volume was published in 1925 “under the general editorship” of M.N. Pokrovsky and “edited” by his namesake A.A. Pokrovsky. The second and third volumes were also prepared by A.A. Pokrovsky (1926 and 1927), the fourth by B.E. Syroechkovsky, and the fifth (investigative cases of leading members of the Society of United Slavs, 1926) by N.P. Chulkov. The compiler of the sixth volume, published in 1929 and dedicated to the uprising of the Chernigov Infantry regiment, was Yu.B. Oxman. At this point, the output of volumes was suspended for two decades, and the next volume, Volume IX, was published in 1950. The pause in the publication of the series had both general historical (political repression in the 1930s, the evacuation of archives during the war, which made them inaccessible to work) and more specific situational reasons. A new revival in the early 1950s coincided with the arrival of another reputable scientist, M.V. Nechkina, to the leadership of this publication. The first volume of the series already set the basic approaches, which were subsequently generally preserved, although partially adjusted. In the five initial volumes of The Decembrist Uprising, as in Volume VII, the principle of preserving pre-revolutionary spelling and carefully conveying all the features of the original spelling was applied. Starting from Volume IX, the text began to be transmitted according to standard rules, according to a new spelling, with errors corrected and the individual features of the original spelling preserved. Many of the approaches laid down from the first volume were preserved throughout the series, down to the book format and serial design of the cover. It is difficult to overestimate the importance of the initial decision to publish the investigative files in their entirety, as they were formed by the officials of the Investigative Commission at the end of the investigation, without any selection of documents. For forensic investigative materials, the preservation of the unity and integrity of the documentary complex is fundamentally necessary.

Keywords: Decembrists, archeography, textual criticism, filigree, forensic investigation materials.

*The article has been received by the editor on 16.09.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

* **Ольга Валериановна Эдельман**, кандидат исторических наук, Государственный архив Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: edelmanO@yandex.ru
Olga Valerianovna Edelman, Candidate of Historical Sciences, State Archive of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: edelmanO@yandex.ru

Аннотация. Серия была основана в преддверии 100-летнего юбилея декабристов. Первый том вышел в 1925 г. под общей редакцией М.Н. Покровского и под редакцией его однофамильца А.А. Покровского. Вторым и третьим тома были подготовлены также А.А. Покровским (1926 и 1927 гг.), четвертый – Б.Е. Сыроечковским, пятый (следственные дела ведущих членов Общества соединенных славян, 1926 г.) – Н.П. Чулковым. Составителем шестого тома, вышедшего в 1929 г. и посвященного восстанию Черниговского пехотного полка, являлся Ю.Г. Оксман. На этом выход томов приостановился на два десятилетия, следующий – девятый том увидел свет в 1950 г. Пауза в издании серии имела как общеисторические (политические репрессии 1930-х гг., эвакуация архивов в годы войны, сделавшая их недоступными для работы), так и более конкретные ситуативные причины. Новое оживление в начале 1950-х гг. совпало с приходом к руководству этим изданием другого авторитетного ученого – М.В. Нечкиной. Уже первый том серии задал основные подходы, которые впоследствии в целом сохранялись, хотя и отчасти корректировались. В пяти начальных томах «Восстания декабристов», как и в томе VII, применялся принцип сохранения дореволюционной орфографии и тщательной, до буквы, передачи всех особенностей написания оригинала. Начиная с тома IX текст стали передавать по стандартным правилам, по новой орфографии, с исправлением ошибок и сохранением индивидуальных особенностей написаний подлинника. Многие заложенные с первого тома подходы сохранялись во всей серии, вплоть до формата книг и серийного оформления обложки. Трудно переоценить важность принятого изначально решения публиковать следственные дела целиком в том виде, как они были сформированы по окончании следствия чиновниками Следственной комиссии, без какого-либо отбора документов. Для судебно-следственных материалов сохранение единства и целостности документального комплекса принципиально необходимо.

Ключевые слова: декабристы, археография, текстология, филигрань, судебно-следственные материалы.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025 г.

Первые тома «Восстания декабристов» увидели свет сто лет назад – в 1925 г. При такой долгой истории документальной серии она, конечно, должна была отобразить происходившие за это время изменения в археографической мысли, подходах к передаче текста документов, приемах археографической обработки, составлении научно-справочного аппарата. Вместе с тем редакторы и публикаторы серии старались сохранять единый стиль как в общих принципах подачи материала, так и в оформлении томов, чего мы придерживаемся и поныне.

Серия была основана в преддверии 100-летнего юбилея декабристов¹. В архивном фонде Центрархива сохранились протоколы заседаний комиссии Центрархива по празднованию юбилея декабристов за 1924 г., в них серия упоминается как уже к тому времени запланированная, обсуждается состав томов². Судя по этим протоколам, первоначально в рамках серии планировались не только материалы следствия над декабристами, но и другие издания, как, например, монография С.С. Мильмана – биография П.И. Пестеля (она никогда не была написана, а Мильман в середине 1930-х гг. пал жертвой политических репрессий) или известный библиографический справочник Н.М. Ченцова (на его титуле размещен гриф Центрархива и название серии «Восстание декабристов», однако в число

¹ Подробнее об истории документальной серии см. предисловие С.В. Мироненко к последнему, завершающему 25-му тому «Восстания декабристов» (в печати).

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 502 («Протоколы комиссии по декабристам при ЦАУ СССР»); Д. 503 («Комиссия по декабристам. Планы издания, протоколы»). Дела сформированы довольно небрежно, порядок листов протоколов перепутан, части протоколов недостает, другие имеются в нескольких экземплярах.

пронумерованных томов серии он не входит). Неясно, в какой момент было решено посвящать серию исключительно публикации следственных дел, кто входил в редакционную коллегию на самом начальном этапе, определил состав первых томов и выработал археографические приемы – в дошедших до нас протоколах юбилейной комиссии об этом не говорится. Как решенный вопрос обсуждается публикация в первом томе следственных дел виднейших членов Северного общества. В первых томах «Восстания декабристов» состав редколлегии также не указан, упоминаний о ней не обнаружено.

Первый том, как гласит титульная информация, вышел в 1925 г. под общей редакцией М.Н. Покровского и под редакцией его однофамильца А.А. Покровского, в томе две вступительные статьи: введение М.Н. Покровского объявляет о начале серии и содержит его взгляд на движение декабристов; вступительная статья А.А. Покровского является первым в историографии фундированным описанием того, как было организовано и документировалось следствие над декабристами. Эту статью по праву следует считать важным шагом в историко-ведческом изучении комплекса следственных дел. Титульная формулировка, что том был подготовлен под редакцией А.А. Покровского, может указывать, что под его руководством работала некая команда, однако более ни о чем участии в этой работе сведений нет. Впрочем, в предисловии М.Н. Покровского есть глухое упоминание о какой-то несостоявшейся публикации в 1919 г. Посетовав на некие «обстоятельства чисто технические, но абсолютно непреодолимые», помешавшие начать издание следственных дел с «крайне левого», по господствовавшему тогда у советских историков мнению, фланга декабристов, т.е. Южного общества и Общества соединенных славян, М.Н. Покровский заметил, что «крайне правый их фланг, “Северное общество”, оказался счастливее: соответствующая часть “Дела” была подготовлена к печатанию еще в 1919 году. Тоже технические, но другого рода условия задержали тогда ее издание, и она попала в печатный станок только через три года. Эти три года не были потеряны совсем даром: документы прошли гораздо более тщательную редакцию, устранившую многие промахи несколько наспех подготовлявшегося издания 1919 года»³. Как видно из протоколов заседаний Декабристской комиссии, участники обсуждений склонны были именовать «следственным делом декабристов» всю совокупность персональных следственных дел. Приведенный фрагмент вступительной статьи М.Н. Покровского весьма туманен и не сообщает ясно, какие именно документы и кем были подготовлены к печати, о каком издании, вышедшем три года спустя, идет речь, поскольку следственные дела основных руководителей Северного общества увидели свет именно в первом томе «Восстания декабристов» и никаких иных изданий неизвестно. Приходится считать, что М.Н. Покровский собственно этот том и имел в виду. Остается неизвестным, кто работал над изданием в 1919 г. Можно предположить, что тогда публикацию готовили не профессиональные археографы, а более-менее случайные люди, «промахи» которых и были затем исправлены А.А. Покровским.

Ответ на вопрос, на какие непреодолимые технические препятствия изданию следственных дел главных деятелей Южного общества намекал М.Н. Покровский, находится в его же предисловии к публикации дел П.И. Пестеля и С.И. Муравьева-Апостола в томе IV «Восстания декабристов», вышедшем двумя годами позднее, в 1927 г. После революции эти дела считались утраченными и похищенными из архива, после активных поисков в связи с надвигавшимся юбилеем восстания пакет с ними был найден в архиве в «своего рода тайнике». М.Н. Покровский полагал, что похитители не смогли вынести объемистый пакет, а «кража произошла, по всем данным, в течение 1918–1919 гг., когда вся белогвардейщина с часами в руках ждала гибели “большевизма”»⁴. Впрочем, гораздо вероятнее, что проблема была в неудивительной для тех лет неразберихе и обыкновенной застановке дел в хранилище, тем более что архив Следственного комитета по делу декабристов как раз тогда переезжали из Петрограда в Москву. Очевидно, связка с делами затерялась, оказавшись отло-

³ Восстание декабристов. М., 1925. Т. I. С. IX.

⁴ Восстание декабристов. М., 1927. Т. IV. С. VII.

женной не на свое место. Никакой внутриархивной документации, свидетельствующей о подозрении на кражу и поиске столь ценных дел, не сохранилось.

Второй и третий тома «Восстания декабристов» были подготовлены также А.А. Покровским (1926 и 1927 гг.), четвертый – Б.Е. Сыроечковским, пятый (следственные дела ведущих членов Общества соединенных славян, 1926 г.) – Н.П. Чулковым. Составителем тома шестого, вышедшего в 1929 г. и посвященного восстанию Черниговского пехотного полка, являлся Ю.Б. Оксман. Этот том отличается структурой, происхождением публикуемых материалов (среди них документы Следственного комитета занимают скромное место, в основном том состоит из материалов военно-исторического архива), обширной историографической вступительной статьей и даже приемами археографической обработки. Начатая с середины 1920-х гг. работа над томом VII с «Русской Правдой» Пестеля затянулась, том вышел только в 1958 г., сменив несколько авторских коллективов; впрочем, с начала 1930-х гг. и здесь ключевую роль играл А.А. Покровский⁵. Том VIII с «Алфавитом декабристов» и биографическим справочником, наоборот, был издан уже в 1925 г., его составили выдающиеся специалисты по генеалогии Б.Л. Модзалевский и А.А. Сиверс⁶. На этом выход томов приостановился на два десятилетия, следующий – IX том увидел свет в 1950 г.

Пауза в издании серии имела, очевидно, как общеисторические, так и более конкретные ситуативные причины. Конечно, на протяжении 1930–1940-х гг. историко-революционная тематика оставалась приоритетной, декабристоведческие работы продолжали появляться. Кажется, что по сравнению с 1920-ми гг. их стало меньше, но только в сопоставлении с чрезвычайным их количеством к столетнему юбилею восстания. Вместе с тем репрессии конца 1930-х гг. коснулись и публикаторов «Восстания декабристов» (С.Н. Чернов был затронут делом академика С.Ф. Платонова, С.С. Мильман репрессирован и расстрелян в тюрьме). Впрочем, представляется, что для «Восстания декабристов» гораздо большее значение имело падение академика М.Н. Покровского, инициатора и влиятельного покровителя серии. Неслучайно, наверное, новое ее оживление в начале 1950-х гг. совпало с приходом к руководству этим изданием другого авторитетного ученого – М.В. Нечкиной. Что касается руководства Центрархива, под эгидой которого выходила серия, то оно, насколько можно судить по сохранившимся в его собственном архиве материалам, проявляло к серии достаточно неизменный интерес. Но нельзя забывать, что фонды ЦГАОР СССР (Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР, ныне ГА РФ), и в их числе фонд 48 (Верховный уголовный суд и Следственный комитет по делу декабристов), в годы войны были эвакуированы и недоступны для исследователей, да и многие ученые также уехали в эвакуацию, а оставшийся в г. Пушкине (Царское Село) С.Н. Чернов умер во время фашистской оккупации. Таким образом, возобновление выхода томов серии в немалой степени было связано с возвращением из эвакуации.

В планы входило издание следственных дел всех декабристов, осужденных Верховным уголовным судом. Так исходно понимала задачу взявшая на себя руководство изданием М.В. Нечкина. С выходом в 1979 г. тома XV эта задача была решена, запланированы два завершающих тома – том XVI с журналами и докладными записками Следственного комитета, дающими общую картину хода следствия день за днем (увидел свет в 1986 г.), и том XVII с материалами Верховного уголовного суда (1980 г.). Однако затем М.В. Нечкина согласилась, что необходимо продолжить серию изданием ряда следственных дел декабристов, под суд не отданных, но являвшихся участниками восстания 14 декабря, членами Южного общества и Общества соединенных славян, а также видными фигурами Союза Благоденствия, подпавшими под решение Николая I не привлекать к суду тех, кто вышел из тайных обществ после 1821 г., – среди них были такие значительные декабристы,

⁵ Подробнее о подготовке издания «Русской Правды» см.: Эдельман О.В. «Русская Правда» П.И. Пестеля. История текста и публикации // Эдельман О.В. Павел Пестель: Очерки. М., 2022. С. 238–271. См. также предисловие С.В. Мироненко и О.В. Эдельман к републикации «Русской Правды» в томе XXIV «Восстания декабристов» (в печати).

⁶ О работе над справочником Модзалевского и Сиверса см.: Мироненко С.В. Биографический справочник декабристов. Принципы издания // Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 376–398.

как Ф.Н. Глинка, М.Ф. Орлов, В.Ф. Раевский. Эти материалы составили тома XVIII, XIX и XX, из них только том XVIII вышел в 1984 г. при жизни М.В. Нечкиной, а после ее кончины, в следующем году, издание серии в очередной раз приостановилось, на этот раз не столь надолго. Подготовленные еще под руководством М.В. Нечкиной два тома увидели свет в 2001 г., затем серия продолжалась усилиями Государственного архива РФ. Том XXI стал последним, содержащим следственные дела, это были дела участников и свидетелей восстания на Сенатской площади. В томе XXII опубликованы хранящиеся в архиве Следственного комитета среди бумаг, изъятых при обыске у П.И. Пестеля, письма к нему от родителей. Том XXIII включил комплекс собранных следствием материалов об имущественном положении семей декабристов. Том XXIV представляет собой републикацию программных документов тайных обществ. Наконец, завершающий том XXV содержит указатели ко всему многотомнику и опись дел фонда 48. На момент написания данной статьи последние два тома находятся в печати.

Автор этих строк в свое время отметила, что после восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. при всей экстренности и спешности начала расследования процедура следствия и принципы составления основных документов определились сразу и далее не претерпевали значительных изменений⁷. То же самое произошло и с публикацией материалов следствия: первый том серии практически раз и навсегда задал основные подходы, которые впоследствии в целом сохранялись, хотя и отчасти корректировались, прежде всего видоизменялось то, что на практике оказалось избыточным. Очевидно, что ключевую роль в этом выборе археографических приемов сыграл выдающийся археограф Алексей Алексеевич Покровский (1875–1954). К 1925 г. уже состоявшийся опытный специалист, он занимал должности библиотекаря Московской Синодальной типографии, управляющего Московским печатным двором, секретаря Славянской комиссии Московского археологического общества, преподавал в Историко-архивном институте. Основные его интересы были связаны с публикациями гораздо более ранних памятников: он готовил «Описание библиотеки Московской Синодальной типографии» (М., 1896–1912), «Ведомости времени Петра Великого. В память 200-летия первой русской газеты» (М., 1903, 1906), «Двухсотлетие русской гражданской азбуки 1708–1908 гг.» (М., 1908), «Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ» (М., 1916), изучал жития русских святых. Неслучайно личный архивный фонд А.А. Покровского хранится в РГАДА (Ф. 1623), работа над «Восстанием декабристов» в нем практически не отражена. Очевидно, послереволюционные 1920-е гг. настоятельно потребовали от ученого смены тематики, а его опыт археографа оказался востребован в новом масштабном публикаторском проекте. По-видимому, именно его опыт работы с материалами позднего Средневековья и раннего Нового времени, или, как тогда стали называть, «феодально-крепостнической эпохи», сказался в принятом в пяти начальных томах «Восстания декабристов», как и в томе VII, принципе сохранения дореволюционной орфографии и тщательной, до буквы, передаче всех особенностей написания оригинала, а также в акцентированном внимании к филиграммам, подробное описание которых дано в археографическом комментарии к этим томам. Со временем практика использования изданных томов показала избыточность и неудобство обоих этих подходов. И сейчас исследователь затрудняется, как цитировать документы, опубликованные по дореволюционной орфографии и с зачастую далеким от нормативного правописанием. Вставка цитат со старой орфографией в современный текст выглядит нелепо, да и технически трудноисполнима (где взять буквы ять, ижица, фита?), их приходится приводить к стандартному описанию, жертвуя буквальной точностью цитирования. А никакой познавательной ценности передача этих особенностей не принесла, никто не сумел извлечь никаких существенных наблюдений из орфографии декабристских показаний. В последующих томах «Восстания декабристов» от этой практики отказались.

⁷ Эдельман О.В. Следствие по делу декабристов. М., 2010. С. 68–69, 76–80.

Начиная с тома IX текст стали передавать по стандартным правилам, в основном по новой орфографии (хотя некоторые элементы старой остались), с исправлением ошибок, но с сохранением индивидуальных особенностей написаний подлинника. Таким же образом, впрочем, был сделан и том VI, подготовленный Ю.Г. Оксманом, он издан по новой орфографии, чем отличается от вышедших синхронно других томов. Можно предположить оживленные дискуссии на эту тему между А.А. Покровским и Ю.Г. Оксманом, но никаких их отголосков до нас, к сожалению, не дошло. Оба подхода имеют свои преимущества и недостатки, чему ярким примером могут служить показания члена Общества соединенных славян и Южного общества капитана А.И. Тютчева. Его следственное дело опубликовано в томе V, где текст передан с буквальным сохранением написания подлинника, так что видно, что капитан Тютчев был человеком феноменально безграмотным. Смысл его фраз местами угадывается с трудом, а при цитировании приходится решать, исправить ли орфографию в цитате для удобства понимания или же, согласно требованиям точности цитирования, оставить как есть. Напротив, показания Тютчева, попавшие в следственные дела других декабристов и опубликованные в томах XIII и XIX, были публикаторами нещадно выправлены, капитан Тютчев стал выглядеть человеком вполне грамотным, а читатель волен задумываться, насколько при этом точно угадали публикаторы смысл его показаний. По всей видимости, оба подхода грешат некоторой чрезмерностью, предпочтительней был бы какой-то компромиссный промежуточный вариант, чтобы и смысл текста читался точно и однозначно, и образ автора был донесен до читателя без искажений (а грамотность или безграмотность, несомненно, важная часть образа, тем более для участника политического тайного общества), и цитирование не вызывало затруднений. При кажущейся незначительности это довольно сложная археографическая проблема. Забегая вперед, отметим, что начиная с девятого тома и далее можно найти достаточно примеров, пожалуй, несколько слишком решительного исправления неправильностей подлинника.

На практике оказалось избыточным и скрупулезное описание водяных знаков, которые для первой четверти XIX в. довольно бесполезны: метод датирования по филигране дает для этого периода недопустимо малую точность, и тем более нет нужды в филигранях, когда документы просто имеют даты, как в случае подавляющего большинства материалов следствия над декабристами. Начиная с тома V описание филиграней больше не делалось, исключение составляет только подготовленный А.А. Покровским том VII с «Русской Правдой» и другими рукописями П.И. Пестеля.

Многие заложенные с первого тома подходы сохранялись во всей серии. Прежде всего следует отметить решение, важность которого трудно переоценить. Это решение публиковать следственные дела целиком – в том виде, как они были сформированы по окончании следствия чиновниками Следственной комиссии, без какого-либо отбора документов (за незначительными исключениями, как в деле С.И. Муравьева-Апостола, когда при публикации была опущена случайно оказавшаяся среди изъятых у декабриста бумаг группа имущественных документов его слуги). Для судебно-следственных материалов сохранение единства и целостности документального комплекса принципиально необходимо, без него невозможно понять степень достоверности каждого отдельного документа. Ведь следствие – не та ситуация, где человек склонен рассказывать чистую правду, а как раз, напротив, следователь и подследственный ведут сложный поединок: один старается вынудить признание, другой – его избежать, оправдать себя и товарищей (или, наоборот, переложить на них ответственность, принять на себя чужую вину и т.д.), скрыть опасные обстоятельства, завуалировать их невинными пояснениями. При повторных допросах зачастую человек излагает несколько различных версий событий, и важно понимать, на каком этапе дознания родилась та или иная из них. Когда подследственных много, как это было с декабристами, становится важным не просто каждое следственное дело, но их совокупность: признание, сделанное одним, затем предъявлялось его товарищам, ими подтверждалось, опровергалось, перетолковывалось, дополнялось. Историк, задача которого восстановить события, мотивы и поступки, вынужден сопоставлять информацию всех показаний, проследивать ее движение из допроса

в допрос, разбираться в линиях поведения и защиты каждого из подсудимых. Кто-то из них решительно отрицал даже очевидное и уже известное следствие; другой, защищаясь, говорил неправду; третий, избегая прямой лжи, прибегал к умолчаниям и частичным признаниям. Были и те, с кем случались нервные срывы и поток самоубийственной и убийственной для товарищей откровенности. Без изучения всех взаимосвязанных допросов невозможно восстановить сколько-нибудь достоверную картину событий. Причем критически важны не только ответы, но и вопросы, из которых допрашиваемый видел, о чем следствие уже знает, о чем нет, догадывался, кто из его товарищей мог дать те или иные сведения, понимал степень серьезности своего обвинения.

Как показывает опыт, фрагментарные публикации отдельных документов следствия, отдельных показаний вне контекста практически бессмысленны, из них невозможно извлечь надежные выводы и они, как правило, бывают мало востребованы. Отдельные публикации наиболее пространных и важных показаний были неизбежны на начальном этапе декабристосведения, после того как историки получили доступ к архивам следствия, но не успели еще проработать весь его объем. Такого рода фрагментарные публикации сыграли свою роль, но неслучайно уже очень давно забыты, не цитируются и упоминаются изредка только как факт истории изучения декабризма. Появившиеся позднее, опережая издание томов «Восстания декабристов», выборочные публикации из следственных дел (речь именно о документальных публикациях, а не об использовании неизданных материалов следствия в исторических исследованиях) цитировались нечасто и с осторожностью. Можно указать, например, на сравнительно малоизвестную публикацию выборки показаний К.Ф. Рылеева, извлеченной из следственных дел декабристов и лиц, подозревавшихся в причастности к тайным обществам⁸. Рылеев, как и другие ведущие декабристы, получал вопросы о причастности к обществу того или иного подозреваемого, его осведомленности о планах заговорщиков и т.п. Как и в большинстве своем его товарищи, Рылеев чаще всего на такого рода вопросы отвечал отрицательно, сообщал, что не знает о причастности интересующего Следственный комитет лица, а то и вовсе с ним незнаком и никогда о нем не слышал. Даже изучив целиком следственное дело такого оправданного по результатам расследования подозреваемого, сложно однозначно заключить, действительно ли он был непричастен или товарищи его не выдали. Когда же читателю предлагаются только лишь ответы одного Рылеева, судить по ним о чем бы то ни было вряд ли представляется возможным.

Другим примером может служить значительно более известное и востребованное издание мемуарного и политического наследия М.Ф. Орлова, подготовленное видными филологами С.Я. Боровым и М.И. Гиллельсоном в авторитетной серии «Литературные памятники»⁹. Книга включает показания Орлова, основная часть которых была написана им в вольной форме как данное от себя объяснение, а не ответы на вопросные пункты. Вроде бы публикация таких показаний с соблюдением текстологической аккуратности достаточна. Однако поскольку публикаторы не сохранили форму следственного дела со всеми его пусть и кажушимися второстепенными документами, из-за этого восприятие показаний Орлова искажается. Можно подумать, что перед нами не продуманная, драматичная, местами лукавая игра обвиняемого под давлением следствия, а написанный им мемуарный текст, что М.Ф. Орлов просто захотел поделиться воспоминаниями. Это, конечно, глубоко неверное впечатление, порожденное изъятием его признаний из документального контекста.

Принятое при самом основании серии «Восстание декабристов» решение публиковать следственные дела целиком можно считать образцовым и эталонным для судебно-следственных материалов. Единственным вмешательством, которое допускалось при составлении томов, было выстраивание документов следственного дела в хронологическом порядке, если при формировании дела он оказался нарушен. Но и в этом случае читателю предоставляется достаточно информации, чтобы судить о расположении документов в подлинном деле:

⁸ Рылеев на следствии. Из неопубликованных следственных дел о декабристах // Декабристы-литераторы. М., 1954. Т. I. С. 169–236.

⁹ Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963.

каждое дело открывается описью его содержания, сделанной чиновниками Следственного комитета, документы при публикации получали порядковые номера, а если они не совпадали с номером по описи, то номер давался двойной – порядковый и по описи, так что связь содержимого дела с описью очевидна. Наконец, в томах серии принято указывать границы архивных листов и их номера, так что читателю легко проследить расположение текста на листах оригинала. А приложенные в конце томов справки-комментарии о следственных делах содержат среди прочего детальное описание особенностей нумерации архивных листов, сделанной при формировании дел чиновниками Следственного комитета.

Таким образом, отбор документов для публикации в «Восстании декабристов» сводился к определению очередности издания следственных дел. По мере выхода томов читателю становилось удобно работать с группами взаимосвязанных дел, прослеживать по ним историю допросов, не обращаясь к архивным подлинникам.

Как уже сказано выше, текстологические принципы публикации претерпели ряд изменений. Вместо буквального, применяемого в филологических изданиях средневековых письменных памятников воспроизведения всех особенностей оригинала перешли к обычным правилам издания исторических документов по новой орфографии, с приведением правописания к нормативному и сохранением отдельных особенностей написания подлинника. Неизменным оставалось воспроизведение делопроизводственных реквизитов оригинала: бланков, подписей, номеров. Вмешательство публикатора в общий вид следственного дела было минимальным: составители присваивали документам порядковые номера, но не добавляли формальные заголовки документов. Отсутствие заголовков в тексте публикации начиная с тома VI компенсировалось подробным содержанием в конце. Если в первых пяти томах оглавление включало лишь номера страниц каждого публикуемого дела, то теперь содержание представляло собой подокументный перечень вошедших в том материалов, составленный по общепринятому стандарту заголовков документов. Исключением является том VIII, где такое содержание было нецелесообразно.

Равным образом в тексте публикации не указывается легенда, т.е. архивный шифр каждого документа. В большинстве томов титульная информация включает перечень публикуемых дел с их архивными номерами, а архивные номера листов, как сказано выше, приводятся прямо в тексте при переходе к каждому следующему листу оригинала.

Публикуемые в «Восстании декабристов» документы снабжались тщательными текстуальными подстрочными примечаниями, описывавшими особенности подлинника: зачеркивания, исправления, что текст приписан над строкой и на полях, имеются подчеркивания чернилами или карандашом и т.д. Оговаривалось, что показания написаны декабристом собственноручно, хотя в первых томах это делалось не всегда последовательно. Нужно заметить, что в первых томах было отмечено наличие помет и содержательных замечаний на полях, сделанных очевидно при чтении декабристских показаний, однако не сообщалось, чьей рукой написаны эти пометы. Представляется, что здесь мы наблюдаем не оплошность публикаторов, а их осторожность, учитывая характер послереволюционной эпохи. Ведь упомянутые пометы, зачастую весьма язвительные, делал на признаниях заговорщиков их августейший читатель, император Николай I. Неудивительно, что в середине 1920-х гг. археографы, готовившие историко-революционное издание, предпочли его не называть. Ряд такого рода умолчаний и погрешностей был исправлен в комментариях к тому XVI. Более того, там оговаривается, рукой которого из чиновников-делопроизводителей Следственного комитета были написаны вопросные пункты декабристам, упомянутые в записях в журнале заседаний.

Особенностью томов «Восстания декабристов», заложенной с самого начала и вполне оправданной по существу, было отсутствие реального комментария. В самом деле, по большей части в материалах следствия речь идет об обстоятельствах, которые могли быть прокомментированы только через сами материалы следствия. С другой стороны, информационная насыщенность, количество упоминаемых реалий и лиц столь велико, что комментарий грозил бы сделаться не только громоздким, но и прямо неосуществимым. К этому надо добавить, что в пору, когда серия только начиналась, движение декабристов было еще не очень

хорошо изучено. В первых томах встречаются ошибки в инициалах, заметна путаница второстепенных персонажей. Это была не столько небрежность, сколько недостаточная изученность темы, сумма знаний о деле декабристов росла по мере публикации очередных томов. Отступление от обычая не давать в томах реальный комментарий было сделано мною в томе XXII, где опубликована семейная переписка Пестелей, изъятая у декабриста и сохранившаяся в бумагах Следственного комитета¹⁰. Публикация писем подчиняется своим общепринятым правилам и подразумевает реальный комментарий.

С первых томов серии установился и характер научно-справочного аппарата. В конце тома помещались справки о публикуемых следственных делах, написанные по неизменному стандарту. Каждая справка содержит краткий очерк истории расследования в отношении данного декабриста, указывает на взаимосвязь с материалами других следственных дел, дает детальное описание дела, наличной нумерации листов; приводится перечень показаний данного декабриста, находящихся в других делах. Вид справок, естественно, менялся, когда том содержал не следственные дела, а иные материалы. В томе XVI на их место пришел подробный обстоятельный комментарий к каждой подневной записи заседания комитета с указанием места хранения и публикации упомянутых в журнале допросов, рапортов, записок и прочих документов, чьей рукой написаны вопросные пункты, допросы, пометы, резолюции. Аналогичным образом в томах VI и XVII, составленных из материалов разных архивных дел и фондов, сделан детальный комментарий к каждому документу, указан его шифр. Надо заметить, что в обоих этих томах нет сводного перечня вошедших в них документов, а в томе XVII документы из одного и того же архивного дела зачастую разнесены в разные разделы в соответствии со структурой тома. Это удобно, если исходить из тематического построения тома, но создает сложности, если нужно соотнести вошедшие в него материалы с исходными архивными делами. В подготовленном томе XXV в один из указателей нами включены сводные перечни материалов томов VI и XVII с актуальными архивными шифрами, так как со времени выхода тома VI шифры, под которыми эти дела хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве и Российском государственном историческом архиве, устарели и изменились.

Особый случай представляет собой том VIII, в котором был опубликован «Алфавит декабристов», составленный правителем дел Следственного комитета А.Д. Боровковым. Алфавит включает не только декабристов, преданных суду, но также широкий круг лиц, подозревавшихся в причастности к тайным обществам и попавших в поле зрения следствия. Составлен он был, разумеется, как рабочее справочное пособие, чтобы император и его доверенные лица могли наводить справки о благонадежности военных и гражданских чиновников. В том VIII, помимо «Алфавита», были включены некоторые документы, дополняющие материалы следствия (такие, как сентенции военных следственных комиссий, судивших участников восстания Черниговского полка, материалы о беспорядках в Литовском пионерном батальоне при присяге Николаю I и т.д.). Роль справочного аппарата в этом томе играет детальный биографический справочник, составленный выдающимися специалистами по генеалогии Б.Л. Модзалевским и А.А. Сиверсом. Несмотря на то, что позднее «Алфавит декабристов» был переиздан С.В. Мироненко и снабжен обновленным биографическим справочником¹¹, труд Модзалевского и Сиверса сохраняет свое значение.

Имеются в томах и предисловия, которые можно назвать самым вариативным элементом издания: это и обстоятельные статьи, внесшие серьезный вклад в науку, и более-менее обыкновенные предисловия, представляющие публикуемые материалы. Тома II, III, V вовсе лишены вводных текстов. Помимо уже упомянутого предисловия А.А. Покровского к первому тому серии, представлявшему собой первое исследование организации следствия над декабристами, надо отметить обстоятельную статью Ю.Г. Оксмана в томе VI, посвященную обзору источников и историографии восстания Черниговского полка, исчерпывающую источниковедческую статью С.В. Мироненко о журналах и докладных записках

¹⁰ Восстание декабристов. Документы. Т. XXII. Из бумаг П.И. Пестеля (семейная переписка). М., 2012.

¹¹ Декабристы: Биографический справочник...

Следственного комитета в томе XVI, статью В.А. Федорова об организации и работе Разрядных комиссий и Верховного уголовного суда в томе XVII. Наконец, важный и спорный вклад в изучение идейного наследия и программных документов декабристов внесла обширная вводная статья М.В. Нечкиной к тому VII с публикацией «Русской Правды» П.И. Пестеля и дополняющая ее текстологическая статья А.А. Покровского. Именно там авторитетнейший специалист по декабристам М.В. Нечкина сформулировала свою концепцию двух редакций «Русской Правды», которая стала общепринятой в советской историографии, но, на наш взгляд, содержит ряд натяжек и нуждается в пересмотре¹².

Тома «Восстания декабристов» снабжены указателями именным и предметно-географическим. Именные указатели за долгую историю издания особых изменений не претерпели, можно отметить лишь менявшиеся варианты написания фамилий, из-за чего, например, поиск фамилии «Фонвизин» в первом томе заходит в тупик, поскольку она дана в варианте «Визин фон» – на букву В, где вряд ли кому-то придет в голову ее искать. Но это лишь отдельные случаи. Напротив, предметно-географический указатель можно назвать явлением сложным и весьма прихотливо менявшимся от тома к тому, главным образом, конечно, в части предметной. Набор включенных туда географических понятий достаточно очевиден, однако они подчинялись принципу организации предметного указателя, отчасти имевшего классификационный характер, поэтому названия губерний и уездов распределялись не по алфавиту названий, но были сгруппированы в рубриках «губернии», «уезды», внутри которых уже отсортированы по алфавиту. Что касается предметной части указателей, то как из-за длительной истории документальной серии, так и вследствие специфики содержания томов состав предметных словников значительно варьировался от тома к тому. Менялся и набор статей, и принцип их сортировки. Так, названия полков в одних томах рассортированы по общему алфавиту, в других сведены в статье «Полки», причем и сами названия приведены по-разному: где-то они включали правильное развернутое наименование с типом полка, где-то краткое («Черниговский пехотный полк» или просто «Черниговский полк»). В начальных томах полки разнесены по алфавиту названий (Ахтырский гусарский полк – на А, Мариупольский гусарский полк – на М), затем их стали группировать под общей рубрикой «Полки» на букву П, но внутри нее в одних томах они по-прежнему сортировались просто по алфавиту названий, в других – сначала по типам полков и уже потом алфавиту названий (гусарский Ахтырский, гусарский Мариупольский... драгунский Нежинский, драгунский Харьковский... пехотный Азовский, пехотный Вятский и т.д.).

От тома к тому меняется набор отобранных в словники понятий. В отдельных томах sporadически возникали довольно странные рубрики, такие как «Восток, сторона света», «Государство», «Конвент (во Франции)», «Сенатская контора», «Сенджемский кабинет», «Волковышская почтовая экспедиция», «Витебское народное училище», «Канцелярия волынского гражданского губернатора», «Армия», «Войска австрийские» (а также саксонские, польские, французские), «артиллерия», «императорская фамилия» и т.п. В томе V в предметный указатель включены названия народов: греки, афиняне, галлы, французы, славяне и т.д., в других томах таких рубрик нет. В некоторых томах среди словарных рубрик имеются или чрезмерно общие, или совершенно неконкретные: гвардия, кавалерийская рота (неизвестно какого полка), «корпус кирасирский, расположенный в Орловской губ.» и даже «главная квартира» без указания принадлежности.

Ряд весьма полезных рубрик наличествует лишь в некоторых предметно-географических указателях к томам. Только в трех томах встречается статья «Отечественная война 1812 года»; статьи «крепостное право», «бобруйский план», «белоцерковский план» – только в томе XVI. Рубрики «революция» и «Конституция» появляются начиная с тома X, «Конституция Н. Муравьева» – начиная с тома XI. Таких рубрик нет в томах I, IV, IX, где опубликованы следственные дела Н.М. Муравьева, П.И. Пестеля, С.И. Муравьева-Апостола,

¹² Об этом подробнее см. в статье С.В. Мироненко и О.В. Эдельман о «Русской Правде» в томе XXIV, находящемся в печати. См. также: Эдельман О.В. «Русская Правда» П.И. Пестеля. История текста и публикации... С. 238–271.

М.П. Бестужева-Рюмина. Рубрика «Восстание Черниговского полка» имеется лишь в томах XVI и XIX, «Восстание 14 декабря» – в томах XV–XX. Относительно двух последних разделов понятно, что их не было смысла вводить для томов, где восстание является главной темой, как восстание на Сенатской площади для томов I–III, XIV, XXI или восстание черниговцев в томах IV–VI, IX. Но тем не менее приходится признать, что для поиска по перечисленным темам предметно-географические указатели малополезны. К тому же зачастую название одного и того же понятия в разных томах дано по-разному: «планы цареубийства» и «цареубийственные замыслы», «Военные поселения» и «Поселения военные», соответственно рубрика попадала то на одну букву алфавита, то на другую. Особое разнообразие царит в рубриках указателей томов, касающихся тайных обществ и их структурных частей (директория, управа, дума). В словниках томов оказывались одновременно синонимичные названия одного и того же, как Тульчинская и Южная директория/управа, Петербургская и Северная, Польское тайное общество и Варшавское и т.д.; иногда в число рубрик включались разово названные кем-либо из декабристов несуществующие фантомные общества или же в перечень тайных обществ попадали определения, не являющиеся названием («политическое общество», «мистическое общество», «иностранное», «либеральное»). Предметные рубрики указателей могут помочь найти требуемые сведения, но нужно помнить, что они, скорее всего, окажутся неполными, а также что отсутствие в рубриках искомого понятия вовсе не означает, что соответствующих сведений нет в томе – их просто могли не вынести в рубрику указателя.

Наконец, остается отметить сохранение серийного внешнего оформления томов. Менялись издательства и типографии, менялась технология печати и производства книги, но в серии старались выдерживать формат книг, оформление обложки, графику шрифтов, общий вид верстки. На обложке сохранялась игра шрифтами и виньетками, обрамляющая тройная рамка. Разве что начиная с тома XII вид обложки упростился, исчезли стилизованные венки с лентами по углам рамки, а на обложку перестали выносить гриф Центрархива и сменившего его Главного архивного управления, название издательства и год издания. С появлением новых технологий и материалов сменился цвет обложки с белого на светло-серый. Изменялось содержание ведомственных грифов, варьировалось представление титульной информации, после тома XVIII исчезла цитата В.И. Ленина о декабристах, красовавшаяся прежде на отдельном листе вслед за титулом, в томах XIX и XX ее место заняло посвящение памяти академика М.В. Нечкиной. Но в целом преемственность оформления, узнаваемость томов оставались неизменными. Теперь, с изданием последних двух книг и завершением серии, эта узнаваемость будет напоминать о цельности ее замысла, заложенного ровно век назад.

Литература

Восстание декабристов. Т. I–XXV. М.; Л., 1925–2025.

Восстание декабристов. Документы. Т. XXII. Из бумаг П.И. Пестеля (семейная переписка) / под ред. С.В. Мироненко; сост. О.В. Эдельман. М.: РОССПЭН, 2012. 430 с.

Декабристы: Биографический справочник / изд. подгот. С.В. Мироненко; под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. 450 с.

Мироненко С.В. Предисловие // Восстание декабристов Т. XXV. М., 2025 (в печати).

Мироненко С.В., Эдельман О.В. «Русская Правда» П.И. Пестеля. История текста и публикации // Восстание декабристов Т. XXIV. М., 2025 (в печати).

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма / изд. подгот. С.Я. Боровой, М.И. Гиллельсон. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 374 с.

Рылеев на следствии. Из неопубликованных следственных дел о декабристах / публ., вступ. статья и примеч. Т.Г. Снытко // Декабристы-литераторы. Т. I. М., 1954. С. 169–236.

Эдельман О.В. «Русская Правда» П.И. Пестеля. История текста и публикации // Эдельман О.В. Павел Пестель: Очерки. М., 2022. С. 238–271.

Эдельман О.В. Следствие по делу декабристов. М.: Модест Колеров, 2010. 354 с.

References

Borovoy, S.Ya., Gillelson, M.I. (Publ.), Orlov, M.F. (1963). *Kapitulytsiya Parizha. Politicheskie sochineniya. Pisma* [Capitulation of Paris. Political Writings. Letters]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. 374 p.

Edelman, O.V. (2010). *Sledstvie po delu dekabristov* [Investigation of the Decembrists Case]. Moscow, Modest Kolerov. 354 p.

Edelman, O.V. (Comp.), Mironenko, S.V. (Ed.). (2012). *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. T. XXII. Iz bumag P.I. Pestelya (semeynaya perepiska)* [Uprising of the Decembrists. Documents. Vol. XXII. From the Papers of P.I. Pestel (Family Correspondence)]. Moscow, ROSSPEN. 430 p.

Edelman, O.V. (2022). "Russkaya Pravda" P.I. Pestela. Istoriya teksta i publikatsii ["Russkaya Pravda" P.I. Pestel. Text and Publication History]. In *Edelman O.V. Pavel Pestel: Ocherki*. Moscow, pp. 238–271.

Mironenko, S.V. (2025). Predislovie [Preface]. In *Vosstanie dekabristov*. Vol. XXV. Moscow.

Mironenko, S.V. (Publ.), Nechkina, M.V. (Ed.). (1988). *Dekabristy: Biograficheskiy spravochnik* [Decembrists: A Biographical Handbook]. Moscow, Nauka. 450 p.

Mironenko, S.V., Edelman, O.V. (2025). "Russkaya Pravda" P.I. Pestela. Istoriya teksta i publikatsii ["Russkaya Pravda" P.I. Pestel. Text and Publication History]. In *Vosstanie dekabristov*. Vol. XXIV. Moscow.

Snytko, T.G. (Publ.). (1954). Ryleev na sledstvii. Iz neopublikovannykh sledstvennykh del o dekabristakh [K.F. Ryleev during the Investigation. From Unpublished Investigative Cases about the Decembrists]. In *Dekabristy-literatory*. Vol. I. Moscow, pp. 169–236.

(1925–2025). *Vosstanie dekabristov* [Uprising of the Decembrists]. Vol. I–XXV. Moscow, Leningrad.

Е.Н. Туманик*

СПОР О «ЛИТЕРАТУРНОМ ПАМЯТНИКЕ»:
ПУБЛИКАЦИЯ НАСЛЕДИЯ И.Д. ЯКУШКИНА
В СВЕТЕ КРИТИКИ М.К. АЗАДОВСКОГО**doi:10.31518/2618-9100-2025-6-8
УДК 930(091)+94(47).073(001)*Выходные данные для цитирования:**Туманик Е.Н. Спор о «литературном памятнике»: публикация наследия И.Д. Якушкина в свете критики М.К. Азадовского // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 123–141. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-08.pdf>*

E.N. Tumanik*

THE DEBATE ON THE “LITERARY MONUMENT”:
PUBLISHING I.D. YAKUSHKIN’S LEGACY
IN LIGHT OF M.K. AZADOVSKY’S CRITICISM**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-8

*How to cite:**Tumanik E.N. The Debate on the “Literary Monument”: Publishing I.D. Yakushkin’s Legacy in Light of M.K. Azadovsky’s Criticism // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 123–141. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-08.pdf>]*

Abstract. The publication in 1951 of the volume “Notes, Articles and Letters of the Decembrist I.D. Yakushkin” in the series “Literary Monuments” became a phenomenon of book culture. The publication was prepared by S.J. Shtraich. The successful composition of the volume and the selection of materials for publication made the legacy of I.D. Yakushkin in demand not only as an integral historical source, but also elevated it to a number of phenomena of Russian literature. However, along with the positive aspects, the publication revealed a number of glaring shortcomings in the field of scientific commentary, which caused fair criticism in the scientific community, which was expressed in the press by M.K. Azadovsky. The appearance of M.K. Azadovsky’s review of the edition of I.D. Yakushkin’s writings and letters was preceded by a discussion of the volume among scientists, in particular, between the reviewer himself and Yu.G. Oxman, as well as researchers from their social circle. The correspondence between M.K. Azadovsky and Yu.G. Oxman expresses an opinion about S.J. Shtraich as a publisher, as well as his methods of scientific work. This information is important for recreating the scientific biography of S.J. Shtraich. The article highlights the main provisions of M.K. Azadovsky’s critical analysis of the publication of the legacy of I.D. Yakushkin in the series “Literary Monuments”, as well as his views on the principles of scientific commentary on historical sources relevant to modern science. Additionally, the topic of the circumstances of M.K. Azadovsky’s life and scientific career during the creation of the review, partly prepared by scientific communication with Yu.G. Oxman, is disclosed.

Keywords: I.D. Yakushkin, writings, epistolary heritage, “Literary Monuments”, S.Ya. Shtraikh, M.K. Azadovsky, Yu.G. Oksman.

The article has been received by the editor on 25.08.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Екатерина Николаевна Туманик**, кандидат исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kattum@mail.ru

Ekaterina Nikolaevna Tumanik, Candidate of Historical Sciences, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, kattum@mail.ru

** Статья подготовлена по плану научно-исследовательской работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, проект № 122041100088-9 «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.».

The article was prepared according to the plan of research work of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 122041100088-9 “Transformation of Book Culture in Social Communications of the 19th–21st Centuries”.

Аннотация. Выход в 1951 г. в серии «Литературные памятники» тома «Записки, статьи и письма декабриста И.Д. Якушкина» стал явлением книжной культуры. Издание было подготовлено С.Я. Штрайхом. Удачная композиция тома и подбор материалов для публикации сделали наследие И.Д. Якушкина востребованным не только в качестве целостного исторического источника, но и возвели его в ряд явлений отечественной литературы. Однако наряду с положительными сторонами публикация выявила ряд вопиющих недостатков в области научного комментирования, что вызвало справедливую критику в научном сообществе, выразителем которой в печати стал М.К. Азадовский. Появлению рецензии М.К. Азадовского на издание сочинений и писем И.Д. Якушкина предшествовало обсуждение тома в среде ученых, в частности между самим рецензентом и Ю.Г. Оксманом, а также исследователями из их круга общения. В переписке М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана выражено мнение о С.Я. Штрайхе как публикаторе, а также его методах научной работы. Эти сведения важны для воссоздания научной биографии С.Я. Штрайха. В статье освещены основные положения критического разбора М.К. Азадовским публикации наследия И.Д. Якушкина в серии «Литературные памятники», а также изложены взгляды ученого на принципы научного комментирования исторических источников, актуальные для современной науки. Дополнительно раскрыта тема об обстоятельствах жизни и научной карьеры М.К. Азадовского в период создания рецензии, отчасти подготовленной научным общением с Ю.Г. Оксманом.

Ключевые слова: И.Д. Якушкин, сочинения, эпистолярное наследие, «Литературные памятники», С.Я. Штрайх, М.К. Азадовский, Ю.Г. Оксман.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Введение. Наследие декабристов всегда было в центре исследовательских и публикаторских интересов советских историков и писателей. Пожалуй, самым известным документальным изданием, посвященным И.Д. Якушкину, по сей день является книга, вышедшая в 1951 г. в академической издательской серии «Литературные памятники» и выдержавшая два издания. Речь идет о «Записках, статьях, письмах декабриста И.Д. Якушкина», подготовленных к публикации Соломоном Яковлевичем Штрайхом¹. Вышедший том в определенном смысле стал несомненной удачей серии – комплекс опубликованных документов благодаря своей композиционной целостности стал не просто подборкой исторических источников. Налицо литературная концепция издания, талантливо разработанная и осуществленная историком и писателем С.Я. Штрайхом, – воспоминания декабриста дополняют его письма и статьи.

Но наряду с достоинствами издание выявило большие проблемы. И с критикой работы составителя, публикатора, редактора, комментатора С.Я. Штрайха выступил выдающийся ученый-декабристовед Марк Константинович Азадовский, рецензия которого «Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним» по сей день сохраняет свою научную актуальность². Более того, сегодня ее значение возрастает – в ней декларируются необходимые для современных историков и публикаторов исторических документов принципы научного комментирования исторических источников. В начале 1990-х гг. эта небольшая по объему рецензия М.К. Азадовского стала объектом специального историографического анализа, что само по себе говорит о ее важности и особой роли в науке: во вступительной статье и примечаниях к переизданию сочинений ученого, где была снова опубликована данная рецензия, о ней подробно написала С.В. Житомирская, широко используя личную переписку М.К. Азадовского³.

¹ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. М., 1951.

² Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним // Новый мир. 1953. № 3. С. 253–256.

³ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991. Кн. 1. С. 36–39.

В иркутском двухтомнике М.К. Азадовского «Страницы истории декабризма» были собраны все самые яркие и значительные работы Марка Константиновича⁴, в том числе составители посчитали необходимым включить в издание и рассматриваемую рецензию, подчеркнув тем самым ее научную ценность наряду с такими трудами, как «Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири», «Затерянные и утраченные произведения декабристов», «Воспоминания В.Ф. Раевского». Комментарий к переизданию рецензии подготовил А.А. Ильин-Томич, также внесший свой вклад в разработку интересующих нас проблем, включая не только аспекты научного комментирования и истории появления рецензии – именно он поставил вопрос о необходимости изучения такой непростой фигуры в отечественной историографии, какой является С.Я. Штрайх.

Мы рассмотрим рецензию М.К. Азадовского подробнее с более активным привлечением материалов его переписки с литературоведом и историком проф. Юлианом Григорьевичем Оксманом, благо сегодня она опубликована и доступна для самого широкого круга читателей⁵. Необходимо также осветить предысторию появления рецензии, расширить ее рамки выдержками из писем, в которых в частном порядке ученые более развернуто и открыто высказывают свои взгляды и идеи на проблемы публикации источников по истории движения декабристов, от решения которых напрямую зависит сохранение исторической памяти. Будет сделана попытка воссоздать отношение М.К. Азадовского к С.Я. Штрайху не только как к ученому, но и к личности в мире науки, что также немало важно в свете анализа рецензии. Также в статье как параллельная вспомогательная проблема будет охарактеризована концепция издания тома Якушкина, в связи с чем будет дан ответ на сложный вопрос – почему столь слабое в отношении научного комментария издание оказалось востребованным «долгожителем». Наконец, будет поставлена задача создания научной биографии С.Я. Штрайха и составления полного библиографического списка его работ.

«Записки, статьи и письма декабриста И.Д. Якушкина» как явление книжной культуры и литературный памятник. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в перспективных проектах серии «Литературные памятники», как сообщал М.К. Азадовский 29 мая 1951 г. в письме к Ю.Г. Оксману, «был план создать такую неофициальную подсерию записок декабристов, но об этом можно было думать и предполагать», пока проектом руководил академик С.И. Вавилов⁶. Начало было положено в 1951 г., когда «Литературные памятники» порадовали читателей томами Якушкина и Бестужевых (этот том подготовил М.К. Азадовский)⁷. Затем начинание практически сошло на нет, как и предполагал Марк Константинович. Всего из 776 томов «Литературных памятников», вышедших к концу 2024 г., декабристам посвящено всего 11 изданий, причем одно из них – репринт И.Д. Якушкина⁸.

«Записки» И.Д. Якушкина – не только важнейший исторический источник о движении декабристов; с середины XIX в. и вплоть до наших дней они занимают прочное место в сфере литературных интересов отечественных читателей, которых привлекает выведенная в них и пронизанная авторской рефлексией широкая панорама событий и повседневности русской жизни первой половины позапрошлого столетия. Письма декабриста притягательны не только информативностью, но и художественными достоинствами, сопряженными с литературной целостностью. Опубликованные собрания писем Якушкина читаются как единое литературное произведение; в качестве примера стоит привести изданный С.Д. Нечаевым комплекс писем И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову, настоящий «роман в письмах», кстати, полностью включенный составителем С.Я. Штрайхом в том «Литературных памятников»⁹. Возможно, именно Штрайх первым понял, что письма Якушкина как смысловое дополнение

⁴ Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991–1992. Кн. 1–2.

⁵ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954. М., 1998.

⁶ Там же. С. 186.

⁷ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951.

⁸ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. СПб., 2007.

⁹ Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.) // Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1928. Т. I. С. 141–186.

его мемуаристики представляют собой их своеобразную «вторую часть», поэтому и возникла идея издания мемуаров и писем декабриста под одной обложкой – в таком виде составленная книга увидела свет в «Литературных памятниках». Концепция издания была дополнена приложением, также очень удачно скомпонованным – в книгу были включены письма и воспоминания об И.Д. Якушкине, проливающие свет на некоторые детали биографии декабриста, информативно расширяющие его мемуаристику и эпистолярику.

В результате получилось монолитное, объединенное общей идеей издание, доступное для восприятия самых широких кругов читателей, но это выяснится позже, когда якушкинский том испытает проверку временем и прочно войдет в число лучших книг серии «Литературные памятники», что доказывает репринтное издание тома, появившееся в 2007 г. Это не только служит свидетельством интереса к наследию И.Д. Якушкина в наши дни, но и подтверждает современность формата и концепции публикации С.Я. Штрайха, не потерявших более чем за полвека своего значения и не выглядящих архаично и сегодня. Особо подчеркнем, что репринт вышел достаточно большим тиражом для современного издания – 2 тыс. экземпляров. Тираж книги 1951 года составил 8 тыс. экземпляров.

Но вернемся к структуре издания. Том открывают «Записки» декабриста, далее следуют его статьи, причем сначала идет исторический блок, связанный с мемуарами, а потом философская статья «Что такое жизнь», характеризующая взгляды декабриста на вопросы мироздания. Далее следуют письма. Но определенно С.Я. Штрайху было этого мало – он решил радикально расширить классическое по структуре «якушкинское» наследие (мемуары, статьи, письма) приложением, которое разделил на части. Первые две из них – материалы самого И.Д. Якушкина. Под общим заголовком «Попытка И.Д. Якушкина освободить своих крестьян» опубликовано письмо министру внутренних дел О.П. Козодавлеву и прошение вяземскому предводителю дворянства М.П. Потулову об освобождении крестьян, которое затеял декабрист в 1819 г., сюда же С.Я. Штрайх отнес «Мнение смоленского помещика об освобождении крестьян от крепостной зависимости». Вторая часть приложения – выдержки из следственного дела И.Д. Якушкина, его письменные показания. Третья часть – воспоминания об И.Д. Якушкине. Завершают приложение «Стихи о бывшем Семеновском полку» Ф.Н. Глинки и два предисловия Е.Е. Якушкина к двум изданиям записок И.Д. Якушкина (1905 и 1925 гг.). Предполагалось, что том будет сопровожден вступительной статьей М.В. Нечкиной, ответственного редактора издания, по крайней мере на это указывал М.К. Азадовский («вступительная статья написана Нечкиной»)¹⁰, но в итоге книга вышла без нее, сразу же открываясь «Записками» декабриста с добавлением эпиграфа из М.А. Бестужева: «Читали ли вы интересные “Записки” Ив[ана] Дмитр[иевича] Якушкина? По краткости, ясности и правдивости это лучшие из всех записок наших товарищей»¹¹.

Предваряя разбор рецензии М.К. Азадовского, сразу отметим, что структура издания вызвала его положительную реакцию, за это он хвалил публикатора – годы спустя мы можем подчеркнуть, что эта похвала была не формальной, а объективной, как и принято в рецензировании (обязательно отметить сильные стороны работы). Марк Константинович действительно был очень справедлив и положительно оценил вполне удавшуюся структуру тома. Еще в период подготовки рецензии он писал Ю.Г. Оксману, выделяя эти моменты: «“Положительное” как будто можно сказать о текстовой стороне», – здесь идет речь именно об удачной компоновке издания и составе текстов, вошедших в него¹².

С.Я. Штрайх – публикатор, библиограф и исследователь. О личности Соломона Яковлевича Штрайха, несмотря на его обширное наследие, известно немного. Отсутствует и его научная биография, и историографический анализ его научной деятельности, хотя, например, исследователям хорошо известен его фонд в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, включающий 255 е.х. – данное архивное наследие в совокупности с изучением всех опубликованных работ ученого может послужить основательной

¹⁰ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 186.

¹¹ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина... С. 7.

¹² Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 281.

базой для изучения¹³. Материалы С.Я. Штрайха находятся и в других архивохранилищах России.

С.Я. Штрайх (1879–1957) – историк, литературовед и писатель; его активная деятельность началась еще до революции (свой первый очерк он опубликовал в 1903 г. в Одессе), а после 1917 г. резко активизировалась. Поражает обилие его трудов и работоспособность, а также широта историко-литературных интересов – например, только в каталоге Российской национальной библиотеки можно без труда выявить около 74 отдельно изданных работ и оттисков публикаций С.Я. Штрайха. Полной библиографии его трудов пока нет за исключением библиографических списков с 1903 по 1946 г.¹⁴ При всей противоречивости и неоднозначности его научная и литературная деятельность требует своего изучения и современной оценки. Декабристоведение было одной из приоритетных тем Соломона Яковлевича, к которой он тяготел на протяжении всей жизни. Назовем лишь некоторые наиболее хорошо известные из его работ о декабристах: «Заговор и восстание декабристов» (1925), «О пяти повешенных. Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев, Каховский» (1926), «Моряки-декабристы (Очерки)» (1946). С.Я. Штрайхом были подготовлены к публикации и в разные годы изданы мемуары и письма М.И. Муравьева-Апостола, А.М. Муравьева, М.С. Лунина. Настоящим бестселлером стала его книга о тайном агенте и авантюристе XIX в. Романа Медоксе (впервые издана в 1929 г.), также близкая к декабристской тематике. Показательно, что эта работа активно переиздавалась уже в близкую нам эпоху – можно назвать публикации 1991 и 2000 гг.¹⁵ Существует даже аудиокнига, созданная в 2008 г.¹⁶ Книга о Медоксе написана очень увлекательно и наполнена основанными на источниках захватывающими фактами, но концептуально, конечно, она не только не соответствует научному декабристоведению, но и сильно диссонирует со ставшим привычным и прочно утвердившимся со второй половины 1950-х гг. историческим академизмом, принятым и в научно-популярной литературе. Впрочем, у серьезных ученых концепции С.Я. Штрайха всегда вызывали много вопросов, например М.К. Азадовский даже ввел понятие «à la Штрайх» (например, «безудержная гипотеза à la Штрайх», комментарий «à la Штрайх»)¹⁷. Но в 1990–2000-е гг. переиздание работ Штрайха, как говорится, пришлось ко двору. Так, известные доселе достаточно узкому кругу специалистов источники и гипотезы входили в популярный круг чтения в новую переходную эпоху, формируя непрезентабельные читательские интересы в области истории¹⁸.

Но в целом повторим, что С.Я. Штрайх, чтобы составить о нем объективное представление как об историке и литераторе, заслуживает отдельного изучения. Приведем в пример очерк «Штрайх незаметный» К.Л. Зелинского, где создан позитивный образ ученого, самоотверженно преданного своему делу, лично скромного человека. Кстати, из воспоминаний К.Л. Зелинского, приводящего слова С.Я. Штрайха, следует, что сам он позиционировал себя именно как библиограф и комментатор: «Это писателям, беллетристам можно выдумывать, мне это запрещено. Мы – люди маленькие. Мы – комментаторы. Нам приходится добывать справки, проверять даты, рыться в книгах <...>. Мы библиографы, комментаторы, мы помним о других. Но сами вряд ли имеем право на память о себе»¹⁹. И как раз именно из-за

¹³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 427. Штрайх Соломон Яковлевич (1907–1957).

¹⁴ Штрайх С.Я. Книги и статьи. 1903–1930: библиографический список. М., 1930; Юрьева Н.В. С.Я. Штрайх: книги и статьи. 1903–1946: библиографический список. М., 1946.

¹⁵ См., например: Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 2000.

¹⁶ Штрайх Соломон – Медокс Роман. Похождения русского авантюриста XIX века [Электронный ресурс] // URL: https://archive.org/details/theory_emailna_006 (дата обращения: 25.08.2025).

¹⁷ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 197, 217.

¹⁸ В связи с вышесказанным стоит отметить, конечно же, скандальную сторону книги о Романа Медоксе. Изданный С.Я. Штрайхом дневник Медокса как источник требует филигранной работы историка, осторожного анализа и внимательной интерпретации. А тут он оказался буквально «обрушен» на головы неподготовленного читателя, способствуя неверному формированию картины исторического прошлого, взрывая сформированные поколениями советских ученых научные представления о декабризме.

¹⁹ Зелинский К.Л. Штрайх незаметный // Вопросы литературы. 1964. № 1. С. 251–252.

комментария к тому Якушкина С.Я. Штрайх подвергнется резкой критике М.К. Азадовского – в принципе он заденет его самую профессиональную сущность, исследовательскую идентичность.

Интересно, что в переписке М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана перед нами предстает совсем другой Штрайх, с совсем иными профессиональными и человеческими качествами, в чем мы убедимся ниже. Но приведем еще одно мнение – А.А. Ильина-Томица (из комментария к декабристскому двухтомнику М.К. Азадовского), бывшего не столь категоричным в оценках. Он считает, что книга «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» «отнюдь не является худшей публикаторской работой 1950-х гг.», и называет С.Я. Штрайха «одаренным и знающим ученым», а «поверхностность, допущенная им в подготовке изданных в 1951 г. декабристских книг <...> видимо, была обусловлена обилием заказов <...>. Последнее издание Штрайха – том Пущина (*Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма*. М., 1956), изучению которого ученый отдал несколько десятилетий, – отличается несравненно более высоким научным уровнем, хотя и оно не свободно от существенных текстологических недостатков»²⁰. Интенсивность работы С.Я. Штрайха и отмеченное «обилие заказов» как раз в период работы над томом Якушкина подтверждает тот факт, что 5 июля 1950 г. издательством АН СССР ему была дана отсрочка сдачи этой книги²¹.

Впрочем, можно предполагать, что востребованность Штрайха во многом была искусственной, построенной на его личной активности. Ю.Г. Оксман приводит интересный факт, как на самом деле развивались события при начале работы над собранием сочинений И.Д. Якушкина. Вот что он сообщал М.К. Азадовскому 2 декабря 1951 г.: «Не помню, писал ли я Вам, что записку об издании Якушкина подавал в РИСО Б.Е. Сыроечковский, но вместо ответа из РИСО получил он года полтора назад “частные сведения”, что предложение его на ходу перехватил референт С.Я. Штрайх»²².

Ученых уровня Оксмана и Азадовского со Штрайхом разделяло многое не только в области профессиональной деятельности, но и человеческих качеств. Например, в письме к Ю.Г. Оксману от 20 февраля 1952 г. М.К. Азадовский, находившийся в крайне сложном материальном положении, иронично рассуждает о том, как С.Я. Штрайх ловко увеличивает «перепечатками» свои печатные листы и, соответственно, гонорары, и сравнивает их со своими скромными доходами от публикаций: «Может быть, это говорит во мне зависть? <...> Ну в самом деле, как не завидовать ловким мальчикам вроде Бори Мейлаха и Мони Штрайха!!»²³.

Марк Константинович Азадовский: декабристоведение как форма научной реабилитации. М.К. Азадовский (1988–1954) – авторитетнейший ученый: фольклорист, литературовед, историк, не нуждающийся в представлении, его имя составляет славу отечественной науки. Нас в первую очередь интересует Азадовский-декабристовед – очень тонкий исследователь, один из корифеев направления изучения декабризма в первой половине XX в. Им создана целая отрасль декабристоведения, он был ученым, глубоко знавшим именно сибирский период истории движения декабристов, сибирскую ссылку «первенцев свободы». По мнению С.В. Житомирской, именно М.К. Азадовский принадлежит к «плеяде советских исследователей движения декабристов, создавших в 1920–1950-х гг. фундаментальную концепцию движения и опубликовавших много ценных документальных материалов», и занимает в ней «значительное и в высшей степени своеобразное место»²⁴. Казалось бы, от его голоса вполне могла зависеть судьба не только издания, но и самого составителя – С.Я. Штрайха. Но все было не так просто. В этот период М.К. Азадовский стал жертвой кампании борьбы против космополитизма – в 1948–1949 гг. он был уволен из Ленинградского университета, где заведовал кафедрой фольклора, а также и из Пушкинского дома. Увольнению сопутствовали унижительные и разрушительные для здоровья «проработки»,

²⁰ Азадовский М.К. Страницы истории декабризма.... Т. 1. С. 433–434.

²¹ ОР РГБ. Ф. 427. Карт. 2. Д. 13. Л. 1.

²² Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 237.

²³ Там же. С. 252–253. Мейлах Б.С. (1909–1987) – пушкинист, д-р филол. наук, лауреат Сталинской премии.

²⁴ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 3.

критика на ученых советах, снятие публикаций с печати, разгромные рецензии на научные труды – суммарная «кампания на уничтожение», после которой испытанное «репрессивное» и «социальное давление» продолжало ощущаться ученым долгие годы вплоть до конца жизни²⁵.

Лишенный возможности заниматься фольклористикой, Марк Константинович вновь сосредоточил весь свой научный потенциал на изучении движения декабристов, вернувшись к теме, которой был увлечен еще в 1920-е гг. С.В. Житомирская пишет: «Новое обращение его к исследованию декабризма принесло счастливейшие для отечественной науки плоды. Всего за пять лет (1949–1954) из-под его пера с поразительной быстротой и плодотворностью вылился каскад исследований, окончательно вписавших Азадовского в классику советской историографии декабризма. Как ни прочно уже в 20-е и 30-е гг. утвердилось в ней его имя, именно эти труды ввели его в первый ряд декабристоведов»²⁶. Его работы о М.А. Бестужеве, К.Ф. Рылееве, М.К. Кюхельбекере и, конечно же, знаменитый обзор «Затерянные и утраченные произведения декабристов» в начале 1950-х гг. публиковало «Литературное наследство». Отдельным изданием вышли «Воспоминания Бестужевых» (в тех же «Литературных памятниках», что и том Якушкина) и, наконец, уже после смерти М.К. Азадовского документальное издание «Декабристы. Новые материалы» (редактор)²⁷.

В общем-то, как это ни парадоксально звучит, большим счастьем для декабристоведа оказалось то, что М.К. Азадовский через свое несчастье вернулся в эту отрасль исторической науки, одновременно задавая высокую планку своими исследованиями, обогащая и развивая направление. Иначе пути декабристоведа, возможно, пошли бы совершенно в ином направлении и оно вряд ли превратилось в одну из ведущих тем советской историографии и базовую площадку для изучения всего периода первой половины XIX в.

Предыстория появления рецензии на «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина». 10 марта 1951 г. «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» были подписаны к печати. Надо полагать, что тираж был готов примерно в августе – начале сентября. По крайней мере уже к 27 сентября 1951 г. М.К. Азадовский ознакомился с новым изданием сочинений Якушкина – возможно, это произошло даже ранее – и сразу же впечатление от работы С.Я. Штрайха сложилось вполне определенное. Марк Константинович заканчивал подготовку «Воспоминаний Бестужевых» в этой же серии «Литературные памятники» и невольно сравнивал свои труды с уже вышедшим «декабристским» томом: «Мои Бестужевы идут по второй корректуре. Дней через пять сдаю. Мучаюсь над проблемами словаря. У Штрайха все это просто и ясно, а мне так не сделать», – с иронией писал он Ю.Г. Оксману 4 сентября 1951 г.²⁸

Очевидно, уже после сдачи в печать своей книги М.К. Азадовский получил возможность обстоятельнее ознакомиться с работой «предшественника» и снова, но уже возмущенно, писал Ю.Г. Оксману: «Видели ли Якушкина Штрайховского? Экий рецидив давних времен. Комментировать Якушкина и ни слова в комментариях не сказать ни о Московском заговоре, ни о заседании в Каменке и, по существу, скрыть от читателя все острые вопросы, связанные с этими рассказами, и поднятую ими полемику»²⁹. «У Вас руки чешутся на Якушкина», – отвечал ему Ю.Г. Оксман, как бы предвосхищая будущее рецензирование³⁰.

А вот еще одно мнение М.К. Азадовского об общем уровне комментирования С.Я. Штрайха (при издании последних эго-документов М.С. Лунина), с досадой высказанное во время работы над одной из научных статей в конце 1951 г.: «Неожиданные трудности

²⁵ Колеватов Д.М. Научное сообщество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М.А. Гудошникова и М.К. Азадовского 1940-е гг.) // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2005. Вып. 1. С. 121, 131.

²⁶ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 26.

²⁷ Хронологический список печатных работ М.К. Азадовского за 1944–1956 гг. // Литературное наследство. 1956. Т. 60, № 1. С. 644–646.

²⁸ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 209.

²⁹ Там же. С. 211.

³⁰ Там же. С. 213.

возникли с Луниным (опять <...> тот же автор под ногами болтается) – это ужасно, до чего все напутано и запутано и никакой предварительной текстологической работы. Не могу же я сам из-за одной странички заново обращаться к рукописным текстам и архивным материалам»³¹. Из чего можно заключить, что подготовленные к печати и изданные Штрайхом тексты были вообще непригодны для научной работы, особенно для добросовестных исследователей – ими было невозможно пользоваться без архивной проверки. Здесь встает принципиальный вопрос о целесообразности подобных публикаций, бесполезных для ученых и науки, искажающих картину прошлого. Если же они предназначены лишь для массового читателя, причем очень нетребовательного, то и в популярной литературе необходим высокий научный уровень, формирующий читательскую культуру.

И, наконец, еще одно суждение М.К. Азадовского – на этот раз непосредственно о комментарии С.Я. Штрайха, высказанное при разборе подготовленного им трехтомника «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов» (ред. И.Я. Щипанов, 1951), который Марк Константинович называет «гениальной халтурой»: «И что это за стиль, обычно стиль его комментариев вульгарно-пошловатый»³². С.В. Житомирская считает, что появление вышеуказанного трехтомника «с еще более поверхностным и тенденциозным комментарием» дополнительно усилило негативное впечатление от издания записок Якушкина³³. Вот что писал М.К. Азадовский Ю.Г. Оксману 27 декабря 1951 г. по свежим впечатлениям от прочтения труда Щипанова-Штрайха: «Только что имел счастье и удовольствие ознакомиться с очередной халтурой декабристovedческого фронта. <...> Ну Щипанов как Щипанов!! С него и взятки гладки, но Штрайх, Штрайх... Ведь когда-то он знал же что-то, чему-то учился, что-то читал. Вы только бегло полистайте сборник. “Устав Благоденствия” помечен среди памятников “Северного Общества”, “Манифест 14 декабря” объявлен индивидуальным творением Трубецкого, в число философских и соцполитических памятников включены “Подблюдные песни” и “Ноэли” <...> Короче говоря, книги Мейлаха по сравнению с этим трудом – Кант и Гегель вместе, а сам он вроде как академик на кафедре декабристovedения»³⁴. Но, конечно же, особо Марк Константинович «прошелся» по комментарию: «О комментариях говорить не приходится; их просто нужно взять в кавычки. Во какой двойной смысл нечаянно получился!! Самому нравится»³⁵. В письме от 20 февраля 1952 г. М.К. Азадовский пишет о ненужных сведениях, загружающих комментарий в ущерб конкретизирующей информации, необходимой для публикации источника – и все это для того, чтобы показать «глубоко-эрудированные соображения комментатора». Также он выделяет следующие грубейшие недостатки: неправильное толкование и использование цитат, передергивание фактов, ложные сведения о том, что источники публикуются впервые, неумение расшифровать сокращения личных имен, а также саму форму подачи комментария (уже упомянутую «вульгарно-пошловатую»)³⁶.

Здесь мы имеем дело с прямой констатацией общего падения уровня декабристovedения в тот период. М.К. Азадовский выражает профессиональное негодование, переходящее в возмущение от «халтуры» и профанации науки, отмечает небрежность и неряшливость публикаторской работы и комментария, ведущих к искажению исторического знания. Стремление действовать и пресечь негативные явления у М.К. Азадовского со временем только нарастало и искало своего выхода, что неожиданно представилось в возможности опубликовать рецензию на другую работу С.Я. Штрайха. Обратим внимание и на такую деталь – под огнем критики Марка Константиновича оказались те ученые, кого не коснулась волна кампании против космополитизма, но они, как видим, свободно «творя» и обладая практически монополией на публикации, задавали далеко не лучший уровень в науке. Вернувшись в декабристovedение и вновь проявив себя на этом поприще, воссоздав свою исследо-

³¹ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 242–243.

³² Там же. С. 252–253.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 242.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 253.

вательскую нишу, М.К. Азадовский занял активную научную позицию и буквально стал бить тревогу.

Появлению рецензии предшествовало обсуждение нового издания наследия И.Д. Якушкина в профессиональных кругах. Посмотрим подробнее, как отразились мнения в переписке М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана. Это важно для того, чтобы составить непосредственное мнение ученых об издании, ведь за академической вершиной, которой является печатная рецензия, скрывается масса суждений и критики, порой очень острой. Прежде всего сам Юлиан Григорьевич после знакомства с новой книгой в таких словах описал свое впечатление, впрочем, отдав должное удачной композиции тома: «А “Записки Якушкина” перелистал только сейчас – “гроб с музыкой”! Очень импозантно, местами даже остроумно скомпоновано, но по существу комментариев на уровне до 1925 г.! А заметили ли вы полное игнорирование не только работ, но и самого имени С.Н. Чернова? Да уж где тут говорить даже об “оттенках” благородства! 72-летний куртизан Штрайх расшалился не по годам!»³⁷. Ю.Г. Оксман усилил критику С.Я. Штрайха после знакомства с «Воспоминаниями Бестужевых» М.К. Азадовского, справедливо полагая, что новый том «Литературных памятников» затмил предыдущий: «С увлечением, не отрываясь, прочел Вашу статью, в которой и поставлено, и разрешено столько интереснейших вопросов в историческом и литературоведческом плане. Примечаниями Вашими я очень удовлетворен. Да, бедному Штрайху, старому куртизану, должно быть сейчас не по себе! До выхода Бестужевых он был именинником – Базановы и Мейлахи так уронили качество работы над декабристским материалом, что Штрайх показался авторитетным ученым. Но сейчас от этого ветхого Адама только перья останутся!»³⁸.

Тема возмущения пренебрежением к наследию С.Н. Чернова будет и дальше фигурировать в переписке, нарастая и оформляясь, и, конечно же, появится и на страницах самой рецензии М.К. Азадовского. Но тот накал, который есть в письмах, конечно, найдет очень сдержанное отражение в публикации, где будет указано на отсутствие комментария по поводу отставки полкового командира П.Х. Граббе в контексте борьбы правительства с тайным политическим обществом за армию, хотя этот вопрос был тщательно проработан С.Н. Черновым: «Как писал прекрасный знаток и комментатор “Записок” Якушкина покойный профессор С.Н. Чернов, “поражение Граббе в 1822 г. было поражением тайного общества и подготовило великий разгром 1825–1826 гг.”»³⁹. А вот что думал Марк Константинович на самом деле: «Отношение Штрайха к имени Чернова – это уже не “куртизанство”, а самый обыкновенный бандитизм. Это месть из-за угла покойнику за когда-то одну или две беспощадные рецензии. Неужели никто из рецензентов не заметит этой мелкой пакости и не разоблачит, раскрыв причину?! И это по отношению к человеку, погибшему в фашистском застенке!»⁴⁰. Тогда М.К. Азадовский еще не знал, что ему самому предстоит стать рецензентом работы Штрайха – рассматривалась предварительная возможность рецензирования нового издания И.В. Порохом, о чем Ю.Г. Оксман с одобрением писал: «Если рецензию будет писать И.В. Порох, то старому куртизану не поздоровится»⁴¹.

С.В. Житомирская, анализируя материалы переписки М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана и сравнивая два тома «Литературных памятников» (якушкинского и бестужевского), подводит черту под обсуждением комментария к изданию сочинений и писем Якушкина: «Мемуарный памятник выдающегося значения был издан, однако на совершенно ином уровне. Комментарий Штрайха столь значительно отличался по своим приемам от принципов, выдвигавшихся Азадовским, что не мог не вызвать у последнего острого протеста. Близка к этому была и реакция Ю.Г. Оксмана»⁴².

³⁷ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 228–229.

³⁸ Там же. С. 231. Базанов В.Г. (1911–1981) – литературовед, пушкинист, с 1962 г. член-корр. АН СССР и директор Пушкинского дома.

³⁹ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 255–256.

⁴⁰ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 234.

⁴¹ Там же. С. 237. Порох И.В. (1922–1999) – д-р ист. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

⁴² Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 37.

Обстоятельства появления рецензии. Хотя «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» вышли из печати примерно в середине 1951 г.⁴³, но за весь последующий год, как отмечает М.К. Азадовский, издание «почему-то <...> не обратило на себя внимания критики и не вызвало ни одной рецензии»⁴⁴. В действительности здесь было о чем поговорить, и это не являлось секретом, а рецензии долго не появлялись потому, что, очевидно, никто на нее не решался, учитывая связи и «высоких покровителей» С.Я. Штрайха. И вот Марку Константиновичу было суждено восполнить этот пробел. В журнале «Новый мир» за март 1953 г. в разделе «Книжно-журнальное обозрение» вышла его критическая публикация. Обратим особое внимание на тот факт, что журнал является литературным, а не научным, а раздел посвящен по большому счету литературным новинкам. Такая градация относилась «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» к разряду именно литературных, а не чисто исторических изданий. Это направление учитывал Марк Константинович при рецензировании, подчеркивая в письме к Ю.Г. Оксману от 24 декабря 1952 г., что его работа появится именно в «общем журнале», а не научном⁴⁵.

Название рецензии тоже заслуживает внимания – «Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним»: читателю сразу же давалось понять, что рецензент рассмотрит значение выхода в свет сочинений декабриста отдельно от их комментирования публикатором и особо поставит проблему научного комментария. В самом деле, почему за целый год, прошедший после столь заметной публикации, вышедшей в свет в столь заметной академической серии, не последовало ни одного отклика? В самом названии М.К. Азадовский дал ответ на вопрос – проблема заключалась именно в оценке научного комментирования издания. Необходима была серьезная и «решительная» рецензия, острая и, может быть, даже в определенном смысле разгромная.

История появления рецензии достаточно интересна. Первоначально Марк Константинович не мог предполагать, учитывая свое положение, что ему позволят высказаться в печати по поводу «штрайховского» Якушкина – мы уже отчасти показали это на материале цитированной переписки. Он сам находился под серьезным ударом критики и был против нее практически беззащитен. С.В. Житомирская отмечает: «Даже в 1954 г. в несколько изменившихся условиях и после выхода уже в свет 59-го тома “Литературного наследства” с рядом замечательных работ Азадовского “репутация”, созданная в 1949 г. официозной травлей, еще не рассеялась»⁴⁶. М.К. Азадовский в процессе работы над «Воспоминаниями Бестужевых» столкнулся с резкими и необъективными оценками внутренних рецензентов, а сам выход книги омрачила тенденциозная рецензия Н.М. Онуфриева на его другой труд «Белинский и русская народная поэзия»⁴⁷. Но это было еще не все – в то время, когда истинная научная общественность и читатели восхищались «Воспоминаниями Бестужевых», на них последовала разгромная статья писательницы М.Д. Марич, опубликованная менее чем через год после выхода книги в русле продолжения кампании борьбы с космополитизмом⁴⁸. «Рецензия мадам Марич причинила мне, конечно, немало горьких минут», – писал М.К. Азадовский Ю.Г. Оксману 16 октября 1952 г.⁴⁹ Обе отрицательные рецензии на работы М.К. Азадовского опубликовал все тот же «Новый мир»⁵⁰. И.В. Порох в начале 1952 г. собирался дать свою положительную рецензию на «Воспоминания Бестужевых», планируя опубликовать ее в критико-библиографическом журнале «Советская книга», но публикация не состоялась. М.К. Азадовский считал, что это даже к лучшему, потому что была опасность,

⁴³ В рецензии М.К. Азадовский пишет, что том Якушкина вышел в конце 1951 г. – это неверно; в конце 1951 г. вышли его собственные «Воспоминания Бестужевых». Издание, подготовленное С.Я. Штрайхом, увидело свет раньше.

⁴⁴ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 253.

⁴⁵ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 294.

⁴⁶ Житомирская С.В. М. К. Азадовский – историк декабризма... С. 35.

⁴⁷ Там же. С. 36.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 281.

⁵⁰ Онуфриев Н. Изучение литературного наследства Белинского // Новый мир. 1951. № 9. С. 217–222; Марич М. Воспоминания декабристов // Новый мир. 1952. № 9. С. 281–284.

что после редактирования Н.Ф. Бельчикова⁵¹ из рецензии исчезнет «все сколько-нибудь» для него «лестное», а останется лишь оценка «самого памятника как такового и те критические замечания, которые найдет нужным сделать рецензент, придав тем всей рецензии иную окраску»⁵².

После выхода рецензии М.Д. Марич М.К. Азадовский все же нашел в себе силы бороться и написал в свою защиту статью-опровержение в редакцию «Нового мира», которую заместитель главного редактора А.К. Тарасенков даже не прочитал по получении. Только после вмешательства академика Н.К. Гудзия Тарасенков выразил М.К. Азадовскому «глубокое сожаление» по поводу «несомненно ошибочной рецензии», распорядившись «написать Марич письмо от редакции с осуждением ее метода»⁵³. Что это было, вернее, какие процессы, невидимые простому глазу, крылись за этими событиями? Можно предположить, что кампания борьбы с космополитизмом наконец-то близилась к финалу, и тем, кто от нее пострадал, предоставлялась возможность постепенной реабилитации. Видимо, поняв, что подобное шельмование ученого уже превосходит все нравственные пределы (на дворе осень 1952 г.) и начинает напоминать оголтелую травлю, уместную еще несколько лет назад, но нежелательную в данный момент, что не делает чести изданию, редакция «Нового мира» решила дать слово самому М.К. Азадовскому, но не ответное, а возможность самому стать критиком. С.В. Житомирская так освещает эту историю, отталкиваясь от ситуации с критиканством М. Марич и называя его «неприкрытым доносом»: «Рецензия эта, однако, не успела вызвать серьезные последствия и, в частности, помешать дальнейшей публикации работ Азадовского. Более того, поняв, по-видимому, ошибку, допущенную с напечатанием рецензии М. Марич, редакция “Нового мира” (А.К. Тарасенков) сочла нужным дать ему возможность выступить на страницах журнала со своей рецензией – на этот раз на новое издание сочинений и писем И. Д. Якушкина»⁵⁴.

Вот как М.К. Азадовский описывает итоги своего визита в редакцию «Нового мира» и общения с А.К. Тарасенковым: «...“Опровержение” напечатать, конечно, отказался, предложив мне взамен этого выступить в ближайшее время в их журнале с какой-либо рецензией. Это будет, – сказал он, – как бы заявлением редакции, свидетельствующем о ее отношении к Вам (т.е. ко мне). Ну что делать? “Для бедной Тани все были жребии равны”. Я согласился. Решил написать рецензию на “Якушкина”, т.е. на обштрахованного Якушкина»⁵⁵. Сегодня стоит только констатировать то, какую пользу для науки принесло данное стечение обстоятельств, при этом очень драматичное для М.К. Азадовского. Появление подобной рецензии должно было способствовать остановке вала недобросовестных и слабых в научном отношении публикаций источников в декабристоведении. Но так как сами публикаторы занимали прочное место в научном бомонде начала 1950-х гг., рецензент должен был обладать определенной смелостью – именно это и имел в виду М.К. Азадовский, говоря о «равных жребиях». Возмущение ученых, зафиксированное в переписке Ю.Г. Оксмана и М.К. Азадовского, можно рассматривать как подготовительную площадку для борьбы, и с позиций сегодняшнего дня можно только приветствовать эту критическую инициативу, необычайно полезную для развития научных исследований в декабристоведении.

А.А. Ильин-Томич отмечает резкую критику Ю.Г. Оксмана, выраженную в письмах рубежа 1951–1952 гг., где он, не стесняясь резкости оценок, называет публикации Штрайха «воздушным пирогом» с опорой на «клей, ножницы и вдохновение», а также приводит целый «перечень исследователей, выступивших в 1950–1951 гг. составителями декабристских антологий», называя их «гангстерами», которых необходимо «проучить»⁵⁶. К сожалению, в то время возможностей для активного рецензирования у притесняемых

⁵¹ Бельчиков Н.Ф. (1890–1979) – литературовед, член-корреспондент АН СССР, в 1949–1955 гг. директор Пушкинского дома.

⁵² Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954... С. 253.

⁵³ Там же. С. 281.

⁵⁴ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 36–37.

⁵⁵ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 281.

⁵⁶ Азадовский М.К. Страницы истории декабризма... Т. 1. С. 431.

М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана не было. Так, например, А.А. Ильин-Томич приводит сведения, что в архиве Азадовского сохранились черновики неопубликованной рецензии на подготовленное Б.С. Мейлахом издание стихотворений В.К. Кюхельбекера, вышедшее в Ленинграде в 1951 г. (серия «Библиотека поэта»)⁵⁷. Здесь же приведена выдержка из письма «молодого декабристоведа» (вероятно, речь идет об И.В. Порохе, близком Оксману и Азадовскому) с сожалением о том, что Марк Константинович не может выступить в печати с критикой Б.С. Мейлаха и В.Н. Орлова⁵⁸. А это было бы совсем не напрасным – даже сегодня вал тех публикаций продолжает играть свою негативную роль: во-первых, из-за объема и внешней внушительности изданий создана и продолжает жить иллюзия, что в декабристоведении уже давно все изучено и опубликованы все источники (многие декабристovedы, особенно молодые, часто живут в плену этого мифа, что же говорить об историках других специализаций?), на самом же деле это не что иное, как компилятивные издания и републикации, к тому же небезупречные в плане текстологии и научного комментария; во-вторых, все эти фолианты, изданные в середине прошлого века, сегодня требуют переиздания в соответствии с современными правилами публикации исторических источников, научного комментария и текстологии.

Возвращаясь к предыстории появления рецензии на том Якушкина, мы видим, что М.К. Азадовский имел выбор для темы рецензирования, но остановился на «обштрахованном Якушкине», потому что именно в этой книге «Литературных памятников», как дополнительно доказывает его личная переписка, сконцентрировались самые вопиющие проблемы научного комментирования источников. М.К. Азадовский как ученый не мог больше терпеть такого положения – было необходимо обратить внимание научной общественности на опасную тенденцию. Вслед за рецензией И.В. Пороха на штраховский трехтомник это могло бы послужить началом для больших перемен в декабристоведении⁵⁹. Но понимал ли М.К. Азадовский, что этой рецензией может поставить себя под новый удар? На наш взгляд, безусловно.

Еще раз подчеркнем, что, публикуя рецензию, Марк Константинович, пусть времена и начали меняться и кампания борьбы с космополитизмом пошла на спад, все равно серьезно рисковал. К тому же он находился в крайне зависимом от редакции положении, которое исчерпывающе охарактеризовал в цитированном выше письме к Ю.Г. Оксману⁶⁰. Нужно было проявить немало профессионального мастерства, чтобы рецензия состоялась и из нее не убрали самое важное, чтобы сохранить ее смысл и научное значение, чего опасался даже Ю.Г. Оксман. Накануне сдачи рецензии в журнал М.К. Азадовский написал ему: «...Почему это Вы <...> думаете, что мне не преодолеть хитроумной халтуры Штрайха? Впрочем, может быть, Вы и правы, но попытаться надо. Трудно сделать это в пределах, которые отводятся в журнале для таких рецензий. Не знаю, найду ли соответственный тон»⁶¹. Но тем не менее из чувства научного и профессионального долга он не отказался от рецензирования, он просто не мог пойти на этот отказ.

С другой стороны, М.К. Азадовский при всем своем критическом отношении к фигуре Штрайха никогда не стал бы давать «разгромную» рецензию, если бы не был уверен в безусловной правильности своего шага во имя науки, если бы издание сочинений и писем И.Д. Якушкина было малоуязвимым для критики. Книга же получилась такой, что Марк Константинович как ученый не смог промолчать и был необычайно тверд в своей позиции. Хотя, впрочем, даже в этой ситуации для него был серьезный риск – его могли просто перестать печатать уже как декабристоведа, и сам он прекрасно это понимал, но долг и мужество ученого победили. «Этой рецензией, вероятно, надолго окончится мой новый роман с декабристами, – писал А.К. Азадовский Ю.Г. Оксману 9 ноября 1952 г. – И очень-очень

⁵⁷ Азадовский М.К. Страницы истории декабризма... Т. 1. С. 431.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Порох И.В. Рецензия: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. I–III // Советская книга. 1952. № 5. С. 76–83.

⁶⁰ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 281.

⁶¹ Там же. С. 285.

скорблю об этом. Я сейчас так прочно вошел в эту тему, так вжился в этот мир, что мне ни о чем другом и думать не хочется»⁶². И в другом письме от 26 ноября того же года: «Рецензию написал и отправил. Не знаю, угодил ли редакции и угожу ли моим судьям <...>. Штрайху, конечно, она не понравится, но этого еще мало»⁶³. «Безответственные, безграмотные молодцы»⁶⁴ должны были получить отпор, а в науке – восторжествовать иные принципы. Именно об этом говорит М.К. Азадовский.

Отметим и тот момент, что при написании рецензии в принципе и не могло быть «ничего личного», хотя переписка Оксмана и Азадовского наполнена ироничными оценками С.Я. Штрайха, и не только как ученого. Тонкого и глубокого исследователя Азадовского Штрайх мог раздражать исключительно своей научной недобросовестностью. Своей рецензией М.К. Азадовский, конечно же, не мог отлучить оппонента от литературной и публикаторской деятельности и тем более причинить ему какие-либо неприятности – скорее, рецензент мог пострадать сам. Но он не смог промолчать, потому что искренне считал С.Я. Штрайха крайне непрофессиональным публикатором и поверхностным исследователем, наносящим науке и в частности декабристоведению настоящий вред. И даже после отправки своей критической статьи в журнал М.К. Азадовский продолжал волноваться (из письма к Ю.Г. Оксману от 24 декабря 1952 г. с приложением еще не опубликованной рецензии): «Рецензия считается принятой и должна быть помещена во 2-м №. Но будет ли так – не вполне уверен. Рецензию можете показать Игорю Васильевичу (И.В. Пороху. – Е. Т.), но, ради Бога, больше никому и, главное, никому о ней ни слова, чтобы раньше времени не узнал Штрайх и не принял своих мер. А Вы знаете его энергию и всесторонние способности»⁶⁵.

Рецензия: критика, идеи и принципы. Ю.Г. Оксман, высоко оценивший присланную ему для прочтения М.К. Азадовским рецензию («Замечательно написано, – я давно не читал ничего серьезного, написанного с таким литературным блеском»), все же не безосновательно опасался и даже порой «не сомневался в том», что рецензия может так и не выйти в свет под предлогом того, что «в “Новом мире” не захотят в последний момент откликаться на книгу 1951 г.»⁶⁶. Но тем не менее в марте 1953 г. в журнале «Новый мир» была опубликована рецензия М.К. Азадовского «Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним». Итак, издание «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина», подготовленное С.Я. Штрайхом, наконец-то получило официальную критическую оценку.

Эта критическая статья, которую по полному праву можно считать практически разгромной, обличала вместе с конкретными положениями, принципами комментирования и саму методологию Штрайха, «вышедшего» из историографии 1920-х гг. Хотя не будем забывать о том, что положение М.К. Азадовского вынуждало его «быть максимально сдержанным», а специфика журнала не позволяла поднять «целый ряд проблем», кроме того, он был ограничен требованием малого объема своей публикации⁶⁷.

Рассмотрим отдельные положения и главные тезисы М.К. Азадовского.

Прежде всего, он не сомневается в необходимости фундаментального издания «Записок» и в первой части своей рецензии пишет об исключительном положении воспоминаний И.Д. Якушкина во всем комплексе декабристской мемуаристики: «Нет других мемуаров, в которых бы так выпукло, отчетливо и правдиво было показано формирование мировоззрения деятелей декабризма»⁶⁸. Важный момент – М.К. Азадовский называет записки Якушкина «повествованием», в котором есть и проникновенность, «и стиль»,

⁶² Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 285.

⁶³ Там же. С. 289.

⁶⁴ Там же. С. 203.

⁶⁵ Там же. С. 294.

⁶⁶ Там же. С. 296, 309.

⁶⁷ Там же. С. 293.

⁶⁸ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 253.

и «идейная направленность», и вообще это «замечательный литературный и исторический памятник»⁶⁹.

На первых страницах рецензии М.К. Азадовский даже хвалит Штрайха за столь монументальную работу по изданию наследия И.Д. Якушкина. Начало разбора выдержано в положительных тонах, не предвещающих бури, автор крайне деликатен и корректен. М.К. Азадовский дает понять, что самым первым в научно-литературном мире высказывается о значении подготовленного тома, объективно оценивая значение публикаторской работы С.Я. Штрайха. Марк Константинович выражает справедливое удивление, что издание, вышедшее из печати в 1951 г., до сих пор (т.е. практически полтора года) оставалось незамеченным критикой.

М.К. Азадовский отмечает удачную структуру издания, подчеркивая, что оно «выполнено с большой тщательностью» и «с такой полнотой наследие Якушкина еще не было представлено». Но вместе с тем и здесь есть замечания – он пеняет публикатору на то, что не включены такие ценные источники из «якушкинского архива», как отрывки из дневников декабриста 1812 г. и «сохранившиеся страницы интереснейшего (до сих пор неопубликованного) дневника жены декабриста – А.В. Якушкиной»⁷⁰.

Следующий момент – публикация источников. М.К. Азадовский пишет, «что тексты заново выверены по подлинникам (в чем лично у нас есть большие сомнения. – Е. Т.), однако встречаются досадные недосмотры». К ним относятся фактические неточности в передаче текстов, вызванные недостаточно тщательной проверкой по рукописи, также «не вполне оправдано и стремление редактора модернизировать язык Якушкина», к тому же «крайне неравномерно»⁷¹. И с этими замечаниями невозможно не согласиться, хотя, на наш взгляд, здесь М.К. Азадовский воздержался от резкой критики, направив свой дальнейший удар на комментарий. Это была своеобразная «подготовка» читателя к основной части рецензии.

По мнению М.К. Азадовского, воспоминания Якушкина не только правдивый документ по истории декабризма, но и памятник литературы XIX в., а значит, предмет массового популярного чтения. Следовательно, задачей публикации было сделать его доступным широким кругам читателей. Но этого мало – подобное издание всегда должно быть снабжено научным комментарием, ведь вторая составляющая концепции издания – публикация источника, исторического документа. И если у массового непрофессионального читателя, которого интересует только литературная сторона издания, комментарий вопросов не вызывал, только в том случае, пожалуй, если были не прокомментированы какие-то моменты, которые следовало бы пояснить (например, исторические события, персоналии), то у профессиональных историков и литературоведов комментарий Штрайха справедливо вызвал очень много вопросов. В целом нельзя не сказать, что этот комментарий очень подробен до такой степени, что иногда переходит в самостоятельное повествование. В то же время мы можем отметить совершенно непрокомментированные фрагменты, просто вопиющие об объяснении и трактовке, обойденные дилетантским молчанием, что, конечно же, с научной точки зрения недопустимо, тем более при внешней подробности и мнимой обстоятельности.

М.К. Азадовский отмечает объем комментария («свыше 12 печатных листов»), для начала по правилам рецензирования похвалив С.Я. Штрайха за отказ от комментирования «по собственным именам» и стремление «комментировать самый текст, разъясняя и поясняя отдельные места», «отмечая в ряде случаев фактические ошибки автора», а некоторые комментарии, по его мнению, «прочтутся, несомненно, с большим интересом»⁷². Но на этом положительные оценки, свидетельствующие о стремлении М.К. Азадовского быть максимально объективным, исчерпываются, и он переходит к резкой критике, заявляя, что в целом

⁶⁹ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 253.

⁷⁰ Там же. С. 254.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 255.

весь «обширный комментарий» «представляется недостаточно организованным, а порою и просто случайным»⁷³.

Вот какие основные ошибки и недопустимые недочеты комментирования С.Я. Штрайха выделяет М.К. Азадовский:

- не исправлены хронологические ошибки, встречающиеся в текстах;
- подробно рассказано об исторических фигурах, не имеющих «никакого отношения к тексту “Записок” или писем Якушкина» при одновременной краткости информации и «явно недостаточном внимании» к тем, кто упоминается в источниках;
- оставление вообще без комментирования и разъяснения ключевых эпизодов «Записок», имеющих важнейшее значение в контексте истории движения декабристов (рассказ о М.П. Бестужева-Рюмине и его приезде в Москву в 1823 г.; рассказ «об отнятии полка» у П.Х. Граббе, связанный с борьбой декабристов «за армию» и подготовкой будущего разгрома тайных политических обществ; рассказ о московском совещании Союза благоденствия в 1821 г.);
- подробные биографические справки об отдельных декабристах без упоминания их деятельности в декабристских организациях (например, о М.Ф. Орлове);
- искажение фактов, например о роли священника П.Н. Мысловского в деле декабристов;
- отсутствие объяснения противоречий «между мемуарами Якушкина и его показаниями»;
- игнорирование научной литературы по декабристоведению, вклада многих исследователей в разработку затрагиваемых в комментарии проблем (особо отмечено пренебрежение научным наследием С.Н. Чернова)⁷⁴.

Но корень всех недостатков и просчетов С.Я. Штрайха лежит, конечно же, в сфере его методологии, неумении критиковать и сопоставлять источники, и это общая беда всего комментария. Критические обвинения М.К. Азадовского становятся очень серьезными – начав с малого, тон его рецензии делается все более резким и разрастается в настоящее обличение: «Кроме значительных пробелов, есть и прямые ошибки. В значительной мере этому содействует и применяемый С.Я. Штрайхом метод: характеризовать того или иного деятеля цитатами из официальных документов (“Алфавит декабристов”, “Донесение Следственной Комиссии” и др.). Таким образом, посредником между текстом мемуаров и современным читателем оказывается не исследователь, вооруженный марксистско-ленинским методом и опирающийся на результаты, достигнутые советскими учеными в области изучения декабристского движения, а какой-либо благонамеренный чиновник или агент III Отделения, или даже сам Николай I»⁷⁵. По мнению М.К. Азадовского, это серьезно искажает истину, что он доказывает на примере рассказа о первом допросе С.И. Муравьева-Апостола, изложенном Штрайхом по письму Николая к Константину: комментатор настолько следует за документом, что полностью лишен критического подхода к источнику, между тем, по другим данным (свидетельство М.И. Муравьева-Апостола), допрос проходил совершенно в иной обстановке («царь Николай с бешеными ругательствами набросился на изнемогающего от ран Сергея Муравьева») ⁷⁶.

В целом М.К. Азадовский отмечает общую «наивность и явную несостоятельность» комментария. Наконец, заключительным аккордом рецензии звучит разгромный приговор работе С.Я. Штрайха, а также всей его устаревшей методологии, не впитавшей формирующихся традиций академизма советского декабристоведения, которые активно складывались уже тогда, в том числе благодаря тому же Азадовскому: «Можно привести еще немало количество неверных и неточных, а также и ненужных объяснений и пояснений, но дело

⁷³ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 255.

⁷⁴ Там же. С. 255–256. В первоначальном варианте рецензии М.К. Азадовский указал, что «Записки» И.Д. Якушкина представляют «скрытую и резкую полемику с Николаем Тургеневым, чего Штрайх не понял, а отдельными примечаниями совершенно исказил сущность дела» (Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 294).

⁷⁵ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 256.

⁷⁶ Там же.

не в отдельных случаях, а в общей системе комментирования. Необходимо признать, что недочеты данного комментария не являются лишь личными ошибками его автора, но в значительной степени отражают ту методологическую нечеткость (а иногда и просто беспринципность), которая сплошь и рядом проявляется при комментировании мемуаров, писем, произведений классиков и других – исторических и литературных – памятников. Новое издание “Записок” Якушкина особенно наглядно подчеркивает, что пришло время для большого разговора на эту тему”⁷⁷.

Таким образом, в действительности М.К. Азадовский потребовал немало – пресечь «штрайховский» стиль комментирования и публикации источников, поставить ему решительный заслон, чтобы в советской историографии больше не появлялось подобных работ, запретить «методологически нечеткому» и «беспринципному» Штрайху и ему подобным искажать исторический документ. Заслуживает особого внимания, в том числе и в ракурсе работы современных ученых-историков, своеобразная «декларация комментатора», изложенная М.К. Азадовским в его рецензии, где он излагает свой взгляд на принципы научного комментирования. В связи с чем приведем отклик Ю.Г. Оксмана: «Это не рецензия, а материал для поучения молодых историков и литературоведов – каждое лыко в строку, каждое слово на весу, умно, тонко, “бездна пространства” за каждым положением, брошенным с предельным лаконизмом»⁷⁸. Итак, М.К. Азадовский пишет: «Комментирование мемуаров – задача трудная и ответственная. В мемуарах возможны ошибки памяти, субъективные оценки и т.п. От такого рода ошибок не свободны самые правдивейшие воспоминания, и здесь читателю необходима помощь со стороны комментатора. Последний не имеет права ограничить себя ролью поставщика справочных и дополнительных материалов; он обязан явиться прежде всего исследователем, неизменно критически относящимся и к тексту комментируемого памятника, и к тем материалам, которые он привлекает в своих примечаниях. Кроме того, каждые мемуары выдвигают перед комментатором свои специфические задачи, обусловленные их общим характером и главным образом сущностью политической позиции их автора»⁷⁹.

Само собой, эти принципы можно и целесообразно распространить и на другие исторические источники, прежде всего на эго-документы. Так вот, квинтэссенцией рецензии, на наш взгляд, является вывод М.К. Азадовского, что «этим требованиям комментарий С.Я. Штрайха удовлетворяет лишь в слабой степени»⁸⁰.

Заключение. Как справедливо отмечает С.В. Житомирская, рецензия М.К. Азадовского на «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» сыграла важнейшую роль в совершенствовании приемов комментирования исторических источников и надолго сохранит принципиальное значение»⁸¹. Таким образом, цель, поставленную Марком Константиновичем при подготовке и публикации рецензии, можно считать вполне достигнутой. Но необходимо учитывать, что вышедшая из печати рецензия явилась, в общем-то, «верхушкой айсберга». Ценный дополнительный материал к ее положениям, решительно расширяя ее рамки, дает переписка М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана, и можно констатировать, что чаще всего объектом критики ученых являлись именно комментарии С.Я. Штрайха, которые, например, М.К. Азадовский в письме от 29 октября 1951 г. называет беспомощными «в историческом плане»⁸².

Наряду с удачной композиционной основой издания сочинений и писем И.Д. Якушкина в серии «Литературные памятники» была и отрицательная сторона публикации – небрежный, лишенный научной основы и научных принципов комментарий, сопровождаемый крайне неряшливой текстологической работой С.Я. Штрайха. Для рецензента М.К. Азадовского на первом месте в плане критики стоит комментарий, хотя он и указывает

⁷⁷ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 256.

⁷⁸ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 296.

⁷⁹ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 255.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 38.

⁸² Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 222.

на «досадные недосмотры» в публикуемых текстах⁸³. На наш взгляд, небрежность публикации текстов – не менее тяжкий грех. И у Штрайха эта небрежность и неряшливость переходят всякие мыслимые границы. В связи с чем важно авторитетное мнение С.В. Житомирской, отметившей, что, «к сожалению, вопросам текстологии Азадовский, как и в других своих рецензиях, уделил мало внимания, и недостатки этого издания в этой области не были полностью вскрыты»⁸⁴.

К счастью, указанные проблемы были решены в переиздании сочинений И.Д. Якушкина в серии «Полярная звезда», подготовленном В.И. Порохом и И.В. Порохом: тексты прошли тщательную сверку с архивными первоисточниками, а издание снабжено научным комментарием, исправившим досадные огрехи комментирования С.Я. Штрайха⁸⁵. Но почему же современная редакция «Литературных памятников», зная, очевидно, все недостатки работы составителя и публикатора С.Я. Штрайха, выявленные не только рецензией М.К. Азадовского, но и описанные С.В. Житомирской и В.И. Порохом, все же выпустила факсимильное издание сочинений Якушкина? Легко представить, какие чувства испытали бы по этому поводу М.К. Азадовский и Ю.Г. Оксман! Ответ прост – «Литературные памятники» не чисто научная серия, она рассчитана на массового читателя. Та самая «композиция» тома выдержала проверку временем, второй момент – якушкинское наследие вошло в нашу культуру уже как целостное явление, комплекс которого сформирован публикацией С.Я. Штрайха, чему нельзя не отдать должное, и такой формат стал привычным в отечественном литературном наследии. Востребованность И.Д. Якушкина для массового читателя стала очевидной в начале XXI в., а издание 1951 г. превратилось в библиографическую редкость. Новое факсимильное издание нацелено именно на массового читателя, для профессиональных историков существует серия «Полярная звезда», в связи с чем подчеркнем, что в научных трудах необходимо опираться только на издание «Записок» 1993 г.

Подводя итоги, можно сказать, что М.К. Азадовский, находясь в крайне сложных для себя жизненных условиях, драматичной профессиональной ситуации, поставленный вне науки кампанией борьбы с космополитизмом, одновременно ищущий свое новое место на научном поприще, пытаясь адаптироваться как декабристоведа (и делающий внушительные успехи!), совершил научный подвиг, смело выступив за принципы научного комментирования, рискуя вновь оказаться отлученным от исследовательского труда, на этот раз от декабристоведения. И данную рецензию нельзя считать шагом к научной реабилитации М.К. Азадовского. Борьба с космополитизмом еще не была окончена, и он, выступая против С.Я. Штрайха, шел на существенный риск, но ради научной истины для него действительно «все были жребии равны». Он вполне мог утратить и то, чего достиг в последние годы, потерять возможность заниматься темой о декабристах. После выхода в серии «Литературные памятники» тома Бестужевых, подготовленного М.К. Азадовским, показавшего пример, каким должен быть научный комментарий, «звезда» С.Я. Штрайха погасла – стало понятно, каким должен быть уровень научного комментирования в декабристоведении при публикации источников. Но даже после статьи М.Д. Марич, сделавшей попытку перечеркнуть достижения Азадовского и обесценить его труд, ученый нашел в себе силы выступить с рецензией на С.Я. Штрайха и восстановить равновесие, самостоятельно выбрав именно эту тему для критического разбора. Он поставил важнейшие вопросы выработки принципов научного комментирования изданий, являющихся важным инструментом публикации исторических источников и формирования исторической памяти.

⁸³ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 254.

⁸⁴ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 38.

⁸⁵ Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993.

Литература

- Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним // Новый мир. 1953. № 3. С. 253–256.
- Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. Кн. 1. 496 с.
- Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. Кн. 2. 426 с.
- Воспоминания Бестужевых / ред. и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 903 с.
- Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. Т. 1. С. 3–54.
- Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / ред. и комм. С.Я. Штрайха. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 740 с.
- Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. ред. и коммент. С.Я. Штрайха. [Репринтное воспроизведение издания 1951 года]. СПб.: Наука, 2007. 737 с.
- Зелинский К.Л. Штрайх незаметный // Вопросы литературы. 1964. № 1. С. 251–256.
- Колеватов Д.М. Научное сообщество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М.А. Гудошникова и М.К. Азадовского 1940-е гг.) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 1. С. 120–140.
- Марич М. Воспоминания декабристов // Новый мир. 1952. № 9. С. 281–284.
- Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954 / изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: НЛО, 1998. 410 с.
- Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.) // Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1928. Т. I. С. 141–186.
- Онуфриев Н. Изучение литературного наследия Белинского // Новый мир. 1951. № 9. С. 217–222.
- Порох И.В. Рецензия: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. I–III // Советская книга. 1952. № 5. С. 76–83.
- Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века / сост. С.Я. Штрайх. М.: Воен. изд-во, 2000. 285 с.
- Хронологический список печатных работ М.К. Азадовского за 1944–1956 гг. // Литературное наследство. 1956. Т. 60, № 1. С. 644–646.
- Штрайх С.Я. Книги и статьи. 1903–1930: Библиографический список. М.: Федерация, 1930. 22 с.
- Юрьева Н.В. С.Я. Штрайх: Книги и статьи. 1903–1946: Библиографический список. М., 1946. 47 с.
- Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы / изд. подгот. В.И. Порох, И.В. Порох. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 400 с.

References

- Azadovskiy, M.K. (1953). Zapiski I.D. Yakushkina i kommentariy k nim [Notes by I.D. Yakushkin and Commentary on Them]. In *Novyy mir*. No. 3, pp. 253–256.
- Azadovskiy, M.K. (1991). *Stranitsy istorii dekabrizma* [Pages of the History of Decembrism]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1. 496 p.
- Azadovskiy, M.K. (1991). *Stranitsy istorii dekabrizma* [Pages of the History of Decembrism]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 2. 426 p.
- Azadovskiy, M.K. (Ed.). (1991). *Vospominaniya Bestuzhevykh* [Memoirs of the Bestuzhevs]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 903 p.
- Azadovskiy, K.M. (Ed.). (1998). *Mark Azadovskiy, Yulian Oksman. Perepiska. 1944–1954* [Mark Azadovsky, Yulian Oksman. Correspondence. 1944–1954]. Moscow, NLO. 410 p.

(1956). Khronologicheskiy spisok pechatnykh rabot M.K. Azadovskogo za 1944–1956 gg. [Chronological List of M.K. Azadovsky's Published Works from 1944 to 1956]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 60, No. 1, pp. 644–646.

Kolevaton, D.M. (2005). Nauchnoe soobshchestvo kak sotsial'nyy fil'tr ("Repressivnoe davlenie" v nauchnoy sud'be M.A. Gudoshnikova i M.K. Azadovskogo 1940-e gg.) [The Scientific Community as a Social Filter ("Repressive Pressure" in the Scientific Fate of M. A. Gudoshnikov and M.K. Azadovsky in the 1940s)]. In *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik*. Omsk. Vol. 1, pp. 120–140.

Marich, M. (1952). Vospominaniya dekabristov [Memoirs of the Decembrists]. In *Novyy mir*. № 9, pp. 281–284.

Nechaev, V.N. (1928). Pis'ma I.D. Yakushkina k I.D. Shcherbatovu (1816–1821 gg.) [Letters from I.D. Yakushkin to I.D. Shcherbatov (1816–1821)]. In *Dekabristy i ikh vremya. Trudy Moskovskoy i Leningradskoy sektsiy po izucheniyu dekabristov i ikh vremeni*. Moscow. Vol. 1, pp. 141–186.

Onufriev, N. (1951). Izuchenie literaturnogo nasledstva Belinskogo [The Study of Belinsky's Literary Legacy]. In *Novyy mir*. № 9, pp. 217–222.

Porokh, I.V. (1952). Retsenziya: Izbrannyye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya dekabristov. M., 1951. T. I–III [Review: Selected Social, Political, and Philosophical Works of the Decembrists. Moscow, 1951. Vol. I–III]. In *Sovetskaya kniga*. No. 5, pp. 76–83.

Shtraykh, S.Ya. (1930). *Knigi i stat'i. 1903–1930: Bibliograficheskiy spisok* [Books and Articles. 1903–1930: Bibliographic List]. Moscow, Federatsiya. 22 p.

Shtraykh, S.Ya. (Ed.). (2000). *Roman Medoks. Pokhozhdeniya russkogo avanyurista XIX veka* [Roman Medoks. The Adventures of a 19th Century Russian Adventurer]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo. 285 p.

Shtraykh, S.Ya. (Ed.). (1951). *Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I.D. Yakushkina* [Notes, Articles, and Letters by the Decembrist I.D. Yakushkin]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 740 p.

А.А. Иванов*

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ДЕКАБРИСТОВЕДЕНИЯ
НА СТРАНИЦАХ ИРКУТСКОГО ЖУРНАЛАdoi:10.31518/2618-9100-2025-6-9
УДК 930(571.53)

Выходные данные для цитирования:
Иванов А.А. Проблемы современного декабристове­дения на страницах
иркутского журнала // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 142–157.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-09.pdf>

A.A. Ivanov*

PROBLEMS OF MODERN DECEMBRIST STUDIES
ON THE PAGES OF THE IRKUTSK MAGAZINE

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-9

How to cite:
Ivanov A.A. Problems of Modern Decembrist Studies on the Pages
of the Irkutsk Magazine // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 142–157.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-09.pdf>]

Abstract. The article contains an overview of the publications of the Izvestiya Irkutsk State University journal in the series “History”, which reflect the specific historical, source studies and historiographical problems of modern, mainly Siberian, Decembrist studies. After examining all issues of the journal from 2011 to 2025, the author established the total number of articles on Decembrist subjects and determined their direction. It is estimated that the largest number of publications on the history of the Decembrists’ stay in Siberia and Decembrist studies belong to specialists from Irkutsk and Novosibirsk. An analysis of the content of the journal’s publications has shown that the main part of the articles is not specifically historical, but historiographical and source-based in nature, which indicates that modern researchers are actively studying the experience of previous generations of Decembrist scholars, searching for ways to develop the topic, and striving to update its conceptual approaches. Among the Decembrist scholars of the Soviet and modern periods, considerable attention is paid to the work of S.F. Koval. Historians note Koval’s indisputable merits in organizing the publication of the collections *Siberia and the Decembrists*, the *Polar Star* series, and also emphasize the scientist’s decisive contribution to turning the topic of the history of the Siberian exile of the Decembrists from a local history into an all-Russian one. The analyzed publications most often raise the problems of perception of the ideas and programmatic attitudes of the Decembrists by Russian society in the first half of the 19th century, issues of the relationship between the Siberian administration and the Decembrists, and the contribution of exiled nobles to the culture and education of Siberians. One of the main directions of the development of modern Decembrist studies, as it follows from the publications, should be considered a significant expansion of the range of previously unpublished sources. In general, the review of articles on the history of the Decembrists published on the pages of the journal indicates the further development of this major scientific topic, which has a 200-year history of study.

Keywords: the history of the Decembrists, Siberian Decembrist studies, Irkutsk State University, S.F. Koval.

*The article has been received by the editor on 27.08.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

* Александр Александрович Иванов, доктор исторических наук, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: ottisk@irmail.ru
Alexander Alexandrovich Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: ottisk@irmail.ru

Аннотация. Статья содержит обзор публикаций журнала «Известия Иркутского государственного университета» серии «История», в которых отражены конкретно-исторические, источниковедческие и историографические проблемы современного, в основном сибирского декабристоведения. Исследовав все выпуски журнала с 2011 по 2025 г., автор установил общее количество статей декабристской тематики и определил их направление. Подсчитано, что наибольшее количество публикаций по истории пребывания декабристов в Сибири и декабристоведению принадлежит специалистам из Иркутска и Новосибирска. Анализ содержания публикаций журнала показал, что основная часть статей имеет не конкретно-исторический, а историографический и источниковедческий характер, что свидетельствует об активном изучении современными исследователями опыта предыдущих поколений декабристов, поиске путей развития темы, стремлении к обновлению ее концептуальных подходов. Из декабристоведов советского и современного периода заметное внимание уделено творчеству С.Ф. Коваля. Историки отмечают неоспоримые заслуги Коваля в организации издания сборников «Сибирь и декабристы», серии «Полярная звезда», а также подчеркивают решающий вклад ученого в превращение темы истории сибирской ссылки декабристов из краеведческой в общероссийскую. Наиболее часто в анализируемых публикациях поднимаются проблемы восприятия идей и программных установок декабристов российским обществом первой половины XIX в., вопросы взаимоотношений сибирской администрации и декабристов, вклад ссыльных дворян в культуру и образование сибиряков. Одним из главных направлений развития современного декабристоведения, как это следует из публикаций, следует считать существенное расширение круга ранее неопубликованных источников. В целом обзор статей по истории декабристов, увидевших свет на страницах журнала, свидетельствует о дальнейшем развитии этой крупной научной темы, имеющей 200-летнюю историю изучения.

Ключевые слова: история декабристов, сибирское декабристоведение, Иркутский государственный университет, С.Ф. Коваль.

Статья поступила в редакцию 27.08.2025 г.

В 2025 г. мы отмечаем 200-летний юбилей восстания декабристов. Это событие, имевшее историческое значение для современников, послужившее началом борьбы общества за демократизацию страны и ставшее предметом исследования для целых поколений досоветских, советских и современных историков, и в наши дни остается актуальным, вызывая споры и различные, зачастую противоположные оценки и суждения.

Для Иркутска как одного из центров сибирского декабристоведения эта тема всегда имела особое звучание. В 1918 г. уже с первых дней образования Иргосуна, так назывался Иркутский государственный университет (ИГУ), изучение истории пребывания декабристов в сибирской ссылке стало приоритетным направлением научных исследований ученых историко-филологического факультета. Результаты разработки темы воплощались в издании целого ряда книг, а с 1970-х гг. – и в периодических сборниках научных статей «Сибирь и декабристы», «Ссылные революционеры в Сибири...» и «Сибирская ссылка» (6, 12 и 10 выпусков соответственно)¹.

Вполне естественно, что «ссылная тема», в том числе и история пребывания «дворянских революционеров» в Иркутском генерал-губернаторстве, получила отражение и на страницах журнала «Известия Иркутского государственного университета» серии

¹ Сибирь и декабристы: материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск, 1925; Декабристы в Сибири: в 3 т. Иркутск, 1973–1975. Т. 1: Своей судьбой гордимся мы; Т. 2: Дум высокое стремление; Т. 3: В сердцах Отечества сынов; Памяти декабристов: К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975; Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1973–1991. Вып. 1–12; Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск, 2000–2025. Вып. 1–10; Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978–2009. Вып. 1–6.

«История». Журнал регулярно издается с 2011 г. С 2011 по 2025 г. было осуществлено 52 выпуска, все номера в полнотекстовом виде выставлены на сайте Иркутского государственного университета. Наш анализ выявил 19 статей по истории декабристов, декабристоведению или сюжетам, тесно связанным с этими темами. Рамки журнальной публикации делают невозможным подвергнуть подробному анализу все статьи, поэтому остановимся здесь лишь на некоторых, другие просто перечислим, объяснив свой выбор стремлением показать наиболее распространенные проблемы и сюжеты.

Главным героем целого ряда проанализированных журнальных публикаций следует признать С.Ф. Ковалю.

Семен Федорович Коваль (1923–2005) хорошо известен всем декабристоведам. Участник Великой Отечественной войны, удостоенный за проявленное мужество и героизм ордена Красной Звезды, коммунист «до мозга костей», в 1949 г. Коваль закончил историко-филологический факультет университета и был принят ассистентом на кафедру истории СССР. Уже через два года он опубликовал научную работу о В.Ф. Раевском и с тех пор, вплоть до своей кончины в 2005 г., неутомимо исследовал историю пребывания декабристов в Сибири, придав ей характер важнейшей и актуальнейшей проблемы общественно-политической жизни императорской России первой половины XIX в.

Именно С.Ф. Ковалю, его настойчивости и принципиальности, а еще пробивной способности, упорству и умению убеждать и зажигать своей идеей любого человека, в том числе и чиновника от науки, во многом обязаны мы изданием серии научных сборников «Сибирь и декабристы» и «Полярная звезда», результативной деятельностью Совета «Декабристы и Сибирь», да и развитием декабристоведения в целом. Заслуги Ковалю общеизвестны и неоспоримы, что хорошо показал 2023 г., прошедший под знаком 100-летнего юбилея иркутского ученого и отмеченный несколькими крупными публикациями сибирских коллег о его творчестве и жизни².

Творчеству С.Ф. Ковалю был посвящен и шестой выпуск сборника «Сибирь и декабристы», составленный из лучших его работ с большой аналитической статьей Т.А. Перцевой с характерным названием – «Воин. Ученый. Учитель»³. Событием современного декабристоведения следует считать и вышедший в 2025 г. документальный сборник, содержащий переписку С.Ф. Ковалю и академика М.В. Нечкиной за 1974–1985 гг., подготовленный и составленный Н.П. Матхановой, снабженный ее же содержательным предисловием и изданный Иркутским музеем декабристов в качестве (подчеркнем!) приложения к серии «Полярная звезда». Опубликованная переписка двух ученых представляет значительный интерес для самого широкого круга специалистов, показывает напряженную организационную и научно-редакционную работу Ковалю по координации исследователей-декабристов Сибири, Москвы, Ленинграда и других городов Союза⁴. При этом нужно подчеркнуть, что, несмотря на постоянный интерес к творчеству С.Ф. Ковалю, систематическое изучение его научного наследия далеко до своего завершения и осуществляется пока только на уровне статей, в том числе и на страницах наших «Известий...», о чем и поведем разговор ниже.

Автор первой публикации о С.Ф. Ковале (по времени издания это 2011 г., выпуск журнала № 1, что, конечно же, символично) – Л.Я. Подольская, канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института ИГУ. Ее исследование написано на основе личных впечатлений: в начале 1960-х гг. Лариса Яковлевна училась на историко-филологическом факультете, и ее рассказ, живой и точный в деталях, хорошо передает творческий портрет Ковалю – ученого и педагога. Здесь, между

² Матханова Н.П. «...Благодарное дело, нужное, интересное, имя которому “Полярная Звезда”». Письма С.Ф. Ковалю М.В. Нечкиной о создании серии «Полярная звезда» // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2023. Вып. 7. С. 7–29; Пашко И.В. В начале было слово // Декабристское кольцо... С. 188–192; Оглезнева Г.В., Перцева Т.А. К 100-летию иркутского историка Семена Федоровича Ковалю // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2023. Иркутск, 2023. С. 501–507.

³ Сибирь и декабристы. Иркутск, 2009. Вып. 6. С. 8–24.

⁴ Нечкина М.В. Коваль С.Ф. Переписка декабристоведов (1974–1985 гг.). Иркутск, 2025.

прочим, несколькими строчками воспоминаний Подольская умело разбивает и сложившийся стереотипный образ о «Железном Ковале», столь распространенный в студенческой среде факультета 1960–1980-х гг. За завесой ковалевской нарочитой суровости, бескомпромиссной требовательности к студентам и к самому себе автор разглядела прежде всего «простого» и «доступного» человека, внимательного наставника, чуткого старшего товарища, живо откликающегося на, казалось бы, чужие проблемы и горести. «Мне кажется, – пишет автор, – что мы впервые увидели и поняли, что Железный Коваль очень добрый человек, который хочет казаться суровым и жестким. Все последующие годы работы и общения с ним были этому доказательством»⁵.

Статья Л.Я. Подольской интересна не только созданием «человеческого образа» Ковалю. Написанная на мемуарной основе, эта работа имеет особую ценность, так как отлично передает творческую лабораторию ученого, приемы его работы с фактическим материалом, раскрывает методологический инструментарий историка: ни в чем не отступать от истины, писать правду, делать только обоснованные и проверенные несколькими источниками выводы. Но главное, о чем пишет Подольская, так это о сложном и постепенном процессе становления Ковалю-декабристоведа, о том, что понимание сибирской ссылки декабристов как самостоятельной объемной научной проблемы стало формироваться у Ковалю еще в начале 1960-х гг.. В доказательство этого Подольская приводит слова педагога, сказанные им еще в 1962 г. на одном из студенческих семинаров: «кратковременная история декабризма с момента зарождения организаций до событий на Сенатской площади и Украине – это мгновение, но более или менее изученное, а вот тридцать лет сибирской каторги и ссылки в отечественной историографии почти не исследованы». Л.Я. Подольская полагает, что уже тогда, в общении со студентами, Семен Федорович вынашивал планы организации этой темы, «оттачивал проект создания научного совета “Декабристы в Сибири”, который был реализован в 1975 г.»⁶. Согласимся с суждением уважаемого автора о стремлении С.Ф. Ковалю придать самостоятельный характер проблеме сибирской ссылки «первых дворянских революционеров», но возразим по поводу научного координационного Совета: вряд ли Коваль уже тогда столь детально «оттачивал» проект его организации и даже сформулировал конкретное название. Скорее всего, здесь над автором довлеет груз более поздних современных знаний и представлений о Ковале.

Имя С.Ф. Ковалю неоднократно упоминается и в статье д-ра ист. наук, профессора Н.П. Матхановой, так же как и исследование Л.Я. Подольской, основанной на личных воспоминаниях. И Наталья Петровна упоминает о «непростом» характере Семена Федоровича, о том, что в Новосибирске тех лет «ходили легенды о его вспыльчивости, резкости и неуступчивости», которые запомнились коллегам «по опыту совместной работы над многотомной “Историей Сибири”». Автора даже «специально предупреждали: не пугайся, не обижайся и т.д.», однако опасения Н.П. Матхановой «не оправдались», а «доброжелательное отношение» к ней Ковалю «очень удивило»⁷.

Как вспоминает Н.П. Матханова, новосибирские историки всегда говорили о Ковале с глубоким почтением и уважением, впрочем, ее статья посвящена не Семену Федоровичу, а периоду работы в документальной серии «Полярная звезда» над составлением тома материалов декабриста А.В. Поджио «Записки и письма». Свое исследование автор называет «маленький мемуарный очерк», однако содержание статьи выходит далеко за пределы обозначенного жанра.

Прежде всего, Н.П. Матханова обращает внимание на имеющуюся «серьезную научную проблему» – состояние историографии серии «Полярная звезда». По мысли исследователя, если история изучения декабризма советского времени существует хотя бы в виде общих обзоров в диссертациях и монографиях («но не как история исторической мысли»),

⁵ Подольская Л.Я. Педагог и воспитатель // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2011. № 1 (1). С. 208.

⁶ Подольская Л.Я. Педагог и воспитатель... С. 206.

⁷ Матханова Н.П. Из опыта работы в серии «Полярная звезда» // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1 (2). С. 201.

то о «Полярной звезде» в научной литературе лишь «упоминается» как о источнике, несколько расширяющем представления о декабристах и декабризме. «Между тем значение ее гораздо серьезнее», – пишет Матханова, – так как, помимо введения в научный оборот ценного фактического материала, каждый том серии сопровождается вступительная статья, «в ряде случаев» представляющая собой «важный вклад в науку»⁸.

Согласимся с выводами Н.П. Матхановой. Действительно, серия книг «Полярная звезда» не получила в советской науке должного историографического изучения. Эта тема ждет своего исследователя и в наши дни. Между тем это издание имеет значительную историю, ведь первый том «ПЗ» вышел в далеком 1979 г. Сегодня почти полувековое прошлое серии, насчитывающей 28 выпусков, настоятельно требует своего историографического обобщения, без которого дальнейшее развитие «Звезды» может быть только, в известном смысле, копированием прежних изданий.

При этом стоит заметить, что отсутствие историографических исследований – это судьба далеко не единственной «Полярной звезды». Политическая история советской страны в целом, а также ее отдельных периодов и тем, к сожалению, не пользуется вниманием у современных ученых. Поколение советских историков постепенно, увы, уходит, а новое не испытывает к историческим проблемам Союза ССР должного интереса. Как представляется, начиная с 1990-х гг. изучение советской истории по-прежнему продолжает находиться под сильным влиянием публицистики, и отсутствие историографических исследований этого времени – верный показатель правильности наших суждений.

Вторая часть статьи Н.П. Матхановой посвящена воспоминаниям о работе в редакционной коллегии серии «Полярная звезда». Свое участие автор считает «скромным», но давшим ценный практический опыт. Говоря о «многочисленных» в то время декабристских конференциях, автор пишет об интересных встречах и знакомствах, неформальном общении с историками – старшими по возрасту и званиям. Тогда, вспоминает Н.П. Матханова, новый человек, попадая в круг близких ему по духу людей, чувствовал себя частью настоящего исторического сообщества, где каждый более опытный товарищ готов был поделиться своими профессиональными знаниями и помочь советом. «Итак, первый урок – конференции очень полезны, и не только для знакомства с мыслями и наблюдениями других специалистов», – заключает автор⁹.

Работа над томом А.В. Поджио продолжалась 10 лет! Огромную трудность представляло для автора-составителя незнание французского языка в редакции начала XIX в., а также непонятный, во многих местах нечитаемый почерк декабриста. Но и это препятствие было преодолено. «Главное – не спешить сдаваться», – это второй урок, отмеченный автором статьи. Преодолевать трудности, по мысли Н.П. Матхановой, всегда помогала «система взаимопомощи». «У декабристов была цепь союзников, но и декабристоведа помогали друг другу – быть может, научившись этому у своих героев». Автор «с радостью» отмечает, что эта прекрасная традиция, заложенная нашими учителями, во многом сохранилась и сегодня¹⁰. С готовностью разделяем это суждение автора.

Статья Натальи Петровны в иркутских «Известиях...» с анализом состояния историографии серии «Полярная звезда» была опубликована в 2012 г. С тех пор эта ситуация претерпела лишь некоторые, но, на наш взгляд, все же положительные перемены. Так, в 2015 г. была опубликована большая статья А.Н. Цамутали и М.С. Белоусова «190-летие восстания декабристов», содержащая подробный обзор истории изучения выступления 14 декабря 1825 г. в отечественной науке. Правда, большая часть работы, конечно же, посвящена анализу общероссийской историографии темы. О «Полярной звезде», к сожалению, лишь упомянуто, но дважды: первый раз – когда речь зашла о М.В. Нечкиной, здесь сказано, что при поддержке прославленного академика «в Иркутске появилась замечательная серия “Полярная звезда”, в которой издаются основные источники по биографиям

⁸ Матханова Н.П. Из опыта работы в серии «Полярная звезда»... С. 200.

⁹ Там же. С. 202.

¹⁰ Там же. С. 204.

декабристов»; второй раз – в последней строке статьи, где сказано, что среди важнейших и неотложных задач современного декабристоведения «необходимо продолжить издание документальных серий “Восстание декабристов” и “Полярная звезда”». При этом чуть выше уважаемыми авторами отмечено, что «сибирские историки, изучающие жизнь и деятельность декабристов на каторге и в ссылке в Сибири», проводят «свою плодотворную работу в трудных условиях сурового климата и непростых административных экспериментов»¹¹. Климат, к слову сказать, стал мягче, но что это за «непростые административные эксперименты», так до сих пор и остается непонятным.

Во второй статье П.В. Ильина под названием «Публикация мемуарного наследия участников декабристского движения: периодизация, некоторые итоги и перспективы» нашей «Полярной звезде» уделено действительно значительное место. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук Петр Владимирович Ильин, проведя глубокий экскурс в историю публикации воспоминаний декабристов, определил, что начало систематического научного издания декабристского наследия было положено в конце 1970-х гг., и связано это «с крупнейшим археографическим проектом» в области истории декабризма – документальной серией «Полярная звезда», «основанной в Иркутске в 1979 г. С.Ф. Ковалем при участии С.В. Житомирской и Н.Я. Эйдельмана» и возглавившей издание М.В. Нечкиной. Перечислив все книги серии и уделив каждому тому отдельное внимание (!), автор заключает: «Уровень изданий серии оценивается как приближенный к академическому. Феномен большого археографического проекта, инициированного не в традиционных центрах декабристоведения – Москве и Петербурге (Ленинграде), привлечшего исследовательские силы со всей страны, заслуживает отдельного изучения и, безусловно, высокой оценки». Конечно же, полностью согласимся с автором и будем ждать результатов «отдельного», т.е. монографического историографического обобщения¹².

С.Ф. Ковалю и анализу его научного наследия посвящена еще одна большая статья старшего научного сотрудника лаборатории книговедения Государственной научно-технической библиотеки СО РАН, канд. ист. наук Екатерины Николаевны Туманик, опубликованная к столетнему юбилею иркутского исследователя. По мнению автора, «сегодня декабристоведение требует обновленного концептуального подхода», в связи с чем «идеи С.Ф. Коваля заслуживают серьезного внимания». Что же это за «идеи» такие или каким представляется автору «движение декабристов в трудах С.Ф. Коваля» (именно так и называется статья)?

Е.Н. Туманик весьма подробно рассматривает несколько ковалевских «идей». Прежде всего, это обоснование С.Ф. Ковалем необходимости расширения границ декабристоведения и превращения этой темы из сибирско-краеведческой «в общероссийскую общественно-политическую и культурную проблему». Для Коваля, совершенно правильно отмечает автор, это было и «новым подходом», и обязательным условием дальнейшего развития темы. При этом краеведческая составляющая в трудах исследователей, полагал Коваль, не должна быть забыта и по-прежнему иметь динамичное развитие¹³.

Следующая заслуга («идея») С.Ф. Коваля, по мысли Е.Н. Туманик, – это разработка периодизации историографии темы. Проанализировав значительное количество произведений Коваля, автор выделила три таких периода: первый – до 1925 г. (надо полагать, с 1825-го, со дня самого восстания), когда проблема «Декабристы в Сибири» существовала в качестве «привеска» к истории движения; второй – время 1925–1933 гг., в котором, благодаря работам Б.Г. Кубалова, М.К. Азадовского, Ф.А. Кудрявцева и др., история декабристов «превратилась в самостоятельную и значительную научно-краеведческую проблему»

¹¹ Цамутали А.Н., Белоусов М.С. 190-летие восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2015. Вып. 4. С. 15.

¹² Ильин П.В. Публикация мемуарного наследия участников декабристского движения: периодизация, некоторые итоги и перспективы [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 257–273. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-21.pdf> (дата обращения: 02.08.2025).

¹³ Туманик Е.Н. Движение декабристов в трудах С.Ф. Коваля // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2024. Т. 47. С. 116.

и развивалась в таком качестве вплоть до 1975 г.; третий период – современный, где эта тема «выдвинулась в разряд важнейших в декабристоведении, истории общественной мысли и революционного движения в России в XIX в.». При этом Е.Н. Туманик делает очень важный акцент, подчеркивая, что, по мысли Коваля, «на третьем этапе изучения тема о декабристах в Сибири усилиями многих исследователей-сибиряков была поставлена в центр всего общероссийского декабристоведения: “В этом, – резюмирует она, – и заключается суть нового подхода [С.Ф. Коваля] на новом этапе историографии”»¹⁴.

Еще одна идея Коваля, по мысли Е.Н. Туманик, заключается в выработке общего генерального понимания проблемы эволюции политических взглядов декабристов в Сибири. Как указывает автор, Коваль отрицал развитие политических взглядов декабристов в сторону либерализма, называя этот подход надуманным, а либеральную концепцию – несовместимой с понятием декабризма или дворянской революционности, «бывших для него синонимами». По мнению Коваля, во второй четверти XIX в. у движения было только два возможных пути – эволюция «декабризма в сторону революционного демократизма» или «консервация его в старых, иногда умеренных декабристских формах». При этом С.Ф. Коваль прекрасно понимал, что идейно развивались по революционному пути далеко не все декабристы, и называл имена лишь И.И. Горбачевского, Бестужевых, В.Ф. Раевского, М.А. Фонвизина, Д.И. Завалишина¹⁵.

Е.Н. Туманик считает, что С.Ф. Коваль создал действительно научную, «стройную и сильную версию эволюции декабризма, которая органически объединяет в себе все многообразие движения». С представлениями Коваля о декабризме «трудно поспорить даже сегодня». Без опоры на труды С.Ф. Коваля, заключает в конце автор, невозможно развитие современного декабристоведения, а его идеи «не потеряли своей актуальности» и особенно интересны в наше время, требуя дальнейшей разработки¹⁶.

Соглашаясь в принципе с высокой оценкой Е.Н. Туманик «декабристоведческих идей» С.Ф. Коваля, следует все же учитывать известное идеологическое и ярко выраженное «партийное» звучание некоторых из них как неизбежную дань ученого тому советскому времени. Таков, например, вывод Коваля о том, что «...любая сторона деятельности первых революционеров, оказавшихся в Сибири хотя и на положении каторжан или поселенцев, имела огромное общественно-политическое значение, благотворно влияла на развитие общественной жизни не только Сибири, но и всей России». Конечно, влияла, но любая ли, и настолько ли сильно, и на все ли общество, как пишет С.Ф. Коваль?¹⁷

Кроме статьи о С.Ф. Ковале, Е.Н. Туманик опубликовано на страницах «Иркутских известий...» еще три интересные работы по исследуемой тематике: первая – о Романе Циховском, польском политическом ссыльном, находившемся в Ялуторовске в 1840–1841 гг., и его тесной дружбе с кружком декабристов¹⁸; вторая и третья – о ссыльном декабристе Иване Дмитриевиче Якушкине и его сыне Вячеславе Ивановиче. Автор на основе источников личного происхождения (мемуары и эпистолярное наследие) на примере Якушкиных стремится исследовать весьма интересную тему взаимоотношений генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского и ссыльных декабристов. Эта научная проблема уже получила некоторое освещение в литературе¹⁹, однако далека и сегодня до своего решения.

¹⁴ Туманик Е.Н. Движение декабристов в трудах С.Ф. Коваля... С. 118.

¹⁵ Там же. С. 119.

¹⁶ Там же. С. 121.

¹⁷ Коваль С.Ф. Страничка из жизни декабристов Михаила и Николая Бестужевых на поселении в Селенгинске // Сибирь и декабристы. Иркутск, 2009. Вып. 6. С. 23.

¹⁸ Туманик Е.Н. Роман Циховский – польский товарищ декабристов по ялуторовской ссылке // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2014. Т. 9. С. 35–40.

¹⁹ Кузнецова Е.Н. Взгляд Н.М. Муравьева-Амурского на проблемы сибирской ссылки // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): сб. науч. тр. Иркутск, 1991. Вып. 12. С. 94–105; Перцева Т.А. Взаимоотношения генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского со ссылными декабристами (по воспоминаниям современников) // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А.М. Сибирякова. Иркутск, 2020. С. 80–88.

Е.Н. Туманик, со слов декабриста, описывает несколько случаев доброжелательного отношения Муравьева к Якушкину: Ивана Дмитриевича с неизменным радушием неоднократно принимали в губернаторском доме; сам Муравьев «в продолжении нескольких часов» рассказывал Якушкину, А.В. Поджио и С.П. Трубецкому «подробности своего путешествия»; все служебные поездки сына Якушкина, офицера для особых поручений, по территории генерал-губернаторства Муравьев-Амурский «обязательно согласовывал» с Якушкиным-старшим, понимая, что здоровье того «сильно расшатано и требует присутствия рядом родных»²⁰.

Отношение Н.Н. Муравьева-Амурского к В.И. Якушкину было не только доброжелательным, но и покровительственным. Он внимательно следил за карьерным ростом Вячеслава Ивановича, «разрешал длительные отлучки», проявляя тем самым и «человечность, <...> и административно-политическую позицию», не перегружал поручениями, позволял подольше оставаться с больным отцом, вести в Иркутске вполне светскую жизнь и т.д. При этом, скорее всего с подачи Н.Н. Муравьева, Якушкин-младший, «имея за плечами ценнейший опыт административной деятельности при генерал-губернаторе», в 1857 г. «был перемещен на службу в Министерство государственных имуществ», т.е. весьма успешно двигался по карьерной лестнице²¹.

Взаимоотношения генерал-губернатора и декабристов, как было сказано выше, уже отчасти изучены, однако Е.Н. Туманик отлично подметила еще одну черту, на которую историки обращают гораздо меньше внимания. Речь идет об отношении «первых дворянских революционеров» к покровительству Муравьева-Амурского. Казалось бы, оно должно быть подчеркнуто холодным, декабристам полагалось бы дистанцироваться от одного из «царских сатрапов». Однако на практике этого не происходит, и Туманик показывает, как здесь в действительности обстоят дела. Так, И.Д. Якушкин с большой теплотой и благодарностью отзывается о Муравьеве-Амурском, неизменно отмечая его лучшие качества. Мечтая о приезде детей в Ялуторовск, он пишет сыну Евгению: «В Восточной Сибири у Николая Николаевича при этом не могло бы быть никакого затруднения. Все наши живут там несравненно свободнее, нежели мы живем здесь, и если бы я был теперь в Иркутске, то мое свидание с тобой могло бы устроиться без малейшего затруднения»; «Николай Николаевич сам очень меня звал приехать погостить к ним, вероятно, в то же время нашлась бы возможность и для тебя приехать в Иркутск...»²².

В другом месте Якушкин, говоря о возвращении Муравьева в Иркутск, пишет о том, что он «с истинным удовольствием слушал <...> рассказы нашего Пизарро о путешествии его по Амуру». При этом декабриста переполняла гордость «за деятельность генерал-губернатора», благодаря которой «обширный и прекрасный край присоединен к России...». В другом месте, говоря о заслугах Муравьева, Якушкин-старший называет Николая Николаевича «ясновидящим», имея в виду его предусмотрительность. «Только при его распоряжениях, сделанных заблаговременно, – указывает декабрист, – был возможен блистательный успех в Камчатке...»²³.

Что лежит в основе таких превосходных взаимоотношений генерал-губернатора и политического ссыльного («государственного преступника», как были официально наименованы декабристы)? Конечно же, благодарность за всевозможные «послабления» режима содержания ссыльным (собственно, «режима» и не было) со стороны одного и сословная солидарность, внушительные размеры которой затмевали все существовавшие служебные инструкции, у другого. Однако вопрос, конечно же, не только в благодарности и сословной поддержке. Ответ на него предполагает проведение специальных исследований, которые

²⁰ Туманик Е.Н. Н.Н. Муравьев-Амурский в письмах И.Д. Якушкина: к вопросу об отношении генерал-губернатора Восточной Сибири к ссыльным декабристам // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2021. Т. 35. С. 62–63.

²¹ Туманик Е.Н. В.И. Якушкин на службе в Восточной Сибири (по эпистолярным источникам) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2019. Т. 29. С. 18–19.

²² Туманик Е.Н. Н.Н. Муравьев-Амурский в письмах И.Д. Якушкина... С. 62–63.

²³ Там же. С. 64.

могли бы стать одним из перспективных направлений развития этой темы и которые, мы уверены, еще будут в современном декабристоведении.

Что касается самого Н.Н. Муравьева-Амурского, то его отношение к И.Д. и В.И. Якушкиным, точно и верно подмеченное Е.Н. Туманик, исходило, на наш взгляд, из восприятия Муравьевым декабристов вообще. На это указывал еще И.П. Барсуков, приводя следующие слова генерал-губернатора: «...так называемые “декабристы”, искупив заблуждения своей юности тяжелою карою, принадлежат к числу лучших подданных русского царя; никакое наказание не должно быть пожизненным, так как цель наказания есть исправление, а это вполне достигнуто по отношению к декабристам; и нет основания оставлять их изверженными навсегда из общества, в составе которого они имеют право числиться по своему образованию, нравственным качествам и теперешним политическим убеждениям»²⁴.

Следует добавить, что доброжелательные отношения сложились у декабристов не только с генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым-Амурским, но и, например, с начальником Сибирского жандармского округа полковником Я.Д. Казимирским. Это подтверждает следующий факт: в декабре 1841 г. в Иркутск приезжал Н.А. Бестужев, прожил здесь около девяти месяцев, при этом квартировал у штаб-лекаря И.С. Персина и полковника Я.Д. Казимирского. Был радушно принят в обоих домах²⁵.

Изучение обширной темы взаимоотношений декабристов и сибирского общества продолжает в своих статьях Тамара Алексеевна Перцева, признанный иркутский декабриствед, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России ИГУ. Ею в исследуемый период опубликовано в иркутских «Известиях...», так же как и Е.Н. Туманик, четыре разноплановые работы, рассмотрим здесь коротко каждую публикацию.

В одной из статей автор поднимает весьма актуальный вопрос о степени «благотворного» воздействия декабристов на сибирское общество. Нужно сказать, что эта проблема – и научная, и нравственная – существует в отечественном декабристоведении, что называется, «долгие годы». Ее «обострение» произошло с началом 1990-х гг. и было связано с желанием общества отказаться от когда-то навязанных идеологических штампов и стереотипов. Однако на фоне этого вполне здорового стремления к познанию собственной истории возникли и настроения полного отрицания вклада декабристов в развитие науки, «общественности» и образования сибирской окраины. Могли ли несколько десятков «дворянских революционеров» изменить культуру повседневности сибирского общества? Отвечая положительно на этот вопрос, Т.А. Перцева предлагает рассматривать прежде всего само общество, культуру его отдельных слоев, потребность в образовании и переменах, а также определять и учитывать в первую очередь естественные условия для наиболее эффективного воздействия декабристов, например размер колонии, размещение ссыльных в городе или небольшом селе, их материальное благополучие, отношения с администрацией и т.д.²⁶ Добавим, что полностью разделяем такой подход автора при определении влияния декабристов на сибирское общество.

В другой статье Т.А. Перцева исследует проблему восприятия идей и программных установок декабристов российским обществом первой половины XIX в. Проведя анализ различных социальных страт, автор приходит к выводу о том, что планы революционеров были чужды или непонятны большей части общества, и только его «узкая прослойка», наиболее образованная часть, могла понять их программные принципы, а «благодаря особенностям сознания русской интеллигенции, культивирующей чувство вины перед народом», отнестись к декабристам с пониманием и «преклонением».

В советское время «из-за тенденциозно подбираемого и купированного круга источников», пишет Т.А. Перцева, непререкаемых идеологических установок, история декабристов «получила такой толстый слой глянца, что начала вызывать у некоторых оскомину»,

²⁴ Граф Н.М. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам И. Барсукова. М., 1891. Кн. 1. С. 188.

²⁵ Иркутская летопись 1661–1940 гг. Иркутск, 2003. С. 50.

²⁶ Перцева Т.А. Влияние декабристов на формирование культурных традиций в Иркутске: причины, природа, последствия // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2015. Т. 11. С. 12–22.

превратилась в одну из официальных доктрин славного революционного пути, пройденного страной и ее героическим народом, что не могло не сказаться на ее изучении. И в наше время тема декабристов по-прежнему остается во многом политизированной, и ее исследование зависит от того или иного вектора государственной доктрины. Следует признать справедливость суждений автора²⁷.

Продолжая исследовать проблемы взаимоотношений сибирского общества и декабристов, Т.А. Перцева свою третью статью посвящает доносам. При этом речь идет о доносах как о средстве, с помощью которого местное чиновничество пыталось решать конфликты внутри своей среды, обвиняя друг друга в «излишней дружбе» с декабристами или в «послаблении» режима их содержания²⁸. Четвертая работа автора основана на личных впечатлениях и рассказывает о Евгении Александровиче Ячменеве, директоре Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов периода 1980–2000-х гг. Автор полагает, что именно под руководством Е.Н. Ячменева «музей стал настоящим научным и культурным центром», здесь стали проводиться всероссийские и международные конференции, посвященные проблемам декабристоведения, получившие высокую оценку специалистов-историков. «Принято считать, – говорит автор, – что работники музеев – люди особого склада. Пожалуй, с этим можно согласиться, особенно если учитывать, сколь мало на долю большинства из них приходится внимания и благодарности и со стороны государства, и со стороны общества»²⁹.

В 2010-х гг. весьма активно в «Известиях ИГУ» серии «История» участвовали наши украинские коллеги – Г.Д. Казьмирчук, М.Г. Казьмирчук и Ю.В. Латыш. Ими были опубликованы также четыре крупные статьи с анализом постсоветских украинских исследований о декабристах в целом и об особенностях изучения проблемы «декабристы и Т.Г. Шевченко». Данные публикации свидетельствуют о том, что декабристоведение по-прежнему объединяло ученых постсоветского и зарубежного пространства, определяло актуальные темы для дальнейшего исследования³⁰.

Среди статей о декабристах и декабризме, опубликованных в иркутском журнале, имеется и работа Виктора Даниловича Юшковского о М.М. Сперанском и Г.С. Батенькове. Томского исследователя, канд. ист. наук, давно и плодотворно занимающегося этой темой, интересуют сложные взаимоотношения учителя и ученика в процессе их совместной работы над «Сибирским уложением» в 1819–1822 гг. Автор отмечает и объясняет природу больших различий у Сперанского и Батенькова в понимании перспектив и путей исторического развития Сибири, подчеркивает крупный вклад Гавриила Степановича в составление и подготовку законодательных актов, его стремление видеть регион не «ссылочным местом», но процветающим в самом недалеком будущем краем свободных земледельцев³¹. Ведь предлагал же Г.С. Батеньков максимально освободить Сибирь от ссыльных, а «подлинных уголовных преступников, приобретя большой участок в Австралии, ссылая туда, основав

²⁷ Перцева Т.А. Эволюция отношения к декабристам в русском обществе (заметки к постановке вопроса) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 2 (5). С. 69–76.

²⁸ Перцева Т.А. Доносы на декабристов, как средство решения конфликтов в администрации Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 135–140.

²⁹ Перцева Т.А. Музейное строительство Евгения Ячменева // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 2 (3), ч. 2. С. 170.

³⁰ Казьмирчук Г.Д., Латыш Ю.В. Дискуссионные вопросы движения декабристов в постсоветской историографии // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 2 (5). С. 77–86; Казьмирчук Г.Д. Новые украинские исследования о декабристах // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2015. Т. 12. С. 78–87; Казьмирчук Г.Д., Казьмирчук М.Г. Проблема «Декабристы и Т.Г. Шевченко»: историография (конец XIX – 1980-е гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 20. С. 73–84; Казьмирчук Г.Д., Казьмирчук М.Г. «Проблема “Декабристы и Т.Г. Шевченко”»: историография (1980 г. – XXI в.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 21. С. 136–147.

³¹ Юшковский В.Д. М.М. Сперанский и Г.С. Батеньков: поиски основ сибирских преобразований // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 72–79.

там колонизацию на началах отдаленной высылки за границу, и держать оную в оседлом состоянии»³².

Елена Борисовна Васильева, канд. ист. наук (Омский институт международного менеджмента и иностранных языков «Ин. яз. – Омск»), в своей статье анализирует письма и путевые записки чиновников как источник для изучения представлений о декабристах в российском обществе во второй четверти XIX в. Автор рассматривает не только широко известные в науке документы, например воспоминания Л.Ф. Львова, но и впервые вводит в научный оборот письма князя Н.М. Голицына, который в 1843–1846 гг., будучи в составе комиссии по ревизии Восточной Сибири сенатора Толстого, встречался со многими декабристами, в том числе и в Иркутске. Анализируя мемуары и письма современников, автор считает их весьма ценным, но специфическим источником, сформировавшим уже тогда, в 1840-е гг., «основной комплекс представлений», «характерных для последующего декабристоведения»³³. Интересный вывод, жаль, что автор его дальше не развивает.

Имея задачу совершенно конкретного анализа источников личного происхождения, Е.Б. Васильева в начале своей статьи неожиданно высказывает несколько положений общего характера. Например, «на сегодняшний день количество работ, посвященных специфике интерпретации декабризма, вполне сопоставимо с количеством трудов, непосредственно посвященных истории движения». Или: современные «декабристоведы не просто ведут спор относительно отдельных сюжетов истории движения, его оценки и значения, но и упрекают предшественников и друг друга в создании различного рода мифологем». Или вот: «как известно, становление декабристоведения приходится на вторую половину XIX в.». И далее: «На протяжении всего этого периода декабризм оставался практически единственной доступной темой из истории освободительного движения, в рамках которой общественные и политические деятели могли вести идейную борьбу...»³⁴. Согласитесь, подобные выводы требуют серьезного обоснования, но его у уважаемого автора, к сожалению, нет.

Кроме статей, отмеченных выше, к рассматриваемой проблематике следует отнести еще три: коллективную публикацию Н.И. Гавриловой, И.Л. Дамешек и С.Л. Курас о В.П. Шахерове, где подробно проанализирован вклад ученого в изучение биографии В.И. Штейнгеля и в декабристоведение в целом³⁵, а также две статьи А.А. Иванова о содержании переписки Б.Г. Кубалова и Ф.А. Кудрявцева и о историческом факультете ИГУ как одном из центров изучения политической, в том числе и декабристкой ссылки в Сибирь³⁶.

Подведем некоторые итоги. Итак, в 52 выпусках журнала с 2011 по 2025 г. по различным проблемам истории декабристов и декабристоведения было опубликовано не менее 19 статей. Это работы, которые были напрямую посвящены истории пребывания или истории изучения декабристов в сибирской ссылке (говоря о ссылке, имеем в виду и каторгу как разновидность политической и уголовной ссылки), а также исследования, посвященные более широкой конкретной или историографической проблематике истории Сибири, в которой декабристам и декабристооведам уделено значительное внимание.

Девятнадцать статей, т.е. почти в каждом втором-третьем выпуске из 52, – довольно высокий показатель! Однако если сравнивать число публикаций о декабристах и декабристооведах с общим количеством статей, сообщений и рецензий, опубликованных в этих выпусках, а это 831 материал, то картина будет иной: оказывается, истории «первых дворянских революционеров» посвящено лишь 2,29 % публикаций. Вот такое «лукавство

³² Российская государственная библиотека (РГБ). Отдел рукописей. Ф. 20. К. 5. Д. 10. Л. 4.

³³ Васильева Е.Б. Письма и путевые заметки чиновников как источник для изучения представлений о декабристах в российском обществе во второй четверти XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 2 (5). С. 17.

³⁴ Там же.

³⁵ Гаврилова Н.И., Дамешек И.Л., Курас С.Л. Честь служить Истории (к 60-летию Вадима Петровича Шахерова) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1 (2). С. 233–243.

³⁶ Иванов А.А. «...Любящий Вас Б. Кубалов» // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2016. Т. 16. С. 220–229; Иванов А.А. Исторический факультет Иркутского госуниверситета как центр изучения сибирской политической ссылки XIX века // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2018. Т. 24. С. 165–168.

цифр», впрочем, конечно же, следует делать акцент не столько на количестве, сколько на содержании опубликованных материалов – а здесь как раз широкое поле для обсуждения.

Анализ публикаций по тематике, географии и числу авторов дает следующие показатели. Из 19 публикаций большая часть, а именно не менее 9, посвящена историографическим и источниковедческим сюжетам нашей темы. Это стоит отметить особо, ведь в современной исторической науке, в том числе и сибирской, конкретных исторических исследований пишется и защищается значительно больше, чем историографических и источниковедческих. Но в нашем случае все закономерно: значительное число самых разнообразных книг, брошюр и статей, изданных за 200 лет по конкретно-исторической проблематике движения 14 декабря 1825 г., настоятельно требует даже не историографического, а прежде всего историко-философского обобщения, тем более в наше время, меняющее героев, приоритеты и целые направления исторических исследований.

Именно этот процесс хорошо заметен по публикациям в журнале «Известия ИГУ». При этом показатель 9 может быть легко увеличен до 15, если к нему присоединить статьи, посвященные конкретным декабристоведцам – Б.Г. Кубалову, С.Ф. Ковалю (две публикации), Е.Н. Ячменеву и В.П. Шахерову. Сюда же, на наш взгляд, можно вполне отнести и статью Н.П. Матхановой «Из опыта работы в серии “Полярная звезда”», основанную на личных воспоминаниях. Таким образом, почти 80 % опубликованных статей имеют историографический и источниковедческий характер. Собственно говоря, и в оставшейся четверти публикаций, раскрывающих те или иные конкретно-исторические проблемы тридцатилетнего пребывания декабристов в сибирской ссылке, можно также без труда найти свои историографические сюжеты и оценки.

Большая часть работ (9) опубликована в 2013–2016 гг. По нашему мнению, их можно отнести к статьям, создание которых связано со стремлением авторов подвести итоги исследований накануне или в связи со 190-летним юбилеем выступления декабристов, который отмечался в 2015 г.

Сопоставление статей по географическому расположению авторов представляет следующую картину: всего авторов 13, из них иркутян – 6 (43 %), новосибирцев – 2, томичей и омичей – по 1, и трое авторов – из Украины. Анализ по количеству статей, принадлежащих одному автору, таков: Г.Д. Казьмирчук, Т.А. Перцева, Е.Н. Туманик – по 4, М.Г. Казьмирчук – 3, А.А. Иванов – 2; затем Е.Б. Васильева, Н.И. Гаврилова, И.Л. Дамешек, С.Л. Курас, Ю. В. Латыш, Н.П. Матханова, Л.Я. Подольская и В.Д. Юшковский – по одной статье, выполненной отдельно или в соавторстве.

Как уже было отмечено, среди статей преобладают работы, выполненные на историографические или источниковедческие темы. Авторы беспокоит дальнейшее развитие этой проблематики. Весьма перспективным представляется публикация ранее не вводимых в научный оборот архивных материалов, которые помогут более объективному, лишенному идеологических клише изучению этой темы.

Несколько публикаций посвящено 100-летию юбилею С.Ф. Коваля, анализу его творчества и вкладу в сибирское декабристоведение. Ученые отмечают прежде всего личные качества ученого, его организаторские и педагогические способности, а также его понимание задач и масштабов современного декабристоведения.

Историографический обзор статей по истории декабристов и декабристоведению, опубликованных на страницах журнала «Известия Иркутского государственного университета» серии «История» за 2011–2025 гг., дает определенное представление о состоянии современного сибирского декабристоведения в целом и при этом свидетельствует о дальнейшем развитии данной научной проблематики, имеющей 200-летнюю историю изучения.

Литература

Васильева Е.Б. Письма и путевые заметки чиновников как источник для изучения представлений о декабристах в российском обществе во второй четверти XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 2 (5). С. 17–23.

Гаврилова Н.И., Дамешек И.Л., Курас С.Л. Честь служить Истории (к 60-летию Вадима Петровича Шахерова) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1 (2). С. 233–243.

Иванов А.А. «...Любящий Вас Б. Кубалов» // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2016. Т. 16. С. 220–229.

Иванов А.А. Исторический факультет Иркутского госуниверситета как центр изучения сибирской политической ссылки XIX века // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2018. Т. 24. С. 165–168.

Ильин П.В. Публикация мемуарного наследия участников декабристского движения: периодизация, некоторые итоги и перспективы [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 257–273. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-21.pdf> (дата обращения: 02.08.2025).

Казьмирчук Г.Д. Новые украинские исследования о декабристах // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2015. Т. 12. С. 78–87.

Казьмирчук Г.Д., Казьмирчук М.Г. Проблема «Декабристы и Т.Г. Шевченко»: историография (конец XIX – 1980-е гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 20. С. 73–84.

Казьмирчук Г.Д., Казьмирчук М.Г. «Проблема «Декабристы и Т.Г. Шевченко»: историография (1980 г. – XXI в.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 21. С. 136–147.

Казьмирчук Г.Д., Латыш Ю.В. Дискуссионные вопросы движения декабристов в постсоветской историографии // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 2 (5). С. 77–86.

Коваль С.Ф. Страничка из жизни декабристов Михаила и Николая Бестужевых на поселении в Селенгинске // Сибирь и декабристы. Иркутск: Издание Иркутского музея декабристов, 2009. Вып. 6. С. 25–46.

Кузнецова Е.Н. Взгляд Н.М. Муравьева-Амурского на проблемы сибирской ссылки // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Вып. 12. С. 94–105.

Матханова Н.П. Из опыта работы в серии «Полярная звезда» // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1 (2). С. 200–205.

Матханова Н.П. «...Благодарное дело, нужное, интересное, имя которому “Полярная Звезда”». Письма С.Ф. Ковалю М.В. Нечкиной о создании серии «Полярная звезда» // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сборник статей. Иркутск: Издание Иркутского музея декабристов, 2023. Вып. 7. С. 7–29.

Нечкина М.В., Коваль С.Ф. Переписка декабристovedов (1974–1985 гг.) / публ., предисл., коммент. Н.П. Матхановой. Иркутск, 2025. 288 с.

Оглезнева Г.В., Перцева Т.А. К 100-летию иркутского историка Семена Федоровича Ковалю // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2023. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2023. С. 501–507.

Пашко И.В. В начале было слово // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сборник статей. Иркутск: Издание Иркутского музея декабристов, 2023. Вып. 7. С. 188–192.

Перцева Т.А. Доносы на декабристов, как средство решения конфликтов в администрации Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 2 (3), ч. 1. С. 135–140.

Перцева Т.А. Музейное строительство Евгения Ячменева // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История // 2012. № 2 (3), ч. 2. С. 170–195.

Перцева Т.А. Эволюция отношения к декабристам в русском обществе (заметки к постановке вопроса) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 2 (5). С. 69–76.

Перцева Т.А. Влияние декабристов на формирование культурных традиций в Иркутске: причины, природа, последствия // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2015. Т. 11. С. 12–22.

Перцева Т.А. Взаимоотношения генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского со ссыльными декабристами (по воспоминаниям современников) // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А.М. Сибирякова. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 80–88.

Подольская Л.Я. Педагог и воспитатель // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2011. № 1 (1). С. 205–218.

Туманик Е.Н. Роман Циховский – польский товарищ декабристов по ялutorовской ссылке // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2014. Т. 9. С. 35–40.

Туманик Е.Н. В.И. Якушкин на службе в Восточной Сибири (по эпистолярным источникам) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2019. Т. 29. С. 14–21.

Туманик Е.Н. Н.Н. Муравьев-Амурский в письмах И.Д. Якушкина: к вопросу об отношении генерал-губернатора Восточной Сибири к ссыльным декабристам // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2021. Т. 35. С. 59–66.

Туманик Е.Н. Движение декабристов в трудах С.Ф. Ковалёва // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2024. Т. 47. С. 116–123.

Цамутали А.Н., Белоусов М.С. 190-летие восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 2. Вып. 4. С. 5–19.

Юшковский В.Д. М.М. Сперанский и Г.С. Батеньков: поиски основ сибирских преобразований // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 2 (3), ч. 1. С. 72–79.

References

Gavrilova, N.I., Dameshek, I.L., Kuras, S.L. (2012). Pis'ma i putevye zametki chinovnikov kak istochnik dlya izucheniya predstavleniy o dekabristakh v rossiyskom obshchestve vo vtoroy chetverti XIX v. [The Honor of Serving History (on the 60th Anniversary of Vadim Petrovich Shakhovrov)]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 1 (2), pp. 233–243.

Ilyin, P.V. (2023). Publikatsiya memuarnogo naslediya uchastnikov dekabristskogo dvizheniya: periodizatsiya, nekotorye itogi i perspektivy [Publication of the Memoir Heritage of Participants in the Decembrist Movement: Periodization, Some Results and Prospects]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 2 (28), pp. 257–273. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-21.pdf> (date of access 02.08.2025).

Ivanov, A.A. (2016). "...Lyubyashchiy Vas B. Kubalov" ["...Loving You B. Kubalov"]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 16, pp. 220–229.

Ivanov, A.A. (2018). Istoricheskiy fakul'tet Irkutskogo gosuniversiteta kak tsentr izucheniya sibirskoy politicheskoy ssylki XIX veka [The History Department of Irkutsk State University as a Center for the Study of Siberian Political Exile in the 19th Century]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 24, pp. 165–168.

Kazmirchuk, G.D., Latysh, Yu.V. (2013). Diskussionnye voprosy dvizheniya dekabristov v postsovetskoy istoriografii [Controversial Issues of the Decembrist Movement in Post-Soviet Historiography]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2 (5), pp. 77–86.

Kazmirchuk, G.D. (2015). Novye ukrainskie issledovaniya o dekabristakh [New Ukrainian Studies on the Decembrists]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 12, pp. 78–87.

Kazmirchuk, G.D., Kazmirchuk, M.G. (2017). Problema “Dekabristy i T.G. Shevchenko”: istoriografiya (konets XIX – 1980-e gg) [The Problem of “Decembrists and T.G. Shevchenko”: Historiography (Late 19th – 1980s)]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 20, pp. 73–84.

Kazmirchuk, G.D., Kazmirchuk, M.G. (2017). Problema “Dekabristy” i T.G. Shevchenko”: istoriografiya (1980 g. – XXI v.) [The Problem of “Decembrists and T.G. Shevchenko”: Historiography (1980 – 21st Century)]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 21, pp. 136–147.

Koval, S.F. (2009). Stranichka iz zhizni dekabristov Mixaila i Nikolaya Bestuzhevych na poselenii v Selenginske [A Page from the Life of the Decembrists Mikhail and Nikolai Bestuzhev in Settlement in Selenginsk]. In *Sibir’ i dekabristy*. Iss. 6. Irkutsk, Izdatel’stvo Irkutskogo muzeya dekabristov, pp. 25–46.

Kuznetsova, E.A. (1991). Vzglyad N.M. Murav’eva-Amurskogo na problemy sibirskoy ssylki [N.N. Muravyov-Amursky’s View of the Problems of Siberian Exile]. In *Ssyl’nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral’ 1917 g.): sbornik nauchnykh trudov*. Irkutsk, Izdatel’stvo Irkutskogo muzeya dekabristov. Iss. 12, pp. 94–105.

Matkhanova, N.P. (2012). Iz opyta raboty v serii “Polyarnaya zvezda” [From the Experience of Working in the Polar Star Series]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 1 (2), pp. 200–205.

Matkhanova, N.P. (2023). “...Blagodarnoe delo, nuzhnoe, interesnoe, imya kotoromu ‘Polyarnaya Zvezda’”. Pis’ma S.F. Kovalya M.V. Nechkinoy o sozdanii serii “Polyarnaya zvezda” [“...A Grateful Cause, Necessary, Interesting, Whose Name is ‘Polar Star’”. Letters from S.F. Koval to M.V. Nechkina on the Creation of the Polar Star Series]. In *Dekabristskoe kol’tso. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov: sbornik statei*. Iss. 7. Irkutsk, Izdatel’stvo Irkutskogo muzeya dekabristov, pp. 7–29.

Matkhanova, N.P. (Publ.), Nechkina, M.V., Koval, S.F. (2025). *Perepiska dekabristovedov (1974–1985)* [Correspondence of the Decembrists (1974–1985)]. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov. 288 p.

Oglezneva, G.V., Pertseva, T.A. (2023). K 100-letiyu irkutskogo istorika Semena Fedorovicha Kovalya [On the 100th Anniversary of the Irkutsk Historian Semyon Fedorovich Koval]. In *Irkutskiy istoricheskiy i ekonomicheskiy ezhegodnik*. 2023, pp. 501–507.

Pashko, I.V. (2023). V nachale bylo slovo [In the Beginning Was the Word]. In *Dekabristskoe kol’tso. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov: sbornik statei*. Iss. 7. Irkutsk, Publication of the Irkutsk Museum of the Decembrists, pp. 188–192.

Pertseva, T.A. (2012). Donosy na dekabristov, kak sredstvo resheniya konfliktov v administratsii Vostochnoy Sibiri [Denunciations of the Decembrists as a Means of Resolving Conflicts in the Administration of Eastern Siberia]. In *Izvestia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2 (3), Part 1, pp. 135–140.

Pertseva, T.A. (2012). Muzeynoe stroitel’stvo Evgeniya Yachmeneva [Museum Construction by Evgeny Yachmenev]. In *Izvestia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2 (3), Part 2, pp. 170–195.

Pertseva, T.A. (2013). Evolyutsiya otnosheniya k dekabristam v russkom obshchestve (zametki k postanovke voprosa) [Evolution of Attitudes Towards the Decembrists in Russian Society (Notes on the Formulation of the Question)]. In *Izvestia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2 (5), pp. 69–76.

Pertseva, T.A. (2015). Vliyanie dekabristov na formirovanie kul’turnykh traditsiy v Irkutske: prichiny, priroda, posledstviya [The Influence of the Decembrists on the Formation of Cultural Traditions in Irkutsk: Causes, Nature, Consequences]. In *Izvestia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 11, pp. 12–22.

Podolskaya, L.Ya. (2011). Pedagog i vospitatel’ [Teacher and Eeducator]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 1 (1), pp. 205–218.

Tsamutali, A.N., Belousov, M.S. (2015). 190-letie vosstaniya dekabristov [190th Anniversary of the Decembrist Uprising]. In *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Iss. 4*, pp. 5–19.

Tumanik, E.N. (2021). Murav'ev-Amurskiy v pis'makh I.D. Yakushkina: k voprosu ob otnoshenii general-gubernatora Vostochnoy Sibiri k ssyl'nym dekabristam [Muravyov-Amursky in the Letters of I.D. Yakushkin: On the Issue of the Attitude of the Governor-General of Eastern Siberia to the Exiled Decembrists]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 35, pp. 59–66.

Tumanik, E.N. (2014). Roman Tsihovskiy – pol'skiy tovarishch dekabristov po yalutorovskoy ssylke [Roman Tsikhovsky – a Polish Comrade of the Decembrists in the Yalutorov Exile]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 9, pp. 35–40.

Tumanik, E.N. (2019). V.I. Yakushkin na sluzhbe v Vostochnoy Sibiri (po epistolyarnym istochnikam) [V.I. Yakushkin in the Service in Eastern Siberia (Based on Epistolary Sources)]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 29, pp. 14–21.

Tumanik, E.N. (2024). Dvizhenie dekabristov v trudakh S.F. Kovalya [The Decembrist Movement in the Works of S.F. Koval]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 47, pp. 116–123.

Vasiliyeva, E.B. (2013). Pis'ma i putevye zametki chinovnikov kak istochnik dlya izucheniya predstavleniy o dekabristakh v rossiyskom obshchestve vo vtoroy chetverti XIX v. [Letters and Travel Notes of Officials as a Source for Studying Ideas about the Decembrists in Russian Society in the Second Quarter of the 19th Century]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2 (5), pp. 17–23.

Yushkovsky, V.D. (2012). M.M. Speranskiy i G.S. Baten'kov: poiski osnov sibirskikh preobrazovaniy [M.M. Speransky and G.S. Batenkov: Search for the Foundations of Siberian Transformations]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2 (3), Part 1, pp. 72–79.

Т.А. Перцева*

ФОНД ИРКУТСКОГО ДЕКАБРИСТОВЕДА С.Ф. КОВАЛЯ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИdoi:10.31518/2618-9100-2025-6-10
УДК 930(57)

Выходные данные для цитирования:

*Перцева Т.А. Фонд иркутского декабристоведа С.Ф. Ковалья в Государственном архиве Иркутской области // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 158–166.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-10.pdf>*

T.A. Pertseva*

THE FOUNDATION OF THE IRKUTSK DECEMBRIST
SCHOLAR S.F. KOVAL IN THE IRKUTSK REGION
NATIONAL ARCHIVE

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-10

How to cite:

*Pertseva T.A. The Foundation of the Irkutsk Decembrist Scholar S.F. Koval in the Irkutsk Region National Archive // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 158–166.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-10.pdf>]*

Abstract. The article provides a general overview of the personal fund of Irkutsk historian S.F. Koval, stored in the GAIO (the Irkutsk Region National Archive) (R-3303). For the first time, the documents were submitted to the GAIO by S.F. Koval in 1986 in the quantity of 25 cases for 1958–1975. By the late 12th century, the Archive received 312 more cases. The final registration of the S.F. Koval Foundation took place after his death in December 2005. To date, the fund documentary part includes 1,638 storage units, according to the second inventory (photographic materials) 269. Decembrist materials make up approximately 65–70 % of the total volume. The beginning of the introduction into the materials circulation of the S.F. Koval Foundation was laid by N.P. Matkhanova, who prepared for publication his correspondence with an academician M.V. Nechkina on the creation of the Polar Star series and work on it until 1985. The author of this article points out the main directions of the scientist's activity and the nature of the materials deposited in this fund. The documents allow us to trace the origin of his interest in the Decembrist theme, gradually developing research methods of working with documentary sources, many of which became basic in his further academic and teaching activities. Of particular interest to historians is the study of variants of academic works by a scholar. Comparing these options with the published outcome, one can see which aspects of the problem under consideration have intensified or, conversely, receded into the background, as the author's interpretation of certain facts has changed. Of particular importance is the complex of materials related to Koval's preparation of his main twenty-year work, the volume dedicated to N.A. Bestuzhev in the series "Polar Star". To one degree or another, this problem has been addressed in 40 cases. The largest array consists of materials related to his work on the editorial board of the documentary series "Polar Star". S.F. Koval's work as a deputy editor-in-chief was reflected in his correspondence with the compilers of 24 volumes and with members of the Moscow editorial board (M.V. Nechkina, S.V. Zhitomirskaya, I.D. Kovalchenko, N.Ya. Eidelman, V.A. Fedorov) regarding their readiness for publication. Among the letters of historians, the correspondence of B.G. Kubalov deserves special attention. Along with discussing the issues of interest, it contains advice from a senior scholar to a young author not only regarding research work, but also regarding relationships with colleagues and students. There are many letters in the Irkutsk historian's fund from Decembrists' descendants, as well as amateurs of Russian history – teachers, journalists, residents of those places where the Decembrists served their exile. The documents also make it possible to clarify the role of S.F. Koval in the appearance of the Irkutsk Decembrist Museum and in the All-Union competition for the monument design to the Decembrists in Irkutsk.

* **Тамара Алексеевна Перцева**, кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия; Государственный архив Иркутской области, Иркутск, Россия, e-mail: pta_999@mail.ru
Tamara Alekseevna Pertseva, Candidate of Historical Sciences (History), Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; State Archive of Irkutsk Region, Irkutsk, Russia, e-mail: pta_999@mail.ru

Keywords: S.F. Koval, Decembrist studies, archival materials, foundation, series “Polar Star”, collection “Siberia and the Decembrists”, correspondence, descendants of the Decembrists.

*The article has been received by the editor on 28.10.2025
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье представлен общий обзор личного фонда иркутского историка С.Ф. Коваля, хранящегося в Государственном архиве Иркутской области (Р-3303). Впервые документы за 1958–1975 гг. были переданы в ГАИО им самим в 1986 г. в количестве 25 дел. До конца XX в. в архив поступило еще 312 дел. Окончательное оформление фонда С.Ф. Коваля произошло после его смерти в декабре 2005 г. К настоящему времени фонд в документальной части представлен 1 638 единицами хранения, по второй описи (фотоматериалы) – 269. Декабристские материалы составляют примерно 65–70 % всего объема. Начало введению в оборот материалов фонда С.Ф. Коваля было положено Н.П. Матхановой, подготовившей к печати его переписку с академиком М.В. Нечкиной о создании серии «Полярная звезда» и работе над серией до 1985 г. Автор данной статьи указывает на основные направления деятельности ученого и характер материалов, отложившихся в фонде. Документы позволяют проследить зарождение его интереса к декабристской тематике, постепенно формирующиеся исследовательские методы работы с документальными источниками, многие из которых стали базовыми в его дальнейшей научной и преподавательской деятельности. Определенный интерес для историков представляет изучение вариантов научных работ ученого. Сравнивая эти варианты с опубликованным итогом, можно увидеть, какие аспекты рассматриваемой проблемы усиливались или, наоборот, отступали на второй план, как менялась авторская интерпретация тех или иных фактов. Особое значение имеет комплекс материалов, связанных с подготовкой Ковалем главного его двадцатилетнего труда – тома, посвященного Н.А. Бестужеву в серии «Полярная звезда». В той или иной степени эта проблема затронута в 40 делах. Самый большой массив составляют материалы, связанные с его деятельностью в редколлегии документальной серии «Полярная звезда». Работа С.Ф. Коваля как заместителя главного редактора нашла отражение в его переписке с составителями 24 томов и с членами московской части редколлегии (М.В. Нечкиной, С.В. Житомирской, И.Д. Ковальченко, Н.Я. Эйдельманом, В.А. Федоровым) по поводу готовности к печати. Среди писем историков особого внимания заслуживает корреспонденция Б.Г. Кубалова. В ней, наряду с обсуждением интересующих обоих вопросов, содержатся советы старшего ученого молодому автору не только в отношении исследовательской работы, но и относительно взаимоотношений с коллегами и студентами. Немало в фонде иркутского историка писем от потомков декабристов, а также любителей отечественной истории – учителей, журналистов, жителей тех мест, где отбывали ссылку декабристы. Документы также позволяют уточнить роль С.Ф. Коваля в появлении музея декабристов и в проведении Всесоюзного конкурса на проект памятника декабристам в Иркутске.

Ключевые слова: С.Ф. Коваль, декабристоведение, архивные материалы, фонд, серия «Полярная звезда», сборник «Сибирь и декабристы», переписка, потомки декабристов.

Статья поступила в редакцию 28.10.2025 г.

Имя иркутского историка Семена Федоровича Ковалья хорошо известно не только среди коллег¹, но и в широких кругах людей, далеких по роду своей профессии от истории, однако не желающих уподобляться «Иванам, родства не помнящим». В сферу научных интересов ученого входили различные аспекты общественно-политической мысли и революционно-освободительного движения в России XIX в.: сибирская ссылка декабристов и польских повстанцев, сибирское общественное движение, в том числе и сибирское областничество. Разумеется, взгляды автора отражены в его опубликованных трудах, и именно по ним судят о его приверженности определенной концепции, т.е. подавляющее большинство читателей имеют дело с конечным результатом работы ученого. Между тем путь к итоговым выводам нередко бывает и долгим, и нелегким, с разочарованиями и неожиданными открытиями. И эти поиски являются не менее интересными и значимыми для историографов. Такого рода материалы, как правило, откладываются в архивных фондах, если сам исследователь или его родственники и коллеги вовремя озаботятся созданием таковых.

Рис. 1. Семен Федорович Коваль
(фото предоставлено автором статьи)

В свое время, после ухода из жизни Б.Г. Кубалова, Семен Федорович принял активное участие в формировании его фонда в Государственном архиве Иркутской области. Возможно, эта работа повлияла на его решение подготовить часть имеющихся у него материалов для передачи в тот же архив, с которым его к тому же связывало многолетнее сотрудничество. Впервые документы были переданы в ГАИО 20 июня 1986 г. в количестве 25 дел за 1958–1975 гг. До конца XX в. в архив поступило еще 312 дел. Окончательное оформление фонда С.Ф. Ковалья произошло после его смерти в декабре 2005 г.

В течение нескольких лет шла обработка документов, атрибуция его авторских работ, подготовительных материалов к ним, адресантов многочисленных писем. Нельзя сказать, что работа эта завершена. Исследователь может встретить в описи обозначение: «Письма разных лиц <...> неустановленному лицу с обращением “Аграфена Савельевна”»; «Письма Ковальченко И.Д. неустановленному лицу с обращением “Юрий Иванович!”»; «Неустановленному лицу с обращением “Глубокоуважаемый Павел Владимирович <...> с критикой теории “демифологизации декабризма”»². В первом случае речь идет о редакторе серии «Полярная звезда» А.С. Лысенко, «неустановленный» Юрий Иванович – глава Восточно-Сибирского книжного издательства и член редколлегии «Полярной звезды» Ю.И. Бурыкин, а критика обращена к петербургскому историку и тоже члену редколлегии П.В. Ильину. Думается, со временем замеченные недоработки будут устранены, но в целом они не могут существенно затруднить работу с материалами фонда для исследователей.

К настоящему времени фонд С.Ф. Ковалья (Р-3303) в документальной части представлен 1638 единицами хранения, по второй описи (фотоматериалы) – 269. Разумеется, не все эти документы относятся к декабристской тематике (примерно 65–70 %). Но даже в материалах, напрямую не связанных с декабристами, встречаются сведения о них, а в письмах исследователей сюжетов, например о А.П. Щапове или сибирских областниках, высказывается

¹ Перцева Т.А. Воин. Ученый. Учитель // Сибирь и декабристы. Иркутск, 2009. Вып. 6. С. 8–24; Оглезнева Г.В., Перцева Т.А. К 100-летию иркутского историка Семена Федоровича Ковалья // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023. Иркутск, 2023. С. 501–506; Подольская Л.Я. Педагог и воспитатель // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2011. Т. 1. С. 205–218; Сакович А.В. Они были первыми // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2023. Вып. 7. С. 104–112; Туманик Е.Н. Семен Федорович Коваль – очерк к образу ученого-декабристоведа // Историческая школа Иркутского государственного университета: традиции и современность: к 105-летию исторического факультета Иркутского государственного университета. Иркутск, 2023. Вып. 1. С. 78–101.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 497, 498, 742.

мнение об очередных томах «Полярной звезды» или просьбы о присылке той или иной книги. Первой публикацией, знакомящей исследователей с материалами фонда иркутского декабристоведа, стал «Путеводитель по личным фондам Государственного архива Иркутской области», изданный самим архивом в 2013 г. Но поскольку в задачу создателей входило представление всего комплекса личных фондов, обзор каждого из них носит самый общий характер. Начало научного использования материалов фонда С.Ф. Ковалёва было положено известным новосибирским источниковедом Н.П. Матхановой, подготовившей к печати его переписку с академиком М.В. Нечкиной о создании серии «Полярная звезда» и работе над ней до 1985 г.³ Между тем фонд включает в себя документы, касающиеся как разных исторических проблем, так и различных аспектов в рамках каждой из них, в том числе и относительно декабристования. Поэтому задачей данной статьи является самая первая, во многом приблизительная характеристика декабристских материалов, хранящихся в Иркутском архиве в фонде С.Ф. Ковалёва.

Исходной точкой творческого пути С.Ф. Ковалёва можно считать 1949 г., когда по окончании историко-филологического факультета Иркутского государственного университета он был принят в штат кафедры истории СССР родного вуза. Работа преподавателя высшей школы, особенно в самом начале, предполагает не только чтение лекций и проведение семинарских занятий, но и обязательные научные исследования. При этом далеко не всегда они сочетаются друг с другом. Для человека ответственного, заинтересованного в качественном выполнении своей учительской миссии, это означает неформальное изучение материалов к порученному курсу, даже если он далек от его первоначального научного интереса. Именно это и случилось с Семеном Федоровичем: ему пришлось вести занятия не только по общему курсу истории СССР, но даже по новейшей всемирной истории⁴. Это, с одной стороны, затрудняло работу над избранной темой, отодвигая ее завершение порой на неопределенное время, а с другой – приводило к возникновению нового интереса и расширению сферы научных поисков.

Однако большая часть хранящихся в фонде иркутского ученого материалов относится к декабристоведению. Наверное, это закономерно. Его первый научный труд «Декабрист В.Ф. Раевский» не только получил отличную оценку при защите дипломной работы, но и был рекомендован к печати (вышел в 1951 г. в Иркутском книжном издательстве). Интерес к личности «первого декабриста», как позже признавался сам Семен Федорович, объяснялся тем, что они были земляками (и Олонки, где жил в ссылке Раевский, и Тихоновка, где родился Ковалёв, – сёла в Боханском районе Иркутской области). Интерес этот поддерживал и его первый научный руководитель Федор Александрович Кудрявцев, еще в 1925 г. издавший небольшую брошюру «Первый декабрист В.Ф. Раевский в Олонках», основанную отчасти на беседах с односельчанами, еще помнившими своего невольного земляка. Но, возможно, здесь сказалось и еще одно обстоятельство – и тот и другой были участниками Отечественных войн, столь значимых для истории нашей Родины. Сохранившиеся с 40-х годов прошлого века материалы студента Ковалёва (выписки из архивных дел ГАИО, журнальных статей и монографий) позволяют в какой-то мере определить ту базу, с которой он начал свой путь в декабристоведение⁵. Доклады же, сделанные им на основе этих данных в течение учебы, план дипломной работы и речь, произнесенная при ее защите⁶, дают возможность увидеть постепенный рост его профессионального уровня. Вероятно, именно этот серьезный, тщательно продуманный подход к начатому делу, стремление достичь лучшего результата – свойства, необходимые и ученому, и преподавателю, определили его неразрывную, на сорок лет, связь с Иркутским университетом.

³ Матханова Н.П., Мельников В.А. «...Благодарное дело, нужное, интересное, имя которому “Полярная звезда”». Письма С.Ф. Ковалёва М.В. Нечкиной о создании серии «Полярная звезда» // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2023. Вып. 7. С. 7–29; Нечкина М.В., Ковалёв С.Ф. Переписка декабристов (1974–1985 гг.). Иркутск, 2025.

⁴ ГАИО. Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 716–728.

⁵ Там же. Д. 534–535.

⁶ Там же. Д. 530, 532, 533.

Материалы, отложившиеся в фонде С.Ф. Коваля, позволяют в какой-то мере познакомиться с его преподавательской «кухней». Поскольку когда-то я сама прослушала его курс истории России первой половины XIX в., было интересно увидеть, как этот курс складывался⁷. Встречались, например, знакомые, тщательно вырисованные таблицы урожайности зерновых или использования паровых машин в бумагопрядении; другие были незнакомы – вероятно, по каким-то причинам лектор от них отказался. Но, кроме вполне естественных для каждого преподавателя рабочих программ и планов семинарских занятий⁸, в фонде Семена Федоровича хранятся два тома (так они названы в описи) «выписок из монографий, статей к курсу лекций по истории России 19-го века»⁹, насчитывающие около 400 страниц. И такая «работа над собой» продолжалась в течение всей его жизни.

Вообще подготовительные материалы для любой работы, за которую брался С.Ф. Коваль, составляют значительную часть данного фонда. В нем хранятся выписки из фондов архивов страны, как центральных (ЦГИА СССР, ОР ИРЛИ АН СССР, ОПИ ГИМ¹⁰ и др.), так и региональных (ГА Красноярского края, ГА Якутской АССР, ГА Смоленской области и др.) и, конечно, родного ГАИО. Многие из этих документов, бывших недоступными большинству провинциальных исследователей в 50–70-х гг. прошлого века, вошли в состав томов серии «Полярная звезда». Возможно, Семен Федорович стал одним из инициаторов и активнейших деятелей этого издания именно потому, что помнил, через что приходилось ему проходить в молодости. Не менее значительное число дел составляют и выписки из старинных и новейших по тому времени исследований маститых и молодых историков. Учитывая, что многие и из тех, и из других никогда не переиздавались, а некоторые превратились даже не в раритеты, а в легенды о себе, знакомство с ними, пусть и в таком опосредованном виде, может быть небесполезным, особенно для начинающих исследователей. Особенно интересны выписки, к которым историк делает комментарии, оценки высказанного автором мнения и даже определенные сомнения в их правильности¹¹.

Работа с фондом С.Ф. Коваля позволяет ознакомиться с содержанием докладов, прочитанных им на различного рода конференциях, семинарах и научных симпозиумах. Некоторые из них впоследствии были переработаны в статьи и опубликованы в сборниках статей и тезисов, но о каких-то мы знаем только по программам соответствующих научных собраний¹². Не меньший интерес представляет изучение вариантов научных работ историка¹³. Сравнивая эти варианты с опубликованным итогом, можно увидеть, какие аспекты рассматриваемой проблемы усиливались или, наоборот, отступали на второй план, как менялась авторская интерпретация тех или иных фактов. Особое значение, на мой взгляд, представляет комплекс материалов, связанных с подготовкой ученым главного его двадцатилетнего труда – тома, посвященного Н.А. Бестужеву в серии «Полярная звезда». В той или иной степени эта проблема затронута в 40 делах. И это не только варианты вступительной статьи и комментарии, но и, например, «Картотека писем Н.А. Бестужева, вошедших и не вошедших в сборник документов “Сочинения и письма” серии “Полярная звезда”, составленная С.Ф. Ковалем, и замечания к ним»¹⁴. Это позволяет исследователю определить те критерии, которыми пользовался автор при выборе документов для публикации. Но самый большой массив составляют материалы, связанные с деятельностью С.Ф. Коваля в редколлегии документальной серии «Полярная звезда».

Большой интерес представляет переписка с академиком М.В. Нечкиной: сначала о поддержке нового издания в многочисленных инстанциях, затем о том, чтобы та взяла

⁷ ГАИО. Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 721.

⁸ Там же. Д. 716–717.

⁹ Там же. Д. 722–723, 1025.

¹⁰ В данном случае сохраняется аббревиатура, используемая в те времена, когда Коваль работал с материалами этих архивов.

¹¹ ГАИО. Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 551, 554, 1108.

¹² Там же. Д. 890, 901, 1065, 1072; и др.

¹³ Там же. Д. 907–908, 962–964, 1067–1069.

¹⁴ Там же. Д. 1489.

«на себя роль главного редактора», и, наконец, обсуждение готовившихся к изданию томов серии¹⁵. Озабоченность Семена Федоровича о судьбе уже получившего определенный авторитет издания видна и в его поисках нового главного редактора после кончины М.В. Нечкиной (академик И.Д. Ковальченко, академик Н.Н. Покровский)¹⁶. Кризис 90-х годов прошлого века поставил под сомнение будущность «Полярной звезды», и потребовались большие усилия для того, чтобы не только продолжить, пусть и не с такой регулярностью, эту серию, но и сохранить ее иркутскую прописку¹⁷. Работа С.Ф. Ковалю как заместителя главного редактора нашла отражение в его переписке с составителями 24 томов и с членами московской части редколлегии (М.В. Нечкиной, С.В. Житомирской, И.Д. Ковальченко, Н.Я. Эйдельманом, В.А. Федоровым) по поводу готовности к печати. Отношения с некоторыми из авторов-составителей (А.А. Брегман, В.П. Павловой, И.В. Порохом, Н.П. Матхановой) не прекратились и по завершении их нелегкой работы, а письма, которыми они продолжали обмениваться, и нечастые встречи носили откровенно дружеский характер. Определенный интерес представляет и переписка с авторами подготовленных, но так и не опубликованных томов – А.К. Нарышкиным и Л.Б. Добринской¹⁸.

Обширная переписка с декабристоведами, которую вел С.Ф. Коваль, касалась не только составителей томов «Полярной звезды», но и авторов статей в сборнике «Сибирь и декабристы», также издававшимся в Иркутске и где он тоже был заместителем главного редактора¹⁹. Сохранились и тексты некоторых статей, присланных для разных выпусков. Особенный интерес представляют, например, варианты статей О.С. Тальской или Г.И. Чернова, в которых видна и серьезная работа авторов, и редакторская помощь Семена Федоровича²⁰.

Среди писем историков особого внимания заслуживает корреспонденция Б.Г. Кубалова. В ней, наряду с обсуждением интересующих обоих вопросов, содержатся советы старшего ученого молодому автору не только в отношении исследовательской работы, но и относительно взаимоотношений с коллегами и студентами. Иногда в шутку они называли друг друга дедушкой и внуком. Кроме того, поскольку в иркутском архиве хранятся материалы самого Кубалова (фонд Р-2873), у исследователя появляется уникальная возможность ознакомиться с данной перепиской в полном объеме. Так, например, в письме от 4 апреля 1958 г. С.Ф. Коваль, признавая «сложность, противоречивость и загадочность» личности Д.И. Завалишина, считает, что он «занимает большое и передовое место»²¹ (рис. 2). Через три недели в ответном письме Кубалов не соглашается со своим младшим коллегой и с некоторой иронией утверждает: «Отнимите у З-на Муравьева, и он будет, как король, гол»²² (рис. 3).

Переписка С.Ф. Ковалю (или, правильнее сказать, письма к нему) составляет значительную часть фонда и представляет собой широкий круг его корреспондентов примерно за 50 лет. Прежде всего это, конечно, коллеги-ученые, не всегда историки, но искренне интересующиеся проблемами исторического прошлого. Некоторые из них даже находили в работах декабристов или их конкретной деятельности нечто общее с их профессиональными интересами, как это было, к примеру, с геологом, членом-корреспондентом АН СССР Н.А. Флоренсовым или кандидатом сельскохозяйственных наук И.С. Шелухиным²³.

¹⁵ ГАИО. Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 133.

¹⁶ Там же. Д. 260, 816, 929.

¹⁷ Там же. Д. 927, 931, 446 и др.

¹⁸ Там же. Д. 211, 273, 335, 419, 958, 960.

¹⁹ Там же. Д. 301, 310, 387, 394, 434 и др.

²⁰ Там же. Д. 997–1991.

²¹ Там же. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 386. Л. 19 об.

²² Там же. Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 781. Л. 31 об.

²³ Там же. Д. 158, 248, 316, 415, 840, 905

так обеднившим общим Ваше письмо, которое посвящен один из очерков. Хотел в этой же очерке можно было сказать больше и о Теслюковых, если автор не соображал специально оговорить ни мей. Завалишина тоже неважно сего сатирическое "перекрестить" всего. Как бы сложной, противоречивой и загадочной ни была эта личность, но вконец крах до воле XIX Завалишин заманивает боковое и передовое место. И Ваше откликает неодобрительно о Терцее и его иванских, Завалишин продолжает идти (хотел и сбавляет иногда!) в ногу с Крутеким Крутиком Петровским, Мавра, Шестунова, Равского и др. Как это ни странно, но это факт! И таких примеров не мало. И для автора примерная ситуация.

Рис. 1. Письмо С.Ф. Ковалю к Б.Г. Кубалову от 4 апреля 1958 г. (ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 386. Л. 19 об.)

Переходя к затронутым Вами вопросам о Завалишине. Мне для меня З-н не представляет собой сложной, противоречивой и загадочной, к тому же давно незамысловатой в историческом край то, передовое место, которое бы готовили предоставить. Он никогда не шел в ногу с Петровским и тем, кто был близок к нему. З-н не никогда не разделял их социалок и политические идеи. А если Петровский и К. находились в З-не, как и мы в их содействии, то лишь в определенное — в внешнем наступлении на Муравьева. А это не значит идти в ногу с действительно передовыми людьми середины XIX в. Отличите у З-на Муравьева и он будет, как жаль, гол и даже более, встанет злыбкой, самонадеянностью стариком, кичившимся своим дворянством и тифом записав дворянскую глупость своим злыбкой, наплевательским отношением. Такими он сейчас и в Москве, надеясь на хлеба. III. Отделение. Почти все в доказательство по своему мое мнение и к тому некоторым тискам самого З-на к разрыву линии. Почти все и вписку из

Рис. 3. Письмо Б.Г. Кубалова к С.Ф. Ковалю от 25 апреля 1958 г. (ГАИО. Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 781. Л. 31 об.)

Немало в фонде иркутского историка писем от потомков декабристов. Кто-то из них, как О.В. Попов, потомок М.А. Назимова, не без существенной помощи своих редакторов И.В. Пороха и В.А. Федорова довел свой том до публикации (1985)²⁴. В.А. Ляховичу довести работу над томом Н.А. Крюкова помешала смерть²⁵. Делал попытки начать работу над книгой о своем деде Д.И. Завалишине Б.И. Еропкин в содружестве с красноярской исследовательницей Г.П. Шатровой. Однако в январе 1983 г. в связи с тяжелой болезнью она вынуждена была отказаться от этого нелегкого труда²⁶, а одному Борису Ивановичу это дело оказалось не под силу. Активно Семен Федорович переписывался с потомками

²⁴ ГАИО. Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 69, 140, 216, 307.

²⁵ Там же. Д. 54, 125, 202, 203.

²⁶ Там же. Д. 477.

В.П. Ивашева²⁷, Н.О. Мозгалева²⁸, И.С. Повало-Швейковского²⁹, П.Г. Каховского³⁰ и некоторых других декабристов. Определенные сомнения по поводу родства М.С. Огонь-Догановской с Каховским заставили его обратиться с запросом в Смоленский архив и, ознакомившись с некоторыми делами, он составил родословную своей корреспондентки, подтвердившую, хотя и не прямое, их родство³¹.

Но среди адресантов иркутского ученого было немало тех, кто, не будучи профессионалом, все же хотел побольше узнать о «первенцах свободы». Среди них были школьники, члены краеведческих кружков из декабристских мест и их учителя³². Как правило, в них, кроме естественных вопросов о подробностях жизни декабристов, описывалась проводимая ими работа, результаты участия в конкурсах и благодарность за присланные ранее книги. Довольно много приходило писем от журналистов, пишущих на краеведческие темы. Некоторые из них присылали свои статьи с просьбой высказать свое мнение и даже дать официальную рецензию. Но чаще это были письма самых обычных людей, познакоившихся с «Полярной звездой», «сибирским трехтомником» или сборниками «Сибирь и декабристы». В описи фонда нередко встречаются такие названия: «Письма разных лиц с просьбами С.Ф. Ковалю об отправке им книги, статьи», «Письма разных лиц с просьбами С.Ф. Ковалю составить отзывы, рецензии на статьи, авторефераты»³³. Думается, анализ таких писем мог бы дать неплохой материал для изучения исторических интересов разных слоев населения в тот или иной период.

Документы, к сожалению, не слишком многочисленные, позволяют уточнить роль С.Ф. Ковалю в появлении в Иркутске музея декабристов³⁴ и в проведении Всесоюзного конкурса на проект памятника декабристам в нашем городе³⁵, во всяком случае в отношении пробуждения общественности к обсуждению этих значимых для столицы Восточной Сибири вопросов.

Фотофонд С.Ф. Ковалю не слишком велик. К сожалению, в нем совсем нет его собственных портретов. Исключение составляют немногие фотографии, сделанные во время декабристских конференций³⁶. На них он среди участников соответствующих мероприятий и не всегда в хорошем ракурсе. Более 50 снимков посвящено декабристам и их современникам, сыгравшим определенную роль (и не только положительную) в их жизни, а также декабристским местам в России и в Сибири³⁷. По-видимому, часть из них предназначалась для иллюстраций к готовившимся к печати изданиям.

Знакомство с фондом иркутского историка достаточно убедительно свидетельствует о том, что он до конца сохранял стремление не только знать о последних тенденциях в декабристоведении, но и активно участвовать в этой деятельности. Не будучи согласен с некоторыми из новых веяний, он тем не менее не отвергал их а priori, он лишь предлагал не «сразу взорвать» все созданное прежде, не отказываться от всего наследия из-за того, что там может оказаться что-то устарелое, неверное и даже вредное, не ниспровергать «авторитеты прошлого». С.Ф. Коваль считал, что необходимо «проанализировать историографию темы «Декабристы в Сибири», имеющую уже более чем вековую историю»³⁸. Думается, верную характеристику ему дал в письме от 7 мая 1994 г. И.В. Порох: «Ты человек беспрдельно и искренне преданный декабристам. Полагаю, что некоторые черты их морали и нравственности присущи тебе»³⁹.

²⁷ ГАИО. Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 44, 80, 187, 244, 367; и др.

²⁸ Там же. Д. 32, 100, 167, 263.

²⁹ Там же. Д. 126, 204, 293.

³⁰ Там же. Д. 62, 220, 302, 879–881.

³¹ Там же. Д. 882, 1139.

³² Там же. Д. 65, 137, 330, 447, 484, 485, 874; и др.

³³ Там же. Д. 856, 859, 860.

³⁴ Там же. Д. 876, 1321.

³⁵ Там же. Д. 354, 1543–1546.

³⁶ ГАИО. Ф. Р-3303. Оп. 2. Д. 15, 19–24, 31–35.

³⁷ Там же. Д. 37–47, 51–59, 73, 97, 115.

³⁸ Коваль С.Ф. Чем не устраивает история декабризма некоторых историков? // Земля Иркутская. 2002. № 2. С. 83.

³⁹ ГАИО. Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 141. Л. 19.

Литература

Коваль С.Ф. Чем не устраивает история декабризма некоторых историков? // Земля Иркутская. 2002. № 2. С. 82–84.

Матханова Н.П., Мельников В.А. «...Благодарное дело, нужное, интересное, имя которому “Полярная звезда”». Письма С.Ф. Ковалья М.В. Нечкиной о создании серии «Полярная звезда» // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2023. Вып. 7. С. 7–29.

Нечкина М.В., Коваль С.Ф. Переписка декабристovedов (1974–1985 гг.) / публ., предисл., коммент. Н.П. Матхановой. Иркутск, 2025. 288 с.

Оглезнева Г.В., Перцева Т.А. К 100-летию иркутского историка Семена Федоровича Ковалья // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2023. С. 501–506.

Перцева Т.А. Воин. Ученый. Учитель // Сибирь и декабристы. Иркутск, 2009. Вып. 6. С. 8–24.

Подольская Л.Я. Педагог и воспитатель // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2011. Т. 1 (1). С. 205–218.

Туманик Е.Н. Семен Федорович Коваль – очерк к образу ученого-декабристovedа // Историческая школа Иркутского государственного университета: традиции и современность. К 105-летию исторического факультета Иркутского государственного университета: альманах. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023. Вып. 1. С. 78–101.

Сакович А.В. Они были первыми // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2023. Вып. 7. С. 104–112.

References

Koval, S.F. (2002). Chem ne ustraivaet istoriya dekabrizma nekotorykh istorikov? [What is Wrong with the History of Decembrism for Some Historians?]. In *Zemlya Irkutskaya*, No. 2, 82–84.

Matkhanova, N.P. (Publ.), Nechkina, M.V., Koval, S.F. (2025). *Perepiska dekabristovedov (1974–1985)* [Correspondence of the Decembrists (1974–1985)]. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov. 288 p.

Matkhanova, N.P., Mel'nikov, V.A. (2023). “...Blagodarnoe delo, nuzhnoe, interesnoe, imya kotoromu “Polyarnaya zvezda”. Pis'ma S.F. Kovalya M.V. Nechkinoy o sozdanii serii “Polyarnaya zvezda” [“...A Grateful, Necessary, Interesting Deed, Whose Name is “Polar Star”. Letters from S.F. Koval to M.V. Nechkina about the Creation of the Series “Polar Star”]. In *Dekabristskoe kol'tso. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov: sbornik statey*. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov. Iss. 7, pp. 7–29.

Oglezneva, G.V., Pertseva, T.A. (2023). K 100-letiyu irkutskogo istorika Semena Fedorovicha Kovalya [On the 100th Anniversary of the Irkutsk Historian Semyon Fedorovich Koval]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. Irkutsk, Izdatel'skiy dom BGU, pp. 501–506.

Pertseva, T.A. (2009). Voin. Uchenyy. Uchitel' [Warrior. Scientist. Teacher]. In *Sibir' i dekabristy*. Irkutsk. Iss. 6, pp. 8–24.

Podol'skaya, L.Ya. (2011). Pedagog i vospitatel' [Teacher and Educator]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 1, No. 1, pp. 205–218.

Sakovich, A.V. (2023). Oni byli pervymi [They Were the First]. In *Dekabristskoe kol'tso. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov: Sbornik statey*. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov. Iss. 7, pp. 104–112.

Tumanik, E.N. (2023). Semen Fedorovich Koval' – ocherk k obrazu uchenogo-dekabristoveda [Semen Fedorovich Koval – an Essay on the Image of a Decembrist Scholar]. In *Istoricheskaya shkola Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: traditsii i sovremennost': k 105-letiyu istoricheskogo fakul'teta Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: al'manakh*. Edited by L.M. Dameshek, A.A. Ivanov, S.I. Kuznetsov. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. Iss. 1, pp. 78–101.

А.Э. Максютов*

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ О ДЕКАБРИСТАХ**doi:10.31518/2618-9100-2025-6-11
УДК 930(57)

Выходные данные для цитирования:
Максютов А.Э. Документы Государственного архива Республики Бурятия
о декабристах // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 167–175.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-11.pdf>

A.E. Maksutov*

DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE
OF THE REPUBLIC OF BURYATIA
ABOUT THE DECEMBRISTS**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-11

How to cite:
Maksiutov A.E. Documents of the State Archive of the Republic of Buryatia
about the Decembrists // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 167–175.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-11.pdf>]

Abstract. The article examines the contents of the collection of documents of the State Archive of the Republic of Buryatia related to the life and work of the Decembrists in Siberian exile. Based on the analysis of the archival collection, its characteristics are given, documents are classified, and usage problems are identified. The author identifies two groups of sources that have not yet been published by archivists. The first group includes a small number of documents about the stay of the Decembrists in the territory of present-day Buryatia, their economic, local history and educational activities. The second group tells about the process of studying the Decembrist exile, perpetuating the memory of the “noble revolutionaries” in the republic, events held in Buryatia to mark the 150th anniversary of the Decembrist uprising: the organization of the Decembrist Museum in Novoselenginsk, the restoration of monuments related to them; media coverage of the life of the Decembrists in Siberia, in the works of regional artists. A separate segment consists of documents stored in the personal funds of historians and local historians. The article draws attention to the fact that the materials of the republican archive about the Decembrists can contribute to the study of regional nuances of the state policy of the Russian Empire in relation to political exiles, the study of ways to preserve the memory of the Decembrists in the republic, and the expansion of the historiography of the Decembrist movement. Conducting a historiographical review of the works on the topic, the author establishes the place and importance of studying the funds of regional archives in Russian Decembrist studies, emphasizes the need for further archeographical activity of historians of the Decembrist movement.

Keywords: Decembrists, State Archive of the Republic of Buryatia, Siberia, political exile, archive collection.

*The article has been received by the editor on 25.09.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

* Алексей Эдуардович Максютков, аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия, e-mail: maxiutov.al@gmail.com

Aleksei Eduardovich Maksutov, Postgraduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: maxiutov.al@gmail.com

** Работа выполнена в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5. The work was carried out as part of the state assignment, project “Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Intercultural Interaction (17th–21st Centuries)”, No. 121031000243-5.

Аннотация. В статье анализируется содержание коллекции документов Государственного архива Республики Бурятия, связанных с жизнью и деятельностью декабристов в сибирской ссылке. Дается характеристика коллекции, делается классификация документов, определяются проблемы использования. В составе еще не опубликованных архивистами источников автор выделяет две группы. Первая включает в себя небольшой ряд документов о пребывании декабристов на территории нынешней Бурятии, их хозяйственной, краеведческой и просветительской деятельности. Вторая повествует о процессе изучения декабристской ссылки, увековечении памяти «дворянских революционеров» в республике, мероприятиях, проводимых в Бурятии к 150-летию восстания декабристов: организации музея декабристов в Новоселенгинске, процессе реставрации связанных с ними памятников, освещении темы жизни декабристов в Сибири в СМИ, в работах региональных художников. Отдельный сегмент составляют документы, хранящиеся в личных фондах историков и краеведов. В статье обращается внимание на то, что материалы республиканского архива о декабристах могут способствовать изучению региональных нюансов государственной политики Российской империи в отношении политических ссыльных, исследованию способов сохранения памяти о декабристах в республике, расширению историографии декабристского движения. Проводя историографический обзор работ по теме, автор устанавливает место и значение изучения фондов региональных архивохранилищ в отечественном декабристоведении, подчеркивает необходимость дальнейшей археографической деятельности историков декабристского движения.

Ключевые слова: декабристы, Государственный архив Республики Бурятия, Сибирь, политическая ссылка, архивная коллекция.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025 г.

Источниковедческая и археографическая работа историков декабристского движения остается важным направлением декабристоведческих исследований. Деятельность ученых по выявлению, использованию и введению в научный оборот источников из региональных архивов остается неотъемлемой частью научного поиска по теме. Продолжать эту традицию представляется необходимым, поскольку от нее во многом зависит будущее декабристоведения как направления исторических исследований, переживающего проблему снижения интереса в условиях постсоветской реальности. Особенно актуальной проблема становится в год 200-летия восстания на Сенатской площади.

Систематическое выявление, использование, введение в научный оборот документов региональных архивов, отражающих особенности жизни декабристов в сибирских условиях, началось в советское время. Одним из первых этим занялся иркутский декабристовед Б.Г. Кубалов¹. В дальнейшем новые документы по теме были найдены в сибирских архивах – в Иркутске² и Омске³, Москве (в Отделе рукописей ГБЛ⁴, в фондах ЦГИАМ⁵ и ГИМа⁶), Ленинграде (в Рукописном отделе Пушкинского дома⁷, в фондах ЦГАЛИ⁸), Таганроге⁹.

¹ Кубалов Б.Г. Архив декабристов // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925. С. 183–207.

² Усольцева Л. Вечная память // Восточно-сибирская правда. 1975. 27 дек. С. 4.

³ Декабристы в Сибири // Сибирские огни. 1937. № 3. С. 145–146.

⁴ Житомирская С.В. Архив И.И. Пущина // Записки ОР ГБЛ. 1958. Вып. 20. С. 64–89; Рабкина Н.А. Версия и документ // Прометей. 1967. Т. 3. С. 122–133; Герасимов Ю.И. Материалы А.Н. Муравьева в фонде отдела рукописей // Записки ОР ГБЛ. 1975. Вып. 36. С. 38–61.

⁵ Снытко Т.Г. Неопубликованные материалы по истории декабристского движения // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 122–133.

⁶ Капустин М., Шатуновский И. И дум высокое стремление... // Правда. 1975. 6 дек. С. 6.

⁷ Находка в Пушкинском доме // Сибирские огни. 1955. № 5. С. 191; Капелюш Б.Н. Архив братьев Бестужевых // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1972 г. Л., 1974. С. 5–27.

⁸ Чесмочаков Г. Сибирский альбом Давыдовых // Красноярский рабочий. 1975. 6 марта. С. 4.

⁹ Обнаружены письма жен декабристов // Известия. 1945. 20 нояб. С. 3.

В Восточной Сибири источниками из областного архива в г. Чите интересовался известный декабристовед Н.Я. Эйдельман¹⁰. В 1977 г. попытку их обобщения сделала Л.В. Зайцева¹¹. Через год вышла статья З.Д. Гусевой, которая представила обзор фондов Иркутского областного архива, содержащих тематические коллекции материалов о «дворянских революционерах» на каторге и поселении¹². Значительным достижением отечественного декабристоведения XX в. являются сборники архивных материалов, документальные издания, составленные на основе многолетней археографической деятельности ученых: известная серия «Восстание декабристов», широко распространенный биографический справочник «Декабристы»¹³, книги «Декабристы рассказывают...»¹⁴, «К России любовью горя: декабристы в Восточном Забайкалье»¹⁵, подготовленные с использованием источников из архивных учреждений Сибири.

В постсоветское время обработка материалов о декабристах из региональных архивов продолжилась, хотя с меньшей активностью. В частности, в 2006 г. вышел каталог архивных документов, изданный Читинским областным краеведческим музеем им. А.К. Кузнецова¹⁶. Продолжать археографическое изучение декабристских источников из архивов Сибири – актуальная задача современных декабристоведов, которую необходимо решать с применением принципов историзма, объективности и системности, обращаясь к верифицированным методам исторического исследования. В нашей работе мы стремились следовать методу проблемного изложения материала, который способствует более глубокому и структурированному анализу архивных документов.

Сотрудникам Государственного архива Республики Бурятия удалось создать собственную коллекцию документов, содержащих информацию о пребывании декабристов на территории региона. Выявление этих документов работники архивного бюро Бурят-Монгольской АССР начали в 1923 г. с момента появления архивной службы республики. У ее истоков стоял В.П. Гирченко – первый руководитель бюро, внук декабриста В.А. Бечасного. Итогом многолетней работы историков и архивистов Бурятии по систематизации документов о декабристах стало издание в 1992 г. сборника, составленного С.Г. Аюшеевой и Л.П. Щаповой¹⁷. В дореволюционных фондах республиканского архива они обнаружили и опубликовали 43 документа, раскрывающих деятельность осужденных по «делу 14 декабря» «государственных преступников» в Бурятии: о жизни на поселении И.Ф. Шимкова, М.К. Кюхельбекера, К.П. Торсона, Е.П. Оболенского, М.Н. Глебова и братьев Н.А. и М.А. Бестужевых. Самый ранний подлинный документ о прибытии в с. Батуриное Верхнеудинского округа декабриста И.Ф. Шимкова со «статейным списком» и реестром личных вещей за подписью С. Р. Лепарского датируется 1833 г. Документ хранится в фонде 21 «Итанцинское волостное правление»¹⁸. Волостные правления, учрежденные в 1797 г., выполняли в том числе и полицейские функции: в их обязанности входил надзор за порядком в местах поселений декабристов. Самый поздний документ датируется 1869 г. Это письмо Забайкальского областного правления Верхнеудинскому общему окружному присутствию, которое регламентировало передачу в аренду земли, некогда принадлежавшей декабристу К.П. Торсону, что входило в функционал данного ведомства. Документ в подлиннике хранится в фонде 160 «Верхнеудинское общее окружное присутствие»¹⁹.

¹⁰ Эйдельман Н.Я. Где-то в Сибири // Неделя. 1973. 3–9 дек. С. 14–15.

¹¹ Зайцева Л.В. Документы о декабристах в фондах Государственного архива Читинской области // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 254–259.

¹² Гусева З.Д. Документы Государственного архива Иркутской области о пребывании декабристов в Восточной Сибири // Сибирь и декабристы. Вып. 1. Иркутск, 1978. С. 212–219.

¹³ Декабристы: биографический справочник. М., 1988.

¹⁴ Декабристы рассказывают... М., 1975.

¹⁵ К России любовью горя: декабристы в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1976.

¹⁶ Декабристы. Архивы рассказывают: каталог документов. Чита, 2006.

¹⁷ Декабристы в Бурятии. По документам Центрального государственного архива. Улан-Удэ, 1992.

¹⁸ Там же. С. 36–38.

¹⁹ Там же. С. 24.

Содержание и виды документов, вошедших в сборник, не отличаются большим разнообразием. Это реестры личных вещей, рапорты, предписания, распоряжения и донесения местных чиновников (старост, волостных голов, исправников) о поведении «государственных преступников», о выдаче им или их родственникам (например, сестрам Бестужевым, которые приехали в 1847 г. в Селенгинск к братьям на 10 лет) писем, денег, газет и журналов, запреты на самовольный отъезд с мест поселений или на владение огнестрельным оружием.

Тем не менее ряд документов, раскрывающих разные аспекты жизнедеятельности «дворянских революционеров» в Сибири, представляет большой интерес для историков. Например, в фонде 335 «Селенгинский городничий» хранится оригинал распоряжения Главного управления Восточной Сибири о возвращении К.П. Торсону его сочинения «Взгляд на изобретение и распространение машин»²⁰ – теоретического труда, посвященного идее механизации сельского хозяйства Забайкалья, но изначально запрещенного к пересылке в Европейскую Россию. В фонде 21 «Итанцинское волостное правление», помимо документов о И.Ф. Шимкове, есть материалы о непродолжительном пребывании Е.П. Оболенского на поселении в с. Итанцы Верхнеудинского округа. На наш взгляд, особого внимания заслуживает сообщение Верхнеудинского земского суда о просьбе декабриста передать часть отправленных ему денег А.Л. Кучевскому (в документе – Кульчевскому), осужденному в 1827 г. в качестве основателя тайного общества в Астрахани и отбывавшего каторгу в Нерчинске и Петровском Заводе вместе с декабристами²¹. Данный источник является подтверждением непрерывающейся связи «дворянских революционеров» на поселении, заботе ссыльных друг о друге по принципам малой артели.

Документы, не вошедшие в сборник, можно разделить на две группы. Материалы первой группы непосредственно касаются жизни декабристов в Сибири. Вторая группа – это источники об исследовании пребывания декабристов в регионе и увековечении их памяти. К немногочисленным документам первой группы относится, например, предписание Верхнеудинского духовного правления, по которому были наказаны духовные лица, допустившие венчание М.К. Кюхельбекера с мещанкой А.С. Токаревой, находившейся с ним в «духовном родстве». Документ содержится в фонде 220 «Баргузинский Спасо-Преображенский собор»²². В фонде 180 «Верхнеудинский нижний земский суд» сохранилось предписание начальника Верхнеудинского округа от 20 ноября 1849 г. о выдаче денег «государственному преступнику» М.Н. Глебову²³. В этом же фонде можно встретить указ окружного суда от 3 марта 1854 г. по делу об убийстве М.Н. Глебова, виновными в котором были признаны унтер-офицер И. Жуков и крестьянка Н. Юрьева²⁴.

Декабристы А.Н. Муравьев, В.К. Кюхельбекер, Я.М. Андреевич, братья А.И. и П.И. Боровы также отбывали ссылку на нынешней территории республики, однако поиск в архиве связанных с ними документов пока не дал результатов. Не найдены архивные материалы и о пребывании в г. Кяхте С.П. Трубецкого: в фонде 92 «Канцелярия Кяхтинского градоначальника» не удалось найти даже упоминания о диктаторе восстания на Сенатской площади, хотя, по некоторым сведениям, декабрист в 1856 г. жил здесь у своей дочери А.С. Трубецкой, жены кяхтинского градоначальника Н.Р. Ребиндера²⁵. В этом фонде хранится переписка А.И. Деспот-Зеновича с генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским. В письме в Кяхту от 20 сентября 1860 г. Н.Н. Муравьев-Амурский упоминает о поступившей к нему статье о состоянии ламайского духовенства, которую он для обсуждения отправляет городничему²⁶. Известно, что о ламаизме в этот

²⁰ Декабристы в Бурятии... С. 19–20.

²¹ Там же. С. 48–49.

²² Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 220. Оп. 1. Д. 18. Л. 121.

²³ Там же. Ф. 180. Оп. 2. Д. 1637. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 2246. Л. 3.

²⁵ Павлова В.П. Декабрист Сергей Петрович Трубецкой. Иркутск, 1987. С. 36.

²⁶ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 3. Д. 483. Л. 1.

период писал М.А. Бестужев, но эта его работа считается утерянной. Указанный документ допускает лишь предположение, что речь идет именно об утраченном сочинении декабриста.

Более обширным перечнем дел отличаются документы второй группы. В фонде 955 «Министерство культуры Республики Бурятия» содержатся источники, раскрывающие процесс организации первого музея декабристов в Забайкалье. Это приказ № 149 от 10 декабря 1974 г. за подписью министра П.Н. Нимаева, который обязывал начать работу подведомственных музеев (Республиканского музея истории им. М.Н. Хангалова и Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В.А. Обручева) по обследованию их фондов, архивов, библиотек для выявления экспонатов, относящихся к жизни декабристов. Инспектора по музеям Н.В. Комиссарову командировали для поиска материалов в народных музеях Бурятии, в архивах Москвы, Ленинграда, Иркутска, Читы; научно-реставрационный участок должен был заниматься реставрацией дома Д.Д. Старцева в п. Новоселенгинске²⁷. В приказе от 19 мая 1975 г. № 64 за подписью замминистра культуры Бурятской АССР А.М. Герштейна о командировочных выплатах отражено участие специалистов из Москвы и Кирова в создании первой экспозиции Новоселенгинского музея²⁸.

Некоторые документы об организации музея декабристов в Бурятии находятся в фонде 1422 «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры». Эта организация, также подведомственная Министерству культуры республики, в 1960–1980-е гг. называлась «Производственная группа по охране и использованию памятников истории и культуры» и фактически отвечала за реставрацию, консервацию и использование памятников в Бурятии. Так, в плане проектно-сметных работ производственной группы на 1972 г. дом Д.Д. Старцева, в котором позже откроют Новоселенгинский музей, был указан впервые. Далее он был включен в план реставрации, консервации и использования памятников истории и культуры Бурятской АССР на 1971–1975 гг. уже в качестве будущего филиала Кяхтинского краеведческого музея²⁹. Судя по документам, к открытию музея декабристов 24 декабря 1975 г. работа производственной группы не была полностью закончена: дом Д.Д. Старцева был занесен в Перспективный план по реставрации, консервации и ремонту памятников на 1975–1980 гг. с указанием «Завершение реставрационных работ»³⁰.

Помимо процесса организации музея, фонд 1422 может дать исследователю информацию о реставрации на территории Бурятии памятников, связанных с декабристами. Первые по времени сведения о подобных работах датируются 1969 г.: в отчете производственной группы по охране памятников за прошедший 1968 г., подписанном замминистра культуры А.М. Герштейном, значится могила М.К. Кюхельбекера в с. Баргузине³¹. В годовой план мероприятий производственной группы на 1970 г. включено возведение нового памятника декабристу в Баргузине, которое полностью должно было закончиться к октябрю³². Позднее, в связи с подготовкой к празднованию 150-летия восстания на Сенатской площади, развернулась интенсивная работа по реставрации могил и возведению мемориалов. Фонд содержит план реставрации, консервации и использования памятников истории и культуры на 1971–1975 гг. с мероприятиями по ремонту на средства ВООПИК надгробий И.Ф. Шимкова, К.П. Торсона, Н.А. Бестужева, благоустройству могилы М.К. Кюхельбекера³³, а также приказ Министерства культуры Бурятии об изготовлении мемориальных досок, приказы по основной производственной деятельности, связанной с возведением памятников декабристам в Новоселенгинске и Баргузине³⁴.

²⁷ ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 1631. Л. 256–257.

²⁸ Там же. Д. 1688. Л. 84.

²⁹ Там же. Ф. Р-1422. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 4.

³⁰ Там же. Д. 18. Л. 1.

³¹ Там же. Д. 2. Л. 1.

³² Там же. Д. 5. Л. 3.

³³ Там же. Д. 7. Л. 4.

³⁴ Там же. Д. 15. Л. 10; Д. 16. Л. 6, 13.

150-летие восстания декабристов активно освещалось средствами массовой информации: печатью, радио. В фонде 1051 «Бурятская государственная телевизионная и радиовещательная компания» (ранее – Государственный комитет Бурятской АССР по телевидению и радиовещанию) сохранились посвященные событию тексты радиопередач. В канун юбилея, 13 ноября 1975 г., в эфир вышла радиопередача «Братья Бестужевы в Забайкалье». Трансляция велась на русском языке, текст читала О.В. Серова, писательница, научный сотрудник Бурятского института общественных наук СО АН СССР, дочь революционера-большевика В.М. Серова. «События на Сенатской площади продолжались, только другим образом и в другом месте – в условиях Забайкалья»,³⁵ – говорилось в передаче с целью подчеркнуть революционный смысл деятельности декабристов на поселении в Сибири. Вторая радиопередача под названием «Декабристы в Бурятии» вышла позже, 7 декабря 1975 г.³⁶ Ее текст на бурятском языке читал руководитель отдела востоковедения и сектора монголоведения Бурятского института общественных наук Ш.Б. Чимитдоржиев.

Государственный архив Республики Бурятия располагает значительным объемом источников, связанных с изучением истории декабристской ссылки в Сибири. Так, в фонде 1976 «Бурятский государственный объединенный исторический и архитектурно-художественный музей» хранится письмо из Москвы журналиста, писателя В.В. Бараева министру культуры Бурятской АССР, поэту Д.З. Жалсараеву от 10 января 1978 г. о поиске документов декабристов Н.А. и М.А. Бестужевых, которые предположительно находились в шкатулке их ученика, купца А.М. Лушникова, а позже, как считал сам адресант, могли быть скрыты П.С. Михно, бывшим директором Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В.А. Обручева³⁷. Этот же фонд содержит документы по проведению научно-практической конференции «Бестужевские чтения – 87». Среди них можно выделить текст рекомендаций конференции, в котором одобрена деятельность общественного совета «Политическая ссылка в Бурятии», предложено распространить его опыт работы на другие регионы Сибири, а также изложено обращение к Бурятскому отделению ВООПИК об увековечении памяти декабриста Я.М. Андреевича в Улан-Удэ³⁸. Стоит отметить, что обращение осталось без последствий.

Некоторые фонды личного происхождения также могут помочь исследователю ссылки декабристов в Сибирь. Представляет большой научный интерес копия акта об идентификации останков М.К. Кюхельбекера³⁹, составленного по результатам работы в п. Баргузине⁴⁰ международной советско-венгерской экспедиции «Мегаморв-Петефи», которая хранится в личном фонде краеведа, директора Бурятского объединения музеев Н.В. Комиссаровой. Летом 1989 г. экспедиция вела поиски предполагаемого захоронения венгерского революционного деятеля – поэта Ш. Петефи. По сведениям ученых, его могила находилась в непосредственной близости от погребения декабриста. В результате раскопок были найдены останки, по антропологическим данным схожие с М.К. Кюхельбекером, и участники экспедиции идентифицировали их как ему принадлежащие. Личный фонд краеведа и фотографа А.М. Куртика (1967) содержит большую коллекцию ксерокопий и фотокопий, выписок, машинописных копий документов о декабристах⁴¹, находившихся на поселении в Бурятии, репродукции их портретов. Личный фонд историка В.В. Гапоненко (2210) содержит ее диссертацию о художнике, друге декабристов К.-Х.-Ф. Рейхеле, статьи о пребывании декабристов в Сибири, дневники В.К. Кюхельбекера и ученика Н.А. Бестужева П.А. Кельберга. В фонде также хранится письмо В.В. Гапоненко украинскому декабристоведу Г.Д. Казьмирчуку, в котором она выражает согласие участвовать во Всесоюзной конференции «Декабристские чтения» в Киевском государственном университете им. Т.Г. Шевченко

³⁵ ГАРБ. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 1213. Л. 2.

³⁶ Там же. Д. 1214. Л. 1.

³⁷ Там же. Ф. Р-1976. Оп. 1. Д. 161. Л. 1.

³⁸ Там же. Д. 139. Л. 12, 13.

³⁹ Там же. Ф. Р-2085. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

⁴⁰ В 1973 г. с. Баргузин приобрело статус рабочего поселка.

⁴¹ ГАРБ. Ф. Р-1967. Оп. 1. Д. 19, 25.

в 1990 г. с докладом о связях К.-Х.-Ф. Рейхеля с членами Южного общества в условиях сибирской ссылки⁴².

В советское время морально-эстетический и воспитательный потенциал темы декабристской ссылки в Сибири старались активно использовать в литературе и искусстве. В фонде 1692 «Художественно-производственные мастерские Бурятского отделения художественного фонда РСФСР» отложились протоколы заседаний художественного совета, которые отражают процесс работы художников над декабристской темой. Зафиксировано создание в 1959 г. известной картины К.А. Дульбеева «Доржи Банзаров у Н. Бестужева»⁴³, которая демонстрировалась в Москве на Второй декаде бурятского искусства и литературы. В 1960 г. над картиной «Бестужев среди бурят» в художественно-производственных мастерских работал Г.А. Чикотеев, но художественный совет направил ее на доработку и в дальнейшем в документах о ней не упоминается⁴⁴.

Корпус документов ГАРБ, посвященных декабристам, сравнительно небольшой. Причину В.П. Гирченко указал в 1924 г. в докладной записке в Управление Центрального архива РСФСР: «...Все бумаги и документы, касавшиеся жизни декабристов Забайкалья, обычно пересылались тогдашней администрацией в центр Восточной Сибири – Иркутск, почему и главная часть таких материалов сосредоточена в фондах Иркутского губернского архивного бюро»⁴⁵. Можно предположить, что после образования Забайкальской области в 1851 г. документы о «государственных преступниках» по «делу 14 декабря» на ее территории также пересылались в административный центр региона г. Читы, где хранятся в фондах Государственного архива Забайкальского края.

После публикации в 1992 г. части документов массив еще не обнародованных источников из Государственного архива Республики Бурятия значительно сократился. Внутриа-рхивный поиск пока не дал новых результатов, в связи с чем история ссылки декабристов на территории Забайкалья не пополнилась дополнительными сведениями, которые бы открывали неизвестные исследователям факты. Совокупность опубликованных и неопубликованных материалов Государственного архива Республики Бурятия по декабристской тематике не дает целостной картины жизнедеятельности «дворянских революционеров» в Бурятии. Многие документы являются подлинными, но дают отрывочные сведения, часто лишь немного дополняющие уже известную историкам информацию. Они не составляют компактной коллекции, а рассредоточены по объемному архивохранилищу, и в каталогах архива им не уделено должного внимания. Выявленный на данный момент корпус материалов Государственного архива республики, касающийся жизни и деятельности декабристов в Сибири, представляет собой большую историческую ценность даже не столько в вопросах изучения истории декабристской ссылки, сколько в качестве источника, информирующего исследователя о региональных нюансах имперской государственной политики в отношении «дворянских революционеров», материала для исследования форм и методов сохранения памяти о декабристах в республике, а также для изучения опыта переосмысления историками и краоведами степени влияния пребывания декабристов в регионе на местный социум.

Литература

Герасимов Ю.И. Материалы А.Н. Муравьева в фонде отдела рукописей // Записки ОР ГБЛ. 1975. Вып. 36. С. 38–61.

Гусева З.Д. Документы Государственного архива Иркутской области о пребывании декабристов в Восточной Сибири // Сибирь и декабристы. Вып. 1. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. С. 212–219.

Декабристы. Архивы рассказывают: каталог документов / сост. Е.Ф. Калашникова. Чита: Забтранс, 2006. 192 с.

⁴² ГАРБ. Ф. Р-2210. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

⁴³ Там же. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 36. Л. 25 об.

⁴⁴ Там же. Д. 36. Л. 48 об.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-273. Оп. 1. Д. 10. Л. 2 об.

Декабристы: биографический справочник / под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. 446 с.

Декабристы в Бурятии. По документам Центрального государственного архива / сост. С.Г. Аюшеева, Л.П. Щапова. Улан-Удэ, 1992. 56 с.

Декабристы рассказывают...: сб. / под ред. Э. Павлюченко. М.: Мол. гвардия, 1975. 335 с.

Житомирская С.В. Архив И.И. Пущина // Записки ОР ГБЛ. 1958. Вып. 20. С. 64–89.

Зайцева Л.В. Документы о декабристах в фондах Государственного архива Читинской области // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977. С. 254–259.

К России любовью горя: Декабристы в Восточном Забайкалье: сб. / под ред. Р.И. Цуприк. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. 256 с.

Капелюш Б.Н. Архив братьев Бестужевых // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1972 г. Л., 1974. С. 5–27.

Кубалов Б.Г. Архив декабристов // Сибирь и декабристы: статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск: Изд. Иркутского губисполкома, 1925. С. 183–207.

Павлова В.П. Декабрист Сергей Петрович Трубецкой // С.П. Трубецкой. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во., 1987. Т. 2. С. 3–62.

Рабкина Н.А. Версия и документ // Прометей. 1967. Т. 3. С. 122–133.

Снытко Т.Г. Неопубликованные материалы по истории декабристского движения // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 122–133.

References

Ayusheeva, S.G., Shapova, L.P. (Comp.). (1992). *Dekabristy v Buryatii. Po dokumentam Tsentralnogo gosudarstvennogo arkhiva* [The Decembrists in Buryatia. According to the Documents of the Central State Archive]. Ulan-Ude. 58 p.

Tsuprik, R.I. (Eds.). (1976). *K Rossii lyubovyu gorya: Dekabristy v Vostochnom Zabaykal'e* [Burning with Love for Russia: The Decembrists in the East Transbaikalie]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo. 256 p.

Gerasimov, Yu.I. (1975). Materialy A.N. Murav'eva v fonde otdela rukopisey [Materials of A.N. Muravyov in the Fund of the Department of Manuscripts]. In *Zapiski OR GBL*. Vol. 36, pp. 38–61.

Guseva, Z.D. (1978). Dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva Irkutskoy oblasti o prebyvanii dekabristov v Vostochnoy Sibiri [Documents from the State Archive of the Irkutsk Region on the Stay of the Decembrists in Eastern Siberia]. In *Sibir' i dekabristy*. Irkutsk. Vol. 1, pp. 212–219.

Kalashnikova, E.F. (Comp.). (2006). *Dekabristy. Arkhivy rasskazyvayut: katalog dokumentov* [The Decembrists. Archives Tell Us: A Catalog of Documents]. Chita, Zabtrans. 192 p.

Kapelyush, B.N. (1974). Archiv brat'ev Bestuzhevyyh [Archive of the Bestuzhev Brothers]. In *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1972 g.* Pp. 5–27.

Kubalov, B.G. (1925). Arkhiv dekabristov [Archive of the Decembrists]. In *Sibir' i dekabristy: stati, materialy, neizdannye pisma, bibliografiya*. Irkutsk, pp. 183–207.

Nechkina, M.V. (Eds.). (1988). *Dekabristy: biograficheskiy spravochnik* [The Decembrists: A Biographical Guide]. Moscow, Nauka. 446 p.

Pavlova, V.P. (1987). Dekabrist Sergey Petrovich Trubetskoy [The Decembrist Sergei Petrovich Trubetskoy]. In *S.P. Trubetskoy. Materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatel'nosti*. Irkutsk. Vol. 2, pp. 3–62.

Pavlyuchenko, E. (Eds.). (1975). *Dekabristy rasskazyvayut...* [The Decembrists Tell Us...]. Moscow, Molodaya Gvardiya. 335 p.

Rabkina, N.A. (1967). Versiya i dokument [Version and Document]. In *Prometey*. Vol. 3, pp. 122–133.

Snytko, T.G. (1950). Neopublikovannyye materialy po istorii dekabristskogo dvizheniya [Unpublished Materials on the History of the Decembrist Movement]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 122–133.

Zaytseva, L.V. (1977). Dokumenty o dekabristakh v fondakh Gosudarstvennogo arkhiva Chitinskoy oblasti [Documents about the Decembrists in the Funds of the State Archive of the Chita Region]. In *Dekabristy i Sibir*. Novosibirsk, pp. 254–259.

Zhitomirskaya, S.V. (1958). Arkhiv I.I. Pushchina [Archive of I.I. Pushchin]. In *Zapiski OR GBL*. Vol. 20, pp. 64–89.

В.П. Шахеров*

**«ПОДВИНУТЬ ФАКТЫ К СВЕТУ»
(НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УЧАСТИИ
В РЕДКОЛЛЕГИИ СЕРИИ «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»)**doi:10.31518/2618-9100-2025-6-12
УДК 94(571.53)

Выходные данные для цитирования:
Шахеров В.П. «Подвинуть факты к свету» (некоторые размышления об участии в редколлегии серии «Полярная звезда») // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 176–189. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-12.pdf>

V.P. Shakherov*

**“BRINGING THE FACTS TO LIGHT”
(SOME REFLECTIONS ON PARTICIPATION
IN THE EDITORIAL BOARD
OF THE “POLYARNAYA ZVEZDA” SERIES)**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-12

How to cite:
Shakherov V.P. “Bringing the Facts to Light” (Some Reflections on Participation in the Editorial Board of the “Polyarnaya Zvezda” Series) // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 176–189. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-12.pdf>]

Abstract. The article is devoted to participation in the editorial board of the “Polyarnaya Zvezda” series. It discusses its role and significance for the development of the study of the Decembrist movement, especially during the period of Siberian exile. Recalling the preparation of the two-volume work by the decembrist V.I. Shteyngel, the author describes the process of identifying and collecting materials, and shares his impressions about his co-author N.V. Zeifman and the executive editor S.V. Zhitomirskaya. Much attention is paid to the influence of the Decembrist’s work on the development of scientific potential and the identification of key research areas. V.I. Shteyngel’s journalism and scientific views greatly influenced the author’s interest in the history of the economic development of the Siberian region, the formation of Russian America, and the participation of the regional merchant class in these processes. It is noted that the history of the formation of the Decembrist series requires independent scientific study, in which the memoirs and assessments of the direct participants can play a significant role. The article provides information about the editorial team’s work in preparing the volumes of the series, as well as the characteristics of the leaders and members of the editorial board, particularly the Irkutsk section. In conclusion, the article includes letters from N.V. Zeifman to the author, which provide various comments and current information about the process of compiling and preparing the two-volume edition. They also allow us to present their author as an experienced archivist and Decembrist scholar, for whom the preparation of V.I. Shteyngel’s materials was a significant milestone in her scientific career.

Keywords: Decembrists in Siberia, Irkutsk, source materials, the “Polyarnaya Zvezda” series, V.P. Shteyngel, editorial board.

The article has been received by the editor on 31.08.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена участию в редколлегии серии «Полярная звезда». Говорится о ее роли и значении для развития изучения декабристского движения, особенно периода сибирской ссылки. Вспоминая о подготовке двухтомника

* **Вадим Петрович Шахеров**, доктор исторических наук, профессор, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: wodalis@yandex.ru

Vadim Petrovich Shakherov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: wodalis@yandex.ru

декабриста В.И. Штейнгейля, автор рассказывает о том, как шла работа по выявлению и сбору материалов, делится впечатлениями о своем соавторе Н.В. Зейфман и ответственном редакторе С.В. Житомирской. Много места уделено влиянию работы над творчеством декабриста для становления научного потенциала и определения основных направлений исследований. Публицистика и научные взгляды В.И. Штейнгейля во многом повлияли на интерес автора к истории экономического развития сибирского края, становлению Русской Америки и участию в этих процессах регионального купечества. Отмечается, что история становления декабристской серии требует самостоятельного научного изучения, заметную роль в котором могут сыграть воспоминания и оценки непосредственных участников. В статье приводится материал о работе редакции по подготовке томов серии, представлены характеристики руководителей и членов редколлегии, в первую очередь иркутской ее части. В заключении публикуются письма Н.В. Зейфман к автору статьи, в которых содержится много различных замечаний и текущей информации, позволяющей представить, как проходила работа по составлению и подготовке двухтомника. Они также позволяют представить их автора как опытного архивиста и декабристоведа, для которого подготовка материалов В.И. Штейнгейля стала серьезным этапом в ее научной деятельности.

Ключевые слова: декабристы в Сибири, Иркутск, источниковедческие материалы, серия «Полярная звезда», В.П. Штейнгейль, редколлегия.

Статья поступила в редакцию 31.08.2025 г.

Вынесенные в заголовок слова принадлежат декабристу В.И. Штейнгейлю, человеку непростой судьбы, причастному ко многим знаковым событиям первой половины XIX в., оставившему значительное литературное наследие, заслужившему признание и уважение самых различных по возрасту и положению современников, в то же время полузабытому и как-то затерявшемуся среди более ярких и креативных его сотоварищей. Всю свою жизнь он старался без особого шума и эмоций прояснить некоторые страницы российской и сибирской истории, править отдельные ошибки и неточности в публикациях, вводить в исторический оборот новые материалы. На мой взгляд, эти слова, ставшие стержнем его жизненной позиции, удивительно совпадают с целью и задачами источниковедческой серии «Полярная звезда», возникшей в Иркутске, но быстро получившей всероссийскую известность. При всем огромном материале, накопленном отечественным декабристоведением к 1970-м гг., существенные аспекты сибирской жизни и деятельности декабристов, личный вклад и наследие многих из них оставались малоизвестны и слабо изучены. Таким образом, появление серии было крайне своевременным. Она как бы подвела итог поисков и достижений сибирской историографии, начатый в свое время работами Б.Г. Кубалова, Ф.А. Кудрявцева, М.К. Азадовского и др.

Приступая к работе над статьей, я с удивлением обнаружил, что являюсь старейшим участником созданного в конце 1970-х гг. издательского проекта. При этом изучение декабристского движения никогда не являлось для меня определяющим в научных поисках. Основные интересы всегда были связаны с историей дореволюционной сибирской экономики, предпринимательства и городоведением. В результате мои воспоминания получились несколько разбросанными, связанными прежде всего с личным участием в работе серии и подготовкой к публикации двухтомника В.И. Штейнгейля. Память, к сожалению, несовершенна. Многие события того времени бесследно исчезли из нее, другие остались только фрагментарно. Более яркие эмоциональные переживания определяли тогда мою жизнь и деятельность: поиски новых научных тем и работа над диссертацией, занятия со студентами, личная жизнь и многое другое.

История создания и многолетней деятельности серии «Полярная звезда» не стала еще объектом исторического изучения. Но появившиеся в последние годы некоторые статьи и воспоминания позволяют уточнить отдельные детали и события¹. Особенно интересна и полезна изданная недавно переписка основателей серии С.Ф. Ковалю и М.В. Нечкиной². Из этих писем я смог узнать много нового для себя, о чем только мог догадываться или вообще не знал.

Мой соавтор, сотрудница отдела рукописей знаменитой библиотеки им. В.И. Ленина Н.В. Зейфман³, вспоминая, как она пришла к творчеству Штейнгейля, отмечала: «Он выпал мне по жребию: готовилась публикация переписки декабристов. Друзья его были лучшего разбора: Рылеев, Пущин, Батеньков...»⁴. Именно с публикаций его писем в записках отдела началась, по ее словам, «долгая история любви» к декабристу. Со мной произошло нечто похожее. После окончания исторического факультета Иркутского университета я работал в лаборатории истории и этнографии Сибири при кафедре, участвовал в организации и проведении экспедиций, поступил в заочную аспирантуру к Ф.А. Кудрявцеву и был бесконечно далек от всего, что было связано с началом декабристского бума в Иркутске в год 150-летнего юбилея восстания декабристов. Конечно, я знал о многих мероприятиях, с интересом знакомился с юбилейными изданиями и даже присутствовал на знаменитой конференции 1975 г., но только как рядовой ее участник. Также где-то в стороне от меня прошла вся работа по организации издания декабристского наследия, создания серии «Полярная звезда» и ее редколлегии, огромная организационная работа, проделанная С.Ф. Ковалем.

Мое привлечение к участию в работе над наследием декабристов было буквально навязано С.Ф. Ковалем, который весной 1978 г. предложил взяться за составление какого-нибудь тома серии. Не слушая мои робкие возражения, что очень занят в работе над диссертацией и никогда не занимался этой темой, он решительно заявил, что считает меня вполне сложившимся специалистом-историком, который может браться за любую научную тему и успешно ее поднимать. Он же предложил взяться за составление тома декабриста В.И. Штейнгейля. В общем, путей для отступления у меня практически не было. Спорить с С.Ф. Ковалем, который смог уговорить даже академика М.В. Нечкину встать во главе сибирской декабристведческой серии, я просто не мог. Так я пришел к изучению Штейнгейля, посвятив его жизни и творчеству более десятка лет. Сейчас мне понятно, почему он так настойчиво пытался привлечь к работе над расширением корпуса источников сотрудников лаборатории, отмечая, что ею уже накоплен «достаточно солидный комплекс материалов и документов, позволивший выполнять исследования разного уровня»⁵. Считая, что серия прежде всего направлена на сибирский период жизни декабристов, ему было важно привлечь к этой работе как можно больше специалистов из Сибири, а уж из Иркутска особенно, чтобы в каждом из томов звучали «в большей или меньшей степени, но обязательно малоизвестные страницы из истории Сибири»⁶.

О С.Ф. Ковале высказались уже почти все его ученики. Моя характеристика мало что добавит, но все-таки хочется сказать несколько слов. Для меня он стал не просто учителем, а человеком, во многом определившим судьбу, так как именно он содействовал моему приходу на факультет и в науку, а затем в течение многих лет был старшим товарищем и

¹ Коваль С.Ф. Несколько дополнений к подлинной истории серии «Полярная звезда» // Земля Иркутская. 2005. № 2. С. 92–96; Матханова Н.П. Из опыта работы в серии «Полярная звезда» // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1 (2). С. 200–205; Ильин П.В. 30 лет документальной серии «Полярная звезда»: достижения и перспективы // Археографический ежегодник за 2009–2010 гг. М., 2013. С. 25–36; Глюк А.В. О «Полярной звезде» и «многолетнем дружестве» // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2024. Вып. 8. С. 207–215.

² Нечкина М.В., Коваль С.Ф. Переписка декабристведов (1974–1985). Иркутск, 2025.

³ Зейфман Наталья Виловна (1940–2025) – историк-архивист, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина (1966–1990), с 1991 г. работала в Мемориале жертв холокоста «Яд Вашем» (Иерусалим, Израиль).

⁴ Зейфман Н.В. Еще одна жизнь. М., 2017. С. 218.

⁵ Коваль С.Ф. Несколько дополнений к подлинной истории серии «Полярная звезда»... С. 94.

⁶ Там же.

коллегой. Это был честный, принципиальный, в чем-то даже резкий человек, как и герои его исследований – декабристы, всегда готовый отстаивать свои идеалы и взгляды, спорить невзирая на авторитеты. Впрочем, в научном сообществе его заслуги в изучении истории политической ссылки в Сибири были общепризнанны, а он сам и его исследования заслуженно пользуются до сих пор вниманием известных специалистов, в том числе академиков.

С.Ф. Коваль всегда был трудоголиком, не боявшимся трудностей и препятствий. Далеко не каждый из его коллег мог выйти за пределы научных исследований и воплотить в реальные дела свои замыслы и планы. Это был великий организатор научных идей и сообществ. Его отличала широта взглядов и сочетание серьезных научных исследований с тем, что сейчас модно называть «публичной историей», а раньше считалось просто краеведением. Он много занимался просветительской и популяризаторской работой, проблемами сохранения исторического наследия, в первую очередь посредством организации и проведения историко-этнографических экспедиций, в которых, несмотря на состояние здоровья и возраст, лично участвовал многие годы. Они стали не только хорошей школой подготовки молодых историков, но и собрали огромный источниковый материал по истории Восточной Сибири, который до конца еще не оценен и не введен в научный оборот. Для организации этой работы им была создана при кафедре лаборатория истории и этнографии Сибири, на которую он возлагал большие надежды, в том числе в изучении общественного движения и политической ссылки в Сибири. Не все его надежды оправдались, но все сотрудники, прошедшие школу полевых исследований и лаборатории, школу С.Ф. Ковалья, стали настоящими специалистами своего дела, внесшими вклад в развитие собственных научных направлений и подготовку кадров историков.

Вопрос о составителях нашего тома, как для меня выяснилось только из переписки С.Ф. Ковалья с М.В. Нечкиной, оказался непрост и вызвал некоторый конфликт в редколлегии. В первоначальном проспекте серии, представленном в Главкомиздат, составителем тома Штейнгейля был записан я. Но М.Д. Сергеев без обсуждения в редакции внес заявку Н.В. Зейфман, которая первоначально рассматривалась как ответственный редактор. Все это вызвало бурное неудовольствие Ковалья, которое он выразил в письме к главному редактору серии. В итоге все разрешилось достаточно просто и были приняты обе заявки⁷. Этот конфликт был далеко не единственным в первые годы существования иркутской и московской редакций и был связан с некоторой взаимной ревностью и амбициями ее членов. Примечательно, что сама Н.В. Зейфман совсем не претендовала на единоличное участие. «Я очень заинтересована в том, – писала она в редколлегию, – чтобы товарищи, занимающиеся В.И. Штейнгейлем в Сибири, приняли участие в розыске и публикации его писем, хранящихся возможно в сибирских архивах»⁸. Осадок, впрочем, остался, и когда я впервые встретился со своим соавтором и с С.В. Житомирской в Москве, то почувствовал некоторую холодность и недоверие. Впрочем, это продолжалось недолго.

О трудностях выявления материалов для сибирских составителей писалось много. Связано это было с необходимостью поездок в центральные архивы, благо в советское время труд преподавателей вузов ценился более высоко и проблем в командировках, стажировках и повышении квалификации не было. Выявленные тексты приходилось переписывать от руки, так как никакого копирования просто не существовало. А переписанный текст еще надо было сверить с оригиналом, а потом, уже дома, перепечатать на машинке. Но все эти трудности отступали на второй план перед азартом поиска новых декабристских источников. Наследие В.И. Штейнгейля представляло для этого значительные возможности. Приступая к работе, мы имели на руках лишь определенный объем эпистолярного наследия и его воспоминания. Из его записок и статей были тогда известны лишь немногие, но уже этого хватило, чтобы поставить вопрос о распределении материала на два тома. В процессе выявления были обнаружены новые материалы и труды, некоторые из которых были весьма солидными по объему. Так как серия не предполагала трехтомник, к большому нашему

⁷ Нечкина М.В., Коваль С.Ф. Переписка декабристоведов (1974–1985)... С. 251.

⁸ Архив Иркутского историко-мемориального музея декабристов. НВФ. Док. 887. Л. 1 об.

сожалению часть материалов декабриста вообще не вошла в издание. К тому же далеко не все его проекты и записки удалось найти. Часть из них и не предполагалась для публикаций, а написанная по просьбам знакомых купцов, как он писал в письме к М.А. Бестужеву, расходилась в виде памфлетов по рукам⁹. Огромное эпистолярное наследие декабриста также имеет значительные лакуны. Так, практически не сохранилась вся семейная его переписка.

Чем больше я погружался в историю жизни и творчества Штейнгейля, тем ближе он становился для меня как цельная и сильная, по-своему талантливая личность, способная в любой ситуации отстаивать идеалы и взгляды. Яркий пример – его письма к Николаю I из Петропавловской крепости, в которых он, желая, чтобы его все-таки услышали, высказал все, ради чего готов был взойти на эшафот. Всю жизнь он придерживался выбранному еще в юности девизу: «Ex lapide salus, ex duris Gloria»¹⁰. Ну и, конечно, значительную роль в моих научных поисках сыграли его проекты и записки, прежде всего по социально-экономическим сюжетам, и мемуарная публицистика сибирского периода. Его знакомство с сибирскими и столичными купцами, стремление отразить в своих работах близкие им идеи буржуазного развития страны, личный его предпринимательский опыт во многом помогли мне при изучении особенностей сибирского предпринимательства и его роли в региональной экономике.

Совершенно стерлось из памяти, когда и каким образом произошло мое включение в состав редколлегии. Случилось это, по-видимому, в 1984 г., так как в списке редколлегии первого тома С.П. Трубецкого, вышедшего в 1983 г., меня еще не было, а уже в изданном в следующем году томе Н.И. Лорера вместо А.С. Лысенко появилась моя фамилия. Естественно, сделано это было по рекомендации С.Ф. Ковалья. Понятна и его мотивация. Так сложилось, что в иркутской редакции в это время преобладали работники издательства, а из специалистов были только С.Ф. Коваль и М.Д. Сергеев. Я к тому времени уже стал кандидатом наук и доказал свои профессиональные качества в работе по составлению двухтомника В.И. Штейнгейля. Конечно, как-то неловко поначалу было чувствовать себя среди такой яркой плеяды выдающихся декабристоведов, как М.В. Нечкина, Н.Я. Эйдельман, И.В. Порох, В.А. Федоров и др. В то же время даже столь скромное участие в таком глобальном источниковедческом проекте, знакомство с огромным наследием декабристов, несколько лет, отданных работе над творчеством В.И. Штейнгейля, стали для меня хорошей научной школой, содействовали профессиональному росту как исследователя и преподавателя.

Как член редколлегии я принимал участие в ее заседаниях, обсуждении текущих дел, отчетов о состоянии работы над отдельными изданиями в соответствии с планами издательства, приемов заявок на подготовку новых томов. Наиболее затратным по времени было рецензирование подготовленных томов, прежде всего вступительных статей к ним. Их прошло через меня несколько десятков и надеюсь, мои замечания и рекомендации помогли их авторам. Из других обязанностей члена редколлегии могу припомнить только работу в 2002–2003 гг. в качестве ответственного редактора тома, посвященного Н.А. Бестужеву. Составителем его был С.Ф. Коваль. Интересно, что издание двухтомника Н.А. и М.А. Бестужевых было запланировано еще в первом плане-проспекте серии 1977 г., где составителями значились С.Ф. Коваль и М.Д. Сергеев¹¹. Но большая организационная работа по проведению конференций, деятельности мемориального музея декабристов и изданию новых томов серии «Полярная звезда» значительно затянула подготовку тома Н.А. Бестужева. А том с материалами М.А. Бестужева, который был бы крайне интересен и полезен для сибиряков, вообще не появился. Взявшийся за его подготовку М.Д. Сергеев из-за постоянной занятости почти им не занимался, более того, не дал это сделать другим. В начале 1990-х гг., когда мы с Т.А. Перцевой предложили на редколлегии взяться за издание материалов М.А. Бестужева, он заявил, что уже почти завершает работу над томом, и начатая нами подготовка остановилась.

⁹ Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. Записки и письма. С. 260.

¹⁰ «От камня спасение, от твердости слава» (лат.).

¹¹ Нечкина М.В., Коваль С.Ф. Переписка декабристоведов (1974–1985)... С. 188.

Конечно, мое редактирование тома Н.А. Бестужева было формальным, а замечания незначительны и носили технический характер, но почти все были учтены составителем. Наилучшей оценкой моей работы и доброжелательного отношения ко мне стало посвящение С.Ф. Коваля на подаренном мне экземпляре: «Дорогому Вадиму Петровичу, моему доброму отв[етственному] редактору с любовью и дружеством».

Мои контакты с ведущими специалистами редколлегии были редкими, а то и вообще заочными. С М.В. Нечкиной вообще не встречался, с И.Д. Ковальченко виделся только раз, когда, будучи в Москве на стажировке, участвовал в заседании редколлегии, проходившей у него в кабинете. Несколько чаще встречался с В.А. Федоровым на конференциях и во время учебы на курсах повышения квалификации в МГУ. Более содержательны были встречи и общение с С.В. Мироненко, долгие годы бывшим членом редколлегии, а в последние годы ее главным редактором. С С.В. Житомирской, пока шла подготовка первого тома, мы общались только во время ее приездов в Иркутск или через Н.В. Зейфман. Только позднее, когда шла подготовка второго тома, за который отвечал я, они приобрели рабочий характер. В основном ее замечания и рекомендации касались вступительной статьи, дважды по ее поводу и другим материалам тома мы встречались у нее дома на Московском проспекте. Гораздо чаще были общения по научным и музейным делам с членами сибирской части редколлегии и составителями. Хорошие и деловые отношения сложились в разное время с Т.С. Комаровой и Н.П. Матхановой.

Из членов редколлегии, кроме С.Ф. Коваля, я более других общался с Марком Сергеевым, известным иркутским поэтом, историком, общественным деятелем. Мы встречались при подготовке некоторых краеведческих изданий в иркутском отделении фонда культуры, который он возглавлял. С благодарностью вспоминаю его помощь и поддержку в деле организации музея истории города Иркутска, директором которого я был. Во многом достаточно случайно попав в редколлегию, он с присущей ему активностью и увлечением выполнял миссию ответственного секретаря, став настоящим мостиком, связывающим иркутскую и московскую редакции. Способствовало этому и то, что в силу своего положения и должностей ему чаще других приходилось бывать в столице. Меня всегда привлекала его неизменная доброжелательность, готовность оказать содействие, умение сглаживать противоречия и находить разумные компромиссы. Эти качества были как нельзя к месту, когда иногда приходилось «разруливать» ситуации, связанные с неуступчивостью и жесткостью С.Ф. Коваля и амбициями маститых авторов отдельных томов серии. К сожалению, творческая и общественная загруженность сказывались на его деятельности в редколлегии, да и сама декабристская тема, как и для меня, не была ведущей в его творчестве. После его смерти в этой должности неизменно находились увлеченные и полностью погруженные в тему Е.А. Ячменев, а в настоящее время – Е.А. Добрынина. Хочется с благодарностью отметить еще одного человека, который не был членом редколлегии, но без которого трудно представить издание томов серии. Я говорю о ее литературном редакторе А.В. Глюк, человеке крайне скромном, трудолюбивом и совершенно незаменимом в подготовке декабристских текстов. Всегда неизменно доброжелательная и корректная, она находила общий язык со всеми составителями. Почти все тома серии, кроме первых четырех, были подготовлены при ее непосредственном участии. Другого такого редактора исторических материалов я просто не встречал. Кроме собственно редакторской работы, она, обладая большой эрудицией, зачастую дополняла ответственного редактора, уточняя исторические факты и детали. И еще очень важная деталь. Все эти годы она бережно хранит архив редколлегии и память о ее членах и составителях, многих из которых уже нет с нами.

С Т.А. Перцевой, многолетним членом редколлегии, меня связывает давняя дружба по экспедициям, а это всегда было особое братство, а также многолетнее сотрудничество на кафедре и в мероприятиях музея декабристов. Она одна сохранила и продолжает до сих пор заложенные ее учителем С.Ф. Ковалем направления научного изучения темы «Декабристы в Сибири», включающие не только конкретные исторические исследования, но и выявление и сохранение новых источников, а также популяризацию декабристского

наследия. О Евгении Александровиче Ячменеве можно вспоминать только с восхищением его талантами, которых у него было в избытке. Это был яркий человек, вокруг которого всегда находилось множество почитателей, друзей и единомышленников. Он многое сделал для становления и расширения возможностей Иркутского музея декабристов, ставшего заметным очагом культуры в городе. Трудно переоценить его роль в сохранении декабристской серии, когда в 1990-х гг. перестало существовать книжное издательство вместе с прекращением государственной поддержки. Музей взял тогда на себя эту нелегкую ношу, продолжая нести ее до сих пор. В последние годы редколлегия по объективным причинам не раз обновлялась, но традиции и ориентиры, заложенные основателями, во многом сохранились и поддерживают ее высокий уровень.

В заключение еще раз хотелось бы отметить сотрудничество с Н.В. Зейфман. После первых встреч и некоторого недопонимания участия в составлении, о чем говорилось выше, у нас установились вполне нормальные рабочие отношения. После того как между нами были распределены объемы работы и каждый получил возможность сосредоточиться на своем томе, подготовка тома шла параллельно и координировалась по почте или при моих приездах в Москву. Конечно, она была более опытным специалистом, кандидатом наук, прошедшим школу П.А. Зайончковского и С.В. Житомирской, принимавшим участие в публикации писем декабристов. Я же был тогда начинающим исследователем, аспирантом из провинции, но, смею думать, лучше ее понимавшим и знавшим сибирские исторические реалии, ту повседневность, в которой оказались ссыльные декабристы. После того как была опубликована моя первая статья, посвященная сибирскому периоду В.И. Штейнгейля¹², она и даже С.В. Житомирская изменили свое отношение ко мне. Вклад Н.В. Зейфман в подготовку первого тома был весом. Она вполне обоснованно предложила писать фамилию декабриста с двумя «й» – Штейнгейль, как всю жизнь подписывался он сам, провела большую работу по выявлению и редактированию его эпистолярного наследия, много усилий было предпринято ею по подбору иллюстративных материалов, в том числе изображений декабриста¹³.

Уже при подготовке этой статьи пришло печальное известие о кончине Н.В. Зейфман, но сохранились публикации, статьи, воспоминания. К счастью, в личном архиве нашлись письма периода совместной работы над двухтомником декабриста В.И. Штейнгейля. Очень хотелось бы, чтобы мои скромные воспоминания и публикация ее писем стали небольшой данью памяти об этом скромном, честном и талантливом человеке.

Письма печатаются по автографам в хронологическом порядке. Под строкой даются примечания публикатора. При публикации были сохранены все орфографические и пунктуационные особенности авторского письма. Пропущенные в оригинале слова и их недописанные части приводятся в квадратных скобках.

Письма Н.В. Зейфман к В.П. Шахерову

I

15 мая 1978 г.

Глубокоуважаемый Вадим Петрович!

Я уезжаю на две недели в Ленинград и очень жалею, что не получила обещанного Вами письма. Мне не хотелось бы вновь копировать те материалы, что мы с Вами приговорили мне, и копии которых Вы, возможно, уже получили. Я постараюсь оттянуть момент заказа копий до самого отъезда (т.е. до 1 июня), а Вас все-таки очень прошу написать мне туда:

1. Как принято наше предложение о 2-х томах?
2. Одобрено ли разделение между нами материалов?

¹² Шахеров В.П. Сибирь в жизни и творчестве В.И. Штейнгейля // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1981. Вып. 2. С. 56–77.

¹³ Зейфман Н.В. Несколько уточнений к иконографии В.И. Штейнгейля // Сибирь и декабристы. Вып. 5. Иркутск, 1988. С. 140–147.

3. Могу ли я рассчитывать на получение от Вас копий моих материалов и каких именно?

4. Заинтересованы ли вы в сверке «Записок» в полном объеме, или мне сверить лишь мою часть, т.е. начиная с гл. 2 части II (с 1812 г.)?

Меня несколько смущает, что до сих пор нет официального подтверждения редакцией моего участия в работе. Если знаете – отчего, напишите¹⁴.

Надеюсь на Ваш ответ.

С лучшими пожеланиями,
Н.В. Зейфман.

Адрес мой в Ленинграде:

Невский 23, кв. 25

Стэрниной А.И. для Н.В. Зейфман.

(на обороте помета: письмо получил только 25 мая).

II

7 сентября 1978 г.

Глубокоуважаемый Вадим Петрович, не писала Вам долго, помня, что летом Вы в экспедиции. Теперь, вероятно, нам пора возобновить отношения. Напишите, пожалуйста, каковы Ваши успехи. Что касается меня, то после Ленинграда я прочесываю московские архивы. Готова почти вся переписка (под 200 п[исем]!) и многое другое. Жду из ЦГИА микрофильмы тамошних материалов, еще не была в ГИМе и т.д. Беспокоит меня пока больше всего то, что не нашла оригинала «Записок», только копии из «Р[усской] Ст[арины]» в П[ушкинском] Д[оме] и то последней – III части. Ее буду делать по одному из этих списков – он исправней щеголевской публикации (уже перепечатала эту часть в исправленном виде). Остальное, видимо, придется брать из «Общественных движений»¹⁵, хотя еще не все свои соображения успела проверить. Что Вы про это думаете?

К Вам просьба: прислать мне микрофильмы писем Батенькова к Штейнгейлю из П[ушкинского] Д[ома] и все копии из сунгуровской тетради¹⁶ («переход из Читы в Петр. завод» и прочее), а также микрофильм III части «Записок» (я видела по листам использования, что все это Вы заказывали). Конечно, если наша договоренность о разделении материала остается прежней и Вам перечисленное мной не нужно.

Не удалось ли Вам найти что-то новое в сибирских архивах? Должна ведь быть переписка! Жду с интересом Вашего письма. Мне кажется, что к Вашему приезду зимой моя часть будет собрана, а как у Вас? В силе ли еще договоренность о двух томах?

Привет мой Семену Федоровичу¹⁷, мы с ним в Ленинграде познакомились.

Всего Вам наилучшего,

Н.В. Зейфман.

¹⁴ О некотором недопонимании с утверждением наших заявок на подготовку тома Штейнгейля см. в начале данной статьи.

¹⁵ Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб.: Кн-во М.В. Пирожкова, 1905. Т. 1. 495 с. В этом издании под ред. П.Е. Щеголева были опубликованы «Записки» барона В.И. Штейнгейля (с. 321–474).

¹⁶ Сунгуров Капитон Корнильевич (1835–1866) – участник студенческих волнений в Петербурге. В 1864 г. был заключен в Шлиссельбургскую крепость и вскоре умер. Им был составлен сборник воспоминаний и произведений декабристов, в который вошли некоторые работы Штейнгейля.

¹⁷ Коваль Семен Федорович (1924–2005) – иркутский ученый-декабристовед, один из инициаторов серии «Полярная звезда», заместитель главного редактора.

III

26 октября 1981 г.

Глубокоуважаемый Вадим Петрович!

Простите, что долго не отвечала на Ваше любезное письмо, переданное с С.В. Житомирской¹⁸. Решила, что Вам все равно сейчас не до Штейнгейля, раз вот-вот защита¹⁹. Пишу коротко, чтобы Вас пока не отвлекать. Что касается комментария – не сомневаюсь, что Вы его приведете в нужный вид, когда освободитесь, основа у него хороша. Но текст Вам придется тщательно сличить с текстом, опубликованным Кауфманом²⁰ в «Ист[орическом] Вестн[ике]», и объявить, что печатаем мы по этой первой публикации, а не по Щеголеву. Я сравнила: у Щеголева²¹ много небрежностей, зачем нам их повторять. Как Вы отнеслись к идеям, изложенным в моем сообщении на конференции? Меня, естественно, интересует Ваше мнение. Кстати, я написала в ЦГИА, где хранится фонд Кауфмана, попросила посмотреть, нет ли там чудом оригинала Записок. Ответа пока нет. А сохранился ли архив «Ист[орического] Вестн[ика]», я не знаю. Может быть, Вы на свободе об этом подумаете. И снова задаю тот же вопрос, что год назад, – не встречались ли Вам списки Автобиографических записок Штейнгейля? Мне – нет. Письма, написанного Вами весной, я не получала, иначе на него ответила бы. Работается мне очень трудно – нету времени и сил. 8-часовая ежедневная служба и двое малышей доконают кого хочешь.

Желаю Вам успешной защиты. Напишите мне, когда освободитесь.

Всего доброго,
Н.В. Зейфман.

IV

Москва, 21 апреля 1982 г.

Многоуважаемый Марк Давыдович²²,

в ответ на Ваше и А.С. Лысенко²³ письмо сообщаем Вам, что в настоящее время мы заканчиваем работу над комментарием к текстам тома о В.И. Штейнгейле: В.П. Шахеров окончит свою часть к 15 июня, Н.В. Зейфман может окончить свою, лишь получив от него предыдущую, поэтому срок окончания ее части – 1 августа. Вступительная статья будет окончена к 1 октября, когда мы предполагаем представить том одновременно к редактору (С.В. Житомирская) и рецензенту (на это дала свое согласие Э.А. Павлюченко²⁴).

После исправления по их замечаниям том может быть выслан в Иркутск в декабре 1982 г.

С уважением,

Н.В. Зейфман
В.П. Шахеров

¹⁸ Житомирская Сарра Владимировна (1916–2002) – историк-архивист, заведующий отделом рукописей РГБ в 1952–1978 гг., заместитель главного редактора серии «Полярная звезда», ответственный редактор 1-го и 2-го томов В.И. Штейнгейля.

¹⁹ Речь идет о защите моей кандидатской диссертации, которая состоялась в декабре 1981 г.

²⁰ Кауфман Петр Михайлович (1857–1926) – русский государственный деятель, сенатор (1900), министр народного просвещения (1906–1908), публицист, с 1920 г. в эмиграции. Первый публикатор автобиографических записок Штейнгейля (1900).

²¹ Щеголев Павел Елисеевич – российский и советский историк-архивист, один из организаторов архивного дела в СССР. Занимался изучением истории революционного движения и публикацией архивных материалов, переиздал в 1905 г. мемуары Штейнгейля.

²² Сергеев (Гантваргер) Марк Давидович (1926–1997) – иркутский поэт и общественный деятель, Почетный гражданин г. Иркутска (1986), ответственный секретарь серии «Полярная звезда».

²³ Лысенко Аграфена Савельевна (1924–2019) – редактор, заведующий редакцией Восточно-Сибирского книжного издательства, член редколлегии серии «Полярная звезда».

²⁴ Павлюченко Элеонора Александровна – историк, исследователь общественного движения XIX в., канд. ист. наук, рецензент 1-го тома В.И. Штейнгейля.

V

5 октября 1982 г.

Глубокоуважаемый Вадим Петрович!

Простите, что задержала ответ. Сентябрь был трудным – дочка пошла в первый класс. Я же занималась комментированием своей части Записок, чего не могла сделать, не получив Вашу порцию. Теперь предстоит переделать комментарий к письмам, т.л. он дублирует комментарий к Запискам.

Писем 204, примечаний к ним очень много. Очень боюсь, что объем сильно превысит. Статью пишу, но она еще не готова. Замечаний к Вашему комментарию сейчас не делаю, мне кажется это уже нецелесообразным. Но прошу Вашего разрешения на различные переделки, необходимость в которых выяснится после окончания вступительной статьи. Кое-что я внесу, это мне не трудно. Например, Ваше затруднение с Юлией Штейнгейль²⁵ легко разрешится, если посмотреть в первые же примечания моей публикации писем Штейнгейля в Записках О[тдела] р[укописей], вып. 36 (с. 223).

Очень прошу сообщить мне, сверили ли Вы текст Вашей части Записок с публикацией в «Ист[орическом] вестнике», как мы договаривались. И еще два опасения меня мучают. Вы когда-то в ЦГАВМФе наводили справки – точно ли там нет писем Штейнгейля? И тот же вопрос относительно сибирских архивов (Иркутск, Тобольск, Тара). Вы когда-то говорили, что там ничего нет. Точно ли это, не надо ли еще раз проверить?

Всяких Вам благ и успехов.

С уважением,
Н.В. Зейфман.

VI

20 февраля 1983 г.

Глубокоуважаемый Вадим Петрович!

Высылаю Вам список иллюстраций (тот, что был когда-то послан в изд[ательств]о, для фотографа, который так и не объявился). Вдруг Вам удастся все это заказать. Если нет, сообщите, пожалуйста, я буду делать заказы от себя лично.

Говорила я с той дамой, кот[орая] готовит том ест[ественно]-научн[ых] произв[едени]й декабристов. Показала ей проспект 2-го тома Штейнгейля и удивилась, что туда не включено «Описание Ишимского округа». Она им очень заинтересовалась. Если оно действительно не войдет во II том, м[ожет] б[ыть] Вы опубликуете его у нее? Даю ей Ваш адрес, а она будет ждать Вашего ответа мне (я сказала, что мне все равно Вам писать)²⁶.

Напоминаю свои просьбы к Вам:

1. Попробовать сделать копии с мат[ериало]в Шт[ейнгей]ля в П[ушкинском] Д[оме], кот[орые] Вы пересняли.
2. Выслать мне листы с исправлениями к Вашей части Записок.
3. Справиться еще раз в Тобольске, нет ли там мат[ериало]в Штейнгейля.

И обязательно сообщите, получится ли что с иллюстрациями.

Всего Вам наилучшего,
Н.В. Зейфман

²⁵ Штейнгейль Юлия Владимировна (1811–1897), в замужестве с 1833 г. за М.И. Топильским, дочь декабриста. Н.В. Зейфман подсказала, где найти информацию о ней.

²⁶ К сожалению, установить, о ком идет речь, не удалось. Возможно, это Пасецкая-Кремнинская Евгения Климентьевна, опубликовавшая в соавторстве с В.М. Пасецким книгу «Декабристы-естествоиспытатели» (М.: Наука, 1989), в которой есть раздел о В.И. Штейнгейле и о его работе «Статистическое описание Ишимского округа». Характеристика этой работы приводится во вступительной статье ко 2-му тому Штейнгейля (с. 45–46), но сама она из-за большого объема в издание не вошла.

Переписала иллюстрации – все они больше тяготеют к I тому. Надо бы поснимать произведения, предназначенные для II-го тома].

Список иллюстраций к томам В.И. Штейнгейля.

ГИМ

1. Портрет В.И. Штейнгейля. Акв[арель] Гампельна²⁷. (Из собр[ания] И.В. Качурина²⁸). Негатив № 77 219.
2. Вид Тобольска. Гравюра Himely²⁹. Библиотека, Б 38 01/6.
3. Вид от Тобольска на Иртыш. Гравюра Блашке³⁰. Негат[ив] № 94444 в.
4. Морской кадетский корпус в С[анкт-]П[етер]б[урге]. Акв[арель] И.В. Мошкова³¹. Шифр мне не известен. Опубл[иковано]: Литературное наследство, т. 59 II, кн. 2, с. 33.
5. Портрет В.И. Штейнгейля из кн[иги] Зензинова³² «86 портретов декабристов» Негат[ив]. № 95911.

Эрмитаж

1. Портрет В.И. Штейнгейля. Литография Эстеррейха³³. В экспозиции отдела истории русской культуры.
2. Портрет М.А. Бестужева работы Н.А. Бестужева. Копия неизв[естного] художн[ика]. Шифра не знаю. Воспроизведен в кн[иге] Принцовой Г.А. Декабристы в изобр[азительном] искусстве. Из собр[ания] Эрмитажа. Л., 1975, с. 76, № 50.
3. Там же выбрать портрет Батенькова Г.С. [18]50-х – [18]60-х гг.

ИРЛИ, коллекция изобраз[ительных] мат[ериало]в.

1. В.И. Штейнгейль. Фото с портрета, принадлежавшего А.В. Баронову³⁴ (у них ошибочно: Баранову). Инв. 1990, шифр: ф-3.
2. Он же. Фото с портрета из альбома В.И. Семеvского³⁵. Инв. 23208/110, шифр: Альб[ом] 20/36.
3. В.В. Штейнгейль-сын. Портрет (литогр[афия]) Инв. 34362, шифр Г-1/Ш-884.
4. Он же. Портрет (литогр[афия]) Инв. 19183, шифр Г-1/Ш-884.
5. Тобольск. Грав[юра] Лежена³⁶, 64309, 2535 (I з); Грав[юра] неизв[естного] авт[ора]. 66501/1-2, 2552, вид 3; Грав[юра]. Augau. 66517; 2555, вид 2.
6. Шифра не помню. Титульный лист из «Опыта времяисчисления» с картинкой. Это же можно по книге из ГБЛ.

²⁷ Гампельн Карл Карлович (1794–1880) – известный художник-портретист пушкинской эпохи, рисовальщик, акварелист, гравер и литограф, член Венской академии художеств.

²⁸ Качурин Игорь Васильевич (1921–1987) – известный советский коллекционер книги и графики.

²⁹ Хаймели Сигизмунд (1801–1872) – французский художник и гравер.

³⁰ Блашке Иоганн (1770–1833) – немецкий гравер и график.

³¹ Мошков Илларион Васильевич (1778–1845) – русский художник, автор акварелей с видами Москвы. Петербурга и других городов России.

³² Зензинов Михаил Михайлович (1878–1920) – российский предприниматель, коммерции советник. Издатель. В 1906 г. напечатал в своей типографии впервые в России 86 портретов декабристов с оригинальных рисунков Н.А. Бестужева.

³³ Эстеррейх Отто Герман (Емельян Иванович) (1790 – после 1834) – российский художник-портретист, окончил Императорскую Академию художеств.

³⁴ Баронов Андрей Владимирович (1842 – после 1875) – внебрачный сын Штейнгейля в Сибири, закончил тобольскую гимназию и технологический институт в Петербурге. По ходатайству декабриста его сибирским детям была присвоена фамилия Бароновы и права личного почетного гражданства. В семье сына хранился портрет и некоторые личные вещи отца.

³⁵ Семеvский Василий Иванович (1848–1916) – русский историк, автор работ по истории общественного движения и мысли XVIII–XIX вв.

³⁶ Возможно, Лежен Луи Франсуа (1776–1848) – барон, французский генерал, участник похода Наполеона в Россию, художник и гравер.

ИРЛИ (архив)

1. Посвящение Штейнгейля на «Записках несчастного» – М.А. Бестужеву. Ф. 604, № 18, л. 2 (или 1 об.?) – у Вас м[ожет] б[ыть] есть пленка.
2. Письмо Штейнгейля к К.Ф. Рылееву. Ф. 289, оп. 2, № 26.
3. Записки (Список Афанасьева³⁷). Ф. 265, оп. 2, № 3127, л. 1, 2.

ГБЛ

1. Письмо к Г.С. Батенькову. Ф. 20, к. 13, ед. 34, л. 39.
2. Письмо к А.А. Писареву³⁸, 26 янв[аря] 1818. Ф. 226, к. 7, ед. 61.
3. Письмо к А.А. Волкову³⁹. Ф. 41, к. 147, ед. 18.

ЦГАОР СССР

- 1) Ф. 109, 1-я экспед[иция] III отд[еления], 1826 г., д. 61, л. 70. Дело В.И. Штейнгейля.
 1. Обложка дела (голубая)/
 2. Письмо В.И. Штейнгейля к А.Н. Мордвинову⁴⁰ (л. 19).
 3. к А.Х. Бенкендорфу⁴¹ (л. 24).
 4. к Л.В. Дубельту⁴² (л. 41-42 об.).
 5. к А.Ф. Орлову⁴³ (л. 59).
- 2) К Николаю I. Ф. 48. Секретный комитет, оп. 1, д. 11, л. 74, 87.
- 3) К издателям «Северной пчелы». Ф. 109, оп. 1, д. 61, ч. 14, л. 58.
- 4) К Е.И. Якушкину⁴⁴. Ф. 279, Якушкиных, оп. 1, д. 730, л. 13.

Дом Штейнгейля в Москве.

С обложки или с оборота 1-й илл[юстрации] (за с. 16) кн[ига]: Ал[ексан]др Басманов. Особняк с потайной дверью. М., 1981.

VII

13 апреля 1983 г.

Глубокоуважаемый Вадим Петрович!

Как Ваши дела, уже Вы на новом месте?⁴⁵ Я жду, чем кончатся Ваши действия по заказу иллюстраций. Пожалуйста, не держите меня долго в неизвестности, а то ведь мне пора самой что-то предпринимать, если у Вас сорвется. И еще: Вы хотели прислать исправленные страницы Записок. На всякий случай, напоминаю об этом. Мой комментарий к письмам после переделок и перепечатки занял 140 стр. Это ужасно много. Не знаю, как и быть. Правда, еще не перепечатывала тексты самих писем однажды напечатанные,

³⁷ Афанасьев Александр Николаевич (1826–1871) – собиратель фольклора, архивист, историк и литературовед. Им была сделана копия 3-й части мемуаров Штейнгейля «Записки о восстании», по которой они были опубликованы в 1-м томе.

³⁸ Писарев Александр Александрович – председатель Московской гражданской палаты. Его сын, тоже Александр Александрович (1780–1848) – генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г., сенатор, литератор, автор нескольких сочинений о событиях 1812 г. Штейнгейль имел переписку с отцом и сыном.

³⁹ Волков Александр Александрович (1779–1833) – московский полицмейстер, впоследствии генерал-лейтенант, начальник 2-го округа московского корпуса жандармов.

⁴⁰ Мордвинов Александр Николаевич (1792–1869) – участник Отечественной войны 1812 г., в 1832–1839 гг. занимал должность управляющего III Отделения, тайный советник, сенатор.

⁴¹ Бенкендорф Александр Христофорович (1782–1844) – граф, русский государственный и военный деятель, в 1826–1844 гг. шеф отдельного корпуса жандармов и главный начальник III Отделения.

⁴² Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862) – генерал от кавалерии, начальник штаба корпуса жандармов (1835–1856), управляющий III Отделением.

⁴³ Орлов Алексей Федорович (1786–1861) – князь, генерал от кавалерии, шеф отдельного корпуса жандармов и главный начальник III Отделения (1844–1856).

⁴⁴ Якушкин Евгений Иванович (1826–1905) – юрист, этнограф и общественный деятель. Сын декабриста И.Д. Якушкина. Был знаком со многими ссыльными декабристами и собирал материалы о их жизни и деятельности в Сибири.

⁴⁵ После защиты диссертации я перешел из лаборатории истории Сибири на должность преподавателя кафедры истории СССР.

но не сплошняком. Вот-вот отдам и их на машинку. Пока что все идет так, как я Вам рассказывала. Скорее бы финиш!

Всего наилучшего.
Н.В. Зейфман

Пожалуйста, напишите, что с иллюстрациями.

VIII

3 июля 1983 г.

Глубокоуважаемый Вадим Петрович,

в связи с тем, что редактура Записок и писем закончена, выяснилась необходимость перепечатать Вашу часть комментария и подчистить текст (весь его объем в совокупности заставил по-новому взглянуть на Вашу часть работы). Я подробно Вам все объясню, когда буду высылать (заказным письмом) материалы. А пишу предварительно, чтобы знать, на месте ли Вы, и только после Вашего ответа вышлю, чтоб, не дай Бог, не потерялось.

Все мое в последней перепечатке. Сверять буду в отпуске. Уеду, вероятно, числа 25-го июля. Если до этого не получу ответа от Вас, придется ждать с отсылкой до сентября. Но, думаю, Вы управитесь быстро, хотя правки очень много. В сентябре же надо отдать том рецензенту (Э.А. Павлюченко), а 1 ноября он должен лежать в редакции. Не верится, что конец скоро. Боюсь, объем превысим (одних комментариев ок[оло] 200 с.). Как Ваши дела?

Всего доброго.
Н.В. Зейфман.

Литература

Глюк А.В. О «Полярной звезде» и «многолетнем дружестве» // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск: Оттиск, 2024. Вып. 8. С. 207–215.

Зейфман Н.В. Несколько уточнений к иконографии В.И. Штейнгейля // Сибирь и декабристы. Вып. 5. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. С. 140–147.

Зейфман Н. Еще одна жизнь. М.: Время, 2017. 224 с.

Ильин П.В. 30 лет документальной серии «Полярная звезда»: достижения и перспективы // Археографический ежегодник за 2009–2010 гг. М.: Наука, 2013. С. 25–36.

Коваль С.Ф. Несколько дополнений к подлинной истории серии «Полярная звезда» // Земля Иркутская. 2005. № 2. С. 92–96.

Матханова Н.П. Из опыта работы в серии «Полярная звезда» // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1 (2). С. 200–205.

Нечкина М.В., Коваль С.Ф. Переписка декабристоведов (1974–1985) / публ., предисл., коммент. Н.П. Матхановой. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2025. 288 с.

Шахеров В.П. Сибирь в жизни и творчестве В.И. Штейнгейля // Сибирь и декабристы. Вып. 2. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. С. 56–77.

Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма / изд. подгот. Н.В. Зейфман и В.П. Шахеровым. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 608 с.

Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи / изд. подгот. Н.В. Зейфман и В.П. Шахеровым. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 448 с.

References

Gluk, A.V. (2024). O “Polyarnoy zvezde” i “mnogoletnem druzhestve” [On the “Polar Star” and “Long-Term Friendship”]. In *Dekabristskoe kol'tso: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov*. Irkutsk. Iss. 8, pp. 207–215.

Ilyin, P.V. (2013). 30 let dokumental'noy serii “Polyarnaya zvezda”: dostizheniya i perspektivy [30 Years of the Documentary Series “Polar Star”: Achievements and Prospects]. In *Arheograficheskiy ezhegodnik za 2009–2010*. Moscow, pp. 25–36.

Koval, S.F. (2005). Neskol'ko dopolneniy k podlinnoy istorii serii "Polyarnaya zvezda" [A Few Additions to the True History of the "Polar Star" Series]. In *Zemlya Irkutskaya*. No. 2, pp. 92–96.

Matkhanova, N.P. (2012). Iz opyta raboty v serii "Polyarnaya zvezda" [From the Experience of Working in the "Polar Star" Series]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 1 (2), pp. 200–205.

Nechkina, M.V., Koval, S.F. (2025). *Perepiska dekabristovedov* [Correspondence of the Decembrist Historians (1974–1985)]. Irkutsk, Irkutsk Museum of the Decembrists. 288 p.

Shakherov, V.P. (1981). Sibir' v zhizni i tvorchestve V.I. Shteyngeylya [Siberia in the Life and Work of V.I. Shteyngel]. In *Sibir' i dekabristy*. Irkutsk. Vol. 2, pp. 56–77.

Zeyfman, N. (2017). *Eshche odna zhizn'* [Another Life]. Moscow, Vremya. 224 p.

Zeyfman, N.V. (1988). Neskol'ko utochneniy k ikonografii V.I. Shteyngeylya [A Few Clarifications on the Iconography of V.I. Shteyngel]. In *Sibir' i dekabristy*. Iss. 5. Irkutsk, pp. 140–147.

Zeyfman, N.V., Shakherov, V.P. (Eds). Shteyngeyl, V.I. (1985). *Sochineniya i pis'ma. T. 1. Zapiski i pis'ma* [Essays and Letters. Vol. 1. Notes and Letters]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo. 608 p.

Zeyfman, N.V., Shakherov, V.P. (Eds). Shteyngeyl, V.I. (1992). *Sochineniya i pis'ma. T. 2. Zapiski i stat'i* [Essays and Letters. Vol. 2. Notes and Articles]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo. 447 p.

К.А. Тишкина
Т.В. Тишкина*

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ДЕКАБРИСТАХ
В 1920-Х ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
И КРАСНОЯРСКОГО ОКРУГА)

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-13
УДК 94(571.51).073

Выходные данные для цитирования:

Тишкина К.А., Тишкина Т.В. Мемориализация памяти о декабристах в 1920-х годах (на примере Енисейской губернии и Красноярского округа) // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 190–195.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-13.pdf>

K.A. Tishkina
T.V. Tishkina*

MEMORIALIZATION OF THE MEMORY OF THE
DECEMBRISTS IN THE 1920S
(ON THE EXAMPLE OF THE YENISEI PROVINCE
AND THE KRASNOYARSK DISTRICT)

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-13

How to cite:

Tishkina K.A., Tishkina T.V. Memorialization of the Memory of the Decembrists in the 1920s (On the Example of the Yenisei Province and the Krasnoyarsk District) // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 190–195.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-13.pdf>]

Abstract. The article is devoted to research and activities aimed at identifying burial sites and preserving the memory of the participants of the December 1825 uprising in St. Petersburg, who were exiled to Siberia, carried out in the 1920s by employees of the archives and museums of the Yenisei Governorate (since 1925, the Krasnoyarsk District). The main focus is on the activities of employees of the Yenisei Provincial Archives Bureau, local authorities, and interested parties who carried out targeted research to find information about the burial sites of the Decembrists and document their condition. The article examines specific cases of identifying the graves of famous figures of the movement, such as M.M. Spiridov, V.L. Davydov, E.I. Mozgalevsky, A.I. Yakubovich, and others, accompanied by detailed descriptions of the surviving memorial signs and eyewitness accounts. The article also highlights the contributions of P.M. Ustimovich, who made significant contributions to the study of V.L. Davydov's legacy, and the artist A.G. Zakovryashin, who drew public attention to the issue of preserving the graves of the Decembrists in Minusinsk. The work is based on archival sources, including materials from witness interviews, drawings, plans, and descriptions of tombstones that record cultural heritage sites that have since been lost. The study demonstrates the importance of local history initiatives in the first quarter of the 20th century in preserving the historical memory of the Decembrist political movement and highlights the need for further research in identifying monuments and organizing events to commemorate historical figures.

Keywords: Decembrists, Siberia, Yenisei Governorate, Krasnoyarsk District, S.N. Mameev, P.M. Ustimovich.

The article has been received by the editor on 31.08.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ксения Алексеевна Тишкина**, кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, e-mail: ksetishkina@mail.ru

Ksenia Alekseevna Tishkina, Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia, e-mail: ksetishkina@mail.ru

Татьяна Владимировна Тишкина, кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, e-mail: tvtyshkina@mail.ru

Tatiana Vladimirovna Tishkina, Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia, e-mail: tvtyshkina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованиям и мероприятиям по выявлению мест захоронений и сохранению памяти об участниках декабрьского восстания 1825 г. в Санкт-Петербурге, сосланных в Сибирь, проводимым в 1920-е гг. сотрудниками архива и музея Енисейской губернии (с 1925 г. – Красноярский округ). Основное внимание уделено деятельности сотрудников Енисейского Губернского архивного бюро, местных властей и заинтересованных лиц, осуществлявших целенаправленную работу по поиску сведений о местах погребений декабристов и фиксации их состояния. Рассматриваются конкретные случаи идентификации захоронений известных деятелей движения – М.М. Спиридова, В.Л. Давыдова, Е.И. Мозгалева, А.И. Якубовича и др., сопровождаемые детальными описаниями сохранившихся памятных знаков и свидетельствами очевидцев. Обращено внимание на деятельность П.М. Устимовича, внесшего значительный вклад в изучение наследия В.Л. Давыдова, и художника А.Г. Заковряшина, обратившего внимание общественности на проблему сохранения захоронений декабристов в Минусинске. Работа выполнена на основании архивных источников, включающих материалы опросов свидетелей, рисунки, чертежи и описания надгробий, фиксирующих утраченные к настоящему времени объекты культурного наследия. Исследование демонстрирует важность краеведческих инициатив первой четверти XX в. в деле сохранения исторической памяти о политическом движении декабристов и подчеркивает необходимость дальнейших исследований в области выявления памятников и организации мероприятий по увековечиванию памяти исторических деятелей.

Ключевые слова: декабристы, Сибирь, Енисейская губерния, Красноярский округ, С.Н. Мамеев, П.М. Устимович.

Статья поступила в редакцию 31.08.2025 г.

В 1925 г. в СССР планировалось проведение масштабных торжественных мероприятий, приуроченных к 100-летию восстания на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. По распоряжению Центрального Архива РСФСР архивные бюро и учреждения страны приступили к выявлению документов, связанных с декабристами, а также уточнению уже имевшихся данных. Важным направлением деятельности стало нахождение мест захоронений декабристов и их родственников, оценка состояния и в случаях необходимости восстановление надмогильных памятников. Эти данные могли способствовать конкретизации биографических сведений участников восстания на Сенатской площади в Санкт-Петербурге в 1825 г. Енисейская губерния (с 1925 г. – Красноярский округ), как территория поселения ссыльных декабристов, являлась местом сосредоточения документальных и вещественных источников.

Начиная с 1923 г. сотрудники Енисейского Губернского архивного бюро, используя имеющиеся сведения о местах проживания декабристов в губернии, направляли запросы в сельсоветы и милицию с рекомендациями дальнейших действий при обнаружении могил декабристов и их родственников. Так, например, следовало составить подробное описание надмогильного сооружения, схематически зафиксировать план местности, по возможности выполнить фотографии. Все собранные сведения необходимо было направлять в архивное бюро.

В январе 1924 г. от волостного организатора РКП(б) Радокина были получены сведения о Михаиле Матвеевиче Спиридове, проживавшем с 1848 г. в д. Дрокино Красноярского уезда и умершем там в 1857 г. Информацией о декабристе поделились два жителя села. Так, М.Д. Нашивочник передал воспоминания своих родителей о том, что М.М. Спиридов занимался сельским хозяйством, «...которое достигало по засеvu до 40 десятин, были в большом количестве и рабочие батраки, лошадей было 20, также и <...> скот рогатый»¹.

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1836. Оп. 1. Д. 35. Л. 36.

Выращивал пшеницу, рожь, гречиху, лен и т.д. Финансовых трудностей М.М. Спиридов не испытывал, так как ему периодически доставлялись средства «...как будто бы от сестры». В деревне у него был собственный дом с прислугой. Декабрист поддерживал контакты с местными жителями, помогал им продуктами и деньгами, «...был всегда внимателен и добр, но особенно ничего не рассказывал»². После смерти М.М. Спиридова в его доме была устроена школа, но вскоре дом был продан «...какому-то городскому жителю». На могиле была установлена плита, а спустя время кто-то из родственников посетил ее и поставил ограду. Другой житель д. Дрокино – Вульф – помнил декабриста, но «...ему не приходилось разговаривать со Спиридовым, да и Спиридов ни с кем не разговаривал»³. Вульф отметил, что к М.М. Спиридову часто приезжали в гости, но сам он не покидал деревни. Весь свой урожай хлеба отправлял в тайгу на золотые прииски.

Фамилия декабриста закрепилась в топониме. Недалеко от д. Дрокино находилась заимка, которую местные жители называли Спиридовской⁴. Похоронен декабрист был в с. Арейское. Х.А. Глухов выполнил описание памятника, отметив, что могила располагалась «...от церкви на юг сажениях в 30-ти. Креста нет»⁵. На самой верхней плите (всего на могиле друг на друге было установлено три плиты) была надпись: «Здесь покоится тело раба Божьего Михаила Матвеевича Спиридова, скончавшегося 20-го декабря 1854 года». Х.А. Глухов также отметил, что по утверждениям крестьян у М.М. Спиридова была заимка в пяти километрах от д. Зелеево, которая наследниками декабриста сдавалась в аренду до 1917 г.

В апреле и ноябре 1924 г. в Красноярске обследование мест захоронений предпринял С.Н. Мамеев. Побывав на Троицком кладбище, исследователь зафиксировал захоронения В.Л. Давыдова и членов семьи декабриста Н.О. Мозгалевского – его жены Е.И. Мозгалевской, сына А.Н. Мозгалевского, внучки К.С. Колобовой, а также свояченицы декабриста Н.Ф. Лисовского Е.А. Галкиной.

Место погребения Е.И. Мозгалевской было обнаружено С.Н. Мамеевым «...в 69 шагах от северной стороны церкви». На могиле находилась чугунная плита с надписью: «Под сей плитой покоится прах Евдокии Илларионовны Мозгалевской. Скончалась 27 февраля 1888 года». Рядом располагалась могила ее сына. На чугунной плите сохранилась надпись: «Мир праху твоему. Под сим крестом покоится дорогой наш папа, сын декабриста, потомственного дворянина Николая Осиповича Мозгалевского – Александр Николаевич Мозгалевский. Род. 1833 г. Умер 1899 г.»⁶. Ограждения вокруг захоронений отсутствовали. В метре от погребения А.Н. Мозгалевского находилось захоронение К.С. Колобовой, которая скончалась 21 ноября 1912 г. На могиле Е.А. Галкиной стоял гранитный памятник. С западной стороны было выбито: «Здесь покоится Евдокия Алексеевна Галкина», с северной – «Родилась 20.II.1823 года. Скончалась II.XI.1913 года», с южной – «Царствие небесное тебе Дорогая»⁷. С.Н. Мамеевым также были выполнены зарисовка и обмер памятника В.Л. Давыдова (рис. 1).

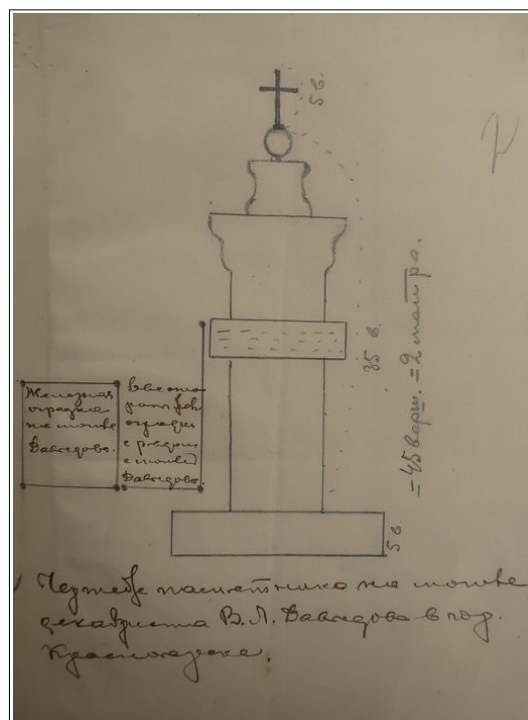

Рис. 1. Чертеж памятника на могиле декабриста В.Л. Давыдова в г. Красноярске. Выполнен С.Н. Мамеевым в 1924 г. ГАКК. Ф. Р-1675. Оп. 1. Д. 43. Л. 2

² ГАКК. Ф. Р-1836. Оп. 1. Д. 35. Л. 36.

³ Там же. Л. 36 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 37.

⁶ Там же. Ф. Р-1675. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–2.

⁷ Там же. Л. 4.

В августе 1925 г. был направлен запрос в Енисейск с целью выявления сведений о захоронениях декабристов А.И. Якубовича и И.Б. Аврамова. Согласно имевшейся у сотрудников Енисейского Губернского архивного бюро информации, А.И. Якубович скончался в Енисейске и был похоронен на Крестовоздвиженском кладбище, а И.Б. Аврамов – в Осиновом зимовье Анциферовской волости Енисейского уезда. В октябре 1925 г. старший милиционер Терещенко вместе с двумя понятыми обследовали Крестовоздвиженское кладбище, но не обнаружили могильной плиты, «...хотя и была таковая и за давностью времени следы исчезли»⁸. Не была выявлена и могила декабриста А.П. Арбузова в с. Назаровском.

В ноябре 1925 г. в Енисейское Губернское архивное бюро от В.П. Алексанова поступили данные о могиле Н.Ф. Лисовского в с. Толстый Нос. Информатор сообщал, что место захоронения на местном кладбище ему указали жители села. Надмогильная плита была покрыта мхом, местами разрушилась, надпись стерлась. В.П. Алексанову удалось ее очистить и сделать зарисовку (рис. 2).

Жительница с. Толстый Нос Н.Н. Бычева поделилась с В.П. Алексановым информацией о жизни декабриста, которую она знала «по рассказам стариков»: «...это был большой человек, в Бога не верил и часто говорил: не Богу молитесь, а мне – Бог Вам когда даст, а я хоть сейчас. Жил в Пилятке у Всеволода Байкалова, приехал сюда на время, здесь и умер»⁹. Слова Н.Н. Бычевой подтвердили и другие жители села.

Поиски захоронения И.Б. Аврамова (Абрамова) заняли значительное время. Данные поступили в Енисейское Губернское архивное бюро в начале 1926 г. от председателя сельсовета д. Осиново. Старожилы деревни смутно помнили о событиях, связанных со смертью декабриста: «...какой-то неизвестный, проезжая через станок Осиново, умер и был похоронен на Осиновском кладбище – поставлен крест с надписью “Несчастный”»¹⁰. Захоронение находилось в юго-восточной части Осиновского кладбища. Обследование показало, что хорошо сохранился надмогильный крест, однако надпись на нем оказалась утраченной. Рядом с могилой «...выросли как два сторожа березы, которые уже несколько раз срубались и опять быстро вырастали. Последнее создало в умах местных старожилов, что тут похоронен непростой человек, и тщательно охраняли могилу»¹¹.

В ноябре 1925 г. вышел второй выпуск «Ежегодника Государственного Музея имени Н.М. Мартыанова в г. Минусинске» с подзаголовком «Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию юбилею восстания декабристов. 1825 – 28 (14) декабря – 1925». В сборнике была размещена статья В.А. Ватин-Быстрянского «Политическая ссылка в Минусинске», посвященная жизни ссыльных – участников восстания на Сенатской площади в Санкт-Петербурге и Польского восстания 1830 г., а также две статьи А.П. Косованова: «Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова» и «Новые страницы жизни минусинских

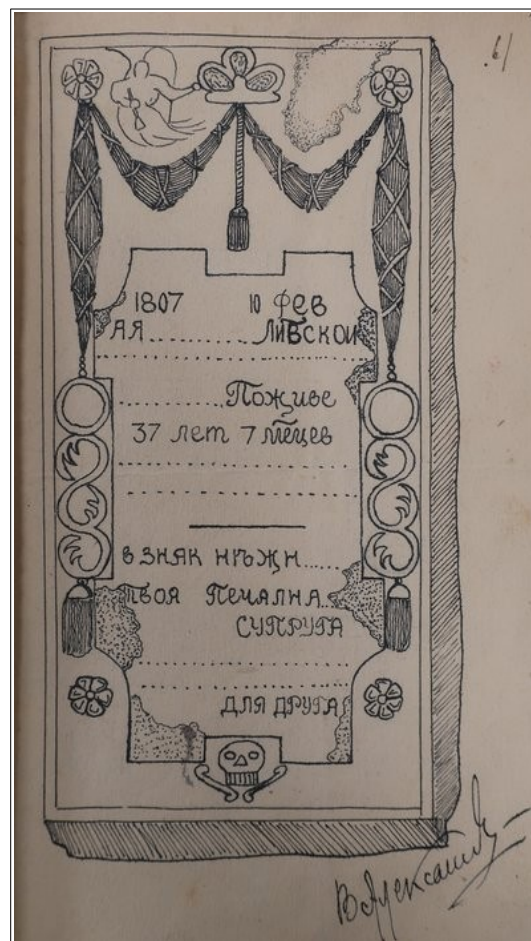

Рис. 2. Зарисовка плиты на могиле Н.Ф. Лисовского. Выполнена В.П. Алексановым в 1925 г. ГАКК. Ф. Р-1836. Оп. 1. Д. 35. Л. 61

⁸ ГАКК. Ф. Р-1836. Оп. 1. Д. 35. Л. 72.

⁹ Там же. Л. 60 об.

¹⁰ Там же. Л. 77.

¹¹ Там же.

декабристов». Для А.П. Косованова тема декабристов являлась не только объектом научного интереса, но и частью семейной истории. Его бабушка воспитывалась в семье декабриста А.Ф. Фролова, отбывавшего ссылку в с. Шушенском Минусинского округа. В статье «Новые страницы жизни минусинских декабристов» А.П. Косованов сообщал о состоянии мест погребений декабристов. На одном из кладбищ Минусинска находились могилы Н.А. Крюкова и его жены М.Д. Сайлотовой. Несмотря на то, что имелись сведения о расположении могилы декабриста – «...вправо от старых ворот, в близком расстоянии от них между четырех сосен, окаймленная кирпичной оградкой», она не была обнаружена. На одном из ликвидированных кладбищ города был захоронен Н.О. Мозгалеvский. На месте кладбища располагался базар. На момент обследования от могилы остался «...небольшой едва заметный холмик с высунувшейся из земли одним углом могильной плитой из красного песчаника»¹². Установление принадлежности захоронения оказалось возможным благодаря сведениям, переданным невесткой декабриста А.Д. Мозгалеvской.

На Первом Сибирском съезде художников, который проходил в Новосибирске 2–6 января 1927 г., представитель от Минусинска художник-график А.Г. Заковряшин обратил внимание на состояние памятников, связанных с жизнью декабристов. Он отметил, что при обследовании могилы Н.О. Мозгалеvского¹³ надо было «...снять 30 возов навоза, чтобы до нее добраться. Ее откопали, сфотографировали и... снова навоз сверху. На базаре на этом месте бабы молоком торгуют»¹⁴.

Во второй половине 1920-х гг. выявлением захоронений декабристов и сбором мемориальных вещей занимался Петр Митрофанович Устимович (1867–1931), бывший сотрудник Пушкинского Дома. С 1927 г. он находился в ссылке в Красноярском округе и проживал в Енисейске. С разрешения ОГПУ в ноябре 1927 г. П.М. Устимович вошел в штат Государственного Енисейского естественно-исторического и историко-культурного музея в качестве «добровольного» научного сотрудника. В августе-сентябре 1928 г. П.М. Устимович был направлен в командировку в поселение Назимово для сбора информации о пребывании там декабриста А.И. Якубовича. Ранее исследователь уже занимался выявлением документов о жизни декабриста. Так, для сборника «Декабристы. Неизданные материалы и статьи» (1925) им были подготовлены к публикации письма А.И. Якубовича, сохранившиеся в Пушкинском Доме.

Согласно имевшимся сведениям, после завершения срока каторги декабрист в 1842–1845 гг. заведовал резиденцией «Ермак» золотопромышленной компании Малевинского и Базилевского, располагавшейся в Назимово. Постройки резиденции сгорели в конце XIX в. В документах местной церкви Казанской Богоматери П.М. Устимовичу удалось выявить автограф А.И. Якубовича на счете об отпуске припасов и товаров Николаевского прииска. Исследователь также обнаружил вещи декабриста: икону, «...которую он благословил в 1844 г. на брак своего казачка Ларионова, и три серебряные ложки, принадлежащие Якубовичу»¹⁵. Вдова сына Ларионова – Агафья Ларионова – сообщила П.М. Устимовичу, что «...по словам свекра, Якубович приготовил себе могилку в резиденции “Ермак” и выложил ее камнем»¹⁶. Выявленные мемориальные вещи П.М. Устимович передал в Государственный Енисейский естественно-исторический и историко-культурный музей. Информация о находках была опубликована им в декабрьском номере «Известий Центрального бюро краеведения»¹⁷.

Летом 1929 г. П.М. Устимович совершил очередную служебную поездку с целью сбора материалов для музея. На пароходе он встретил жителя станка Осиневского Н.А. Игнатова и передал для местного сельсовета предписание по охране могилы декабриста

¹² Косованов А.П. Новые страницы жизни минусинских декабристов // Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию юбилею восстания декабристов. 1825 – 28 (14) декабря – 1925. Минусинск, 1925. С. 82.

¹³ В тексте имя декабриста не называется.

¹⁴ Первый сибирский съезд художников // Сибирские огни. 1927. № 3. С. 228.

¹⁵ МКУ «Архив города Енисейска». Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Новое о декабристах // Известия Центрального бюро краеведения. 1928. № 10. С. 24.

И.Б. Аврамова. В связи с тем, что пароход не останавливался на станке, П.М. Устимович не смог обследовать состояние надмогильной плиты. В своем отчете он указал: «Я четко видел с парохода зеленую купу берез над могилой Абрамова. По словам Игнатова сельсовет охраняет могилу и не позволяет <...> бабам нарезать веники из этих берез»¹⁸.

Выявление данных о местах захоронений декабристов и членов их семей, а также обследование состояний надмогильных памятников способствовали привлечению внимания населения к личностям, сыгравшим значительную роль в истории государства. К сожалению, из-за отсутствия фотофиксации не сформировались материалы о видах памятников на момент их обнаружения. Некоторые из захоронений декабристов до сих пор не выявлены и считаются утерянными. Например, могила А.И. Якубовича в Енисейске. Тем не менее память о декабристах постепенно восстанавливается в культурном ландшафте населенных пунктов. В 1980 г. рядом с могилой В.Л. Давыдова на месте предполагаемого захоронения декабриста М.Ф. Митькова сооружен надмогильный памятник. В 2005 г. в Минусинске установлен кенотаф Н.О. Мозгалеvскому и Н.А. Крюкову на территории ликвидированного кладбища в районе Вознесенской церкви.

В 1997 г. в Минусинске в доме братьев Н.А. и А.А. Крюковых был открыт Музей декабристов, в котором хранятся кандалы Н.О. Мозгалеvского, супница С.Г. Волконского, вещи членов семьи Н.А. Крюкова. Мемориальные вещи декабристов представлены и в других музеях Красноярского края. Так, например, в Музее-усадьбе Г.В. Юдина в экспозиции «Декабристы в Енисейской губернии» размещены портреты, письма декабристов и членов их семей, представлены метеорологические наблюдения М.Ф. Митькова.

Литература

Косованов А.П. Новые страницы жизни минусинских декабристов // Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию юбилею восстания декабристов. 1825 – 28 (14) декабря – 1925. Минусинск: Городская типография, 1925. С. 67–84.

Новое о декабристах // Известия Центрального бюро краеведения. 1928. № 10. С. 24.

Первый сибирский съезд художников // Сибирские огни. 1927. № 3. С. 204–231.

References

Kosovanov, A.P. (1925). *Novye stranitsy zhizni minusinskih dekabristov* [New Pages in the Life of the Minusinsk Decembrists]. In *Dekabristy v Minusinskom okruge. K 100-letnemu yubileyu vosstaniya dekabristov. 1825 – 28 (14) dekabrya – 1925*. Minusinsk, Gorodskaya tipografiya, pp. 67–84.

(1928). *Novoe o dekabristah* [New Information about the Decembrists]. In *Izvestiya Tsentral'nogo byuro kraevedeniya*. No. 10, p. 24.

(1927). *Pervyy sibirskiy s'ezd khudozhnikov* [The First Siberian Congress of Artists]. In *Sibirskie ogni*. No. 3, pp. 204–231.

¹⁸ МКУ «Архив города Енисейска». Р-250. Оп. 1. Д. 54. Л. 48.

В.А. Кламм*

ПАМЯТЬ О ДЕКАБРИСТАХ В XX ВЕКЕ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЮБИЛЕЙНЫХ КАМПАНИЙ)doi:10.31518/2618-9100-2025-6-14
УДК 94(47)"1825.12.14"*Выходные данные для цитирования:**Кламм В.А. Память о декабристах в XX веке (на примере анализа юбилейных кампаний) // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 196–209.**URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-14.pdf>*

V.A. Klamm*

THE MEMORY OF THE DECEMBRISTS
IN THE 20TH CENTURY (USING THE EXAMPLE
OF AN ANALYSIS OF JUBILEE CAMPAIGNS)

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-14

*How to cite:**Klamm V.A. The Memory of the Decembrists in the 20th Century (Using the Example of an Analysis of Jubilee Campaigns) // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 196–209. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-14.pdf>]*

Abstract. The article analyzes the changing attitude towards the Decembrists and the uprising on Senate Square at the governmental, public and scientific levels during the 20th century. The focus is on anniversary campaigns dedicated to the Decembrists. At the beginning of the 20th century, there was a surge of interest in the events of 1825 in the scientific field. This is due to the relaxation of censorship and the beginning of the publication of the Decembrist program documents. During the Soviet period, the historical policy of the Soviet state was changing. In 1925, on the eve of the centenary of the revolt, a discussion was brewing about how to treat the Decembrists. The apogee of interest in the revolt on the Senate Square was observed in the second half of the 20th century. The tradition of “Soviet Decembrist studies” is being formed, and the works of renowned Soviet historians (M.V. Nechkina, N.M. Druzhinin, and others) are being published. The most significant event is the celebration of the 150th anniversary in 1975. The Soviet government acted as an important mnemonic actor in a large-scale commemoration. The author analyzes the program of events of the USSR Ministry of Culture. Conclusions are drawn about the features of historical politics related to the event in question in the late Soviet and post-Soviet periods. So, in 2000, the 175th anniversary was widely celebrated in the press, historiography, at the state and regional levels. The jubilee phenomenon has deep historical roots and needs further thorough study. The results obtained during the research can make an invaluable contribution to preserving the historical memory of the revolt on Senate Square, as well as subject this historical event to further reflection in the scientific community. The author identifies the main stages of the transformation of the memory of the Decembrists in the 20th century: from pre-revolutionary ideas and the beginning of the formation of the early Soviet canon to the period of debunking myths about Decembrism at the end of the last century.

Keywords: the Decembrist revolt, anniversary, historiography, mnemonic actors, memory policy, historical science.

The article has been received by the editor on 15.09.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется меняющееся в течение XX в. отношение к декабристам и восстанию на Сенатской площади на правительственном,

* Виктория Андреевна Кламм, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, e-mail: pobeda.kl@mail.ru

Viktoriya Andreevna Klamm, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: pobeda.kl@mail.ru

публичном и научном уровнях. Акцентируется внимание на юбилейных кампаниях, посвященных декабристам. В начале XX в. наблюдался всплеск интереса к событиям 1825 г. в научной сфере. Это объясняется ослаблением цензуры и началом публикации программных документов декабристов. В советский период представления о революционерах-дворянах меняются. В 1925 г., в преддверии столетия со дня восстания, назревает дискуссия о том, как следует относиться к декабристам. Пик интереса к восстанию на Сенатской площади наблюдается во второй половине XX в. Формируется традиция «советского декабристоведения», выходят работы именитых советских ученых-историков (М.В. Нечкиной, Н.М. Дружинина и др.). Самым значимым событием является празднование 150-летнего юбилея в 1975 г. Советское правительство выступило важным мнемоническим актором в масштабной коммеморации. Автором проанализирована программа мероприятий Министерства культуры СССР. Сделаны выводы об особенностях исторической политики, связанной с рассматриваемым событием, в позднесоветский и постсоветский периоды. Так, в 2000 г. 175-летний юбилей широко празднуется в прессе, историографии, на государственном и региональном уровнях. Феномен юбилея имеет глубокие исторические корни и нуждается в дальнейшем основательном изучении. Результаты, полученные в ходе исследования, могут внести неоценимый вклад в сохранение исторической памяти о восстании на Сенатской площади, а также подвергнуть это историческое событие дальнейшей рефлексии в научной среде. Автор выделяет основные этапы трансформации памяти о декабристах в XX в.: от дореволюционных представлений и начала формирования раннесоветского канона до периода развенчания мифов о декабризме в конце прошлого столетия.

Ключевые слова: восстание декабристов, юбилей, историография, мнемонические акторы, политика памяти, историческая наука.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025 г.

Введение. В декабре 2025 г. отмечается 200-летие со дня восстания декабристов на Сенатской площади. «Круглая» годовщина актуализирует память о событиях декабря 1825 г. Важно понимать, что образ самих декабристов постоянно переосмыслился, наделялся разными оценками, в том числе в научно-академической среде. Особенно интересно проследить меняющиеся представления о декабристском движении в XX в. с провозглашением нового Советского государства и с установлением определенных канонов понимания событий дореволюционного прошлого.

В качестве источников проанализированы делопроизводственные документы, касающиеся планов и методических рекомендаций по празднованию юбилеев восстания декабристов, материалы периодической печати, публицистические произведения политических и научных деятелей, а также труды историков – исследователей декабризма. При анализе использовался историко-генетический метод для изучения тенденций празднования юбилейных дат со дня восстания, а также акторно-ориентированный подход О.Ю. Малиновой¹, основанный на выявлении основных мнемонических акторов, участвовавших в праздновании юбилеев рассматриваемого события. Таким образом, статья основана на концепции, связанной с понятиями политики памяти («деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом»²) и исторической политики («использовании государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты»³).

¹ Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 305.

² Там же. С. 291.

³ Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке. М., 2012. С. 19.

Перейдем к анализу трансформации памяти о декабристах на примере юбилейных кампаний со дня восстания на Сенатской площади.

Дореволюционный период. С.Е. Эрлих, изучая мифы о декабристах, созданные в дореволюционный период, приходит к выводу, что после восстания 1825 г. бурное развитие общественной мысли в России привело к тому, что конструкция царской пропаганды была перевернута: «Декабристский миф стал основой идентичности нарождавшегося в середине XIX в. слоя “новых людей”, вошедших в историю под именем “интеллигенции”. Жертвенная борьба с “гидрой царизма” ради счастья простого народа стала главной задачей мыслящего сословия пореформенной России»⁴. Стоит отметить, что речь в данном контексте идет об образах декабристов в общественной мысли и историографии. На государственном уровне об участниках восстания как о героях никто не говорил.

Однако уже в предреволюционное время Манифест от 17 октября 1905 г. частично снял цензурные барьеры и был открыт доступ к материалам декабристского следствия. За исторически короткий промежуток появляется целое созвездие научных трудов⁵, посвященных декабристам. В работах прослеживается тенденция к пересмотру героических мифов о движении декабристов, сложившихся к тому времени в сознании образованного общества. Причиной этого, прежде всего, стала находка и публикация конституционных проектов декабристов: различных вариантов «Конституции» Н.М. Муравьева, «Русской Правды» П.И. Пестеля, а также изменения общественно-политического контекста. Российские историки и публицисты начала XX в. в своих работах пытались деконструировать героические мифы, созданные на основе «сакральных ленинско-герценовских представлений»⁶. В своих публицистических статьях Д.С. Мережковский подчеркивал откровенную негероичность восстания: «...силой обстоятельств они были вынуждены выйти на площадь, но им самим при этом было “кухельбекерно и тошно”»⁷. К.Н. Левин задумывался о том, что лежало в основе конституционных проектов: «Конституция Муравьева включает в себе явные черты крепостничества, черты феодализма. В ней на первый план выдвинуты интересы дворянства, на втором плане стоят интересы представителей торгово-промышленного капитала, народные же массы остаются бесправными»⁸. Таким образом, по мнению О.Б. Леонтьевой, «...в работах историков нового поколения декабристы предстали уже не восторженными романтиками, а реалистично мыслящими политиками, родоначальниками партийно-политической традиции начала XX века. Одновременно образы декабристов в общественном сознании начали терять героико-романтический ореол...»⁹.

К противникам царского режима позитивно относились сторонники различных политических течений – от умеренных либералов до социал-демократов, которые, в свою очередь, были готовы считать декабристов своими предшественниками. Об этом свидетельствуют высказывания В.И. Ленина еще в 1912 г.: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена»¹⁰, а также в докладе 1917 г.: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами <...> Несомненно, эти жертвы пали не

⁴ Эрлих С.Е. Декабристы: История мифа // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 164.

⁵ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М., 1907; Довнар-Запольский М.В. Тайное общество декабристов: Исторический очерк, написанный на основании следственного дела. М., 1906; Павлов-Сильванский Н.П. Декабрист Пестель пред Верховным уголовным судом. М., 2011; Левин К.Н. Декабристы: история вооруженного восстания 14 декабря 1825 г. СПб., 1906.

⁶ Эрлих С.Е. Декабристы в исторической памяти. Конец 1990 – начало 2010 гг. СПб., 2014. С. 161.

⁷ Мережковский Д.С. Больная Россия. Л., 1991. С. 139–142.

⁸ Левин К.Н. Декабристы: история вооруженного восстания... С. 56.

⁹ Леонтьева О.Б. Героизация и дегероизация образов декабристов в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12., № 2. С. 61.

¹⁰ Ленин В.И. Памяти Герцена // Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М., 1968. Т. 21. С. 261.

напрасно, несомненно, они способствовали – прямо или косвенно – последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть. Это удалось только революционной борьбе пролетариата»¹¹. С течением времени декабристы все прочнее утверждались в пантеоне главных героев русской истории. Ленин укрепил их место в этом пантеоне, развернув широкую пропаганду – «первичность» их «просветительской» миссии подчеркивалась эпиграфом («Из искры возгорится пламя»), который Ленин подобрал для первой партийной газеты со «светопорождающим» названием «Искра»¹².

Продолжателями дела противников царского режима считали себя и деятели Февральской революции. В Петрограде выходит книга Дмитрия Мережковского «Первенцы свободы. История восстания 14 декабря 1825 года»¹³ с посвящением «продолжателю дела декабристов А.Ф. Керенскому»¹⁴. В марте 1917 г. по инициативе группы видных представителей творческой интеллигенции и революционеров была создана общественная организация «Общество памяти декабристов».

Первый советский юбилей. После Октябрьской революции и провозглашения СССР начал закладываться новый раннесоветский канон восприятия декабристского движения. И первым значимым поводом для этого стал исполнившийся в 1925 г. столетний юбилей со дня восстания декабристов. Однако после Октября 1917 г. отношение к участникам восстания было не столь очевидно, несмотря на то, что историко-революционная тематика была на подъеме. Было не до конца ясно, можно ли большевикам называть декабристов своими предшественниками, ведь их идеологические принципы и классовые убеждения совершенно отличались от государственной идеологии. В 1923 г., в преддверии декабристского юбилея, в печати выступил руководитель Истпарта – Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б), историк и партийный журналист М.С. Ольминский. Он считал, что праздновать столетие восстания не нужно: «Собираются праздновать столетний юбилей декабристов, собираются ставить им памятник и т.д. За что? <...> Это были представители чисто помещичьих интересов, которые заботились только о помещичьей выгоде. <...> И вот, что же мы будем праздновать в декабре 1925 года: 20-летие нашей первой пролетарской революции или же столетие обмана помещиками солдат?»¹⁵.

В декабре 1923 г. в разных газетах стали звучать обвинения в адрес М.С. Ольминского и высказывалось мнение о значимости юбилейных мероприятий. Например, руководитель Общества бывших политических каторжан В.Д. Виленский-Сибиряков, член Коминтерна Г.М. Крамаров, член Общества старых большевиков С.И. Мицкевич и руководитель Центрархива М.Н. Покровский отмечали непрофессиональный подход М.С. Ольминского к теме движения декабристов и поспешность сделанных им выводов: «Декабристы отнюдь не все были помещиками, обманно увлекшими солдат на Сенатскую площадь, а были в своей части... настоящими революционерами»¹⁶.

Столетний юбилей восстания декабристов был включен в перечень ближайших крупных мероприятий, требовавших тщательной подготовки. В конце 1923 г. были образованы две юбилейные комиссии. Главными учредителями выступили Центральный архив Москвы и Общество бывших политкаторжан. Председателем первой комиссии являлся историк М.Н. Покровский, а второй – член Общества политкаторжан А.В. Якимова-Диковская. Во многих городах учреждались местные комиссии по подготовке к столетнему юбилею. Кроме того, в организации мероприятий участвовали общественные институты и учреждения. Их список был объемён, он приводится в протокольных записях Общества

¹¹ Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М., 1973. Т. 30. С. 315–316.

¹² Эрлих С.Е. Декабристы в исторической памяти... С. 157.

¹³ Мережковский Д.С. Первенцы свободы. История восстания 14-го декабря 1825 г. Пг., 1917.

¹⁴ Там же. С. 3.

¹⁵ Ольминский М.Н. Нужно ли праздновать юбилей декабристов? // Рабочая газета. 1923. 18 дек.

¹⁶ Покровский М.Н., Мицкевич С.И. Нужно ли праздновать юбилей декабристов? // Декабристы. 1825–1925: сб. ст. и мат.-лов. М., 1925. С. 19–32.

политкаторжан: двенадцатая опытная школа Московского отдела народного образования (МОНО) «Памяти декабристов», Библиотека им. В.И. Ленина, Военно-научное общество, Общество любителей российской словесности, Общество старых большевиков и ряд других¹⁷. Активную деятельность в мемориальной практике разворачивали исторические общества «Старый Петербург» и «Старая Москва», ставившие своей целью организацию реставрирования и охраны памятников культуры. 26 декабря 1925 г. на II Всесоюзном съезде Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев выступил Лев Троцкий: «Декабристы были первой попыткой дворянской интеллигенции, приобщившейся к истокам Великой Французской Революции, дать царизму отпор и пробить окно в Европу»¹⁸.

Несмотря на активное участие культурных, научных, художественных институтов в праздновании столетия восстания декабристов, на государственном уровне юбилей не праздновали: «...Кампания, проходившая в связи со столетием восстания, не была организована на государственном уровне: по крайней мере никаких постановлений по этому поводу центральные партийные и государственные органы не принимали»¹⁹.

Особого внимания заслуживает научное изучение декабризма в 1920-х гг. Большой исследовательский интерес представляют монография С.Я. Гессена²⁰, работы М.В. Нечкиной «Семинарий по декабризму»²¹ и «Общество соединенных славян»²², а также труд П.П. Парадизова²³. Работы являются комплексными исследованиями, посвященными, в том числе, и изучению отечественного декабристоведения – от «Донесения следственной комиссии» графа Д.Н. Блудова до представителей марксистского направления начала XX в. Монографии вышли в период становления советской исторической науки, когда наряду с новыми идеологическими нормами было востребовано наследие дореволюционной исследовательской школы, что отразилось на их содержании. Вместе с этим уже в это время намечалась тенденция на пересмотр концепции Покровского через призму исследований декабризма: А.Е. Пресняков в своей книге²⁴ изучал контекст возникновения движения и создания тайных обществ, признавая их в качестве революционных организаций (так, например, в Северном обществе, которому ленинградский историк уделил особое внимание, существовал конкретный орган, отвечавший за деятельность организации – «Северная управа», «Верховная дума Северного общества»²⁵). Изучение феномена декабризма продолжали ученики А.Е. Преснякова, видные представители «петербургско-ленинградской» школы – С.Н. Чернов²⁶, А.Н. Шебунин²⁷ и др.

В это же время зарождается новое направление в исторических исследованиях – *сибирское декабристоведение*. Его возникновение во многом связано с открытием Иркутского университета и деятельностью историка Б.Г. Кубалова, читавшим в 1920-х гг. курс «Декабристы в Восточной Сибири» для студентов-историков. В 1925 г., в столетний юбилей, под его авторством издаются одноименный сборник очерков²⁸ и краеведческая книга²⁹, посвященные пребыванию декабристов в сибирских регионах. Помимо этого, Б.Г. Кубалов

¹⁷ Подготовка к празднованию 100-летнего юбилея восстания декабристов // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. 1925. № 4. С. 296–297.

¹⁸ Троцкий Л.Д. Через двадцать лет // Троцкий Л.Д. Сочинения. М.; Л., 1927. Т. 2. Ч. 2. С. 234.

¹⁹ Булдакова Д.И., Киянская О.И. Юбилей восстания декабристов в советской исторической науке и периодике первой трети XX в. // Россияведение: в поисках утраченного времени: сб. науч. тр. М., 2019. С. 49.

²⁰ Гессен С.Я. Декабристы перед судом истории. [1825–1925]. Л.; М., 1926.

²¹ Нечкина М.В. Семинарий по декабризму. М., 1925.

²² Нечкина М.В. Общество соединенных славян. М.; Л., 1927.

²³ Парадизов П. Декабристы. Харьков, 1930.

²⁴ Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 г. М.; Л., 1926.

²⁵ Там же. С. 49.

²⁶ Чернов С.Н. Поиски сношений декабристов с Западом // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев. 1926. № 5. С. 113–123.

²⁷ Шебунин А.Н. Н.И. Тургенев в тайном обществе декабристов // Декабристы и их время. М., 1928. Т. 1. С. 109–164.

²⁸ Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925.

²⁹ Кубалов Б.Г. Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. К юбилею Декабрьского восстания. Иркутск, 1925.

совместно с другими сибирскими учеными-декабристоведами М.К. Азадовским и М.Е. Золотаревым участвует в издании коллективного сборника «Сибирь и декабристы»³⁰, в который вошли статьи, материалы, неизданные письма, библиография участников восстания.

Празднование 110-летия со дня восстания прошло практически незамеченным прессой³¹. Так можно сказать и про 1930-е гг.: «Предвоенные исследования о декабристах имели скорее пропагандистский, чем научный характер, что свидетельствовало о кризисе декабристоведения. Для трудов этого периода характерны упрощенные подходы, построение оторванных от реальности концепций, желание “подогнать” выводы под наперед запрограммированную схему»³².

Долгое время о декабристах на уровне высшего руководства никто не вспоминал, а юбилеи восстания на государственном и региональном уровнях не праздновались, однако историография декабристской тематики продолжала пополняться новыми исследованиями: например, в 1930-х гг. вышла работа Н.М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев»³³, основанная на тщательном изучении сочинений и переписки Муравьева, на сопоставлении его конституционного проекта с современными ему актами зарубежных государств. Данную работу можно назвать продолжающейся инерцией по подъему в изучении декабризма в 1920-е гг. В 1929 г. Дружинин защитил ее как аспирантскую диссертацию, которая в то же время была подвергнута критике. В обсуждении диссертации явственно видно формирование определенного канона, «трафарета» (по выражению М.В. Нечкиной), предъявляемого к марксистским исследованиям³⁴. В 1933 г. работа после некоторой переработки вышла отдельной монографией. То, как исследователь решился на публичную защиту в столь непростой период развития науки и высшего образования, анализирует Н.В. Гришина: «Дружинин учел некоторые замечания оппонентов, но не отказался от большинства своих выводов»³⁵.

Декабристы в исторической памяти второй половины XX в.: от советской к постсоветской концепции декабризма. Во второй половине XX в. наблюдается тенденция повышения интереса к теме декабристского восстания. В начале 1950-х гг. расширилась география декабристоведческих исследований. К традиционным центрам изучения декабризма (Москва, Ленинград, Киев, Одесса, Саратов) присоединились Ростов-на-Дону, Воронеж, Курск, Казань, Симферополь, Горький, Львов. Диапазон исследователей варьировался от поколения, публиковавшего свои первые труды еще до революции, до студентов-дипломников, которые массово ворвались в декабристоведение в середине 1950-х гг. Именно тогда М.В. Нечкина создает советскую концепцию декабристского движения. Общим фоном, на котором создавалась эта концепция, была критика ошибок школы М.Н. Покровского. Оформив «ленинскую концепцию» декабризма, Нечкина вписала ее в сталинскую концепцию общественно-экономических формаций и тем самым определила место декабристов в мировой истории³⁶. Концепцию восстания 14 декабря 1825 г., выдвинутую М.В. Нечкиной, пытался оспорить Н.М. Дружинин. Он выражал сомнение в том, что в этот день тайное общество предприняло попытку осуществить действительно радикальный по целям и методам осуществления переворот: «Двойственность, колебания, внутренние проти-

³⁰ Сибирь и декабристы: статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск, 1925.

³¹ Булдакова Д.И., Киянская О.И. Юбилеи восстания декабристов... С. 53.

³² Казьмирчук Г.Д., Латыш Ю.В. Становление революционной концепции декабризма в советской историографии (вторая половина 1930-х – середина 1950-х гг.) // Декабристы: Актуальные направления исследований: сб. ст. и мат.-лов. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 380–389.

³³ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.

³⁴ Гришина Н.В. Диссертационные диспуты конца 1920-х гг.: становление новых дисциплинарных нормативов (на примере диспутов Н.М. Дружинина и А.И. Неусыхина) // Харківський історіографічний збірник. 2014. Т. 13. С. 55.

³⁵ Гришина Н.В. «Работа... не является марксистской...», или формирование канона экспертизы научных исследований в 1920-е гг. (на примере диссертации Н.М. Дружинина) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 3 (3). С. 52.

³⁶ Сафонов М.М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов (Н.М. Дружинин против М.В. Нечкиной) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 4. С. 56.

воречия, которые сказались в создании программного документа революции, обнаружились и в самом ходе вооруженного восстания 14 декабря 1825 г.»³⁷. Однако тезисы Н.М. Дружинина не получили дальнейшего развития в советской историографии, а «главным декабристоведом» страны стала М.В. Нечкина³⁸. В 1955 г. выходит ее двухтомный фундаментальный труд «Движение декабристов»³⁹. В это же время в Ленинграде активно развивается школа декабристоведения под руководством С.Б. Окуня. Современный исследователь Е.В. Каменев, изучая труды советских ученых 1950-х гг., приходит к выводу, что в данный период «утверждалась идея революционности членов тайных обществ и достигалась основная цель советского нарратива – подтверждение ленинского тезиса о декабристах как первых русских революционерах»⁴⁰.

Всплеск интереса широкой публики к декабристам приходится на 1970–1980-е гг. Особого внимания заслуживает 150-летний юбилей со дня восстания. Было издано огромное количество краеведческих книг о декабристах – ярославцах, пензенцах, смолянах, о декабристах на Украине, в Грузии, Армении, Молдавии⁴¹.

Иркутский государственный университет продолжал занимать лидерскую позицию среди сибирских институций по изучению истории и популяризации наследия декабристов (благодаря деятельности сибирских ученых Ф.А. Кудрявцева, Е.М. Даревской, С.Ф. Ковалю, Т.А. Перцевой, В.П. Шахерова и др.). В 1970 г. в городе открылся Дом-музей декабристов как отдел Иркутского областного краеведческого музея, в котором организуется выставка «Декабристы в Иркутске», экспозиция «Декабристы в Восточной Сибири». Созданный в 1976 г. при университете научный проблемный совет «Декабристы и Сибирь» объединил усилия ученых-декабристоведов страны работой над многотомной серией документов и материалов «Полярная звезда»⁴². Сибирское декабристоведение продолжало активно развиваться в последней четверти века: Иркутск оставался важнейшим центром изучения декабризма наряду с другими сибирскими регионами⁴³.

В Объединенном государственном архиве Челябинской области сохранился план мероприятий Министерства культуры СССР по подготовке к празднованию 150-летия со дня вооруженного выступления декабристов⁴⁴. Согласно плану министерства, было постановлено:

– во-первых, министерствам культуры союзных и автономных республик, краевым, областным управлениям, городским и районным отделам культуры разработать конкретные мероприятия по подготовке к празднованию юбилея;

– во-вторых, клубам, домам культуры, музеям, паркам культуры и отдыха, библиотекам обеспечить широкую пропаганду исторического значения вооруженного выступления декабристов, организовать стационарные и передвижные выставки, стенды, провести циклы лекций и бесед, тематические вечера и другие мероприятия, посвященные 150-летию со дня восстания, а также предусмотреть в репертуарах художественной самодеятельности использование произведений поэтов-декабристов;

³⁷ Дружинин Н.М. Программа северных декабристов // Известия Академии наук СССР. Сер. истории и философии. 1951. Т. VIII, № 1. С. 44.

³⁸ Сафонов М.М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов... С. 61.

³⁹ Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1–2.

⁴⁰ Каменев Е.В. Постигание прошлого в контексте современной исторической культуры // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Вып. 45, № 2. С. 80.

⁴¹ См., например: Иовва И.Ф. Декабристы в Молдавии. Кишинев, 1975; Казьмирчук Г.Д., Шлапак Ю.М. Декабристы: библиографический указатель литературы, 1975–1980 гг. Киев, 1982; Ляхов В.А. Декабристы-ярославцы. Ярославль, 1975; Парсамян В.А. Декабристы в Армении. Ереван, 1975; Сохвадзе Б.К. Декабристское движение и грузинская общественность. Тбилиси, 1976; и др.

⁴² Каменская Н.Е. Декабристы в Иркутске (к истории вопроса) // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2007. № 36. С. 75.

⁴³ См., например: Болоцких В.Н. Декабристы в Ялуторовске: мировоззрение и деятельность. Новосибирск, 1989; Декабристы и Сибирь: сб. ст. Новосибирск, 1977; Федоров В.А. Декабрист П.Н. Свистунов и его сибирские письма // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып. 5. С. 32–51; и др.

⁴⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 1275. Л. 1–2.

– в-третьих, историческим и краеведческим музеям организовать проведение собирательской работы с целью пополнения новыми экспонатами и улучшения соответствующих разделов экспозиций, провести научные сессии, посвященные 150-летию юбилею восстания декабристов, подготовить тематические обзоры и экскурсии;

– в-четвертых, Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина, журналу «Библиотекарь», а также республиканским, краевым и областным библиотекам подготовить и издать серию методических и библиографических материалов в помощь массовым библиотекам к подготовке празднования юбилея;

– в-пятых, осуществить в Москве в сезоне 1975–1976 гг. показ лучших спектаклей драматических и музыкальных театров, посвященных юбилею;

– в-шестых, организовать в Государственном Эрмитаже выставку произведений искусства, отражающих тему восстания декабристов.

Помимо этого, в план внесены предложения об установлении скульптурных памятников декабристам в Ленинграде, Чернигове и Иркутске, об установлении мемориальных досок: 1) в Ленинграде на зданиях казарм бывшего Московского и других полков – участников восстания 1825 г., а также на месте казни декабристов; 2) в Москве на домах, где родился П.И. Пестель (ул. Кирова, 25), жили С.И. и И.И. Муравьевы-Апостолы (ул. К. Маркса, 23); 3) в крепостях – местах заключения декабристов: Шлиссельбургской, Свеаборгской, Выборгской и Даугавпилской⁴⁵. Согласно плану, в 1975 г. был воздвигнут гранитный мемориальный памятник-obelisk декабристам на кронверке Петропавловской крепости, месте казни пятерых участников восстания.

После широкой юбилейной кампании 1975 г. интерес к декабристам не угасает. Специально к 160-летней годовщине восстания, в 1985 г., в Чите в здании бывшей Старо-Читинской Михайло-Архангельской церкви открывается Музей декабристов. В Гродно в 1990 г. к 165-летней годовщине восстания на Сенатской площади были выпущены «Декабристские чтения-1: Тезисы республиканской межвузовской научной конференции, посвященной 165-летию со дня восстания декабристов»⁴⁶. Стоит отметить новые тенденции в историографии. Например, в 1995 г. выходит статья М.А. Рахматуллина «Император Николай I и семьи декабристов», посвященная 170-летию со дня восстания. В ней автор анализирует действия Николая I по отношению к семьям декабристов. Он пытается развенчать миф о том, что Николай I «навсегда остался тюремщиком декабристов <...> решал лично – и всегда сурово – вопросы, касавшиеся судьбы их самих и их семей»⁴⁷. Автор делает вывод, что «...примерно двум десяткам семей декабристов императором Николаем I была оказана реальная помощь. Одним из них – единовременными и ежегодными денежными пособиями, другим – содействием в устройстве малолетних детей в престижные учебные заведения, что гарантировало им в дальнейшем относительно благополучное продвижение по общественной лестнице, третьим – и деньгами, и устройством детей»⁴⁸.

Особый интерес вызывает юбилейная кампания, проводившаяся в 2000 г. и посвященная 175-летию со дня выступления декабристов. То, как проходило празднование, можно проанализировать на примере постановления главы администрации Читинской области от 3 ноября 2000 г. «О праздновании 175-летия со дня восстания декабристов»⁴⁹. Глава администрации распорядился провести в г. Чите, в городах и районах области мероприятия, посвященные 175-летию со дня восстания декабристов, утвердить состав оргкомитета, изыскать необходимые средства и в срок до 14 декабря привести в надлежащее состояние памятники, мемориальные доски, памятные знаки, связанные с историей декабристского

⁴⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 1275. Л. 1–2.

⁴⁶ Декабристские чтения-1: Тезисы Республиканской межвузовской научной конференции, посвященной 165-летию со дня восстания декабристов (4–6 декабря 1990 г.). Гродно, 1990.

⁴⁷ Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925. С. 22.

⁴⁸ Рахматуллин М.А. Император Николай I и семьи декабристов: к 170-летию восстания декабристов // Отечественная история. 1995. № 6. С. 3–20.

⁴⁹ Постановление главы администрации Читинской области от 3 ноября 2000 г. № 729 «О праздновании 175-летия со дня восстания декабристов».

движения. Комитету культуры было постановлено организовать в учреждениях культуры проведение мероприятий, посвященных пребыванию декабристов в Забайкалье, а Управлению информации и общественных связей – организовать в средствах массовой информации публикации и передачи, посвященные истории декабристского движения. Комитету общего профессионального образования, науки и молодежной политики поступило распоряжение организовать работу по изучению истории декабристского движения, созданию краеведческих экспозиций, проведению походов и экскурсий по местам, связанным с пребыванием декабристов в Забайкалье⁵⁰. К 2000 г. значительно увеличилось и число научных изданий⁵¹, посвященных декабризму.

Выводы. Таким образом, отношение к декабристам в XX в. постоянно менялось: от наделяния участников восстания чертами романтического героизма, идеализма, статуса «первых революционеров» до развенчания мифов и отхода к критическому осмыслению причин и предпосылок восстания, мотивации восставших, к анализу их идейных воззрений и представлений об обществе.

В начале XX в. интерес к декабризму повышается прежде всего в научной среде вследствие публикации документов, связанных с восстанием. С провозглашением СССР в 1920-х гг. впервые задумываются о праздновании юбилейной столетней даты со дня восстания декабристов на государственном уровне, начинает формироваться советская историографическая традиция трактовки декабристского движения. 1930-е гг. характеризуются «господством жесткой идеологемы “дворянской революционности”»⁵². Период отмечен широким диапазоном исследований (работы Н.М. Дружинина, М.В. Нечкиной), изучающих проблемы истоков декабристского движения, формирования и эволюции его идеологии, связей декабристов с предшествующими и последующими политическими движениями, отношений с современной им общественной средой. В 1940-х гг. интерес к декабризму падает вследствие ухода от революционной тематики и сосредоточения внимания на Великой Отечественной войне.

В 1975 г. широко отмечается 150-летний юбилей со дня восстания. Это являлось составным компонентом тщательно спланированной идеологической кампании, направленной на канонизацию, романтизацию образа «дворянских революционеров».

Интерес к декабризму все больше повышается в постсоветский период. В историографии наблюдается дискредитация «декабристских мифов», созданных в прошлом, частичный отказ от идеализации и романтизации событий 1825 г., склонность к комплексному изучению причин и предпосылок восстания, глубокий анализ источников идей, отраженных в программных документах декабристов.

Литература

Болоцких В.Н. Декабристы в Ялуторовске: мировоззрение и деятельность / отв. ред. Н.А. Миненко. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1989 (1990). 134 с.

Булдакова Д.И., Киянская О.И. Юбилей восстания декабристов в советской исторической науке и периодике первой трети XX в. // *Россиеведение: в поисках утраченного времени*: сб. науч. тр. М., 2019. С. 47–54.

Гессен С.Я. Декабристы перед судом истории [1825–1925]. Л.; М.: Петроград, 1926. 296 с.

Гришина Н.В. Диссертационные диспуты конца 1920-х гг.: становление новых дисциплинарных нормативов (на примере диспутов Н.М. Дружинина и А.И. Неусыхина) // *Харківський історіографічний збірник*. 2014. Т. 13. С. 50–59.

⁵⁰ Постановление главы администрации Читинской области от 3 ноября 2000 г. № 729...

⁵¹ 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 1997–2005. Вып. 1–7; Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и неоправданные участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004; Петербург декабристов. СПб., 2000; и др.

⁵² Ильин П.В. Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем // *Петербургский исторический журнал*. 2019. № 2. С. 147.

Гришина Н.В. «Работа... не является марксистской...», или формирование канона экспертизы научных исследований в 1920-е гг. (на примере диссертации Н.М. Дружинина) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 3 (3). С. 48–54.

Декабристские чтения-1: Тезисы республиканской межвузовской научной конференции, посвященной 165-летию со дня восстания декабристов (4–6 декабря 1990 г.) / ред. Б.С. Клейн и др. Гродно, 1990. 95 с.

Декабристы и Сибирь: сб. ст. / отв. ред. А.Н. Копылов. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. 261 с.

Довнар-Запольский М.В. Тайное общество декабристов: Исторический очерк, написанный на основании следственного дела. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1906. VI, 340 с.

Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1907. VIII, 423 с.

Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 402 с.

Дружинин Н.М. Программа северных декабристов // Известия Академии наук СССР. Сер. истории и философии. 1951. Т. VIII, № 1. С. 35–45.

Ильин П.В. Новое о декабристах: прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. 663 с.

Ильин П.В. Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 146–156.

Иовва И.Ф. Декабристы в Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1975. 231 с.

Казьмирчук Г.Д., Латыш Ю.В. Становление революционной концепции декабризма в советской историографии (вторая половина 1930-х – середина 1950-х гг.) // Декабристы: Актуальные направления исследований: сб. ст. и мат-лов. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 380–389.

Казьмирчук Г.Д., Шлапак Ю.М. Декабристы: библиографический указатель литературы, 1975–1980 гг. Киев, 1982. 64 с.

Каменев Е.В. Постигание прошлого в контексте современной исторической культуры // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Вып. 45, № 2. С. 76–82.

Каменская Н.Е. Декабристы в Иркутске (к истории вопроса) // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2007. № 36. С. 72–77.

Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск: Иркут. губ. архивбюро, 1925. 216 с.

Кубалов Б.Г. Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. К юбилею Декабрьского восстания. Иркутск: Вост.-сиб. отд. Рус. геогр. об-ва, 1925. 33 с.

Левин К.Н. Декабристы: история вооруженного восстания 14 декабря 1825 г. СПб.: Колокол, 1906. 70 с.

Ленин В.И. Памяти Герцена // Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 21. С. 255–262.

Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М., 1973. Т. 30. С. 306–328.

Леонтьева О.Б. Героизация и дегероизация образов декабристов в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 2. С. 56–62.

Ляхов В.А., Коча Л.А. Декабристы-ярославцы. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1975. 136 с.

Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.

Мережковский Д.С. Больная Россия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 139–142.

Мережковский Д.С. Первенцы свободы: История восстания 14-го декабря 1825 г. Петроград: Народная власть, 1917. 35 с.

Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке. М., 2012. С. 7–32.

Нечкина М.В. Общество соединенных славян. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 245 с.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 483 с.; Т. 2. 506 с.

Нечкина М.В., Сказин Е.В. Семинарий по декабризму. М.: Прометей, 1925. 146 с.

Павлов-Сильванский Н.П. Декабрист Пестель пред Верховным уголовным судом. М.: Книга по Требованию, 2011. 186 с.

Парадизов П. Декабристы. Харьков: Пролетарий, 1930. 118 с.

Парсаян В.А. Декабристы в Армении. Ереван: Айастан, 1975. 103 с.

Петербург декабристов: сб. / сост. и коммент. А.Д. Марголис; общ. ред. Т.Н. Ознобишина. СПб.: Контрфорс, 2000. 526 с.

Покровский М.Н., Мицкевич С.И. Нужно ли праздновать юбилей декабристов? // Декабристы. 1825–1925: сб. ст. и мат-лов. М.: Молодая гвардия, 1925. С. 19–32.

Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. 99 с.

Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 г. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 226 с.

Рахматуллин М.А. Император Николай I и семьи декабристов: к 170-летию восстания декабристов // Отечественная история. 1995. № 6. С. 3–20.

Сафонов М.М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов (Н.М. Дружинин против М.В. Нечкиной) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 4. С. 55–65.

Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Тип. 1 СПб. труд. артели, 1909. XII, 694 с.

Сибирь и декабристы: статьи, материалы, неизданные письма, библиография / под ред.: М.К. Азадовского, М.Е. Золотарева, Б.Г. Кубалова. Иркутск: Иркутский губ. Исполн. Ком., 1925. 207 с.

Сохвадзе Б.К. Декабристское движение и грузинская общественность. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1976. 193 с.

Троцкий Л.Д. Через двадцать лет // Троцкий Л.Д. Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 2. Ч. 2. С. 223–236.

Федоров В.А. Декабрист П.Н. Свистунов и его сибирские письма // Сибирь и декабристы. Вып. 5. Иркутск, 1988. С. 32–51.

Чернов С.Н. Поиски сношений декабристов с Западом // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев. 1926. № 5. С. 113–123.

Шебунин А.Н. Н.И. Тургенев в тайном обществе декабристов // Декабристы и их время. М., 1928. Т. 1. С. 109–164.

Эрлих С.Е. Декабристы в исторической памяти. Конец 1990 – начало 2010 гг. СПб.: Нестор-История, 2014. 384 с.

Эрлих С.Е. Декабристы: История мифа // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 160–168.

14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография / под ред. П.В. Ильина. Вып. 1–7. СПб., 1997–2005.

Referens

Azadovskiy, M.K., Zolotarev, M.E., Kubalov, B.G. (Eds.). (1925). *Sibir' i dekabristy: stat'i, materialy, neizdannye pis'ma, bibliografiya* [Siberia and the Decembrists: Articles, Materials, Unreleased Letters, Bibliography]. Irkutsk, Irkutskiy gubernskiy Ispolnitel'nyy Komitet. 207 p.

Bolotskikh, V.N. (1989 (1990)). *Dekabristy v Yalutorovske: mirovozzrenie i deyatelnost'* [Decembrists in Yalutorovsk: Worldview and Activity]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. 134 p.

Buldakova, D.I., Kiyanskaya, O.I. (2019). Yubiley vosstaniya dekabristov v sovetskoy istoricheskoy nauke i periodike pervoy treti XX v. [Anniversaries of the Decembrist Uprising in

Soviet Historical Science and Periodicals of the First Third of the 20th Century]. In *Rossievedenie: V poiskakh utrachennogo vremeni: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, pp. 47–54.

Chernov, S.N. (1926). Poiski snosheniy dekabristov s Zapadom [Searches for Decembrist Relations with the West]. In *Iz epokhi bor'by s tsarizmom*. Kiev. No. 5, pp. 113–123.

Dovnar-Zapol'skiy, M.V. (1906). *Taynoe obshchestvo dekabristov: Istoricheskiy ocherk, napisannyy na osnovanii sledstvennogo dela* [The General Society of the Decembrists: A Historical Essay Written on the Basis of an Investigative Case]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytia. VI, 340 p.

Dovnar-Zapol'skiy, M.V. (1907). *Idealy dekabristov* [Ideals of the Decembrists]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina. VIII, 423 p.

Druzhinin, N.M. (1933). *Dekabrist Nikita Murav'ev* [Decembrist Nikita Muravyov]. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev. 402 p.

Druzhinin, N.M. (1951). Programma severnykh dekabristov [Program of the Northern Decembrists]. In *Izvestiya Akademii nauk the USSR. Seriya istorii i filosofii*. Vol. VIII, No. 1, pp. 35–45.

Erlikh, S.E. (2014). *Dekabristy v istoricheskoy pamyati. Konets 1990 – nachalo 2010 gg.* [Decembrists in Historical Memory. Late 1990 – Early 2010]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 384 p.

Erlikh, S.E. (2019). Dekabristy: Istoriya mifa [Decembrists: A History of Myth]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 2, pp. 160–168.

Fedorov, V.A. (1988). Dekabrist P.N. Svislunov i ego sibirskie pis'ma [Decembrist P.N. Svislunov and His Siberian Letters]. In *Sibir' i dekabristy*. Iss. 5. Irkutsk, pp. 32–51.

Gessen, S.Ya. (1926). *Dekabristy pered sudom istorii [1825–1925]* [Decembrists Before the Court of History (1825–1925)]. Leningrad, Moscow, Petrograd. 296 p.

Grishina, N.V. (2014). “Rabota... ne yavlyaetsya marksistskoy...”, ili formirovanie kanona ekspertizy nauchnykh issledovaniy v 1920-e gg. (na primere dissertatsii N.M. Druzhinina) [“The Work... is Not Marxist...”, or the Formation of the Canon of Examination of Scientific Research in the 1920s (On the Example of the Dissertation of N.M. Druzhinin)]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 3 (3), pp. 48–54.

Grishina, N.V. (2014). Dissertatsionnye disputy kontsa 1920-kh gg.: stanovlenie novykh distsiplinarnykh normativov (na primere disputov N.M. Druzhinina i A.I. Neusykhina) [Dissertation Disputes of the Late 1920s: The Formation of New Disciplinary Standards (On the Example of Disputes N.M. Druzhinin and A.I. Neusykhina)]. In *Kharkivs'kiy istoriografichnyi zbirnik*. Vol. 13. pp. 50–59.

Il'in, P.V. (2004). *Novoe o dekabristakh: proshchennye, opravdannye i neobnaruzhennye sledstviem uchastniki taynykh obshchestv i voennykh vystupleniy 1825–1826 gg.* [New About the Decembrists: Forgiven, Justified and Undetected by the Investigation, Participants in Secret Societies and Military Demonstrations of 1825–1826]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 663 p.

Il'in, P.V. (2019). Dekabristovedcheskaya nauchnaya traditsiya: aktual'nye zadachi izucheniya v proshlom i nastoyashchem [Decembrist Scientific Tradition: Actual Tasks of Study in the Past and Present]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 2, pp. 146–156.

Il'in, P.V. (Ed.). (1997–2025). *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya. Bibliografiya* [December 14, 1825. Sources, Research, Historiography. Bibliography]. Iss. 1–7. St. Petersburg.

Iovva, I.F. (1975). *Dekabristy v Moldavii* [Decembrists in Moldova]. Kishinev, Kartya moldovenyashke. 231 p.

Kamenev, E.V. (2023). Postizhenie proshlogo v kontekste sovremennoy istoricheskoy kultury [Understanding the Past in the Context of Modern Historical Culture]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Iss. 45, No. 2, pp. 76–82.

Kamenskaya, N.E. (2007). Dekabristy v Irkutske (k istorii voprosa) [Decembrists in Irkutsk (To the History of the Issue)]. In *Nauchno-tekhnicheskiiy vestnik informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki*. No. 36, pp. 72–77.

Kaz'mirchuk, G.D., Latysh, Yu.V. (2014). Stanovlenie revolyutsionnoy kontseptsii dekabrizma v sovetskoj istoriografii (vtoraya polovina 1930-kh – seredina 1950-kh gg.) [The Formation of the Revolutionary Concept of Decembrism in Soviet Historiography (Second Half of the 1930s – Mid-1950s)]. In *Dekabristy: Aktual'nye napravleniya issledovaniy: sbornik statey i materialov*. St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 380–389.

Kaz'mirchuk, G.D., Shlapak, Yu.M. (1982). *Dekabristy: Bibliograficheskiy ukazatel' literatury. 1975–1980 gg.* [Decembrists: Bibliographic Index of Literature, 1975–1980.]. Kiev. 64 p.

Kleyn, B.S. et al. (Eds.). (1990). *Dekabristskie chteniya-1: Tezisy respublikanskoy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchonnoy 165-letiyu so dnya vosstaniya dekabristov (4–6 dek. 1990 g.)* [Decembrist Readings-1: Abstracts of the Republican Intercollegiate Scientific Conference Dedicated to the 165th Anniversary of the Decembrist Uprising (December 4–6, 1990)]. Grodno. 95 p.

Kopylov, A.N. et al. (Eds.). (1977). *Dekabristy i Sibir': sbornik statey* [Decembrists and Siberia: A Collection of Articles]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdeleniye. 261 p.

Kubalov, B.G. (1925). *Dekabristy v Irkutske i na blizhayshikh k nemu zavodakh. K yubileyu Dekabr'skogo vosstaniya* [Decembrists in Irkutsk and at the Factories Closest to It. For the Anniversary of the December Uprising]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe otdelenie Russkogo geograficheskogo obshchestva. 33 p.

Kubalov, B.G. (1925). *Dekabristy v Vostochnoy Sibiri (Ocherki)* [Decembrists in Eastern Siberia (Essays)]. Irkutsk, Irkutskoye gubernskoe arkhivbyuro. 216 p.

Lenin, V.I. (1968). Pamyati Gertsena [In Memory of Herzen]. In *Polnoe sobranie sochineniy*. V 55 t. 5-e izd. Moscow, Politizdat, Vol. 21, pp. 255–262.

Lenin, V.I. (1973). Doklad o revolyutsii 1905 goda [Report on the 1905 Revolution]. In *Polnoe sobranie sochineniy*. V 55 t. 5-e izd. Moscow, Politizdat, Vol. 30, pp. 306–328.

Leont'eva, O.B. (2010). Geroizatsiya i degeroizatsiya obrazov dekabristov v istoricheskoy pamyati rossiyskogo obshchestva vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [The Heroization and De-Heroization of the Images of the Decembrists in the hHistorical Memory of Russian Society in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 12, No. 2, pp. 56–62.

Levin, K.N. (1906). *Dekabristy: istoriya vooruzhennogo vosstaniya 14 dekabrya 1825 g.* [Decembrists: The History of the Armed Uprising of December 14, 1825]. St. Petersburg, Kolokol. 70 p.

Lyakhov, V.A. (1975). *Dekabristy-yaroslavtsy* [Decembrist Yaroslavtsy]. Yaroslavl, Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 136 p.

Malinova, O.Yu. (2019). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [Memory Policy as Symbolic Policy Area]. In *METOD: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskih distsiplin*. No. 9, pp. 285–312.

Merezhkovskiy, D.S. (1917). *Perventsy svobody: Istoriya vosstaniya 14-go dekabrya 1825 g.* [Firstborn of Freedom: The History of the Uprising of December 14, 1825]. Petrograd, Narodnaya vlast'. 35 p.

Merezhkovskiy, D.S. (1991). *Bol'naya Rossiya* [Sick Russia]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 139–142.

Miller, A.I. (2012). Istoricheskaya politika v Vostochnoy Evrope nachala XXI veka [Historical Politics in the Eastern Eurpa in the Early 21st Century]. In *Istoricheskaya politika v XXI veke*. Moscow, pp. 7–32.

Nechkina, M.V. (1925). *Seminariy po dekabrizmu* [Seminaries on Decembrism]. Moscow, Prometey. 146 p.

Nechkina, M.V. (1927). *Obshchestvo soedinennykh slavyan* [Society of United Slavs]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 245 p.

Nechkina, M.V. (1955). *Dvizhenie dekabristov* [Decembrist Movement]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. 483 p.

- Oznobishina, T.N. (Eds.). (2000). *Peterburg dekabristov* [Petersburg Decembrists]. St. Petersburg, Kontrfors. 526 p.
- Paradizov, P. (1930). *Dekabristy* [Decembrists]. Kharkov, Proletariy. 118 p.
- Parsamyan, V.A. (1975). *Dekabristy v Armenii* [Decembrists in Armenia]. Erevan, Ayastan. 103 p.
- Pavlov-Sil'vanskiy, N.P. (2011). *Dekabrist Pestel' pred Verhovnym ugolovnym sudom* [Decembrist Pestel before the Supreme Criminal Court]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu. 186 p.
- Pokrovskiy, M.N., Mitskevich, S.I. (1925). Nuzhno li prazdnovat' yubiley dekabristov? [Do I Need to Celebrate the Anniversary of the Decembrists?]. In *Dekabristy. 1825–1925: Sbornik statey i materialov*. Moscow, Molodaya gvardiya, pp. 19–32.
- Presnyakov, A.E. (1925). *Apogey samoderzhaviya. Nikolay I* [The Apogee of Autocracy. Nicholas I]. Leningrad. 99 p.
- Presnyakov, A.E. (1926). *14 dekabrya 1825 g.* [December 14, 1825]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoye izdatel'stvo. 226 p.
- Rakhmatullin, M.A. (1995). Imperator Nikolay I i sem'i dekabristov: K 170-letiyu vosstaniya dekabristov [Emperor Nicholas I and the Decembrist Families: To the 175th Anniversary of the Decembrist Uprising]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 6, pp. 3–20.
- Safonov, M.M. (2015). Iz istorii sozdaniya sovetskoy kontseptsii vosstaniya dekabristov (N.M. Druzhinin protiv M.V. Nechkinoy) [From the History of the Creation of the Soviet Concept of the Decembrist Uprising (N.M. Druzhinin vs. M.V. Nechkina)]. In *Vestnik SPbGU. Seriya 2*, Iss. 4, pp. 55–65.
- Semevskiy, V.I. (1909). *Politicheskie i obshchestvennye idei dekabristov* [Political and Social Ideas of the Decembrists]. St. Petersburg, Tipografiya 1-y Sankt-Peterburgskoy trudovoy arteli. XII, 694 p.
- Shebunin, A.N. (1928). N.I. Turgenev v taynom obshchestve dekabristov [N.I. Turgenev in the Secret Society of the Decembrists]. In *Dekabristy i ikh vremya*. Moscow. Vol. 1, pp. 109–164.
- Sokhvadze, B.K. (1976). *Dekabristskoye dvizheniye i gruzinskaya obshchestvennost'* [Decembrist Movement and Georgian Public]. Tbilisi, Izdatel'stvo Tbilisskogo universitet. 193 p.
- Trotsky, L.D. (1927). Cherez dvadtsat' let [Twenty Years from Now]. In *Sochineniya*. Moscow, Leningrad, Gosizdat. Vol. 2, Part. 2, pp. 223–236.

О.Н. Шелегина*

ПОЛИТИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ ДЕКАБРИСТОВ
В МУЗЕЙНОМ МИРЕ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**doi:10.31518/2618-9100-2025-6-15
УДК 94(470+571)

Выходные данные для цитирования:

Шелегина О.Н. Политика репрезентации истории декабристов в музейном мире Сибири в начале XXI века // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 210–226.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-15.pdf>

O.N. Shelegina*

THE POLITICS OF REPRESENTING OF THE HISTORY
OF THE DECEMBRISTS IN THE MUSEUM WORD OF SIBERIA
AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-15

How to cite:

Shelegina O.N. The Politics of Representing of the History of the Decembrists in the Museum Word of Siberia at the Beginning of the 21st Century // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 210–226.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-15.pdf>]

Abstract. In connection with the 200th anniversary of the events on Senate Square on December 14, 1825, attention is being drawn to this socio-political phenomenon, which includes the policy of representing the history of the Decembrists in the museum world of Siberia at the beginning of the 21st century. Based on a comprehensive analysis of all Siberian Decembrist museums in the concept of the author's methodological and methodical model – the museum world of Siberia, positions related to the policy of representing the history of the Decembrists in the regional socio-cultural space are identified for the first time. The history of the museum network's creation has been reconstructed, and it has been established that between 1970 and 1997, six museums and museum branches were established in Irkutsk, Yalutorovsk, Novoselenginsk, Petrovsk-Zabaikalsky, Chita, and Minusinsk. The main areas of policy for representing the history of the Decembrists in Siberia include: 1) adaptation of expositions to the ideological and socio-cultural paradigms of the corresponding period of the country's development and scientific research: creation at the initial stage of thematic and chronological textbook expositions with the transition at the beginning of the 21th century to a new historical, anthropological, biographical principle of display; 2) formation of a developed intellectual space (holding conferences, publishing specialized publications, cooperation with public organizations), which provides a deep foundation for various forms of scientific and educational activities, the presentation of Decembrist history in the media and the Internet; 3) the implementation of projects that actualize the historical and cultural heritage of the Siberian period of the Decembrists in the socio-cultural space at the local, regional and Russian levels. An effective policy of representing the history of the Decembrists in the context of the museum world of Siberia can be used in scientific, practical, and educational activities.

Keywords: policy of representation, the museum world of Siberia, the development of the historical and cultural heritage of the Decembrists.

* **Ольга Николаевна Шелегина**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: oshelegina@yandex.ru

Olga Nikolaevna Shelegina, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: oshelegina@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках научного проекта FWZM 2024-0008 «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов».

The article was prepared as part of the scientific project FWZM 2024-0008 “Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, and Actor Identity”.

The article has been received by the editor on 30.09.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В связи с 200-летием событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. актуализируется внимание к этому общественно-политическому явлению, включающему политику репрезентации истории декабристов в музейном мире Сибири в начале XXI в. На основе совокупного анализа всех сибирских декабристских музеев в концепте авторской методологической и методической модели – музейный мир Сибири, впервые выделяются позиции, связанные с политикой репрезентации истории декабристов в региональном социокультурном пространстве. Реконструирована история создания музейной сети, установлено, что за период с 1970 по 1997 г. было организовано 6 музеев и филиалов музеев в Иркутске, Ялуторовске, Новоселенгинске, Петровске-Забайкальском, Чите и Минусинске. Основными направлениями политики репрезентации истории декабристов в Сибири можно считать: 1) адаптацию экспозиций к идеологическим и социокультурным парадигмам соответствующего периода развития страны и научных исследований: создание на начальном этапе тематико-хронологических хрестоматийных экспозиций с переходом в начале XXI в. к новому историко-антропологическому, биографическому принципу показа; 2) формирование развитого интеллектуального пространства (проведение конференций, выпуск профильных изданий, сотрудничество с общественными организациями), обеспечивающим глубокую фундированность разных форм научно-просветительной деятельности, представления декабристской истории в средствах массовой информации и Интернете; 3) реализация проектов, актуализирующих историко-культурное наследие сибирского периода жизнедеятельности декабристов в социокультурном пространстве на локальном, региональном и российском уровнях. Эффективная политика репрезентации истории декабристов в контексте музейного мира Сибири может быть использована в научно-практической и образовательной деятельности музеев при разработке интегрированных форм коммеморативных практик.

Ключевые слова: политика репрезентации, музейный мир Сибири, освоение историко-культурного наследия декабристов.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025 г.

К памятным юбилейным датам одного из важных событий в истории России – восстанию на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. – всегда активизируется деятельность научного сообщества и общественности в форме проведения конференций разных уровней с публикацией их материалов, обзоров литературы по декабристской проблематике¹, выпуска тематических номеров журналов. Это дает возможность введения в научно-информационный оборот результатов изучения декабристского движения, определения актуальных проблем, тем, подходов к его исследованию с учетом методологических поворотов, получивших развитие в гуманитаристике в конце XX – начале XXI в.

Весьма репрезентативным в этом отношении является сборник материалов международной конференции «Историческая память России и декабристы. 1825–2015». Анализируя его, Н.С. Гурьянова отмечает стремление современных декабристоведов (обратим внимание на работы ученых Института истории СО РАН. – О. III.) рассмотреть это общественно-политическое движение в качестве цельного исторического явления, выделяя при этом статью Е.Н. Туманик «К вопросу об эволюции идей декабризма после восстания: А.Н. Мура-

¹ Бабенко О.В. История декабристов в культурном измерении // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2021. № 3. С. 61–69.

вьев и его проекты общественных и политических объединений 1848–1856 гг.». С позиций актуальности расширения источниковой базы и ее интерпретации с использованием новых методов в качестве показательной приводится статья Н.П. Матхановой «Комментирование мемуарного наследия декабристов: исторический контекст»². Важное историографическое и социокультурное значение имеет раздел сборника «Историческая память об эпохе декабристов: формы, пространства, памятные места». Непосредственно к теме нашей работы относится статья Е.А. Добрыниной «И один в поле воин: роль Иркутского музея декабристов в сохранении исторической памяти о декабристах», характеризующая процесс превращения Иркутска в один из центров российского декабристоведения, коммеморативные практики музея³.

В 2020 г. был издан тематический номер научного журнала «Исторический курьер» Института истории СО РАН «Движение декабристов в истории России: К 195-летию восстания на Сенатской площади». В нем выделялся отдельный блок статей, посвященный музеям декабристов, в том числе в сибирских городах: Е.А. Добрыниной (Иркутск), Л.И. Потяхиной (Чита), И.И. Негодиной (Минусинск), С.Ю. Булышевой (Ялutorовск), а также научной и культурной жизни музеев (Е.Н. Туманик, Е.В. Комлевой, Л.М. Подшиваловой)⁴, что существенно расширяет историко-культурную, музееведческую источниковую и эмпирическую базы исследований.

К историографическому ресурсу по заявленной теме следует прежде всего отнести диссертационное исследование Е.А. Ячменева «Историко-мемориальный музей: проблемы формирования коллекции и создания научной концепции экспозиции (на примере Иркутского музея декабристов)», выполненное в 2006 г. под руководством доктора исторических наук, профессора М.Б. Пиотровского в Санкт-Петербургском государственном университете. Автором обоснована роль города Иркутска как одного из ведущих мест в России по увековечиванию памяти о декабристах, что связано с региональными особенностями историко-культурного развития, отражающего ход общероссийской истории. Профиль Иркутского музея декабристов определялся культурологом как историко-мемориальный (расположен в мемориальных зданиях, экспонирует мемориальные предметы), относился к документально-историческим домам-музеям, по типу предъявляемых обществу памятников – к ансамблевым музеям (музеям-усадебам). Е.А. Ячменев указывал и на компенсаторную функцию музея. Благодаря репрезентации декабристской темы музей связывал историко-культурное пространство географической провинции и российского центра, позволял ощущать Сибирь в едином потоке российской истории и культуры. Ученый подчеркивал, что деятельность Музея декабристов в Иркутске значительно шире, чем у подобных в Европейской России в силу уникальности декабристов как энциклопедически образованных личностей, проявивших себя в различных сферах деятельности и связанных со многими видными представителями отечественной культуры, политики, литературы, науки и техники. В целом Е.А. Ячменевым впервые была создана и реализована научная концепция новой экспозиции декабристского музея как музея историко-мемориального профиля, соотношенная с историческими памятниками, домами Волконских и Трубецких и «вписанная» в их мемориально-архитектурное пространство. Социокультурное значение музея определялось общественным интересом, прочной культурной традицией по сохранению и пропаганде декабристского наследия, фестивалем «Декабристские вечера», а также перспективой создания городского заповедника историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске»⁵.

² Гурьянова Н.С. Рецензия на книгу: Историческая память России и декабристы. 1825–2015: сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.) / сост., отв. ред. П.В. Ильин. СПб.; Иркутск: Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, 2019. 472 с. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18, № 8. С. 144–148.

³ Добрынина Е.А. И один в поле воин: роль Иркутского музея декабристов в сохранении исторической памяти о декабристах // Историческая память России и декабристы. 1825–2015. С. 367–371.

⁴ Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 160–203, 217–225.

⁵ Ячменев Е.А. Историко-мемориальный музей: проблемы формирования коллекции и создания научной концепции экспозиции (на примере Иркутского музея декабристов): автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2006.

Новым трендом в изучении декабристских музеев в Сибири стало появление, наряду с описательными работами по истории и современному развитию отдельных музеев, статей аналитического характера, связанного с проблемно-тематическим представлением деятельности музеев на страницах современных периодических изданий⁶, изучением, актуализацией и популяризацией наследия декабристов⁷, их сотрудничества с образовательными организациями⁸.

На основе вторичного анализа совокупности выделенных публикаций, большая часть из которых относится к Иркутскому музею декабристов – Иркутскому областному историко-мемориальному музею декабристов, самому крупному и известному в России, может быть реконструирована предыстория комплектования фондовых собраний, создания музеев декабристов в меняющейся общественно-политической ситуации в нашей стране в советский период, особенности политики репрезентации истории декабристов. Как базовый репрезентативный информативный и достоверный источник использовалась «Летопись Иркутского музея декабристов», составленная А.О. Афанасьевой⁹.

Новизна представленной работы состоит в совокупном анализе функционирования всех музеев по декабристской проблематике в Сибири в начале XXI в. на основе авторской модели «Музейный мир Сибири», содержащей методологические и методические подходы к изучению музейного пространства, выделении в нем позиций, связанных с политической и социокультурной репрезентацией истории декабристов.

Основные задачи, которые решаются в процессе исследования: реконструкция истории создания и функционирования музейной сети, связанной с пребыванием декабристов в Сибири; анализ тематики, содержания экспозиций, научно-просветительной деятельности для определения основных направлений политики репрезентации декабристского движения; характеристика социокультурной и коммуникативной роли музеев декабристской тематики в освоении и презентации регионального историко-культурного наследия.

100-летний юбилей восстания на Сенатской площади, отмечавшийся в 1925 г., можно считать начальной точкой в политической репрезентации движения декабристов в Сибири. В рамках подготовки к его празднованию в Иркутске был создан Комитет по увековечению памяти декабристов. Вдохновителем работы этого комитета стал историк-архивист Б.Г. Кубалов. Он собрал ценные вещественные памятники и воспоминания старожилов о жизни декабристов в Иркутской губернии. В целом комплектование мемориального декабристского собрания проводилось с учетом традиций Музея Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В декабре 1925 г. в Иркутском музее революции открылась мемориальная выставка, посвященная памяти первого поколения русских революционеров. Причем, как отмечает Е.А. Ячменев, в условиях политических потрясений и реорганизаций 1920–1940-х гг., разгрома и репрессий подготовленных кадров, утраты инвентарных книг и описей, искусственной ограниченности поля музейной деятельности рамками идеологической работы в Иркутский областной краеведческий музей не переставали

⁶ Эрлих С.Е. Иркутский музей декабристов на страницах современных периодических изданий // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 8 (51). С. 175–182.

⁷ Акулич О.А. Актуализация документального наследия декабристов в экспозиционной деятельности Иркутского музея декабристов // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 24. С. 47–49; Константинова Н.Н. Изучение и популяризация наследия декабристов (на примере деятельности Читинского краеведческого музея) // Записки Забайкальского отделения Российского исторического общества. 2022. № 1(2). С. 69–75; Мезенцева И.В. «Не пропадет ваш скорбный труд...»: о судьбе историко-культурного наследия в меняющемся мире (к 35-летию Музея декабристов в Чите) // Иркутский историко-экономический ежегодник-2021. Иркутск, 2021. С. 292–301; Ваганова Е.В., Мотренко В.С. Декабристы в Петровском Заводе: сохранение и презентация объектов культурного наследия // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: традиции и инновации межкультурного взаимодействия: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. Чита, 2015. С. 345–353.

⁸ Потехина Н.В., Потехина Л.И. Опыт сотрудничества Музея декабристов с образовательными организациями // Инновационные технологии в технике и образовании: мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. Чита, 2021. С. 121–125.

⁹ Афанасьева А.О. Летопись Иркутского музея декабристов // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Вып. 3. Иркутск, 2017. С. 128–184.

поступать мемориальные предметы, связанные с декабристами. Преемственность в постоянном внимании к декабристской теме, несмотря на объективные сложности общественно-политического характера, позволили аккумулировать в фондах Иркутского областного краеведческого музея значительное количество раритетов, увеличивших значение единого мемориального собрания по истории декабристов¹⁰.

Комплекс переписки за 1960–1961 гг. видного сибирского декабристоведа С.Ф. Ковалю и М.П. Волконского, правнука декабриста С.Г. Волконского, впервые введенный в научный оборот и прокомментированный Е.А. Добрыниной, отражает сложный и неоднозначный процесс продвижения (с привлечением известных историков, в том числе М.В. Нечкиной, публикаций в «Литературной газете», обращений в партийные органы) в 1961 г. инициативы по созданию музея декабристов в Иркутске, идея которого была высказана М.П. Волконским. В заключении статьи автор высказывает предположение: «Скорее всего, в то время так и не получилось добиться постановления обкома КПСС о создании музея. Очевидно лишь то, что письмо, подписанное иркутскими и московскими учеными, либо не было отправлено ни в один исторический журнал, либо оно не было опубликовано <...> Думается, что Семен Федорович (Коваль. – О. Ш.), продвигая идею музея, обдумывая его концепцию, не раз вспоминал “назойливого потомка знаменитого предка”, как называл себя правнук декабриста»¹¹.

В 1970 г., когда страна отмечала столетие со дня рождения В.И. Ленина, осуществлялись организационные усилия для того, чтобы дом Трубецких официально стал музеем. Но тут, как пишет С.Е. Эрлих, «...председателя Иркутского горисполкома Николая Салацкого вызвал на ковер всесильный хозяин области, первый секретарь обкома КПСС Николай Банников: “Весь Союз отмечает юбилей вождя революции, а вы все возитесь с домом какого-то князя!”»¹². И все же дом-музей Трубецкого открыли. Без особой помпы, под самый Новый год (29 декабря. – О. Ш.), чтобы не привлекать внимание. По воспоминаниям Е.А. Ячменева, приведенным в указанной статье, «партийные власти, несмотря на известные ленинские цитаты о декабристах, как будто нутром чувствовали, что это какие-то неправильные, нетипичные революционеры»¹³.

Формирование сети музеев, связанных с историей декабристов в Сибири, в хронологическом ракурсе выглядит следующим образом.

1927 г. В Ялуторовске при городской библиотеке был открыт музей и выбран основной ориентир его деятельности – декабристы в Ялуторовске. Он позиционируется как первый музей декабристов в нашей стране. Выделяется ряд этапов, связанных с изучением и представлением им наследия декабристов. В 1970 г. определяющую роль в выходе музея на всероссийский уровень сыграло то, что Ялуторовск вошел в Список исторических городов СССР как город памяти декабристов. С 1972 г. Краеведческий музей памяти декабристов располагается в специально построенном здании и мемориальных домах, где жили в ссылке декабристы. Экспозиции создавались при участии сотрудников Государственного исторического музея и Музея революции¹⁴. Ялуторовский музей в 1993 г. первым в Сибири принял выставку декабристских реликвий из фондов Государственного исторического музея, Российского фонда культуры, частных собраний.

1970 г. Открыт филиал Иркутского областного краеведческого музея с выставкой «Декабристы в Иркутске», затем постоянной экспозицией «Декабристы в Восточной Сибири» (1973). В доме семьи Волконских в 1985 г. была открыта выставка «К 160-летию со дня восстания декабристов». В 2000 г. организовано самостоятельное государственное

¹⁰ Ячменев Е.А. Историко-мемориальный музей... С. 15.

¹¹ Добрынина Е.А. Рождение музея: история в тридцати письмах и одной телеграмме [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 181. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-11.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

¹² Эрлих С.Е. Иркутский музей декабристов... С. 176.

¹³ Там же.

¹⁴ Багаев Н.Е., Шестакова Н.В. Основные этапы становления и развития краеведческого музея г. Ялуторовска как музея памяти декабристов // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2017. № 2 (8). С. 102–105.

учреждение культуры с современным названием «Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов».

1975 г. Статус государственного получил Музей декабристов в поселке Новоселенгинск (Республика Бурятия), созданный первоначально в 1969 г. как школьный музей по инициативе заслуженного учителя РФ Н.С. Ларионовой.

1980 г. В статусе филиала Читинского областного краеведческого музея появился Дом-музей декабристов в Петровске-Забайкальском.

1985 г. Начал работу Читинский музей декабристов – филиал областного краеведческого музея.

1997 г. Организован первый музей декабристов в Красноярском крае – филиал Минусинского регионального краеведческого музея.

Таким образом, на протяжении 70 лет (с 1927 по 1997 г.) музейная сеть Сибири дополнялась музеями, связанными с политической и социокультурной репрезентацией истории декабристского движения и жизнедеятельности декабристов в сибирских городах и поселках: Иркутске, Ялуторовске, Новоселенгинске, Петровске-Забайкальском, Чите и Минусинске.

Для комплексного и концентрированного представления развития вышеобозначенных музеев в начале XXI в. считаем целесообразным использовать введенную нами в научный оборот и усовершенствованную модель музейного мира Сибири. В ней выделяются пространства:

- материальное (историко-культурное и природное наследие, особо охраняемые территории, музеефицированные объекты, музеи и учреждения музейного типа);
- интеллектуальное (научные мероприятия, общественные организации, музейные издательские проекты);
- коммуникационное (социокультурные проекты, средства массовой информации, просветительная деятельность музеев, партнерство, музейная аудитория)¹⁵.

Применительно к материальному пространству можно отметить, что практически все музеи находятся в объектах, отнесенных к историко-культурному наследию: дома князей С.П. Трубецкого, С.Г. Волконского с прилегающими к ним усадьбами (Иркутск); дома М.И. Муравьева-Апостола, И.Д. Якушкина (Ялуторовск); здания купца Д.Д. Старцева, 2-этажный особняк в котором жили декабристы К.П. Торсон, братья Н.А. и М.А. Бестужевы (пос. Новоселенгинск); дом Е.И. Трубецкой – жены декабриста С.П. Трубецкого (Петровск-Забайкальский); здание бывшей церкви Михаила Архангела (Чита); дом декабристов А.А. и Н.А. Крюковых (Минусинск). В Петровске-Забайкальском выделяются: некрополь с могилами декабристов И.И. Горбачевского, А.С. Пестова, часовня А.Г. Муравьевой, могилы детей Муравьевых, Анненковых, Фонвизиных, Ивашевых, дом Горбачевского и скульптурная композиция «Семья Трубецких» (Л.А. Родионов), памятная стела у некрополя декабристов (В.С. Маслов). Общественным признанием подвига декабристок служит ряд современных памятников «идеальным женам», установленных в городах Иркутске, Чите, Петровске-Забайкальском и Тобольске. Музеефикация и включение в социокультурное пространство сибирских городов мемориальных объектов требуют их реставрации и сохранности, дают возможность органичного включения декабристских реликвий в интерьеры экспозиционных помещений, усиливают эффект «погружения» аудитории в представляемую эпоху.

Следует отметить, что преобладающим принципом создания экспозиций на начальных этапах основания декабристских музеев был тематико-хронологический, хрестоматийный, согласно устоявшимся идеологическим и историческим трактовкам советского времени, но с приоритетным отражением сибирского периода. На основе сохранившихся мемориальных предметов и документальных свидетельств в музеях воссоздавались исторические интерьеры, ансамблевые экспозиции дополнялись тематическими. Так, в экспозиции Читинского музея декабристов выделялись разделы: «Предпосылки возникновения и создания тайных обществ», «Восстание в Петербурге», «Восстание Черниговского полка», «Следствие, суд,

¹⁵ Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск, 2014. С. 107.

приговор, путь в Сибирь», «Декабристы на каторге», «Декабристы на поселении в Читинской области», «Жены декабристов в Сибири», «Декабристы после амнистии», «История церкви декабристов». Экспозиция по истории селенгинской колонии декабристов (Музей декабристов в пос. Новоселенгинск, Республика Бурятия) размещалась в 12 залах. В Доме-музее декабристов в Петровске-Забайкальском представлена история движения декабристов: от времени возникновения первых тайных обществ в России до амнистии 1856 г. По воспоминаниям А.П. Беляева, жившего на поселении в г. Минусинске с 1833 по 1840 г., построена экспозиция в первом музее декабристов в Красноярском крае. Она включает темы: «Восстание 1825 г.», «Суд и следствие», «Каторга», «Декабристы в Сибири», «Декабристы в Минусинской ссылке». В Иркутском областном краеведческом музее документальную основу темы «Декабристы» составляли копияные материалы, касавшиеся в основном репрезентации их политической деятельности. Было также представлено пребывание декабристов на каторге (Благodatский рудник, Чита, Петровский Завод), жизнь на поселении в Восточной Сибири (1826–1856 гг.).

По мнению, высказанному Е.И. Красильниковой, экспозиционный план музея декабристов в доме Волконских, составленный в 1985 г. к 160-летию восстания и акцентирующий внимание на демонстрации мемориальных предметов, связанных с просветительной деятельностью декабристов, поддерживал бытование мифа о том, что Иркутск был обязан декабристам своим культурным развитием. «Образы прошлого резко актуализировались в общественно-политическом пространстве Иркутска» в связи с очередными юбилеями декабристского движения¹⁶.

Новая научная концепция экспозиции Дома-музея Трубецких, входящего в состав Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов, сформировалась в период реставрации памятника (2006–2011 гг.) в рамках ведомственной целевой программы по модернизации музеев. В ее основу был положен историко-антропологический подход: исходя из масштабов личности князя С.П. Трубецкого (одна из ключевых фигур в организации восстания на Сенатской площади, автор «Манифеста к русскому народу») показать его значение в истории декабризма¹⁷. В соответствующей экспозиции «Эпоху отразившая судьба» авторский коллектив акцентировал внимание не на истории идей и политических течений первых десятилетий XIX в., а через эпистолярное наследие стремился отразить историю жизни, судьбы С.П. Трубецкого (наиболее полно характеризующей коллизии и перипетии жизни всех декабристов в Сибири), членов его семьи, товарищей по сибирскому изгнанию. Были выделены темы: «Жизнь до 14 декабря», «День, изменивший жизнь» – восстание на Сенатской площади, «Тихий остров в бурном море» – семья Трубецких, «Сиятельный изгнанник» – С.П. Трубецкой в Сибири, «В кругу друзей-декабристов», «Жизнь после Сибири». Важное значение для политической и социокультурной репрезентации имеет содержательная многоуровневость данной экспозиции. На внешнем уровне демонстрируется на основе аттрактивных подлинников и мемориальных предметов (кандалы, кирка, лопата, сундучок, самодельная мебель, приборы и бытовые предметы) общая для всех декабристов 30-летняя сибирская история. Информационный уровень знакомит посетителей с впервые введенными в экспозицию хрестоматийными документами: «Манифест к русскому народу», Приговор Верховного уголовного суда, текст амнистии, объявленной декабристам в августе 1856 г. В копияных архивных документах содержатся сведения об условиях содержания декабристов на каторге, о нуждах и потребностях декабристов в период ссылки, официальные разрешения власти на действия декабристов (вступление в брак, перемещение, покупка недвижимости, помещение детей в учебные заведения). Свидетельства личной жизни главного героя экспозиции – С.П. Трубецкого образуют лирический уровень экспозиции с эмоционально-образной средой. На основе аудиовизуальной исторической реконструкции эпистолярного наследия, писем князя и княгини Трубецких,

¹⁶ Красильникова Е.И. Символические фигуры декабристов в мемориальном пространстве Иркутска (начало XX в. – 1991 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 134.

¹⁷ Акулич О.А. Актуализация документального наследия декабристов... С. 47.

отражающих нравственную дилемму «любовь – долг», прошлое вводится в настоящее, диалог двух любящих сердец вызывает сопереживание посетителей музея¹⁸.

В настоящее время музеи Сибири, представляющие историю декабристского движения, продолжают осваивать историко-культурное наследие декабристов и в новых общественно-политических условиях актуализируют коллективную память на основе документов о событиях 14 декабря 1825 г., вошедшим в историю России, используют персонализированные формы коммеморации, акцентируют внимание на духовно-нравственных ценностях: патриотизме, благородстве, дружбе, взаимопомощи, любви. Эта тематика развивается и в разноплановых выставках музеев, в том числе в Музее декабристов в Чите¹⁹.

В интеллектуальном пространстве декабристских музеев можно выделить ряд позиций, значимых для музейного мира Сибири в целом и имеющих общероссийский уровень. Прежде всего, это проведение конференций. На основании «Летописи Иркутского музея декабристов», составленной А.О. Афанасьевой, в начале XXI в. можно выделить следующие конференции:

2000 г., декабрь – Всероссийская научно-практическая конференция «Декабристы: история и современность: итоги и перспективы исследований» с участием иркутских ученых и приглашенных декабристоведов М.М. Сафронова (Санкт-Петербург), Т.С. Комаровой (Красноярск), В.В. Гапоненко (Улан-Удэ), Л.П. Бойчук (Москва) и др., открывшаяся 18 декабря;

2002 г., 20–21 декабря – научно-практическая конференция школьников «И громче труб на поле чести зовет к Отечеству любовь...»;

2003 г., 18 декабря – студенческая научно-практическая региональная конференция «Декабризм: историко-правовые аспекты»; 19–20 декабря школьная научно-практическая конференция «Настоящее житейское поприще началось со вступлением нашим в Сибирь» (М.С. Лунин). 70 участников из школ Иркутска и области, 26 докладов;

2005 г., 8 октября – «Четвертые Щаповские чтения» – научно-практическая конференция, посвященная А.П. Щапову – известному историку-публицисту, писателю, философу, антропологу, родившемуся в Иркутской губернии;

2006 г., 24–29 сентября – Всероссийская научно-практическая конференция «Декабристы и Сибирь», посвященная 180-летию прибытия декабристов в Сибирь и 150-летию амнистии. Проведена совместно с Иркутским государственным университетом с участием известных декабристоведов Н.П. Матхановой (Новосибирск), О.В. Эдельман, Г.В. Чагина (Москва), А.А. Кононова, М.М. Вершевской, М.М. Сафонова (Санкт-Петербург), В.Л. Юшковского (Томск)²⁰;

7 декабря 2007 г. в рамках XIX фестиваля «Декабристские вечера» в Ялutorовском музее памяти декабристов состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Наследие декабристов – развитию Сибири». В ней приняли участие ученые-декабристоведы, научные сотрудники государственных музеев Москвы, Иркутска, Тобольска, Тюмени, Ялutorовска и муниципальных музеев юга Тюменской области, представители регионального и локального культурного сообщества, «Декабристской секции» из Санкт-Петербурга²¹.

Следует также отметить юбилейные региональные научно-практические конференции: «Отечественная война 1812 года и русская культура» (2012) и «Семен Федорович Коваль и дело его жизни» (2013)²². Ограничиваясь в данном случае только констатацией фактов, мы обозначаем новое исследовательское историографическое, источниковое и информаци-

¹⁸ Акулич О.А. Актуализация документального наследия декабристов... С. 48–49.

¹⁹ Потехина Л.И. Музей декабристов в Чите [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 188. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-12.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

²⁰ Афанасьева А.О. Летопись Иркутского музея декабристов // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Вып. 3. Иркутск, 2017. С. 156–158.

²¹ Шестакова Н.М. Духовное родство продолжается // Хранители памяти: материалы к истории Декабристской секции при Государственном музее истории г. Санкт-Петербурга. СПб., 2012. С. 384.

²² Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Вып. 2. Иркутск, 2014. С. 3–5.

онное поле для выявления роли и вклада научных мероприятий разного уровня в общественно-политическое развитие страны, декабристоведение и музееведение.

Одним из показателей этого стала организованная Музеем декабристов в Чите онлайн-конференция «Декабристы в Забайкалье: вклад в изучение и развитие края», прошедшая 22–23 декабря 2020 г. На ней были высказаны предложения, которые могут быть отнесены ко всем российским регионам: провести в 2025 г. ряд мероприятий на основе интеграции представителей науки, культуры образования, посвященных 200-летию восстания декабристов, ориентированных на духовно-нравственные аспекты наследия декабристов в целях формирования идеалов подрастающего поколения; популяризировать декабристское наследие с целью предупреждения наметившихся тенденций к искажению и вольной трактовке исторических фактов²³.

Проявлением интеллектуальной поддержки политики памяти в контексте декабристского движения можно считать сотрудничество музеев Сибири с общественным объединением «Декабристская секция» при Государственном музее истории г. Санкт-Петербурга, созданной в 1987 г. Ее деятельность была направлена, прежде всего, на создание Музея декабристов в Ленинграде. С целью заимствования опыта организационной и музейной деятельности регулярно проводились встречи представителей секции и директоров музеев декабристов Читы, Петровска-Забайкальского, Ялуторовска, Новоселенгинска²⁴.

Самым известным в России и за рубежом издательским проектом (с 1979 г. в Восточно-Сибирском книжном издательстве) является публикация (с 2000 г. под эгидой Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов) многотомной академической документальной серии «Полярная звезда». В 28 хорошо иллюстрированных томах, изданных к настоящему времени, вводится в исследовательский и информационный оборот научное, мемуарное, эпистолярное и литературное наследие декабристов, планируется расширить серию до 60 томов²⁵. Следует обратить внимание и на весьма значимую для музейного мира «Иллюстрированную библиотеку» серии «Полярная звезда». За период с 2012 по 2019 г. были изданы альбомы: декабриста В.Л. Давыдова (2012), генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта, жены губернатора Енисейского края Падалки, «Сибирский альбом» Е.И. Трубецкой.

Новацией, характеризующей уровень Иркутского музея декабристов как исследовательского центра, стал выпуск с 2011 г. периодического издания «Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов». В нем публикуются новые источники, результаты историко-краеведческих и музееведческих исследований, материалы конференций. Большой интерес специалистов вызвало появление нового раздела сборника «Альбомная культура» и включение в него докладов международной научно-практической онлайн-конференции «Альбомная культура: исторический экскурс и современное прочтение» (2020 г.)²⁶ в рамках реализации социокультурного проекта «Альбом есть памятник души».

К 50-летию Иркутского музея декабристов в 2020 г. опубликован юбилейный иллюстрированный альбом, ставший заметным культурным и научным событием на российском и международном уровнях²⁷. 2025 год ознаменовался выходом новой книги, имеющей важное историографическое и музееведческое значение: «М.В. Нечкина, С.Ф. Коваль. Переписка

²³ Комлева Е.В., Туманик Е.Н. Обзор научно-практической конференции «Декабристы в Забайкалье: вклад в изучение и развитие края» [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 222. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-18.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

²⁴ Хранители памяти: материалы к истории Декабристской секции при Государственном музее истории г. Санкт-Петербурга. СПб., 2012.

²⁵ Игнатенко В.В. «Полярная звезда», книжная серия [Электронный ресурс] // ИРКИПЕДИЯРУ. Энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/polyarnaya_zvezda_knizhnaya_seriya (дата обращения: 19.09.2025).

²⁶ Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Вып. 6. Иркутск, 2021. С. 6–59.

²⁷ Туманик Е.Н. Новые издания Иркутского музея декабристов [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 217–219. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-17.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

декабристоведов (1974–1985 гг.)»²⁸, публикация, предисловие и комментарии были выполнены известным российским историком Н.П. Матхановой.

Представленное интеллектуальное пространство музейного мира Сибири, связанное с декабристской проблематикой, дает основание говорить о глубокой научной фундированности, репрезентативных историографических и источниковых ресурсах для адекватной политической и социокультурной репрезентации истории декабристов и декабризма. Социокультурная репрезентация и презентация сибирской истории декабристов соотносятся и тесно связаны с коммуникационным пространством музейного мира и динамикой политики в сфере культуры.

Для определения основных направлений современной социокультурной репрезентации истории декабристов следует указать на особенности функционирования учреждений культуры в условиях радикальных реформ 1990-х гг., обрекающих «объекты культсоцбыта» на выживание за счет передачи своих помещений в аренду. Так, директору Иркутского музея декабристов Е.А. Ячменеву напрямую и неоднократно «рекомендовали» снизить планку работы музея декабристов до среднестатистического краеведческого уровня, оставив в доме Волконских две-три мемориальные комнаты, а все остальное пустить на «зарабатывание денег»²⁹. Категорически отказавшись от подобных указаний, он поставил амбициозную задачу превращения музея в очаг культуры. Вопреки желанию головного музея в его филиале были продолжены традиции салонов, собиравшихся в домах Волконских и Трубецких, возрожден «Домашний театр Волконских», показывались видеофильмы по истории и культуре, проводились занятия «Школы хороших манер». Это давало для местного сообщества, жителей Иркутска, возможность приобщиться к престижной дворянской культуре, «благородству» дворян-декабристов.

С конца XX в. ежегодно музей проводит традиционный областной фестиваль «Декабристские вечера». В его программе концерты, литературно-музыкальные салоны в домах Волконских и Трубецких, вечера в библиотеках, мероприятия в городах Шелехове, Ангарске, «декабристских селах» (Урике, Олонках, Усть-Куде, Оеке, Елани), научно-практические конференции для школьников. Особое внимание уделялось молодежи, апробировались новые интерактивные формы работы, наиболее привлекательные для современного поколения: экскурсии с элементами этикета, интегрированные уроки, детские балы.

В развитие этих традиций в 2014–2015 гг. в г. Шелехов Иркутской области был реализован музейный социокультурный проект «Мой первый бал», в котором приняло участие около 70 человек. Они изучали бальный этикет, историко-бытовые танцы XIX в., посещали экскурсии в Музее декабристов. Заключительный бал, состоявшийся во Дворце культуры «Металлург»³⁰, стал впечатляющей демонстрацией историко-культурного наследия, значимого для локального сообщества.

В начале XXI в. просветительская и популяризаторская деятельность в объектах Иркутского областного историко-мемориального музея продолжилась с учетом того, что Дом Трубецких на поселении в Иркутске был одним из культурно-политических центров середины XIX в. Салон М.Н. Волконской, как известно, являлся центром иркутской культурной жизни. О традициях, заложенных хозяйкой дома, сохраняющихся и возрождающихся в музее, о семье и потомках Волконских, декабристах участниках войны 1812 г., женах декабристов рассказывалось в периодически организуемых выставках. Приведем несколько примеров. 2000 г., март: «Дети и потомки семьи Волконских» и «Декабристы глазами иностранцев»; октябрь: «Н.А. Некрасов и декабристы»; выставка восковых фигур в «Садах Лицея», посвященная юности А.С. Пушкина и декабристов (музей «Паноптикум». Санкт-Петербург); 2001 г., март: «Реликвии декабриста Д.И. Завалишина»; июль: выставка книг из серии «Полярная звезда»; 2015 г.: «Маятник истории», посвященная 190-летию

²⁸ Нечкина М.В., Коваль С.Ф. Переписка декабристоведов (1974–1985 гг.). Иркутск, 2025. 288 с.

²⁹ Эрлих С.Е. Иркутский музей декабристов... С. 177–178.

³⁰ Афанасьева А.О. Летопись Иркутского музея декабристов // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Вып. 3. Иркутск, 2017. С. 182.

восстания декабристов. Ежегодная подробная информация до 2015 г. по выставкам, в том числе в селах Иркутской области, репертуару возрожденного «Домашнего театра Волконских», тематике литературно-музыкальных салонов и лекций, театрализованных программ, презентациям изданий представлена в «Летописи Иркутского музея декабристов»³¹.

Как одно из направлений политики репрезентации истории декабристов можно считать проведение сотрудниками музея и преподавателями иркутских высших учебных заведений лекций как по традиционной патриотической тематике: «Я русский, гордо бьется грудь при имени Россия», так и по дискуссионным историческим темам: «Николай Первый и его “друзья 14 декабря”», «Патриотизм декабристов: признание или отрицание?» (2002). Кандидат исторических наук, доцент кафедры искусствоведения Иркутского государственного педагогического университета А.В. Ермаков в Доме-музее Волконских в рамках курса лекций «Декабристы в истории России» сделал выступления по темам: «Ложа и площадь. Декабристы и масонство»; «Нация против империи? Декабризм и проблемы русского национализма»³².

С.Е. Эрлих, оценивая опыт работы коллектива музея под руководством Е.А. Ячменева (1983–2008) как феномен превращения музея в своеобразный культурный бренд и подчеркивая его технологичность, выделяет своеобразный алгоритм взаимоотношений музея со средствами массовой информации (СМИ). На основе содержательных и креативных пресс-релизов руководства музея в СМИ создавалось как можно больше информационных поводов. В их числе – торжественная демонстрация новых экспонатов, ежегодный фестиваль искусств «Декабристские вечера», шахматный турнир среди иркутских любителей на кубок князя Волконского, премьеры монооперы «Записки Марии Волконской», ежегодное вручение в залах музея премии «Интеллигент провинции», премий губернатора в области литературы и искусства, презентации книг, юбилейных почтовых конвертов, областной конный фестиваль³³.

Интерес СМИ к музею стимулировался и его посещением государственными деятелями³⁴. Например, состоявшаяся в 2000 г. в Музее декабристов встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с творческой общественностью Иркутска сделала музей привлекательным для благотворителей: от скромного «Масложиркомбината» до всемогущего «Норникеля». Развивалось и социальное партнерство: Иркутский алюминиевый завод, ОАО «Корпорация “Иркут”», «Иркутскэнерго», Байкальский банк Сбербанка России и многие другие предприятия и организации города и области содействовали увеличению коллекции подлинных вещей XIX в., в том числе декабристских реликвий, выпуску в свет новых томов серии «Полярная звезда». Центр иппотерапии Благотворительного фонда Тихомировых проводил в музее спортивные и лечебные занятия, яркие праздники в день рождения А.С. Пушкина³⁵.

Декабристская тема стала основой проекта «Декабристское кольцо Сибири» для превращения Байкальского региона в туристско-рекреационную зону. Он был рассчитан на 7–10 дней и предусматривал экскурсии в Иркутск, архитектурно-этнографический музей «Тальцы», поселок Листвянка, села Урик, Усть-Куду, Оёк, Тельму, Александровский завод, Олонки, Бельск и Смоленщину.

Весьма эффективной социокультурной репрезентацией историко-культурного наследия декабристов является проект «Петербургские сады в Минусинске». Его идея возникла в 2012 г. у Минусинского музея и Музея декабристов как дань памяти минусинским декабристам, которые очень многое сделали для развития сибирского садоводства, оказали значительное влияние на развитие города в целом. В ходе реализации данного проекта, предусматривающего историко-ландшафтное благоустройство приусадебного участка музея, решались

³¹ Афанасьева А.О. Летопись Иркутского музея декабристов... С. 159, 174–175.

³² Там же.

³³ Эрлих С.Е. Иркутский музей декабристов... С. 180.

³⁴ Там же.

³⁵ Перцева Т.А. Музейное строительство Евгения Ячменева // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 2–3. С. 171.

следующие задачи: знакомство посетителей музея с деятельностью декабристов в период ссылки в Минусинске, их ролью в развитии сельского хозяйства, садоводства и огородничества; знакомство посетителей с русской парковой и усадебной культурой, традициями отдыха и развлечений в XIX в. Это создавало новое пространство для формирования основ музейной культуры, развития интерактивных форм научно-просветительской работы с посетителями. Проект «Петербургские сады в Минусинске» имеет важное значение для локального городского сообщества и для привлечения внимания посетителей музея к его экспозициям, хранящим память об исторических событиях 1825 г. и судьбах декабристов, оказавшихся в далекой Сибири³⁶.

Читинский музей за время своей деятельности стал одним из символов города, обязательным местом для посещения, в котором проводятся экскурсии: обзорная «История декабристского движения и пребывание декабристов в Сибири», тематические – «Декабристы на каторге и поселении», «Юношеская поэма» (о пребывании декабристов на каторге в Чите), «Подвиг любви бескорыстной» (о женах декабристов), «Пушкин и декабристы», пешеходная «По местам декабристов в Чите». Мероприятия, посвященные юбилейным датам, знаменательным событиям, проводятся при сотрудничестве с учебными заведениями, филармонией, краевым театром драмы, детскими центрами, творческими коллективами города и края. Регулярно устраиваются музейные праздники: «Страницы жизни декабристов в Чите», «Во глубине сибирских руд...», «Рождественские посиделки», «Масленица к нам пришла!». Совместно с Забайкальским краевым драматическим театром реализуется проект «Театр под сводами музея» – театрализованные постановки на декабристскую тематику: «Звезда декабриста Полина», «Благодатские узники», «Адмирал читинский» и др. Активно развивалось социальное проектирование: был презентован и успешно реализован проект «По дороге декабристов Чита – Петровский Завод», предложенный жительницей Читы, педагогом с 40-летним стажем Г.Ф. Самариной. В соответствии с ним установлены памятные знаки в виде верстовых столбов в местах, где декабристы останавливались на дневки во время похода³⁷.

Широкую известность и динамичное развитие с 2016 по 2024 г. (число участников со 100 возросло до 600 и свыше 200 туристов) получил фестиваль «Во глубине сибирских руд...» – культурно-просветительский проект, посвященный истории декабристов, сосланных в Сибирь. Он проводится ежегодно на территории города Петровск-Забайкальский с целью популяризации историко-культурного наследия Забайкальского края, активизации внутреннего, въездного туризма. Следует подчеркнуть его важную интеграционную роль в сфере науки, культуры, образования, искусства, что в определенной мере определяет и политику репрезентации истории декабристов. В фестивале принимают участие музеологи, архивисты, краеведы, историки, ученые, художники, артисты всех жанров. Почетными гостями фестиваля являются потомки декабристов. В программу мероприятия входят научно-практические конференции, концерты романсов и народных песен, театральные постановки о жизни декабристов, конкурсы (чтецов, вокала, хореографии) и экскурсии по историческим местам.

В коммуникационном пространстве музейного мира приоритетную роль играют интернет-ресурсы музеев. Как известно, сайт Иркутского музея декабристов³⁸ был создан еще в 2010 г. В настоящее время он представляет собой развитую систему информации по всем направлениям деятельности музея. Читинский музей, к примеру, активно развивает тематические страницы в соцсетях «Вконтакте» и «Одноклассники», знакомя виртуальных посетителей с историей декабристского движения. Большой интерес вызывают видеоэкс-

³⁶ Негодина И.И. Проект Минусинского музея «Петербургские сады в Минусинске» // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Вып. 2. Иркутск, 2014. С. 212–220.

³⁷ Потехина Л.И. Музей декабристов в Чите... С. 186–188; Потехина Н.В., Потехина Л.И. Опыт сотрудничества Музея декабристов с образовательными организациями // Инновационные технологии в технике и образовании: мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. Чита, 2021. С. 121–125.

³⁸ Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов [Электронный ресурс]. URL: <http://immd38.ru/> (дата обращения: 19.09.2022).

курсии о декабристах и их женах, снятые в стенах музея. Пользуются популярностью рубрики онлайн-презентаций «История одного экспоната», «Сибирь в воспоминаниях декабристов». Многие информационные посты музея набирают более тысячи просмотров. Вместе с тем В.К. Колосов, директор Забайкальского краевого краеведческого музея, при анализе в 2020 г. информации, размещаемой в социальных сетях, обратил внимание на отмечающийся рост негативного отношения к декабристам и их наследию в общественном сознании. Он призвал всех заинтересованных лиц – сотрудников музеев, научное сообщество, краеведов – объединить усилия в борьбе с подобными тенденциями³⁹.

Сейчас все музеи декабристов Сибири представляют свою историю и музейные практики с использованием сайтов или размещением на сайтах музеев, структурными подразделениями которых они являются. Это позволяет автору статьи расширить для читателей информационно-коммуникационное пространство о деятельности по декабристской тематике Ялutorовского музейного комплекса⁴⁰, Национального музея Республики Бурятия⁴¹, Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова⁴².

Несомненно, интернет-ресурсы являются одним из самых актуальных и перспективных способов коммуникации с музейной аудиторией и не могут ограничиваться единичными примерами, а требуют формирования репрезентативной источниковой базы и комплексного междисциплинарного анализа, чему будет посвящена следующая проблемно-тематическая статья автора.

Следует также обратить дальнейшее внимание на результаты исследований по проблемам исторической памяти о декабристах, ее политизации и мифологизации⁴³ и рассмотреть их в музейном ракурсе⁴⁴.

Обобщая пространства музейного мира Сибири, наполненные деятельностью декабристских музеев, можно выделить основные направления политики репрезентации истории декабристов в Сибири: 1) адаптацию экспозиций к идеологическим и социокультурным парадигмам соответствующего периода развития страны и научных исследований: создание на начальном этапе тематико-хронологических хрестоматийных экспозиций с переходом в начале XXI в. к новому историко-антропологическому, биографическому принципу показа; 2) формирование развитого интеллектуального пространства (проведение конференций, выпуск профильных изданий, сотрудничество с общественными организациями), обеспечивающего глубокую фундированность разных форм научно-просветительной деятельности, представления декабристской истории в средствах массовой информации и Интернете; 3) реализация проектов, актуализирующих историко-культурное наследие сибирского периода жизнедеятельности декабристов в социокультурном пространстве на локальном, региональном и российском уровнях.

Литература

Акулич О.А. Актуализация документального наследия декабристов в экспозиционной деятельности Иркутского музея декабристов // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 24. С. 47–49.

Афанасьева А.О. Летопись Иркутского музея декабристов // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Вып. 3. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2017. С. 128–184.

³⁹ См.: Комлева Е.В., Туманик Е.Н. Обзор научно-практической конференции... С. 221.

⁴⁰ Ялutorовский музейный комплекс [Электронный ресурс]. URL: <http://yalutmuzey.ru/about/istoriya-muzeya/> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴¹ Национальный музей Республики Бурятия [Электронный ресурс]. URL: <http://muzeyrb.ru/o-muzee/istoriya-muzeya> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴² Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова [Электронный ресурс]. URL: <http://музей-мартянова.рф/history-decabrist/> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴³ Красильникова Е.И. Символические фигуры декабристов... С. 128–129.

⁴⁴ Серебрякова Е.Г. Мифологизация как свойство музейного нарратива // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2025. Т. 31, № 1. С. 147–159.

Бабенко О.В. История декабристов в культурном измерении // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2021. № 3. С. 61–69.

Багаев Н.Е., Шестакова Н.В. Основные этапы становления и развития краеведческого музея г. Ялуторовска как музея памяти декабристов // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2017. № 2 (8). С. 102–105.

Ваганова Е.В., Мотренко В.С. Декабристы в Петровском Заводе: сохранение и презентация объектов культурного наследия // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: традиции и инновации межкультурного взаимодействия: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. Чита, 2015. С. 345–353.

Гурьянова Н.С. Рецензия на книгу: Историческая память России и декабристы. 1825–2015: сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.) / сост., отв. ред. П.В. Ильин. СПб.; Иркутск: Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, 2019. 472 с. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2019. Т.18, № 8. С. 144–148.

Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. / отв. ред. О.А. Акулич. Вып. 2. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2014. 224 с.

Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. / отв. ред. О.А. Акулич. Вып. 6. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2021. 232 с.

Добрынина Е.А. Рождение музея: история в тридцати письмах и одной телеграмме [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 160–182. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-11.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

Добрынина Е.А. И один в поле воин: роль Иркутского музея декабристов в сохранении исторической памяти о декабристах // Историческая память России и декабристы. 1825–2015: сб. мат-лов междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.). СПб.; Иркутск: Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, 2019. С. 367–371.

Константинова Н.Н. Изучение и популяризация наследия декабристов (на примере деятельности Читинского краеведческого музея) // Записки Забайкальского отделения Российского исторического общества. 2022. № 1 (2). С. 69–75.

Комлева Е.В., Туманик Е.Н. Обзор научно-практической конференции «Декабристы в Забайкалье: вклад в изучение и развитие края» [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 220–223. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-18.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

Красильникова Е.И. Символические фигуры декабристов в мемориальном пространстве Иркутска (начало XX в. – 1991 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 129–138.

Нечкина М.В., Коваль С.Ф. Переписка декабристоведов (1974–1985 гг.) / публ. подготовлена Н.П. Матхановой. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2025. 288 с.

Мезенцева И.В. «Не пропадет ваш скорбный труд...»: о судьбе историко-культурного наследия в меняющемся мире (к 35-летию Музея декабристов в Чите) // Иркутский историко-экономический ежегодник-2021. Иркутск, 2021. С. 292–301.

Негодина И.И. Проект Минусинского музея «Петербургские сады в Минусинске» // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Вып. 2. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2014. С. 212–220.

Перцева Т.А. Музейное строительство Евгения Ячменева // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 2–3. С. 170–195.

Потехина Л.И. Музей декабристов в Чите [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 183–190. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-12.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

Потехина Н.В., Потехина Л.И. Опыт сотрудничества Музея декабристов с образовательными организациями // Инновационные технологии в технике и образовании: мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. Чита, 2021. С. 121–125.

Серебрякова Е.Г. Мифологизация как свойство музейного нарратива // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2025. Т. 31, № 1. С. 147–159.

Туманик Е.Н. Новые издания Иркутского музея декабристов [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 217–219. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-17.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.

Шестакова Н.М. Духовное родство продолжается // Хранители памяти: материалы к истории Декабристской секции при Государственном музее истории г. Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С. 380–385.

Хранители памяти: материалы к истории Декабристской секции при Государственном музее истории г. Санкт-Петербурга / сост. К.Э. Кузнецова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. 448 с.

Эрлих С.Е. Иркутский музей декабристов на страницах современных периодических изданий // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 8 (51). С. 175–182.

Ячменев Е.А. Историко-мемориальный музей: проблемы формирования коллекции и создания научной концепции экспозиции (на примере Иркутского музея декабристов): автореф. ... канд. культурологии. СПб., 2006. 22 с.

Reference

Afanaseva, A.O. (2017). Letopis' Irkutskogo muzeya dekabristov [Chronicle of the Irkutsk Museum of the Decembrists]. In *Dekabristskoe kol'tso: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov*. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov. Iss. 3, pp. 128–184.

Akulich, O.A. (2015). Aktualizatsiya dokumental'nogo naslediya dekabristov v ekspozitsionnoy deyatel'nosti Irkutskogo muzeya dekabristov [Actualization of the Decembrists' Documentary Heritage in the Exhibitions of the Irkutsk Museum of the Decembrists]. In *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 24, pp. 47–49.

Akulich, O.A. (Ed.). (2014). *Dekabristskoe kol'tso: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov: sbornik statey* [The Decembrist Ring: Bulletin of the Irkutsk Decembrist Museum. Collection of articles]. Irkutsk. Iss. 2. 224 p.

Akulich, O.A. (Ed.). (2021). *Dekabristskoe kol'tso: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov: sbornik statey* [The Decembrist Ring: Bulletin of the Irkutsk Decembrist Museum. Collection of Articles]. Irkutsk. Iss. 6. 232 p.

Babenko, O.V. (2021). Istoriya dekabristov v kul'turnom izmerenii [The History of the Decembrists in the Cultural Dimension]. In *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya*. No. 3, pp. 61–69.

Bagaev, N.E., Shestakova, N.V. (2017). Osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya kraevedcheskogo muzeya g. Yalutorovska kak muzeya pamyati dekabristov [The Main Stages of the Formation and Development of the Local History Museum in Yalutorovsk as a Museum of the Memory of the Decembrists]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. No. 2 (8), pp. 102–105.

Dobry'nina, E.A. (2019). I odin v pole voyn: rol' Irkutskogo muzeya dekabristov v sokhranении istoricheskoy pamyati o dekabristakh [And One Man in the Field: The Role of the Irkutsk Museum of the Decembrists in Preserving the Historical Memory of the Decembrists]. In *Istoricheskaya pamyat' Rossii i dekabristy. 1825–2015: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 14–16 dekabrya 2015 g.)*. St. Petersburg, Irkutsk, Irkutskiy oblastnoy istoriko-memorial'ny'y muzey dekabristov, pp. 367–371.

Dobry'nina, E.A. (2020). Rozhdenie muzeya: istoriya v tridsati pis'makh i odnoy telegramme [The Birth of a Museum: A Story in Thirty Letters and One Telegram]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 6 (14), pp. 160–182. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-11.pdf> (date of accesses 19.09.2025).

E'rlikh, S.E. (2010). Irkutskiy muzey dekabristov na stranitsakh sovremenny'kh periodicheskikh izdaniy [Irkutsk Museum of the Decembrists on the Pages of Modern Periodicals]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. No. 8 (51), pp. 175–182.

Gur'yanova, N.S. (2019). Retsenziya na knigu: Istoricheskaya pamyat' Rossii i dekabristy'. 1825–2015: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 14–16 dekabrya 2015 g. / sost., otv. red. P.V. Il'in. SPb.; Irkutsk: Irkutskiy oblastnoy istoriko-memorial'ny'y muzey dekabristov. 472 s. [Review of the Book: Historical Memory of Russia and the Decembrists. 1825–2015: Collection of Materials of the International Scientific Conference (Saint Petersburg, December 14–16, 2015 / compiled and edited by P.V. Ilyin. Saint Petersburg; Irkutsk: Irkutsk Regional Historical and Memorial Museum of the Decembrists. 472 p.]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 18, No. 8, pp. 144–148.

Komleva, E.V., Tumanik, E.N. (2020). Obzor nauchno-prakticheskoy konferentsii “Dekabristy' v Zabajkal'e: vklad v izuchenie i razvitie kraya” [Review of the Scientific and Practical Conference “The Decembrists in Transbaikalia: Contribution to the Study and Development of the Region”]. In *Istoricheskij kurier*. No. 6 (14), pp. 220–223. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-18.pdf> (date of accesses 19.09.2025).

Konstantinova N.N. (2022). Izuchenie i populyarizatsiya naslediya dekabristov (na primere deyatel'nosti Chitinskogo kraevedcheskogo muzeya) [Study and Popularization of the Legacy of the Decembrists (Based on the Activities of the Chita Local History Museum)]. In *Zapiski Zabaykal'skogo otdeleniya Rossiyskogo istoricheskogo obshchestva*. No. 1 (2), pp. 69–75.

Krasil'nikova, E.I. (2021). Simvolicheskie figury' dekabristov v memorial'nom prostranstve Irkutsk (nachalo XX v. – 1991 g.) [Symbolic Figures of the Decembrists in the Memorial Space of Irkutsk (Early 20th Century – 1991)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 468 (14), pp. 129–138.

Kuznetsova, K.E. (Publ.). (2012). *Khraniteli pamyati: materialy k istorii Dekabristskoy sekcii pri Gosudarstvennom muzee istorii g. Sankt-Peterburga* [Keepers of Memory: Materials on the History of the Decembrist Section at the State Museum of the History of St. Petersburg]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta. 448 p.

Matkhanova, N.P. (Publ.). Nechkina, M.V., Koval', S.F. (2025). *Perepiska dekabristovedov (1974–1985 gg.)* [Correspondence of Decembrist Scholars (1974–1985)]. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov. 288 p.

Mezentseva, I.V. (2021). “Ne propadet vash skornyy trud...”: o sud'be istoriko-kul'turnogo naslediya v menyayushchemsya mire (k 35-letiyu Muzeya dekabristov v Chite) [“Your Sorrowful Work will Not be in Vain...”: On the Fate of Historical and Cultural Heritage in a Changing World (On the 35th Anniversary of the Decembrists Museum in Chita)]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik-2021*. Irkutsk, pp. 292–301.

Negodina, I.I. (2014). Proekt Minusinskogo muzeya “Peterburzhskie sady' v Minusinske” [The Minusinsk Museum's Project “Petersburg Gardens in Minusinsk”]. In *Dekabristskoe kol'tszo: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov*. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov. Iss. 2, pp. 212–220.

Pertseva, T.A. (2012). Muzeynoe stroitel'stvo Evgeniya Yachmeneva [Evgeny Yachmenev's Museum Construction]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2–3, pp. 170–195.

Potekhina, L.I. (2020). Muzey dekabristov v Chite [The Decembrists Museum in Chita]. In *Istoricheskij kurier*. No. 6 (14), pp. 183–190. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-12.pdf> (date of accesses 19.09.2025).

Potekhina, N.V., Potekhina, L.I. (2021). Opy't sotrudnichestva Muzeya dekabristov s obrazovatel'ny'mi organizatsiyami [The Experience of Cooperation between the Decembrists Museum and Educational Organizations]. In *Innovatsionnye tekhnologii v tekhnike i obrazovanii: materialy XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Chita, pp. 121–125.

Serebryakova, E.G. (2025). Mifologizatsiya kak svoystvo muzeynogo narrativa [Mythologization as a Property of Museum Narratives]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. Vol. 31, No. 1, pp. 147–159.

Shelegina, O.N. (2014). *Muzeyny'y mir Sibiri: istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya* [The Museum World of Siberia: History and Modern Development Trends]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 396 p.

Shestakova, N.M. (2012). Dukhovnoe rodstvo prodolzhaetsya [Spiritual Kinship Continues]. In *Khraniteli pamyati: materialy k istorii Dekabristskoy seksii pri Gosudarstvennom muzee istorii g. Sankt-Peterburga*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta, pp. 380–385.

Tumanik, E.N. (2020). Novye izdaniya Irkutskogo muzeya dekabristov [New Editions of the Irkutsk Museum of the Decembrists]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 6 (14), pp. 217–219. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-17.pdf> (date of accesses 19.09.2025).

Vaganova, E.V., Motrenko, V.S. (2015). Dekabristy v Petrovskom Zavode: sokhranenie i prezentatsiya ob'ektov kul'turnogo naslediya [The Decembrists in Petrovsky Zavod: Preservation and Presentation of Cultural Heritage Objects]. In *Kul'turnoe prostranstvo Vostochnoy Sibiri i Mongolii: traditsii i innovatsii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Chita, pp. 345–353.

Yachmene, E.A. (2006). *Istoriko-memorial'nyy muzey: problemy formirovaniya kolleksii i sozdaniya nauchnoy kontseptsii ekspozitsii (na primere Irkutskogo muzeya dekabristov)* [Historical and Memorial Museum: Problems of Collection Formation and Creation of a Scientific Concept of the Exposition (On the Example of the Irkutsk Museum of the Decembrists)], Cand. hist. sci. diss. abstract. St. Petersburg. 22 p.

Е.А. Добрынина*

ПАМЯТНЫЕ КОЛЬЦА ДЕКАБРИСТОВ:
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И БЫТОВАНИЯdoi:10.31518/2618-9100-2025-6-16
УДК 94(47).073;069:002

Выходные данные для цитирования:
Добрынина Е.А. Памятные кольца декабристов: история создания
и бытования // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 227–242.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-16.pdf>

E.A. Dobrynina*

THE DECEMBRISTS' COMMEMORATIVE RINGS:
THE HISTORY OF THEIR CREATION AND EXISTENCE

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-16

How to cite:
Dobrynina E.A. The Decembrists' Commemorative Rings: The History
of Their Creation and Existence // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 227–242.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-16.pdf>]

Abstract. This article focuses on the history of the creation and use of commemorative items made from shackled iron. The tradition of making and wearing commemorative rings appeared long before the first half of the 19th century. Shackle rings, as souvenirs, appeared later. The Decembrist story associated with iron rings is the most famous and iconic, as it has facets reflecting several categories of memory: hard labor, shackle, sacrificial, kindred, symbolic. The ring is a symbol of imprisonment, the ring is a memory of punishment, the ring is an emblem of suffering. All this is directly related to the so-called Decembrist shackle rings. The Decembrists were kept in shackles in the fortresses where they were held before being sent to Siberia, which did not correspond to their class status. Shackles, irons, fetters – that's what the Decembrists called their bonds. Shackling in iron was one of the measures of influence on prisoners, which created a specific psychological situation. Many Decembrists, freed from their shackles in 1828, decided to preserve the memory of the terrible ordeal and therefore tried to find fragments of the removed glands, from which they began to make various souvenirs: rings, crosses, etc. Six Decembrists were engaged in making rings from shackled iron: Nikolai and Mikhail Bestuzhev, Petr Gromnitsky, Alexander Yakubovich, Petr Mukhanov, Nikolai Panov. It is difficult to recreate the circle of owners of rings, crosses and other shackle souvenirs, since the owners of such rarities could be many people from among relatives, friends and acquaintances of the Decembrists. Currently, the Decembrist rings made of shackled iron are kept in several museums in Russia, as well as in private collections. The Irkutsk Museum of the Decembrists is the owner of two legendary rings.

Keywords: Decembrists, shackles, ring, signet ring, cross, memory, emblem, Petrovsky Zavod, Irkutsk, museum.

*The article has been received by the editor on 10.11.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. Статья посвящена истории создания и бытования памятных предметов, изготовленных из кандалного железа. Традиция изготовления и ношения памятных колец появилась задолго до первой половины XIX в. Кандалные кольца как памятные сувениры возникли позже. Декабристская история, связанная с кольцами из железа, самая известная и знаковая, поскольку имеет грани, отражающие несколько

* Елена Аркадьевна Добрынина, Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, Иркутск, Россия, e-mail: decemb-ed@mail.ru

Elena Arkadyevna Dobrynina, Irkutsk Regional Historical and Memorial Museum of the Decembrists, Irkutsk, Russia, e-mail: decemb-ed@mail.ru

категорий памяти: каторжную-кандальную, жертвенную, родственную, символическую. Кольцо – символ заточения, кольцо – память о наказании, кольцо – эмблема страдания. Все это имеет непосредственное отношение к так называемым кандалным кольцам декабристов. Декабристов еще в крепостях, где они содержались до отправки в Сибирь, держали в кандалах, что не соответствовало их сословному статусу. Кандалы, железа, оковы – так называли свои узы декабристы. Заковывание в железо было одной из мер воздействия на заключенных, создававшей специфически-психологическую обстановку. Многие декабристы, освободившись в 1828 г. от оков, решили сохранить память о страшном испытании и потому постарались обрести фрагменты снятых желез, из которых стали делать различные сувениры: кольца, крестики и пр. Изготовлением колец из кандального железа занимались шестеро декабристов: Николай и Михаил Бестужевы, Петр Громницкий, Александр Якубович, Петр Муханов, Николай Панов. Круг обладателей колец, крестиков и других кандалных сувениров воссоздать сложно, поскольку владельцами таких раритетов могло быть множество людей из числа родственников, друзей и знакомых декабристов. В настоящее время кольца декабристов из кандального железа хранятся в нескольких музеях России, а также в частных собраниях. Обладателем двух легендарных колец является Иркутский музей декабристов.

Ключевые слова: декабристы, кандалы, кольцо, перстень, крест, память, эмблема, Петровский Завод, Иркутск, музей.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025 г.

История изготовления и ношения памятных колец началась задолго до первой половины XIX в., возможно с «кольца рыбака», также известного как папское кольцо, папский перстень и кольцо Святого Петра. Однако кольца-печатки как знаки и эмблемы появились гораздо раньше – в Древнем Египте, Греции и Риме.

В XVIII и XIX вв. ювелирные изделия часто стали выходить за пределы чисто декоративной функции и являться памятными знаками исторических событий. Кольца как атрибуты, демонстрирующие политическую принадлежность, впервые появились в Европе во второй половине XVIII в. Патриотические ювелирные изделия носили в знак протеста, как вызов после Французской революции 1789–1799 гг. Большое распространение получают в эпоху классицизма и памятные кольца, посвященные важным историческим событиям, известным публичным деятелям, выдающимся полководцам, например в Англии – Нельсону, во Франции – Наполеону.

Еще в эпоху Средневековья появляются первые кольца *memento mori* («помни о смерти») с изображением черепов, скелетов, декорированных эмалью, с цитатами из Священного Писания. Новый виток в развитии мемориальных украшений начнется со второй половины XVIII в., когда оформляются идеи сентиментализма¹. Обладателем кольца с черепом был герой повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» Алексей Берестов². Роковое кольцо дополняет его образ, указывая на тип байронического героя – загадочного, мрачного и разочарованного, который появился в кругу уездных барышень.

К эпохе Средневековья восходит и история масонских колец. На них изображались различные масонские символы: квадрат и циркуль, крест тамплиеров, треугольник шотландского устава. Кольца также различались в зависимости от степени посвящения владельца в масонский орден. Таким образом, масонские кольца являются символом принадлежности к древнему братству, верности его традициям и идеалам.

¹ Габриэль Г.Н. Из истории ювелирного искусства: памятные, мемориальные и траурные украшения // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2010. Т. 189. С. 26–31.

² Пушкин А.С. Повести Белкина с комментариями. М., 2022. С. 119.

Когда появились кольца – символы ученического братства, неизвестно, однако одна история, связанная с первым выпуском знаменитого учебного заведения, нашла освещение в письмах декабриста И.И. Пущина, лицейского друга А.С. Пушкина. 21 июня 1817 г. из стен Императорского Царскосельского лицея вышли и вступили во взрослую жизнь первые 29 выпускников. Этот выпуск историки называют «золотым». А сами лицеисты первого выпуска именовали себя «чугунниками». 14 марта 1830 г. из Читы Иван Пущин писал бывшему директору лицея Е.А. Энгельгардту: «Скажите что-нибудь о наших чугунниках, об иных я кой-что знаю из газет и по письмам сестер, но этого для меня как-то мало»³. Энгельгардт подарил окончившим Лицей чугунные кольца как символ прочности лицейской дружбы. Кольца были изготовлены из осколков чугунного колокола, который в течение шести лет призывал лицеистов на занятия. По традиции колокол разбивался после каждого выпуска. Кольца, полученные лицеистами, были изготовлены из простого металла, с изображением сплетенных в пожатии рук – символ несокрушимой дружбы и памяти. После выпуска носил такое кольцо, не снимая до ареста, И.И. Пущин. Об этом есть официальное свидетельство, поскольку перстень был изъят у привлеченного к следствию по делу 14 декабря Пущина в 1826 г. Чугунный перстень в золотой оправе был передан в числе других вещей сестре декабриста А.И. Пущиной⁴. И скорее всего именно сестрой позднее был возвращен И.И. Пущину.

Воспоминания о лицейских товарищах не оставляли декабриста в течение всей жизни. Из Петровского Завода 20 июня 1838 г. Пущин писал И.В. Малиновскому: «В день воспоминаний лицейских я получил письмо твое от 8 апреля, любезный друг Малиновский; ты, верно, не забыл 9 июня и, глядя на чугунное кольцо, которому минуло 21 год, мысленно соединился со всеми товарищами, друзьями нашей юности. <...>. Прошу тебя на досуге поговорить мне побольше и поподробнее о наших чугунниках»⁵. Миновали годы каторги, и, находясь на поселении в Туринске, в письме, адресованном Е.А. Энгельгардту, декабрист упоминает о возрасте кольца: «На днях минет нашему кольцу 24 года. Оно на том же пальце, на который вы его надели»⁶. Лицейский день с каждым годом становится тяжелее и горше из-за потери друзей. В письмах директору лицея и старшему другу все больше сожалений: «Горько слышать, что наше 19 октября пустеет: видно, и чугунное кольцо истирается временем»⁷, «Сегодня проснулся в лицейской зале. Поистерся немного чугуна на моем кольце, но воспоминание свежо»⁸. Шли годы, менялись места поселения, неизменными оставались Сибирь и память. 12 августа 1853 г. И.И. Пущин писал Энгельгардту из Ялуторовска: «Последняя ваша грамотка у меня два месяца уже гостит. Она пришла 7-го июня, а 9-го мы надели ваше чугунное кольцо, которое у меня на руке уже 36 лет. В этот памятный всем нам день передо мной стояла “Лицейская заря” с вашим портретом. <...> Между тем, пока я так упорно молчал с вами, дошло до меня ваше письмо, начатое 19-го октября и конченное 10-го ноября. От души вам спасибо за воспоминание годовщины старых чугунников»⁹. И почти за год до смерти, 9 июня 1858 г., из Нижнего Новгорода в письме жене Н.Д. Пущиной вновь о памятной дате: «Здесь остаюсь до 16-го. <...> Сегодня день моего выпуска из Лицея в 817-м году. Поглядел на кольцо, вспомнил всех однокашников»¹⁰.

Появление памятных колец из неблагородных металлов, которые носили члены различных сообществ, связано и с именем «первого» декабриста В.Ф. Раевского. Возможно, дружба с А.С. Пушкиным, чугунное кольцо на его пальце и рассказ поэта о братстве «чугунников» послужили началом истории железных колец дружеского сообщества – офицерского

³ Пущин И.И. Сочинения и письма: в 2 т. М., 1999. Т. 1: Записки о Пушкине. Письма 1816–1849 гг. С. 92.

⁴ Восстание декабристов. Документы. М., 2016. Т. XXIII: Материалы об имущественном положении декабристов. С. 60.

⁵ Пущин И.И. Сочинения и письма... Т. 1. С. 105.

⁶ Там же. С. 214.

⁷ Там же. С. 312.

⁸ Там же. С. 319.

⁹ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 284–285.

¹⁰ Пущин И.И. Сочинения и письма: в 2 т. М.: Наука, 2001. Т. 2: Письма 1850–1859 гг. С. 427.

кружка 7-го пехотного корпуса, расквартированного в Каменец-Подольске. Известно, что в 1816 г. в Каменец-Подольске было содружество, члены которого носили железные гладкие кольца. В нем состояло пятеро молодых людей: адъютант командующего 7-м пехотным корпусом П.Г. Приклонский, адъютант командующего артиллерией того же корпуса поручик В.Ф. Раевский, свитский офицер, капитан квартирмейстерской части штаба корпуса С.Ф. Кисловский, штабс-капитан Тамбовского пехотного полка Е.И. Губин и инспектор Подольской врачебной управы доктор Диммер. «В знак дружбы и единомыслия члены этого кружка носили одинаковые железные кольца»¹¹.

Носил ли В.Ф. Раевский такое кольцо на протяжении жизни, неизвестно, как и то, что обозначало чугунное кольцо для подполковника А.В. Поджио, изъятое у него в 1826 г. «Золотые часы с золотым ключиком, при них черное чугунное кольцо», – гласит запись в документах об изъятии имущества у декабриста¹². В этих же документах есть сведения и о других предметах, изготовленных из чугуна, – «образ Спасителя и портрет покойного государя чугунные», находившиеся среди вещей арестованного полковника Р.В. Любимова¹³. Вряд ли удастся установить, почему столь значимые для людей того времени памятные предметы были сделаны из простого металла и как они выглядели. Важно то, что они были.

Декабристская история, связанная с кольцами из железа, пожалуй, самая известная и знаковая, поскольку имеет грани, отражающие несколько категорий памяти: каторжную-кандальную, жертвенную, родственную, символическую. По древнегреческому мифу, первым обладателем железного кольца, сделанного из оков, был Прометей. Кольцо – символ заточения, кольцо – память о наказании, кольцо – эмблема страдания. Все это имеет непосредственное отношение к так называемым кандалным кольцам декабристов.

Декабристов еще в крепостях, где они содержались до отправки в Сибирь, как простолюдинов держали в кандалах, что не соответствовало их сословному статусу. Кандалы, железо, оковы – так называли свои узы декабристы по обыкновению того времени. Но, пожалуй, железо – это самое красноречивое определение. Заковывание в железо было, по существу, одной из мер воздействия на заключенных, создававшей специфически-психологическую обстановку. Вместе с тем этой мерой пользовались и как одним из средств добиться большей откровенности в показаниях¹⁴. Тяжесть кандалов должна была облегчить признание, а скованность движения развязать языки. Об этом свидетельствуют воспоминания ряда декабристов: И.Д. Якушкина¹⁵, М.С. Лунина¹⁶, А.В. Поджио¹⁷, А.Е. Розена¹⁸. Аналогичные сведения имеются в материалах следствия: в соответствии с показаниями подследственных их либо заковывали, либо расковывали – так поступали с А.А. Бестужевым¹⁹, С.М. Семеновым²⁰, Н.Р. Цебриковым²¹ и др.

Отправлявшихся в Сибирь заковали в Петропавловской крепости сразу после вынесения приговора. Оковы вызывали недоумение и возмущение осужденных²², кандалы были тяжелым испытанием – и морально, и физически, ведь вес кандалной связки составлял от 3 до 9 кг. В дальнейшем кандалы носили круглосуточно, даже ночью, снимали их только в бане и при посещении церкви²³. Приказ императора о снятии кандалов вышел в 1828 г.

¹¹ В.Ф. Раевский: материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1980. Т. 1: Документы о революционной деятельности и судебном процессе. С. 10, 12.

¹² Восстание декабристов. Документы... С. 107.

¹³ Там же. С. 232.

¹⁴ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 711.

¹⁵ Щеголев П.Е. Николай I и декабристы: очерки. Пг., 1919. С. 12.

¹⁶ Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 128–129.

¹⁷ Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 98.

¹⁸ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 156–158.

¹⁹ Покровский А.А. Предисловие // Восстание декабристов. Материалы. М., 1925. Т. 1. С. XV, XVI–XVII.

²⁰ Там же. С. XVI–XVII.

²¹ Щеголев П.Е. Николай I и декабристы... С. 4.

²² Розен А.Е. Записки декабриста... С. 203–204, 210.

²³ Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 135; Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 125–126.

Практически во всех мемуарах и записках декабристов это событие нашло отражение. «Однажды нас собрали всех в нашу столовую, – вспоминал Н.И. Лорер, – то есть в один из больших номеров, и Лепарский пришел в мундире и при оружии, значит, не по-домашнему. “Господа, – обратился он к нам, – я с радостью поспешил сюда, чтоб объявить вам, что получил высочайшее повеление снять с вас оковы”, – и, обратившись к плац-майору, приказал собрать железа и доставить в казенный цейхгауз. Инвалиды принялись исполнять приказание, а каждый из нас оставил себе на память кольцо; из [этих колец] со временем искусник Бестужев понаделал крестиков в память грустного времени»²⁴. Вот как пишет об этом И.Д. Якушкин в своих «Записках»: «Комендант <...> приказал присутствовавшему тут караульному офицеру снять со всех железа, пересчитать их и принести к нему. Потом все эти оковы хранились у Смольянинова, горного заводского чиновника, женатого на побочной дочери Якоби, бывшего генерал-губернатора в Иркутске, а она приходилась сродни Анненкову, который был родной внук этого Якоби, и потому всегда была возможность добывать от Смольянинова эти железа по частям на разные поделки; из них большею частию наделаны кольца»²⁵. Так же рассказывает об этом А.Е. Розен: «Не помню, кому из нас удалось выменять одну пару кандалов; из них сковали памятные вещи, доньше имею крест и кольцо полировки Якубовича»²⁶.

Таким образом, многие декабристы, освободившись от оков, решили сохранить память о страшном испытании и потому постарались обрести фрагменты снятых желез. Кандалные кольца как памятные сувениры появились позже.

Михаил Бестужев, один из авторов идеи и изготовителей кандалных сувениров, вспоминал: «Мне пришла мысль сделать для сестер своих и матушки кольца из железа»²⁷. Однако первые кольца, изготовленные братьями Бестужевыми в Петровском Заводе для матери и сестер, до них не дошли. Н.А. Бестужев в январе 1838 г. писал Марии и Ольге Бестужевым: «<...> посылаем вам, душечки сестрицы, кое-какие вещицы, нами сообра сделанные. Во-первых, 4 колечка, подложенные золотом в замену тех, которые до вас не дошли, матушке и вам по колечку»²⁸. В посылке, о которой идет речь, отправленной в 1837 г. и не дошедшей до адресатов, были кольца для всех членов семьи Бестужевых: «Мы с братом первые отослали сестрам и братьям шесть колец черных, подложенных китайским золотом»²⁹. Китайские изделия из серебра и золота попадали к декабристам от кяхтинских купцов. «Искусные мастера Бестужевы использовали их в своих ремесленных и ювелирных работах. Отправляя родным “разные безделушки своей работы”, рабочие ящички для сестер с изображением сибирских цветов, янтарный крест для матери и другое, М.А. Бестужев писал 26 ноября 1837 г.: “Чтоб вас познакомить с нашими соседями китайцами, то знайте, что все серебро и золото – из Срединного Государства”»³⁰.

Об изготовлении памятных кандалных колец больше всего сведений содержится в воспоминаниях М.А. Бестужева: «По прибытии нашем в Петровский каземат, когда прорублены были в наших стойлах конюшенные окна и когда я, переходя от ремесла к ремеслу, занялся золотых дел мастерством, Киреев просил меня сделать из звена его кандалов кольцо и крестик для отсылки к своим родным. Надо вам сказать, что мысль делать кольца из желез, в которых мы были закованы в Чите, мне первому пришла в голову. Вы вправе спросить: откуда мы взяли звенья из желез, когда их сняли с нас в Чите, вследствие милостивого манифеста (обратите внимание на милостивый манифест, который только и ограничивался этою милостью. Как милость, нас избавляли от оков – когда надеть их на нас запрещал закон, им же, при восшествии на престол, подтвержденный).

²⁴ Лорер Н.И. Записки декабриста... С. 148–149.

²⁵ Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 118–119.

²⁶ Розен А.Е. Записки декабриста... С. 237–238.

²⁷ Воспоминания Бестужевых... С. 247.

²⁸ Бестужев Н.А. Сочинения и письма... С. 389.

²⁹ Воспоминания Бестужевых... С. 313.

³⁰ Даревская Е.М. Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия. Иркутск, 2007. С. 44.

Кто хотел, каждый отпилил от цепей заблаговременно несколько колец, или звеньев, и хранил при себе. <...> Посланные кольца пропали бесследно, и мы должны были послать снова столько же. Между тем наши дамы пожелали иметь такие же»³¹. «Идея железных колец пришла в голову мне первому. В то время мне уже надоело башмачное и картонерное мастерство, я перешел к слесарному и золотых дел мастерству, тем охотнее, что в брате я имел дарового и снисходительного наставника и к услугам – все нужные инструменты. Начинать с трудного трудно, и я начал с самого легкого и удобного: мне пришла мысль сделать для сестер и матушки кольца из желез своих. Когда в Чите по милостивому манифесту с нас снимали цепи, которых по закону не имели права надевать на нас, я и некоторые из союзников, дав солдату на водку и сделав ему некоторые подарки из своего скудного гардероба, утаили наши цепи, и они-то послужили мне первым материалом для колец. Отосланные пять колец не дошли до назначения, ими впервые красовались пальчики дочерей какого-либо почтового чиновника. С помощью брата и Громницкого (самого усердного и понятливого ученика брата) я сделал новые пять и на этот раз уже подложенные вместо серебра золотом, вытянутым из колец наших дам, которые отдали их с тем, чтобы мы с братом им сделали такие же железные кольца»³².

М.Н. Волконская подтверждает высказывание М.А. Бестужева, отдавая, правда, пальму первенства Николаю Бестужеву: «Заклученные, вне часов, назначенных для казенных работ, проводили время в научных занятиях, чтении, рисовании. Н. Бестужев составил собрание портретов своих товарищей, он занимался механикой, делал часы и кольца; скоро каждая из нас носила кольцо из железа мужниных кандалов»³³. «Вскоре желание иметь такие кольца, – продолжал М.А. Бестужев, – распространилось до такой степени, что не только все наши дамы, не только многие из товарищей для себя и для родных, а поступали просьбы от знакомых и незнакомых через своих знакомых, так что это занятие вместо удовольствия превратилось для нас в тяжелый труд, и мы начали уклоняться от просьб. Тогда в Петровском, как в Риме подделка античных произведений, открылась промышленная подделка декабристских колец. Лучшие слесаря Петровского Завода открыли свои лавочки для продажи заветных колец, модницы и львы Кяхты, Удинска и Иркутска приезжали или присылали в Петровск в эти импровизированные магазины и с гордостью хвастались перед другими таким дешевым отличием. Кяхтинские и иркутские дамы, знакомые нашим дамам, пожелали иметь такие же; их мужья и братцы пожелали иметь такие же – одни из тщеславия, другие – из доморощенного либерализма. Одним словом, этот священный залог, эмблема нашего страдания за истину, сделался пошлым украшением каждой кяхтинской львицы, каждого денди в Иркутске.

Мы, будучи не в силах удовлетворить вопиющим просьбам, отказались удовлетворять их, хотя этим уже занимались человек около шести из товарищей. Тогда за этот доходный промысел принялись петровские слесаря, как поступают в Риме с поддельными камнями, и продавали модникам и модницам железные кольца почти на вес золота»³⁴. «Мы делали и посылали сестрам и нашим дамам, и дамам сибирским разные милые вещицы. Особенно делали много колец из наших желез, подложенных золотом. Эта мода в Сибири так усилилась, требование на кольца так возросло, что явились промышленники и образовалась особенная отрасль торговли – подложными кольцами»³⁵.

Итак, исходя из цитируемых воспоминаний, можно сказать, что изготовлением колец из кандалного железа занимались шестеро декабристов: Николай и Михаил Бестужевы, Петр Громницкий, А.И. Якубович, П.А. Муханов, Н.А. Панов. Обладателей же колец, крестиков и других кандалных сувениров перечислить сложно, поскольку владельцами таких раритетов мог быть широкий круг людей из числа родственников, друзей и знакомых декабристов.

³¹ Воспоминания Бестужевых... С. 313–314.

³² Там же. С. 247.

³³ Волконская М.Н. Записки княгини М.Н. Волконской. СПб., 1904. С. 101.

³⁴ Воспоминания Бестужевых... С. 314.

³⁵ Там же. С. 158–159.

Мать, сестры и братья Бестужевых стали первыми членами своеобразного сообщества кандалных эмблем. «Возвратимся к Кирееву, – сообщал М.А. Бестужев, отвечая на вопросы издателя М.И. Семецкого. – Я для него сделал очень маленькое дамское колечко, подложенное китайским золотом, и крестик, оправленный в то же золото»³⁶. Все одинадцать жен декабристов носили кольца из мужниных кандалов. Железные крестики были у Ф.Б. Вольфа, А.П. Юшневского, А.З. Муравьева, И.Д. Якушкина.

Однако не только кандалы стали материалом для изготовления «эмблемы нашего страдания». 27 августа 1837 г. из Петровского Завода писала своему деверю Семену Петровичу Мария Казимировна Юшневская: «Есть у меня шитый китайский кисетик, который я тебе пришлю, и еще тебе пришлю нечто железное, в надежде, что оно доставит тебе удовольствие. Только это со временем ты получишь, и будет для тебя сюрприз. Твоя друг и сестра Марья Юшневская.

Думаю, друг мой Семен Петрович, что доставлю тебе маленькое удовольствие припискою моею. Я еще придумала послать тебе железный крестик, сделанный из выломанного кусочка железа у окошечной решетки из того номера и того каземата, в котором жил твой добрый брат и я с ним. – О.А.³⁷ вручит тебе его. Он сделан одним из наших господ в каземате. Я еще тебе пришлю через нашу почту железное кольцо, оправленное в золото. Оно будет сделано из желез, которые носили все наши страдалцы. Все это можешь ты узнать от достойного подателя сего. В письме моем чрез почту я не скажу тебе, что это железное кольцо сделано из желез, но с сим тебя извещаю, чтобы ты знал, мой друг, почему я посылаю тебе железные вещи»³⁸.

Памятное кольцо было послано Александром Барятинским сестре Варваре в 1837 г. «Я получила твое письмо, – отвечала брату Варвара Петровна, – датированное 12 марта, и, если я [еще] тебе не ответила, это потому, что я хотела, прежде чем тебе писать, получить кольцо, сопровождавшее его. <...> Я благодарю тебя самым нежным поцелуем за этот знак дружбы, который доставил мне столько удовольствия. Я его тут же надела на палец, чтобы более не снимать, тебе не нужно это мне советовать: оно слишком дорого, чтобы когда-либо расстаться с ним»³⁹.

Крест из железа кандалов носил А.З. Муравьев. «У меня остался крест железный с бронзовым распятием, который с первым случаем отошлю сыну вашему через вас; это сделанный крест из железа кандалного, которое носил Ар[тамон] З[ахарович] целый год», – писала Вере Муравьевой Мария Юшневская в декабре 1846 г.⁴⁰

Традиция создания памятных колец из простых природных материалов здесь, в Сибири, была связана не только с декабристскими кандалами. 14 августа 1830 г. П.А. Муханов писал сестрам: «Посылаю вам 5 сердоликов, которые я сам нашел, и прошу вас приказать сделать 6 колец – матери, к[няжне] Вар[варе] Мих[айловне], вам двум, Китти и Лили. Я хотел бы, что[бы] кольца были тонкие чугунные или железные и сверху вставлены были сердолики. Если это можно сделать – исполните и носите на память. Все, что дорого, мило и близко моему сердцу, заключено в том малом числе людей, и мне хотелось бы, чтобы вы имели на руки сибирские камешки. Найденное мною к[няжне] Вар[варе] Мих[айловне] прошу вас переслать ей от меня. А придя в Петровскую, [сделаю] каждой из вас по кольцу своей собственной работы»⁴¹.

Умельцы из числа декабристов занимались золотых дел мастерством и на поселении. Об этом писал чиновник Л.Ф. Львов, бывший в Сибири с инспекцией и оставивший

³⁶ Воспоминания Бестужевых... С. 158–159.

³⁷ Лепарский Осип Адамович (?–1876) – плац-майор в Петровском Заводе.

³⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 41. Л. 24.

³⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 279. Оп. 1. Д. 156. Л. 64. Письмо В.П. Винкевич-Зуб от 24 августа 1837 г. на французском языке. Перевод сделан Е. Лебедевой, ею же предоставлены архивные данные.

⁴⁰ Добрынина Е.А. М.В. Муравьев: от новгородского любителя древностей до хранителя наследия декабристов // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2021. Вып. 6. С. 118.

⁴¹ Муханов П.А. Сочинения, письма. Иркутск, 1991. С. 236.

обширные воспоминания. Он познакомился в Иркутске с Ф.Ф. Вадковским, вместе они участвовали в благотворительном концерте, организованном генерал-губернатором Восточной Сибири В.Я. Рупертом, и играли на нем концертино для двух скрипок композитора Людвиг Шпора: «В память этого концерта я приказал распилить лично найденный мной на реке Онон в песках сердолик, сделать два кольца и выгравировать на них по два первых такта Консенданта, что мы с Вадковским исполняли: мотив первого голоса – для Вадковского, второго – для меня. Панов, занимающийся золотых дел мастерством, обделал кольца очень хорошо. Кольцо мое и по сие время сохраняю; что же касается Вадковского, то он не дожил до всеобщей амнистии 1856 года. Куда его кольцо девалось после его смерти, дознаться трудно»⁴².

Очень распространен был и обмен памятными предметами. В.И. Штейнгейль, покинувший Петровский Завод и проживавший на поселении в с. Елань Иркутской губернии, писал 25 июля 1836 г. матери братьев Бестужевых Прасковье Михайловне: «Накануне нашей разлуки весь день и большую часть ночи провели вместе. Он (Михаил Бестужев. – Е. Д.) у меня все укладывал и снаряжал меня: хлопотал как самый нежный сын. Я оставил ему свою чашку, он мне дал свой стакан, из которых 9 лет пили чай, и я берегу стакан как святыню; уверен, в той же чести чашка»⁴³.

Декабрист Владимир Толстой, описавший случай кандалного обмена, был отправлен в Сибирь 10 февраля 1827 г. Прибыл в Читинский острог 9 апреля 1827 г. и сразу же высочайшим указом был отправлен на поселение в Тункинскую крепость Иркутской губернии, т.е. в Чите находился не более двух месяцев. После публикации А.Е. Розеном «Записок декабриста» в 1870 г. в Лейпциге В.С. Толстой оставил на полях и в тексте принадлежащего ему экземпляра книги многочисленные пометы, замечания, поправки. Рядом с упоминанием у Розена Александрины Муравьевой написал: «При выезде из [Читы я виделся] с этою великою женщиною, святою мученицею, я был у нее, она просила прислать ей мои кандалы для перемены на счастье ее мужу. Это было исполнено»⁴⁴. Известно, что обмен кандалами не помог Никите Муравьеву освободиться от них раньше, чем другие декабристы. Да и состоялся ли этот обмен?

А вот обмен кольцами, как и дарение колец на память, всегда был сродни клятве верности. Известно письмо Ф.Б. Вольфа из Урика от 11 ноября 1836 г. супругам Фонвизиным: «После вашего отъезда я очень сблизился с Трубецкими. Эти добрые люди забыли все мои недостатки моего иногда несносного нрава и приняли меня в свою семью как родного, я любил их как только мог; мы расстались в часовне, обливаясь горькими слезами в объятиях друг друга. Добрые, истинно добрые люди. К[атерина] И[вановна] дала мне свой портрет и кольцо на память, которое привязала сама на мой железный крест, оно и теперь на груди у меня и никогда с нее не сойдет. Наталья Дмитриевна, пришлите мне которое-нибудь из ваших колечек на память от обоих вас, я буду его носить на том же кресте и соединю воспоминание людей, мне неизъяснимо милых. Вы, верно, получили письмо, в котором я вас уведомлял, что могила Вавинки⁴⁵ совершенно dokonчена. Гранитную плиту положили при мне. Я ездил сам к каменщикам и велел при себе отрубить кусок от гранита, который поставили, из его я приказал отшлифовать два камушка и сделал из одного кольцо для вас, Наталья Дмитриевна, с золотом, которое вы мне дали для доски, потому что ее прислали уже прекрасно вызолоченную, а для вас, Михаил Александрович, я посылаю другой камушек, неоправленный, я из него ничего не делал, полагая, что вы сами придумаете что-нибудь сделать. Мысль эта мне пришла, когда вы просили песку и цветов с могилы, но ни того ни другого не было, все они из камня и гранита»⁴⁶.

Существует легенда, что Алексей Дмитриевич Старцев, сын Николая Александровича Бестужева, до конца своих дней носил на мизинце правой руки «кандалное кольцо»,

⁴² Львов Л.Ф. Записки Леонида Федоровича Львова // Русский архив. 1885. № 4. С. 542.

⁴³ Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1: Записки и письма. С. 235.

⁴⁴ Розен А.Е. Записки декабриста... С. 44.

⁴⁵ Сын Фонвизиных Иван (1832–1834).

⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 66. Л. 3–3 об.

сделанное отцом. Однако сейчас эта реликвия считается утерянной. Уже приводились цитаты из писем и воспоминаний декабристов и декабристок, свидетельствующие, что, кроме перстней, из кандалов было сделано некое количество крестов. Знаменитый ученый-китаист Иоакимф Бичурин, неоднократно бывавший в Забайкалье, встречался с декабристами в Петровском Заводе. Его внучка вспоминала, что дед «всегда беспрекословно исполнял все ее прихоти и лишь в одном упорно отказывал: он не соглашался подарить ей четки, которые носил “постоянно, не снимая их даже на ночь”. В ответ на многочисленные просьбы внучки Бичурин неизменно отвечал: “Когда вырастешь и будешь умнее, тогда и подарю”. Через несколько лет внучка окончила Смольный институт, и дедушка привез ей подарки. И тогда, увидев у него на руке четки, она напомнила ему о давнем обещании. Выражение лица Бичурина, по словам мемуаристки, “быстро изменилось; оно сделалось серьезно, брови сдвинулись”. После колебаний он все же начал разматывать четки и сказал ей: “Ну ладно. Запомни только, Наденька, что я тебе скажу, запомни и сбереги их. С той минуты, когда я получил эти четки, я никогда не снимал их; они мне очень дороги. Был у меня дорогой друг, в Сибирь сослали его... Он сам делал их, и этот крестик из его собственных оков и сделан им самим. Ну что, поняла теперь, как дороги они мне и как тяжело мне их отдать”. Внучка стала отказываться. “Может, мне и жить-то осталось недолго, – в раздумье проговорил Бичурин, – все равно, махонькая, на, возьми их”. Передавая ей четки, Бичурин перекрестился и поцеловал висевший на них железный крестик. А когда внучка спросила, кто был его друг, Бичурин ответил: “Бестужев... Декабрист”⁴⁷. В Музее истории и реконструкции Москвы хранится железное кольцо декабриста Е.П. Оболенского.

Браслет из оков был изготовлен для И.А. Анненкова. Интереснейшая история связана с этим браслетом. Начало ей было положено в Петровском Заводе, а продолжение связано с именем известного французского романиста Александра Дюма. В 1858 г. писатель во время путешествия по России посетил Нижний Новгород, где губернатор А.Н. Муравьев познакомил его с прообразами героев романа «Учитель фехтования». Воспоминания Дюма об этой встрече вошли в повесть сибирского писателя М. Сергеева «Несчастью верная сестра»: «Не успел я занять место, думая о сюрпризе, который, судя по приему, оказанному мне Муравьевым, не мог быть неприятным, как дверь отворилась и лакей доложил: “Граф и графиня Анненковы”. Тут Дюма остался верен себе – Иван Александрович и Прасковья Егоровна графского титула не имели. «Эти два имени заставили меня вздрогнуть, вызвав во мне какое-то смутное воспоминание. Я встал. Генерал взял меня под руку и подвел к ново-прибывшим. Александр Дюма, – обратился он к ним. Затем, обращаясь ко мне, он сказал: – Граф и графиня Анненковы – герой и героиня вашего романа “Учитель фехтования”. У меня вырвался крик удивления, и я очутился в объятиях супругов <...>. Графиня Анненкова показала мне браслет, который Бестужев надел ей на руку с тем, чтобы она с ним не расставалась до самой смерти. Браслет и крест, на нем висевший, были окованы железным кольцом из цепей, которые носил ее муж»⁴⁸. В настоящее время браслет хранится в Музее современной истории России в Москве.

Кольца, кресты, браслеты, возможно ожерелья – предметы не крупные, нетяжелые, ведь размер памяти не определялся величиной сувенира. И все-таки был среди кандалных памятных сувениров один большой, по-видимому тяжелый, – железная трость, изготовленная для декабриста В.И. Штейнгейля. В 1939 г. в шестом номере газеты «Омская область» была опубликована статья Германа Андреевича Баронова «Декабрист В.И. Штейнгейль». Автор статьи, внук декабриста, приводил строки воспоминаний В.И. Семева: «В детстве своем, – пишет В.И. Семева, – я не раз видел В.И. Штейнгейля у моего брата Михаила и хорошо помню этого бодрого, коренастого, седого старика с очень почтенной наружностью, всегда носившего с собой железную палку, перелитую из его оков». «Кстати, об этой палке, – продолжает автор статьи. – Она хранилась в нашей семье и, к сожалению,

⁴⁷ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 520.

⁴⁸ Сергеев М.Д. Несчастью верная сестра. Иркутск, 1992. С. 275.

в 1901 году была утеряна. Была эта палка более толстой сверху и постепенно снижалась книзу вроде длинной ледяной сосульки. Ручка была в виде молотка, но с заостренным одним концом. На ручке был выгравирован, насколько мне помнится, 1828 год, т.е. тот год, когда со Штейнгейля были сняты кандалы, и название какого-то города, но оно было сильно стерто и его нельзя было разобрать»⁴⁹.

Сколько реликвий было утрачено с тех пор! Частички кандалной памяти рассеяны по музеям и частным собраниям, по разным городам и весям. Обладателем двух легендарных колец является Иркутский музей декабристов. В 2010 г. мы приобрели кольца, имеющие историю, как всякая легенда, изобилующую неточностями, вымыслом, лакунами. Перстни хранились у известного тамбовского коллекционера Николая Никифорова. В каком году они к нему попали, неизвестно, но можно предположить, что в 60-е гг. XX в. Сам Н.А. Никифоров в статье о своей коллекции упоминал, что перстни были переданы ему некоей дальней родственницей Волконских. К сожалению, ни имени, ни фамилии ее он не указал. Вот как он сам писал об этой встрече: «Как-то вместе с моим большим другом, художником, заслуженным деятелем искусств Георгием Николаевичем Карловым в один из моих приездов в столицу мы зашли к его дальней родственнице: по рассказам Георгия Николаевича у нее должны быть интересные вещи. Хозяйка была рада нашему приходу. Говорили о многом. <...> В разговоре, узнав, что я тот самый собиратель из Тамбова, о котором она слышала от Георгия Николаевича, засуетилась, подошла к <...> старомодному шкафу, открыла дверцу, выдвинула маленький ящичек и извлекла бархатный футляр. “Вот, – говорит, – примите мой скромный подарок”. Я бережно взял футляр <...>. Хозяйка улыбнулась и сказала: “Как ни странно, я дарю вам самое дорогое, что у меня есть. Очень уж хочется, чтобы побольше людей увидело эти вещи. Ведь в них частица истории нашей родины. Они мне достались от прабабушки, вернее, от пратетушки”. В футляре лежали два перстня – черные и блестящие. Один, по всей вероятности мужской, с печаткой-монограммой “С.В.”, а второй чуть поменьше, с золотым крестиком вместо монограммы. Перстни из вороненого железа, у того, что с крестиком, – золотая подкладка внутри ободка. Вот что поведала нам с Георгием Николаевичем хозяйка перстней... Когда в 1856 году “во глубину сибирских руд” пришла весть об амнистии для участников декабрьского восстания в Санкт-Петербурге, с каторжников-декабристов снимали кандалы. Многие из освобожденных взяли на память по звену из кандалных цепей, которые носили три десятилетия. Взял такое звено и декабрист Сергей Волконский. В Москве у лучшего ювелира он заказал для себя и для жены два перстня из кандалного железа. Перстни эти супруги носили до конца жизни»⁵⁰. История, конечно, интересная, несмотря на множество странной и недостоверной информации. В первую очередь странно то, что известный коллекционер даже не поинтересовался именем пратетушки, да и имя дарительницы, преподнесшей ему такой бесценный раритет, не указал совсем, ведь рядом в этом же тексте он

Рис. 1. Кольцо Сергея Григорьевича Волконского.
Источник: Сайт Иркутского областного
историко-мемориального музея декабристов

Рис. 2. Кольцо Марии Николаевны Волконской.
Источник: Сайт Иркутского областного историко-
мемориального музея декабристов

⁴⁹ Омская область. 1939. № 6.

⁵⁰ Никифоров Н.А. Перстень из ... кандалов // Поиски продолжаются: рассказы коллекционера. Воронеж, 1968. С. 57–58.

назвал имя дарителя сувенирных кандалов, которые также находились в его коллекции. И еще: дарительница хотела, по словам Н.А. Никифорова, чтобы побольше людей увидело эти реликвии, следовательно, передавать их нужно было в музей, а не в частную коллекцию, где они остались до смерти собирателя. Большое количество посетителей видели перстни, пожалуй, один раз до приобретения их нашим музеем, в 1987 г. на выставке «Декабристские реликвии» в Историческом музее в Москве, где, наряду с печаткой Луниных, уменьшенной копией кандалов, демонстрировались перстни Волконских из кандалного железа.

В 2004 г. Николай Никифоров скончался. Современные владельцы его коллекции в 2010 г. предложили музею приобрести перстни Волконских. Была озвучена сумма в 20 тысяч долларов. У музея с этими кольцами связана собственная история. В 1980-х гг., когда открылся Дом-музей Волконских, сотрудники музея писали коллекционеру в Тамбов, пытаясь получить реликвии в собрание музея, однако ничего не получилось. В 2010 г. нам удалось с помощью коллег из Государственного исторического музея проверить подлинность колец и убедиться, что это не подделка. Известно, что первые стилизации под «кандалные кольца» появились еще при жизни декабристов. Кроме того, изготовлением железных памятных колец из кандалов занимались не только декабристы. В дневнике польского политического ссыльного Ю. Сабиньского за 1840–1842-е гг. есть несколько записей о том, как местные ремесленники «довольно хорошо» делали кольца «из звеньев своих кандалов»⁵¹, иногда получали от них по несколько «очень красивых, отшлифованных больших и маленьких колец и несколько маленьких крестиков. Если Бог вернет меня на родину, это будет ценная память для тех, чья мысль моя видит, сердце всегда помнит»⁵²; на одном из них Сабиньский попросил «вырезать первую букву моей фамилии, чтобы одновременно и печать иметь при себе. Этот перстень очень понравился Немировскому»⁵³. А поскольку он такого не сохранил материала, он просил меня, чтобы я дал ему своего на такой же перстень. Я же хотел на одном из более свободных колец вырезать его букву и, как мое, изнутри покрыть серебром. Сегодня я получил этот перстень у местного художника и при удобном случае пошлю его Леопольду на память»⁵⁴. Бывало, что мастера оказывались неаккуратны: «1841, 4 августа. Я зарекаюсь поручать какую-либо работу местным ремесленникам. Вот уже три месяца я хожу за кольцом и железными крестиками для Иоахима»⁵⁵; «1841, 8 августа. Наконец я вымучил крестики и кольцо для Иоахима»⁵⁶; «1841, 20 августа. <...> Сегодня вечером нужно писать друзьям: Янишевскому, Ручиньскому»⁵⁷, Лесневичу, отправив крестики с кольцом»⁵⁸; «1841, 26 августа. Несмотря на проблемы и неприятности с местным мастером по кольцам, я не мог отказать Ручиньскому и заказать еще одно маленькое железное кольцо для его жены, приезда которой он ожидает этой зимой»⁵⁹; «1842, 6 июля. С того времени, как я велел себе и друзьям или на печатках, или на перстнях вырезать наши цифры с готическими буквами, они вошли здесь в моду. Все из местной иерархии, да даже и из города, хотят иметь готические надписи. Не стоит об этом. Но обычно они направляются ко мне, чтобы я рисовал эти готические буквы, а это мне уже не всегда нравится. Поэтому я иногда отказываю и тем самым навлекая на себя обиду просящих»⁶⁰; «1842, 20 сентября. <...> Немировский, вместо того чтобы уехать на рассвете, сегодня едва выехал в сумерках. Все утро я провел с ним, но только после его отъезда я заметил, что забыл отдать ему железную печатку с инициалами ксендза Хачиского, сделанную из моего материала»⁶¹.

⁵¹ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник. Иркутск, 2014. Т. 1. С. 423.

⁵² Там же. С. 557.

⁵³ Немировский Леопольд (1810–1883) – польский политический ссыльный, художник.

⁵⁴ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник... С. 567.

⁵⁵ Лесневич Иоахим (1793–1852) – польский политический ссыльный.

⁵⁶ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник... С. 602, 603.

⁵⁷ Ручиньский Юстиниан (1810–1892) – польский политический ссыльный.

⁵⁸ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник... С. 607.

⁵⁹ Там же. С. 609.

⁶⁰ Там же. С. 700.

⁶¹ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник... С. 721.

Таким образом, железные кольца и крестики из кандалов имели как минимум семеро польских политических ссыльных, а именно Сабиньский, Грабовский, Ручиньский, Янишевский, Лесневич, Немировский, Хачиский, жена Ручиньского. Юлиан Сабиньский ошибается в том, что мода на железные кольца появилась среди жителей Усольского завода и в Иркутске с началом изготовления колец для польских изгнанников. Как мы уже знаем, это, скорее всего, была вторая волна этой моды, так как и декабристы использовали для украшения щитка готические буквы своих фамилий.

Возвращаясь к кольцам Волконских, следует сказать еще, что через семь лет экспонирования они были отправлены на реставрацию в ВХНРЦ им. акад. Грабаря, где было установлено, что материал и способ их изготовления указывают на то, что они были сделаны в XIX в. Впервые в Иркутске перстни Волконских были представлены на выставке, открывшейся в ноябре 2010 г. Экспозиция привлекла внимание иркутской общественности, Министерства культуры и губернатора Иркутской области. Сбор средств прошел успешно, и реликвии остались в музее декабристов.

В 1987 г. в Восточно-Сибирском книжном издательстве в серии «Полярная звезда» вышел второй том материалов, посвященный декабристу С.П. Трубецкому. Завершая вступительную статью, ее автор В.П. Павлова писала: «В то время, когда том находился в производстве, в распоряжении составителя оказались сведения об одном из колец, изготовленных Н.А. Бестужевым для С.П. Трубецкого из его кандалов. Поскольку судьба этих колец до сих пор оставалась неизвестной и привлекала к себе определенный интерес, считаем не лишним вкратце познакомить читателей с его историей.

Предыстория колец такова: в 1828 г., когда с узников были сняты кандалы, многие из декабристов стали делать из них различные сувениры: кольца, крестики и пр. Наиболее искусным мастером таких поделок был Н.А. Бестужев. Для С.П. Трубецкого он сделал три кольца. Об одном из них стало известно от москвича В.В. Трубецкого (его предок и прадед С.П. Трубецкого были родными братьями). Владимир Владимирович рассказал, что это кольцо Сергей Петрович подарил своей сестре Е.П. Потемкиной. От нее оно перешло к внуку декабриста С.Н. Свербееву и осталось в роду Свербеевых.

В декабре 1986 г. С.Г. Трубецкой, автор книги “*Les princes Troubetzkoi*” (Labelle. Quebec, 1976), проживающий в США, сообщил, что кольцо С.П. Трубецкого работы декабриста Н.А. Бестужева хранится как семейная реликвия в Нью-Йорке у праправнучки С.П. Трубецкого Елизаветы Владимировны де Бирон (урожд. Свербеевой). К письму была приложена фотография кольца. Поскольку поместить ее в настоящем томе уже не представилось возможным, предлагаем его описание. Это кольцо-печатка. Позолоченное. Внешняя часть утолщенная и вдвое шире внутренней. На внешней стороне кольцо украшено накладкой (возможно, из белой эмали) в форме овала, окантованной золотым невысоким бортиком. В центре накладки буква Т. Она выполнена в форме римской цифры III, обрамленной сверху и снизу мягкой изогнутой линией так, что при зеркальном отображении форма буквы не изменяется. Оттиск этой печати сохранился на некоторых письмах декабриста. Судьба двух других колец остается пока неизвестной»⁶².

Архив В.П. Павловой хранится в Иркутском музее декабристов. На одной из выставок музея, посвященной потомкам декабристов, была представлена фотография кольца, которая не вошла в издание. На этом бы история с кольцом декабриста Трубецкого, возможно, и закончилась, если бы в 2013 г. музей не посетил А.С. Кочубей, прямой потомок Волконских по линии дочери декабриста Елены Сергеевны, во втором браке Кочубей. Оказалось, что владелица кольца Елизавета Владимировна де Бирон-Патрикиадес – его хорошая знакомая и почти соседка. В Нью-Йорке Андрей Сергеевич навестил Елизавету Владимировну и прислал нам фото- и видеорепортаж о своем визите, где кольцо было

⁶² Павлова В.П. Декабрист Сергей Петрович Трубецкой // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Иркутск, 1987. Т. 2. С. 61–62.

в руках владелицы, которая, к сожалению, мало что знала о самом перстне, но рассказала о том, что он перешел к ней от матери, урожденной Свербеевой⁶³.

А.С. Кочубей дал нам надежду на обретение кольца. Он сообщил о готовности Елизаветы Владимировны приехать в Иркутск, мы с радостью откликнулись на это решение, Иркутский музей декабристов имел твердое намерение купить перстень С.П. Трубецкого.

И началась история необретения нами кольца. От визита в Иркутск Елизавета Владимировна отказалась. А.С. Кочубей в течение двух лет вел переговоры с владелицей кольца, убеждая ее передать реликвию в Иркутск. И, хотя согласие на это, наконец, было получено, довести дело до конца так и не удалось. Праправнучка Сергея Петровича и Екатерины Ивановны Трубецких по линии дочери Зинаиды (в замужестве Свербеевой), как выяснилось, мало интересовалась именно этой линией своей родословной. Вероятно потому, что по другой линии она родственница самих Романовых. И эта ветвь ей всегда была более интересна.

Первая мысль, которая пришла владелице, – продать кольцо. Была назначена цена в 10 тысяч долларов. Позже, когда эксперты аукционного дома «Кристис» заявили, что кольцо «не стоит ни цента», хозяйка решила подарить его музею. Но по непонятным причинам передумала. В 2020 г. секретарь Елизаветы Владимировны сообщил нам о ее смерти и о завещании, по которому архив семьи Свербеевых и перстень поступили в распоряжение Института российской истории в Калифорнии.

Перстень и архив остались в Америке, возможно, они кому-нибудь там и нужны. Скорее всего, только истории. А для нас, людей, живущих в России, осталась память, а память всесильна! Сейчас образ этого кольца декабриста можно увидеть в доме-музее семьи Трубецких. Иркутские ювелиры из фирмы «София» по фотографиям, видеоматериалам и описанию изготовили не копию, а образ кольца, который в настоящее время экспонируется в музее.

В настоящее время можно увидеть кольца декабристов из кандалного железа в нескольких музеях. Часть перстней хранится в Государственном историческом музее. Это памятные кольца для декабристов В.Л. Давыдова и А.И. Одоевского работы Николая Бестужева, перстень Г.С. Батенькова, женский перстень с гербом на щитке. В Музее истории и реконструкции Москвы находится железное кольцо декабриста Е.П. Оболенского. Два кольца, сделанных из кандалных цепей в Петровском Заводе и принадлежавших И.И. Пущину, хранятся во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге. В собрании Исторического музея в Москве находятся кресты из кандалов И.Д. Якушкина и С.П. Трубецкого. В Иркутском музее декабристов, как уже указывалось, хранятся перстни Волконских.

Знаки, символы, эмблемы – горькая память изгнания, крепкая, железная, оставляющая темный след на коже, суровые рубцы на сердце, но греющая душу всех тех, кто помнит...

Литература

Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / подгот. И.В. Порох. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 541 с.

В.Ф. Раевский: материалы о жизни и революционной деятельности / подгот.: А.А. Брегман, Е.П. Федосеева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Т. 1: Документы о революционной деятельности и судебном процессе. 415 с.

Воспоминания Бестужевых / ред. ст. и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л., 1951. 892 с.

Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2016. Т. XXIII: Материалы об имущественном положении декабристов / под ред. С.В. Мироненко. 775 с.

⁶³ В.С. Свербеев, правнук декабриста С.П. Трубецкого, был женат на графине М.А. Белёвской-Жуковской (1901–1996), правнучке поэта В.А. Жуковского и праправнучке императора Николая I. Ее отец, граф Алексей Алексеевич Белёвский-Жуковский (1871–1932), был незаконнорожденным ребенком сына императора Александра II Алексея. Мария Алексеевна Свербеева была моделью в русском модном доме «ТАО» в Париже. В 1923 г. у Владимира и Марии Свербеевых родилась дочь Лиза, в замужестве Е.В. Бирон-Патрикиадес.

Габриэль Г.Н. Из истории ювелирного искусства: памятные, мемориальные и траурные украшения // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2010. Т. 189. С. 26–31.

Даревская Е.М. Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия. Иркутск: Изд-во Иркутского музея декабристов, 2007. 115 с.

Добрынина Е.А. М.В. Муравьев: от новгородского любителя древностей до хранителя наследия декабристов // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2021. Вып. 6. С. 109–155.

Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М.: Изобразительное искусство, 1988. 680 с.

Лорер Н.И. Записки декабриста / подгот., вступит. ст. М.В. Нечкиной. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 416 с.

Лунин М.С. Сочинения, письма, документы / вступит. ст. Н.Я. Эйдельмана, коммент. И.А. Желваковой, Н.Я. Эйдельмана. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 566, [1] с.

Муханов П.А. Сочинения, письма / отв. ред. В.А. Федоров. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. 494 с.

Никифоров Н.А. Поиски продолжаются: рассказы коллекционера. Воронеж: Центр.-Черноземное книжное изд-во, 1968. 64 с.

Павлова В.П. Декабрист Сергей Петрович Трубецкой // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. / изд. подгот. В.П. Павловой (Сер.: Полярная звезда). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. Т. 2: Письма, дневник 1857–1858 гг. С. 3–61.

Поджио А.В. Записки, письма / вступит. ст. Н.П. Матхановой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 590 с.

Покровский А.А. Предисловие // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Государственное изд-во, 1925. Т. 1. С. VII–XIX.

Пушкин А.С. Повести Белкина с комментариями / сост. А.В. Большова, вступит. ст. А.В. Леднев, коммент. Е.А. Афанасьева, М.Е. Быкова, Л.В. Ипатова, О.О. Устинова. М.: Кучково поле, 2022. 144 с.

Пуцин И.И. Записки о Пушкине. Письма / сост., вступит. ст. и коммент. М.П. Мироненко, С.В. Мироненко. М., 1989. 574 с.

Пуцин И.И. Сочинения и письма: в 2 т. М.: Наука, 1999. Т. 1: Записки о Пушкине. Письма 1816–1849 гг. 549 с.

Пуцин И.И. Сочинения и письма: в 2 т. М.: Наука, 2001. Т. 2: Письма 1850–1859 гг. 622 с.

Розен А.Е. Записки декабриста / подгот., вступит. ст. Г.А. Невелева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 497 с.

Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник: в 2 т. / пер. с польск. О.Г. Басовой. Иркутск: Иркутский музей декабристов, Артиздат, 2014. Т. 1. 820.

Сергеев М.Д. Несчастью верная сестра. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 380 с.

Штейнгейль В.И. Сочинения и письма / подгот.: Н.В. Зейфман, В.П. Шахеров, отв. ред. С.В. Житомирская. Иркутск, 1985. Т. 1: Записки и письма. 608 с.

Щеголев П.Е. Николай I и декабристы: очерки. Пг.: Былое, 1919. 62 с.

Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы / подгот. И.В. Порох. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 399 с.

References

Azadovskiy, M.K. (Publ.). (1951). *Vospominaniya Bestuzhevyykh* [Memoirs of the Bestuzhevs]. Moscow, Leningrad. 892 p.

Basova, O.G. (Transl.), Sabin'skiy, Yu.-G. (2014). *Sibirskiy dnevnik: v 2 t.* [Siberian Diary: In 2 vol.]. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov, Artizdat. Vol. 1. 820 p.

Bol'shova, A.V. (Comp.), Pushkin, A.S. (2022). *Povesti Belkina s kommentariyami* [Belkin's Tales with Comments]. Moscow, Kuchkovo pole. 144 p.

Bregman, A.A., Fedoseeva, E.P. (Publ.). (1980). *V.F. Raevskiy: materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatel'nosti. T. 1: Dokumenty o revolyutsionnoy deyatel'nosti i sudebnom protsesse* [V.F. Raevsky: Materials on Life and Revolutionary Activity. Vol. 1: Documents on Revolutionary Activities and Litigation]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 415 p.

Darevskaya, E.M. (2007). *Dekabristy v Sibiri i sosednie strany Vostoka – Kitay, Mongoliya* [The Decembrists in Siberia and Neighboring Eastern Countries, Such as China and Mongolia]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 115 p.

Dobrynina, E.A. (2021). M.V. Murav'ev: ot novgorodskogo lyubitelya drevnostey do khranitel'ya naslediya dekabristov [M.V. Muravyov: From a Novgorodian Antiquarian to a Keeper of the Decembrists' Heritage]. In *Dekabristskoe kol'tso: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov*. Irkutsk. Vol. 6, pp. 109–155.

Eydel'man, N.Ya., Zhelvakova, I.A. (Publ.). Lunin, M.S. (1988). *Sochineniya, pis'ma, dokumenty* [Essays, Letters, Documents]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 566 p.

Fedorov, V.A. (Ed.), Mukhanov, P.A. (1991). *Sochineniya, pis'ma* [Writings, Letters]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 494 p.

Gabriel, G.N. (2010). *Iz istorii yuvelirnogo iskusstva: pamyatnye, memorial'nye i traurnye ukrasheniya* [From the History of Jewelry: Commemorative, Memorial and Mourning Jewelry]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Vol. 189, pp. 26–31.

Matkhanova, N.P. (Publ.), Podzhio A.V. (1989). *Zapiski, pis'ma* [Notes, Letters]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 590 p.

Mironenko, M.P., Mironenko, S.V. (Publ.). Pushchin, I.I. (1989). *Zapiski o Pushkine. Pis'ma* [Notes on Pushkin. Letters]. Moscow. 574 p.

Mironenko, S.V. (Ed.). (2016). *Vosstanie dekabristov. Dokumenty* [Decembrist Uprising. Documents. Vol. XXIII: Materials on the property status of the Decembrists]. Moscow, ROSSPEN. 775 p.

Nechkina, M.V. (Publ.), Lorer, N.I. (1984). *Zapiski dekabrista* [Notes of the Decembrist]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 416 p.

Nevelev, G.A. (Publ.). Rozen, A.E. (1984). *Zapiski dekabrista* [Notes of the Decembrist]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 497 p.

Nikiforov, N.A. (1968). *Poiski prodolzhayutsya: rasskazy kollektionera* [The Search Continues: Stories from a Collector]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo. 64 p.

Pavlova, V.P. (1987). Dekabrist Sergey Petrovich Trubetskoy [Decembrist Sergei Petrovich Trubetskoy]. In *Trubetskoy S.P. Materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatel'nosti*. Irkutsk. Vol. 2, pp. 3–61.

Pokrovskiy, A.A. (1925). *Predislovie* [The Preface]. In *Vosstanie dekabristov. Materialy*. Moscow, Leningrad. Vol. I, pp. VII–XIX.

Porokh, I.V. (Publ.), Basargin, N.V. (1988). *Vospominaniya, rasskazy, stat'i* [Memories, Stories, Articles]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 541 p.

Porokh, I.V. (Publ.), Yakushkin, I.D. (1993). *Memuary, stat'i, dokumenty* [Memoirs, Articles, Documents]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 399 p.

Pushchin, I.I. (1999). *Sochineniya i pis'ma: v 2 t. Vol. 1: Zapiski o Pushkine. Pis'ma 1816–1849 gg.* [Works and Letters: In 2 Vol. Vol. 1: Notes on Pushkin. Letters 1816–1849]. Moscow, Nauka. 549 p.

Pushchin, I.I. (2001). *Sochineniya i pis'ma: v 2 t. T. 2: Pis'ma 1850–1859 gg.* [Works and Letters: In 2 Vol. Vol. 1: Letters 1850–1859]. Moscow, Nauka. 622 p.

Sergeev, M.D. (1992). *Neschast'yu vernaya sestra* [A Faithful Sister to Misfortune]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 380 p.

Shchegolev, P.E. (1919). *Nikolay I i dekabristy: ocherki* [Nicholas I and the Decembrists: Essays]. Petrograd, Byloe. 62 p.

Zeyfman, N.V., Shakherov, V.P. (Publ.), Zhiromskaya, S.V. (Ed.), Shteyngeyl, V.I. (1985). *Sochineniya i pis'ma. T. 1: Zapiski i pis'ma* [Writings and Letters. Vol. 1: Notes and letters]. Irkutsk, 1985. 608 p.

Zil'bershteyn, I.S. (1988). *Khudozhnik-dekabrist Nikolay Bestuzhev* [The Decembrist Painter Nikolai Bestuzhev]. Moscow, Izobrazitelnoe iskusstvo. 680 p.

Г.М. Запорожченко*

КТО И КАК ЗАЖИГАЛ ЗВЕЗДЫ.

РЕЦЕНЗИЯ: НЕЧКИНА М.В. КОВАЛЬ С.Ф. ПЕРЕПИСКА
ДЕКАБРИСТОВЕДОВ (1974–1985 ГГ.)
/ М.В. НЕЧКИНА. С.Ф. КОВАЛЬ; [ПУБЛ., ПРЕДИСЛ.,
КОММЕНТ. Н.П. МАТХАНОВОЙ]. ИРКУТСК: ИРКУТСКИЙ
МУЗЕЙ ДЕКАБРИСТОВ, 2025. 288 С.**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-17
УДК 94(470+571)

Выходные данные для цитирования:

Запорожченко Г.М. Кто и как зажигал звезды. Рецензия: Нечкина М.В. Коваль С.Ф. Переписка декабристоведов (1974–1985 гг.) / М.В. Нечкина. С.Ф. Коваль; [публ., предисл., коммент. Н.П. Матхановой]. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2025. 288 с. // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 243–256. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-17.pdf>

G.M. Zaporozhchenko*

WHO LIT THE STARS AND HOW.

REVIEW: NECHKINA M.V. KOVAL S.F. CORRESPONDENCE
OF DECEMBRIST STUDIES (1974–1985) / M.V. NECHKINA.
S.F. KOVAL; [PUBL., PREFACE, COMMENTS
BY N.P. MATKHANOVA]. IRKUTSK:
IRKUTSK MUSEUM OF THE DECEMBRISTS, 2025. 288 P.**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-17

How to cite:

Zaporozhchenko G.M. Who Lit the Stars and How. Review: Nechkina M.V. Koval S.F. Correspondence of Decembrist Studies (1974–1985) / M.V. Nechkina. S.F. Koval; [publ., preface, comments by N.P. Matkhanova]. Irkutsk: Irkutsk Museum of the Decembrists, 2025. 288 p. // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 243–256. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-17.pdf>]

Abstract. In a new book, the achievements of Russian Decembrist studies are related with a dialogue in the community of historians. N.P. Matkhanova, who has extensive experience in Decembrist studies, has published and scientifically commented on 124 epistolaries of Academician M.V. Nechkina and Irkutsk researcher of Decembrism S.F. Koval for 1974–1985, which are stored in the Archives of the Russian Academy of Sciences and the State Archive of the Irkutsk region. These documents discuss general issues of Decembrist studies and archaeography in connection with the publication of the documentary series “Polar Star” which was edited by M.V. Nechkina until her death, and was initiated and led by S.F. Koval. In terms of methodology, an ideographic approach is used, where the circumstances and mechanisms of intellectual activity become the object of scientific reflection. It is shown that the authors’ views on the objectives of the “Polar Star” project go beyond the paradigm of Decembrism, which is classic for Soviet historiography. It is intended to provide a deep understanding of one of the most important issues in the historiography of Russian history: how the government and society perceived and responded to the crisis of the autocratic serfdom system in the first quarter of the 19th century. The letters are important for understanding the personal qualities of M.V. Nechkina and S.F. Koval. The book’s high scientific level is supported by an extensive scientific and reference apparatus and a high level of editorial culture. The author’s exhaustive comments on the letters demonstrate his exceptional erudition and competence. The book significantly clarifies the process of creating the “Polar Star” series.

* Галина Михайловна Запорожченко, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: galinakoop@yandex.ru

Galina Mikhailovna Zaporozhchenko, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: galinakoop@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках научного проекта FWZM 2024-0008 «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов».

The article was prepared as part of the scientific project FWZM 2024-0008 “Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, and Actor Identity”.

Keywords: documentary series “Polar Star”, Decembrists, Decembrist Studies, M.V. Nechkina, S.F. Koval, epistolary heritage.

The article has been received by the editor on 08.09.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В новой книге достижения отечественного декабристоведения соотнесены с диалогом в сообществе историков. Н.П. Матханова, обладающая огромным опытом в декабристоведении, опубликовала и научно прокомментировала хранящиеся в Архиве Российской академии наук и Государственном архиве Иркутской области 124 эпистолярные академика М.В. Нечкиной и иркутского исследователя декабризма С.Ф. Коваль за 1974–1985 гг., где обсуждаются общие проблемы декабристоведения и археографии в связи с изданием документальной серии «Полярная звезда», главным редактором которой вплоть до своей кончины была М.В. Нечкина, а инициатором и душой проекта – С.Ф. Коваль. В методологическом плане используется идеографический подход, когда объектом научной рефлексии становятся обстоятельства и механизмы интеллектуальной деятельности. Показано, что воззрения авторов писем на задачи проекта «Полярная звезда» выходят за пределы парадигмы декабризма, классической для советской историографии. Он призван глубоко фундировать одну из важнейших проблем историографии российской истории – как власть и общество осознавали и реагировали на проявления кризиса самодержавно-крепостнической системы в первой четверти XIX в. Письма важны для понимания личных качеств М.В. Нечкиной и С.Ф. Коваль. Высокий научный уровень книги поддержан обширным научно-справочным аппаратом, высокой эдиционной культурой. Исчерпывающие комментарии к письмам свидетельствуют о чрезвычайной эрудиции и компетентности автора. Книга существенно конкретизирует процесс создания серии «Полярная звезда».

Ключевые слова: документальная серия «Полярная звезда», декабристы, декабристоведение, М.В. Нечкина, С.Ф. Коваль, эпистолярное наследие.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025 г.

В 2025 г. вышла в свет книга «М.В. Нечкина. С.Ф. Коваль. Переписка декабристоведов (1974–1985 гг.). Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2025», подготовленная доктором исторических наук Н.П. Матхановой¹.

Изучение истории декабризма — оппозиционного самодержавию движения в русском дворянском сословии, возникшего после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов в виде конспиративных кружков и организаций и закончившего свое существование открытыми военными выступлениями 1825–1826 гг., занимает одно из выдающихся мест в отечественной историографии на протяжении более чем 100 лет начиная с последних десятилетий XIX в.² Тем не менее историография декабристоведения продолжает обогащаться новыми идеями и пополняться новыми трудами.

Начало перестройки в конце 1980-х гг. необычайно обострило интерес к истории общественно-политической мысли. В научном сообществе уже в значительной мере отрефлекси-

¹ Наталья Петровна Матханова (род. в 1946 г.) — российский историк, специалист по истории управления и общественной жизни Сибири XIX в. и источниковедению, доктор исторических наук (1999), профессор, автор тома материалов декабриста А.В. Поджою в документальной серии «Полярная звезда».

² Ильин П.В. Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 146.

рован процесс постепенного отхода в течение постсоветского периода от монополии советской идеологии в декабристоведении и пересмотра сложившихся представлений. Позитивным достижением научных исследований трех последних десятилетий в условиях сформировавшейся конкурирующей научной среды стало все более отчетливое понимание сложной природы декабристских идей, совмещения в их политических планах либерально-реформаторских и радикальных черт, отечественного и зарубежного опыта, религиозных и национальных чувств³.

В то же время потенциал этой плодотворной для развития науки историографической ситуации ограничивается негативным воздействием новых идеологических доминант, в частности, значительно усилившихся идей консервативно-охранительного спектра, по существу отрицающих правомерность участия общественных сил в государственных преобразованиях – «традиции, берущей свое начало от официальной идеологии самодержавной власти, современной декабристам»⁴. Подобный подход проникает как в труды некоторых профессиональных историков, так и широко тиражируется в СМИ, киноиндустрии, околонучном комьюнити.

Так, вышедший в российский прокат в 2019 г. художественный фильм «Союз спасения» (реж. А. Кравчук), повествующий о восстании декабристов и рекомендованный действовавшим тогда министром культуры В. Мединским для обязательного просмотра в школах, назван профессиональными историками «подлостью против зрителя»⁵, поскольку совершенно не раскрывает содержания и значения большой и важной работы участников тайных обществ по выработке программы движения России в будущее, а представляет их группой взбалмошных аристократов-интеллигентов, вздумавших в шальном опьянении от шампанского навредить правительству.

Между тем еще М. Хуциев в советское время намеревался снять фильм о декабристах на Одесской киностудии, но отступил, столкнувшись с неразрешимой проблемой: где взять столько породистых, вдохновенных, умных особенных лиц, олицетворявших ту эпоху, совместимых с обликом Пушкина, Рылеева, Жуковского, Пестеля, Раевского и т.д.⁶ Ведь Ю.М. Лотман говорил о декабристах как социально-историческом типе человека, который существовал в России недолго, с 1812 по 1825 г., и показал, что своей жизнедеятельностью они творили особую культуру – высокую культуру героического служения как искренне переживаемого чувства долга и действия исторического масштаба, «добровольного жертвоприношения на алтарь Отечества»: «Умрем, братцы, ах, как славно умрем!» – восклицал А. Одоевский, выходя 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь⁷.

Другим скорбным примером антинаучной и поверхностной, но широко транслируемой характеристикой декабристов является их причисление к агентам иностранного влияния в речи министра юстиции К. Чуйченко на XIII Санкт-Петербургском международном юридическом форуме в мае 2025 г. и оценка их поведения как «недостойного быть отнесенным к рангу чести и благородства»⁸.

Очевидно, что декабризм остается одной из узловых тем, вызывающих научный и общественный интерес.

Какой вклад в декабристоведение вносит новая книга? В обстоятельно написанном предисловии Н.П. Матханова определяется цель издания как попытку представить историю декабристоведения «не только как историю идей и трудов, но и историю людей», имея

³ Бокова В.М. Предисловие // Декабристы и их время. Труды Гос. исторического музея. М., 1995. Вып. 88. С. 5–14.

⁴ Ильин П.В. Декабристоведческая научная традиция... С. 152.

⁵ «Союз Спасения» – большая подлость против зрителей // Научный разбор фильма. Канал «Культура Достоинства».

⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Цикл лекций. Декабристы. Ч. 1. [Видеозапись] (1987).

⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб., 2008. С. 228.

⁸ «Ничего не нашел положительного». Министр юстиции Чуйченко раскритиковал декабристов [Электронный ресурс] // Фонтанка.ru. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/05/19/75476165/> (дата обращения: 09.07.2025).

в виду историографию как интеллектуальную историю (с. 5)⁹. В центре внимания – эго-документы историков, переписка признанного корифея декабристоведения и исторической науки академика Милицы Васильевны Нечкиной (1899–1985) и Семена Федоровича Ковалёва (1923–2005) – декабристоведа, педагога, общественного деятеля, одного из создателей Иркутского музея декабристов.

«Авторы писем различны по своему возрасту, социально-профессиональному статусу, опыту, месту и в формальной, и в неформальной иерархии внутри научного сообщества» (с. 6). С.Ф. Коваль – один из более чем 170 с лишним корреспондентов М.В. Нечкиной, известных и именитых историков. На отдельные письма из переписки М.В. Нечкиной и С.Ф. Ковалёва Н.П. Матханова обратила внимание ранее и опубликовала их, в том числе в соавторстве с А.В. Мельниковым¹⁰.

Между тем большое количество интереснейших писем, как отмечает она, осталось неопубликованным и даже не введенным в научный оборот (с. 5). В новой книге Н.П. Матханова, обладающая огромным опытом в декабристоведении, концептуализирует изучение эпистолярной из личного фонда М.В. Нечкиной, относящихся к многолетней переписке с С.Ф. Ковалёвым, доказательно развивая идею о том, что, как всякий эго-документ, письма много говорят об авторах, их характерах и взглядах, поэтому являются ценным историографическим источником для изучения истории декабристоведения, историографического быта, интеллектуальных биографий ученых (с. 14).

В настоящем издании опубликованы и научно прокомментированы хранящиеся в Архиве Российской академии наук и Государственном архиве Иркутской области 124 послания (письма, поздравительные открытки, телеграммы) за 1974–1985 гг., где обсуждаются общие проблемы декабристоведения и археографии в связи с изданием документальной серии «Полярная звезда», главным редактором которой вплоть до своей кончины была М.В. Нечкина, а инициатором и душой проекта – С.Ф. Коваль (с. 6). Переписка ценна и интересна, поскольку история серии «Полярная звезда» – «ее возникновения в 1979 г., продолжения, возобновления в 1999 г., связанных с этим научных и человеческих проблемах» – до сих пор не написана¹¹.

Таким образом, процесс научного общения создателей документальной серии «Полярная звезда» актуализируется как существенно значимый сюжет декабристоведения. Это знаменует целенаправленное использование, помимо номотетического генерализующего подхода к объекту исследования, выраженного в стремлении установить закономерности развития науки, – идеографического подхода, когда объектом научной рефлексии становится духовный мир ученого, его личностные ценности, обстоятельства и механизмы интеллектуальной деятельности.

Методологически Н.П. Матханова следует стилю самой М.В. Нечкиной, новаторскому для своего времени. Сутью подхода М.В. Нечкиной к историографическому исследованию стал анализ методологии и концепций исторических трудов в тесной связи с личностью их автора, в чем сказалось возникшее у нее еще в юности амбициозное желание вывести знание об обществе на новый уровень. Находясь под впечатлением трудов Р.Ю. Виппера, открывших для нее философскую традицию Д. Юма, Дж. Беркли, Э. Маха, Р. Авенариуса, а также новейших достижений науки, она полагала, что необходимо обратить особое внимание на познающего субъекта, его психологию и восприятие реальности¹².

⁹ Ссылки на страницы монографии даются в тексте в скобках.

¹⁰ Матханова Н.П., Мельников А.В. «...Благодарное дело, нужное, интересное, имя которому “Полярная звезда”»: Письма С.Ф. Ковалёва М.В. Нечкиной о создании серии «Полярная звезда» // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2023. Вып. 7. С. 7–30; Матханова Н.П. «...Надо сразу взять надлежащий тон высокого научного стиля издания по линии текстологии»: Письма академика М.В. Нечкиной к иркутскому декабристоведу С.Ф. Ковалёву (1974–1980 гг.) // Отечественные архивы. 2024. № 4. С. 90–100.

¹¹ Матханова Н.П. Из опыта работы в серии «Полярная звезда» // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1 (2). С. 201.

¹² Тихонов В.В. Тоска по методу: М.В. Нечкина и ее первая монография «Русская история в освещении экономического материализма» // Magistra Vitae. 2018. № 1. С. 199–212.

Неудивительно, что у М.В. Нечкиной, человека «серебряного века», занятия наукой тесно переплетались с поэзией и искусством, и все разнообразные формы ее творчества спаяны одной темой – человек. Антропологический вектор методологических поисков М.В. Нечкиной вписывался в общий культурный и научный контекст модернистской эпохи первой трети XX в., для которой свойственно новое «открытие» человеческой личности и признание того, что содержание научного знания во многом определяется личностью ученого-творца.

При этом именно М.В. Нечкина выдвинула требование при изучении личности историка обязательно изучать его архивы, документы личного характера, творческую лабораторию, вплоть до его чувств, личных привязанностей, особенностей психологического склада и т.д., чем значительно расширила и обогатила представления о научном творчестве¹³. Подобный подход, развиваемый сегодня в трудах многих историков, согласуется с мыслью Л.П. Репиной о том, что «условием диалога с прошлым становится внутренний диалог историка и диалог в сообществе историков»¹⁴.

Переписка – огромный слой письменной культуры, исчезнувшей на наших глазах. Обращение к нему имеет большую ценность для социогуманитарных исследований. Письма М.В. Нечкиной и С.Ф. Ковалю впервые публикуются полностью. Почти все они – подлинные автографы. Это деловые, но неофициальные письма, частные, хотя и неличные (с. 14). Документальная серия «Полярная звезда» является их основным предметом.

«Полярная звезда» – многотомная книжная серия научного, мемуарного, эпистолярного и литературного наследия декабристов, издается в Иркутске с 1979 г. Восточно-Сибирским книжным издательством, а с 1999 г. – Иркутским областным историко-мемориальным музеем декабристов. Замысел издания серии возник у ученых-историков в 1975 г., когда в СССР широко отмечалось 150-летие восстания декабристов. Академики М.В. Нечкина, И.Д. Ковальченко и проф. В.А. Федоров в разные годы возглавляли редакционную коллегию серии. Свое название серия получила от названия сборника А.А. Бестужева-Марлинского и К.Ф. Рылеева, вышедшего незадолго до восстания декабристов в 1822–1825 гг.

Серия выстроена по персональному признаку и носит научный и строго документальный характер. Все издаваемые материалы выверяются по подлинникам или ранним публикациям. Каждый том предваряется обстоятельной вступительной статьей, в которой характеризуется жизнь и деятельность самого декабриста, а также его наследие. Публикуемые документы располагаются в хронологической последовательности. Книги серии оформлены иркутским художником А.М. Муравьевым. Серия хорошо иллюстрирована.

В настоящее время в серии издано 27 томов. В них опубликованы материалы из наследия декабристов: М.А. Фонвизина (1979, т. 1; 1982, т. 2); В.Ф. Раевского (1980, т. 1; 1983, т. 2); С.П. Трубецкого (1983, т. 1); А.Е. Розена (1984); Н.И. Лорера (1984); М.А. Назимова (1985); В.И. Штейнгейля (1986, т. 1; 1992, т. 2); А.Ф. Бригена (1986); А.Н. Муравьева (1986); С.П. Трубецкого (1987); Н.В. Басаргина (1988); М.С. Лунина (1988); Г.С. Батенькова (1989, т. 1); А.В. Поджио (1989); С.Г. Волконского (1991); П.А. Мухина (1991); И.Д. Якушкина (1993); А.М. Муравьева (1999); Н.М. Муравьева (2000, т. 1); П.Н. Свистунова (2002, т. 1); Н.А. Бестужева (2003); В.Л. Давыдова (2004); П.С. Бобрищева-Пушкина (2007); А.З. Муравьева (2010). Планируется издать серию в объеме не менее 60 томов¹⁵.

Прежде всего, письма дают возможность уточнить, как и когда произошло превращение идеи издания документов по истории декабристов в Сибири в конкретный проект серии «Полярная звезда», и позволяют утверждать неверность распространенного мнения, что его публикация начата по инициативе М.В. Нечкиной (с. 11). Существенными предпосылками, обусловившими рождение такого грандиозного проекта, служили: издание сбор-

¹³ Вандалковская М.Г. История исторической науки в творчестве Милицы Васильевны Нечкиной // История и историки. Историографический вестник. 2001. М., 2001. С. 8.

¹⁴ Репина Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 13.

¹⁵ Казанцева Л.А. Мемуарное и эпистолярное наследие декабристов // Научная книга. 2004. № 2. С. 29; Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 650.

ника «Памяти декабристов» и трехтомника «Декабристы в Сибири», успешное проведение в Иркутске в 1975 г. большой юбилейной конференции, рекомендовавшей создать в Иркутском университете проблемный совет «Декабристы и Сибирь». Из обмена мнениями на этих научных форумах (по версии С.Ф. Коваля – на одном из первых заседаний совета, по версии С.В. Житомирской – в кулуарах конференции) договорились о совместной иркутско-московской редколлегии издания (с. 10–11).

Из переписки С.Ф. Коваля и М.В. Нечкиной в марте 1977 г. известно о наличии уже к этому времени подробного плана изданий в течение 10 лет источников и монографий (с. 54), конкретной работы над томами. «Ваша энергия изумительна, – пишет С.Ф. Ковалю Милица Васильевна, – и то, что Вам удалось сделать, – замечательно. Если это реализуется, Сибирь поставит настоящий памятник декабристам» (с. 56).

Письма проясняют также и то, что сама М.В. Нечкина первоначально усиленно отказывается от предложения С.Ф. Коваля быть главным редактором серии «Полярная звезда». «Согласиться – это значит всю, уже совсем малую долю годов, которые могут быть активными (если эта доля еще есть!), отдать Вам, невозможно. У меня свои планы... да и вообще, на мой взгляд, я призвана не редактировать, а писать.... Если же Вы думаете о пассивной роли практического “возглавителя”, дающего делу лишь свое имя и академический “титул”, то я для такой роли не рождена и никакого интереса к ней не питаю», – пишет она С.Ф. Ковалю (с. 56). Милица Васильевна сетует на большую загруженность, невозможность выездов в Иркутск, невозможность чтения массивных рукописей и сравнивает тяжесть обязанностей главного редакторства серии с «рухнувшей на нее скалой» (с. 73).

И все же С.Ф. Коваль убеждает М.В. Нечкину в том, что у истоков такого большого издания должен стоять всеми признанный, уважаемый и любимый авторитет, что ей всего лишь нужно быть в курсе дела и направлять работу редакционной коллегии, полагаясь на своих заместителей, и, может быть, лишь вводные статьи потребуют ее внимания (с. 59): «Ваше имя играет ту важную в таких делах роль, которая мобилизует, повышает ответственность, организует как раз тех, кто уверен, что не осрамится перед Вашим именем» (60).

Страх перед возможным снижением уровня издания в будущем, если не объединить квалифицированные силы, заставляет С.Ф. Коваля настойчиво добиваться согласия маститого академика, обладавшего огромным авторитетом, опытом и умением организовывать коллективные формы научной деятельности (с. 64). Сам Семен Федорович не мог возглавлять дело по соображениям внутрицеховой иерархии: участник Великой Отечественной войны, он не имел ученой степени и не стремился к ней, считая, что «степени уже не для него, не время!» (с. 70), целиком отдаваясь практическому делу, и к началу переписки у него уже имелся определенный опыт подготовки к изданию декабристских текстов (с. 9), и его статьи, как отмечает М.В. Нечкина, «очень хороши» (с. 181).

Большой интерес вызывает обсуждение в письмах вопроса о практической организации работы редколлегии. Мы узнаём, что это был поистине героический труд, дополнительная общественная работа. Первым главным редактором серии была М.В. Нечкина. Редколлегия состояла из двух частей – московской и иркутской. Московскую часть возглавляла С.В. Житомирская, по словам С.Ф. Коваля, «сплав научной, в особенности публикаторской, и организаторской опытности» (с. 69), Иркутскую часть – сам С.Ф. Коваль, активный организатор науки: во многом его усилиями был создан проблемный совет «Декабристы и Сибирь» при Иркутском государственном университете, Музей декабристов в Иркутске, проведено несколько крупных конференций по проблемам декабризма. Создание и издание документальной серии «Полярная звезда» стало главным делом его жизни (с. 10). По завершении составления тома, к каждому из которых назначался ответственный редактор из членов редколлегии или приглашенных ученых, главы редколлегий организовывали рецензирование и составляли для М.В. Нечкиной доклад о степени готовности рукописи для передачи в издательство.

Переписка раскрывает механизм действия уникальной команды, делая зримыми сокровищные недра «Медной горы» – научно-творческой лаборатории, в которой возникают

сверкающие огранкой драгоценные изделия – тома серии «Полярная звезда». По содержанию писем можно судить, как формировался корпус составителей, взаимодействовали члены редколлегии, вырабатывались и эволюционировали принципы работы над томами (с. 16). Первые месяцы деятельность двойной редколлегии породила немало недоразумений и споров, что неизбежно в таком новом, сложном и ответственном деле. М.В. Нечкина резонно сомневается, реально ли «ритмично и осмысленно функционировать на тысячеверстных расстояниях» (с. 88). С.Ф. Коваль пишет о «некотором разброде, несогласованности действий отдельных членов редакции в подборе составителей томов», из-за чего он «взял на себя смелость и самым решительным образом пресек эту тенденцию», но тем не менее просит огорченную известиями о «ссорах» и «столкновениях» Нечкину выступить арбитром и собрать совещание для выработки единой линии поведения глав редакции (с. 86, 88).

В свою очередь Милица Васильевна признается, что не завидует его положению, «зная, как трудно общаться с двумя ужасными дамами» (с. 160) и что сама она «провела в работе над материалом много трудных дней, отчасти осложненных характером составительниц» (с. 171). Но если Семену Федоровичу и не всегда дается особая деликатность в отношениях с некоторыми соратницами из-за их «большого самомнения» и «диктаторских замашек» (с. 166), то все же он находит способ «своевременно и прямо, открыто и честно исправлять» ситуацию без ущерба для дела и личных отношений (с. 95).

Большое впечатление на сегодняшнего читателя произведут места в переписке, указывающие на то, как нелегко было вести практическую научную работу в дисперсном коллективе без компьютеров, электронной почты, Интернета, посредством лишь авторучки, пишущей машинки, писем, бандеролей и посылок. «Зачеркните, пожалуйста, строки со слов внизу 6-й стр[аницы] “Впечатления сибиряков”, кончая словами на 7-й странице: “длительность их”. Вместо зачеркнутого напишите, пожалуйста, две фразы, написанные мною на отдельном листке (вложен)», – пишет М.В. Нечкина С.Ф. Ковалю (с. 65). Сегодня эта правка заняла бы две секунды, в то время письмо шло две недели.

Или другой пример из письма М.В. Нечкиной: «Завтра высылаю Вам рукопись “моего тома”. Бандеролью послать невозможно – это выйдет по теперешним правилам чуть ли не восемь бандеролей, которые могут попасть к Вам разновременно и спутать порядок чтения. Мы решили послать ценной посылкой, что, может быть, замедлит получение, но зато не разрознит страниц» (с. 143). Как вспоминала С.В. Житомирская, «работа наша была организована довольно сложно»: «Понятно, что весь цикл подготовки занимал очень много времени. Тем не менее дело шло бойко и выходило, особенно в первые годы, по два тома в год»¹⁶. Приоритетной задачей М.В. Нечкина считала обеспечение высокого научно-теоретического уровня серии «Полярная звезда»: «Надо сразу взять надлежащий тон высокого научного стиля издания по линии текстологии..., проводить поиски подлинника и с этого начинать введение к тому, <...> очень важна в нашем издании аутентичность текста, <...> исследовательский характер предисловий» (с. 82, 164).

Очевидно, что проект осуществлялся в идеологических рамках советского декабристоведения. Принято считать, что М.В. Нечкина (в отличие от Ю.Г. Оксмана, М.К. Азадовского, Ю.М. Лотмана) олицетворяла его «официальное направление», признававшее марксистскую парадигму «дворянской революционности» и другие концептуальные основы советской историографии с приоритетным интересом к наиболее радикальным идеям декабристов и их априорно позитивной оценкой¹⁷. Она прямо говорит, что «стала на т[очку] зр[ения] ленинской концепции» (с. 110)¹⁸. Тем примечательнее эпистолярные свидетельства глубоких воззрений М.В. Нечкиной и С.Ф. Ковалья на задачи проекта «Полярная звезда», выходящие далеко за пределы «прокрустова ложа» парадигмы декабризма как первого этапа революционного движения, классической для советской историографии.

¹⁶ Житомирская С.В. Просто жизнь. М., 2006. С. 382.

¹⁷ Ильин П.В. Декабристоведческая научная традиция... С. 148.

¹⁸ Нечкина М.В. Декабристы. М., 1982. С. 5–7.

Обращают на себя внимание требования к расширению тематики изданий, приданию комплексного характера всему начинанию. «Основной опасностью (на мой взгляд), – пишет М.В. Нечкина, – которая неминуемо грозит... Вашей “Полярной Звезде”, является самоограничение ее лишь темой “Декабристы в Сибири”... Иначе все декабристы станут какими-то одноликими “государственными преступниками вообще”, причины, почему они попали в Сибирь... тут не будет, задавит проблему тюремный быт... Надо знать, за что попал декабрист в Сибирь, какую идеологию туда принес, какую роль ранее играл, какие связи были <...> Издание будет тем ценнее, чем шире поймет свою тему “Сибирь и декабристы”. <...> Ведь она всегда понималась как-то узко, чересчур уж “местно”, краеведчески» (с. 62, 82, 166). Она пишет о многогранности и многоаспектности темы (с. 147), призывает рассматривать движение на всем его протяжении 1816–1826 гг. (с. 110), «дать богатое представление о “досибирском”, революционном периоде жизни декабристов, слить – крепко связать оба периода» (с. 164), всесторонне изучать «яркие свидетельства напряженной творческой мысли декабристов» (с. 118), идеологию движения (с. 164).

С.Ф. Коваль, формулируя «сокровенные» для него цели проекта «Полярная звезда», помещает источниковедческие изыскания в широкий общественно-политический контекст, позволяющий «внести существенные коррективы... во многие другие проблемы освободительного движения и общественно-политической мысли первой половины XIX века» (с. 69). Его монография о В.Ф. Раевском (1951) стала «одной из первых попыток в историографии превращения темы о декабристах из сугубо краеведческой в общероссийскую общественно-политическую и культурную проблему»¹⁹. Исследовательская оптика настраивается на всесторонний анализ персональных историй декабризма. «Каждый том должен дать как можно более полное представление о личности, которой он посвящен, а через нее и о движении в целом, о развитии мысли и практики», – пишет С.Ф. Коваль (с. 68–69).

М.В. Нечкина не только обстоятельно курирует процесс выявления новых документов в местах жизнедеятельности декабристов – архивах Москвы, Ленинграда, Украины, Сибири (с. 77, 94, 102), но и ставит вопрос о методике использования источников для решения исследовательских задач: «Сложный вопрос, часто трудно анализируемый, – спор о том, как и для кого говорил декабрист о своем мировоззрении, после или до восстания, кто собеседник, может быть, он не успел записать сразу и положился на память, и кому он и что сказал» (с. 181). Кроме того, М.В. Нечкина предлагает расширить источниковедческий формат серии и запланировать в плане-проспекте неперIODические сборники исследовательских статей (с. 82), что свидетельствовало о проработке идеи издания наследия не только декабристов, но и декабристоведов (с. 15–16). По сути, формировались пути декабристовеждения на многие десятилетия вперед.

С заявленных позиций корреспондентами строго оценивается качество подготовленных статей. У одних авторов М.В. Нечкина обнаруживает «произвольную и хаотичную трактовку эволюции декабризма» (с. 142), «путанность и растянутость» (с. 127). Других С.Ф. Коваль критикует за «отсутствие серьезной попытки определить пути эволюции взглядов», «слишком осторожные и неопределенные высказывания» (с. 96), отказывается «рекомендовать в печать такой винегрет» (с. 162), просит «отразить историографию проблем, выразить отношение к другим концепциям» (с. 145). Приходится «подтягивать авторов до высокого уровня» (с. 114). Высказываются опасения о «недостатке в очередном томе проблемных статей, без чего последний пойти в производство не может» (с. 97, 115).

Развитый эстетический вкус и большой публикаторский опыт М.В. Нечкиной сказываются в тонких замечаниях о художественном оформлении серии «Полярная звезда»: «Общего единого трафарета не надо, пусть каждый том будет в какой-то мере “с лица необщим выраженьем”. <...> Друзья мои! Где же ясно выраженное название серии “Полярная Звезда”?! Вы узнаете об ее существовании лишь из наименования “редколлегии”! Так не делается! Нужен бы заголовок с ее именем на титуле. <...> Теперь о переплете.

¹⁹ Туманик Е.Н. Семен Федорович Коваль – очерк к образу ученого-декабристоведа // Историческая школа Иркутского государственного университета: традиции и современность. Иркутск, 2023. Вып. 1. С. 100.

Из присланных томов мне милее всего темно-коричневый с цветным медальоном... Но я решительно против рельефного медальона... И серебро и позолота всегда в войне с барельефом – это давно известно из истории искусств... серебро, и золото ликуют, кричат, они веселые, богатые, яркие, а барельеф – скульптура, требует иного, более возвышенного внутреннего настроения, подобного тому, которое вызывает музыка!» (с. 151, 152, 163). Так и издано! Обложка выполнена в благородных коричневом и зеленом цветах с золотой шпайгой на корешке и цветным медальоном на лицевой стороне – старинным цветным портретом декабриста в овальной рамке. Именно М.В. Нечкина предлагает издавать тома с ясным названием и без номеров, ведь, «покупая первый том, читатель, естественно, не должен думать, что ему чего-то не хватает» (с. 154).

За период переписки М.В. Нечкиной и С.Ф. Ковалю в течение десятилетия 1974–1985 гг. опубликованы восемь томов материалов из наследия декабристов М.А. Фонвизина (1979, т. 1; 1982, т. 2), В.Ф. Раевского (1980, т. 1; 1983, т. 2), С.П. Трубецкого (1983, т. 1), А.Е. Розена (1984), Н.И. Лорера (1984), М.А. Назимова (1985); готовились к печати еще три – В.И. Штейнгейля (1986, т. 1), А.Ф. Бригена (1986), А.Н. Муравьева (1986).

Н.П. Матханова отмечает, что, «несмотря на размах и грандиозность замысла и даже казавшуюся утопичность проекта» (с. 133), большая часть включенного в план была осуществлена, «хотя и за более длительный срок, не всегда в задуманном составе и именно этими людьми» (с. 15). «Я работаю непрерывно – работы прямо по горло. Но так лучше всего», – напишет М.В. Нечкина накануне выхода в свет первенца «Полярной звезды» (с. 144), С.Ф. Коваль «трудится неимоверно» (с. 159).

Стоит особенно отметить, что хотя к проекту были привлечены лучшие декабристovedы страны, издавалась серия в провинциальном Восточно-Сибирском книжном издательстве в Иркутске с неважным уровнем полиграфии (с. 149). Тем не менее выразительным показателем качества проделанной работы, а также следствием поддержки проекта Институтом истории АН СССР и Сибирским отделением АН СССР явилось повышение в ноябре 1978 г. номинала книг серии до уровня академических изданий (с. 116). А Иркутск превратился в признанный декабристovedческий центр, что было обусловлено как созданием музея, так и появлением изданий по истории движения декабристов, постепенно приобретающих все большие авторитет и популярность (с. 17).

Переписка убеждает в том, что эвристический потенциал книжной серии «Полярная звезда» простирается за рамки исключительно декабристovedения. Фактически он призван глубоко фундировать одну из важнейших проблем историографии российской истории – как власть и общество осознавали и реагировали на проявления кризиса самодержавно-крепостнической системы в первой четверти XIX в.? После краткого периода «непросвещенного абсолютизма» Павла I наступила «александровская» четверть века. Россия впервые достигает статуса сверхдержавы и претендует на мировое (т.е. всеевропейское в тех условиях) лидерство. Но в новом XIX столетии обнаружатся опасные последствия екатерининской перестройки: во-первых, усиление политической роли дворянства надолго задержит отмену крепостного права, высшая власть будет мечтать об освобождении крестьян, но не решится это сделать из-за страха перед помещиками. Второй побочный эффект окажется для самодержавия еще тревожней. Когда Екатерина II предоставила части подданных вольность (возможность не служить и набор личных прав), поколебались два коренных принципа государственной системы. Впервые со времен Ивана III в стране возникла численно небольшая, но влиятельная прослойка, которая могла уже не считать себя слугами государства и от рождения обладала неотъемлемыми правами. Это сулило абсолютизму большие проблемы. В русской политической жизни появляется новый фактор – общество, и оно будет идеологически враждебно основополагающим принципам самодержавно-крепостнической государственности.

Власть в лице Александра I колебалась между двумя типами правления – либеральным и государственно-чиновническим. По сравнению со своими предками Александр I, получивший официозное прозвание «Благословенный», был уникальным царем. Благодаря заботам Екате-

рины II и наставничеству швейцарского юриста, сторонника просветительских идей XVIII в. Ф.С. Лагарпа, он был хорошо образован, воспитан в духе просвещенного абсолютизма как искренний противник деспотизма во всех его проявлениях. Он великодушен, чувствителен, добр, скромен в быту, любезен с окружающими, стараясь, подобно бабке, никого не унизить и не оскорбить. В стране, где по причине всеобщего бесправия было очень ослаблено представление о личном достоинстве, уважительность и даже простая вежливость царя в обращении с подданными имели огромное, без преувеличения, историческое значение, так как двор и общество стремились подражать образцам поведения первого лица. Утверждалось чувство собственного достоинства – высшее завоевание человеческой эволюции. В такой обстановке формировались души и мировоззрение будущих декабристов.

Блестящие реформы Александра I в области образования, меры в области торговли и промышленности были своевременны и результативны. Указ «О вольных хлебопашцах» (1803 г.) и дарование личной свободы крестьянам в Эстляндии, Курляндии, Лифляндии (1816–1819 гг.) хотя и не решили проблему крепостного права, но утвердили мысль о возможности освобождения крестьян с землей за выкуп и получения личной свободы немедленно и бесплатно, что станет идейной основой крестьянской реформы 1861 г. Конституция, дарованная Польше в 1815 г., была одной из самых прогрессивных в Европе.

В дальнейшем высокие идеалы юности царя не выдержали испытания реальностью и он отказался от реформаторства. Декабристы как наиболее передовые представители подерживавшего Александра I дворянства, свидетели наполеоновских войн и тектонических сдвигов в социально-политической, экономической и культурной жизни европейских стран, остро осознавали необходимость преобразования самодержавно-крепостнических устоев Российской империи.

Однако, как видит это, например, А. Ахиезер, и правительственный либерализм незаурядного монарха Александра I, настроенного на реформы, и независимый жертвенный либерализм декабристов оказались несостоятельными как конструктивное начало. Ни правительственные меры сверху, ни крайние меры декабристов не реализовались по одной и той же причине – глубокий социокультурный раскол общества и слабость почвенных истоков либерализма, социальных интеграторов (городов, промышленности, образования, просвещения), слабость срединной культуры и взаимопонимания народа и элиты. Та же проблема будет у народников. Захват власти или убийство тирана-царя считались автоматической гарантией успеха революционных перемен в стране. Но народ, замкнутый в деревенских архаичных мирах, все исходящее извне – государство, чиновников, рынок, законы, право, суд, книги, искусство – считал чуждым своим понятным вековым традиционным ценностям, не доверял и отторгал все господское. Поэтому все реформы повисали в воздухе, не находя своей широкой социальной опоры в толще темного бесправного населения²⁰.

Таким образом, проект «Полярная звезда» предстает важной частью историографического ресурса дискутирования причин, по которым Россия упустила в первой четверти XIX в. исторический шанс модернизационного рывка. Серия оказала влияние на развитие исторических исследований в целом: вступительные статьи в ряде случаев представляют собой важный вклад в науку, внушительную роль сыграла она в источниковедческой, археографической, эдиционной областях²¹.

Ощущая огромность декабристского сюжета для российской истории и заботясь о формировании исторического сознания и исторической культуры (с. 7), М.В. Нечкина высказывает проницательные наблюдения о восприятии книжной серии «Полярная звезда» читательской аудиторией. Она считает, что прошло время «унылого трафарета» (с. 167), «привычного и удобного «однообразия в структуре каждого тома» и разъяснения основного смысла мемуарного текста» (с. 163). Произошло «исчезновение «массового читателя» и замена его массой образованных читателей, группирующихся по своим интересам» (с. 167).

²⁰ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 207–208.

²¹ Матханова Н.П. Из опыта работы в серии «Полярная звезда»... С. 200.

Этот «уже совсем другой читатель рвется к первоисточнику, знает его цену и вкус, хочет составить свое мнение, пережить радость научного сотворчества, сам поразмыслить над текстом, иной раз и поспорить» (с. 163–164).

И Нечкина права. Интерес в обществе к серии возрастает по мере осуществления проекта: «Запросы на сборники идут со всех концов страны», – с радостью отмечает она (с. 30) и спрашивает иркутских коллег: «Как будет Сибирь наделять экземплярами своих изданий европейскую часть СССР? Сейчас все рвутся приобрести Вл. Раевского» (с. 171).

Действительно, советская реальность представляла собой один из вариантов модернизирующегося индустриального урбанистического общества. В 1962 г. городское население в СССР по численности превысило сельское, завершился переход ко всеобщему обязательному восьмилетнему образованию. Советское общество перестало быть идейно-политически монолитным. В годы хрущевской «оттепели» власть создала рамки пространства свободы, не исчезнувшей полностью в более консервативный брежневский период. 1950–1970-е гг. были временем культурного расцвета²². Поскольку советский человек был встроен в индустриальную машину, которая требовала, чтобы он был просвещен, в итоге получился человек читающий, обсуждающий новинки книг и толстых журналов. Как вспоминала А.А. Баранович-Поливанова об интересе к печатному слову, «с середины 60-х <...> что-то совсем непонятное, прямо-таки мистическое, стало происходить с книгами. Вдруг повально все стали книголюбями..., а иногда сериюлюбями»²³.

За фасадом заметно ослабевшей официальной коммунистической догматики духовные потребности советских людей диверсифицировались, развивалось разномыслие. Довольно широкие слои населения – интеллектуалы, инженеры, рабочие – начинали мыслить самостоятельно, обсуждать общественные проблемы, многие в стремлении понять природу социализма изучали в подлинниках произведения классиков марксизма-ленинизма, различные философские системы. Намечались неформальные идейные течения – реформизм, включая либералов и демократов, национал-консерватизм, почвенничество, диссидентство²⁴. В этом социально-культурном контексте издание наследия декабристов строго научного и документального характера не могло не быть широко востребовано. Особенно нуждались в первоисточниках для работы в спецсеминарах студенты исторических специальностей, на что указывает М.В. Нечкина (с. 30).

Очень важны письма для понимания личных качеств академика М.В. Нечкиной и лидера сибирских декабристоведов С.Ф. Коваля. Чтение переписки подтверждает вывод Н.П. Матхановой о том, что им были присущи «важные для совместной работы общие качества: искренний интерес к декабристоведению, эмоциональное, даже страстное отношение к теме и героям своих изысканий, предельная честность и требовательность» (с. 10). В этом тандеме Нечкина задает присущую ей «высокую планку научного творчества»²⁵. Но именно Коваль увлекает, уговаривает московскую небожительницу возглавить проект и, как рачительный хозяин, держит в крепких стожильных руках его громаду. Во многом благодаря его усилиям атмосферу работы над серией отличают «взаимопомощь, поддержка, коллективный подход»²⁶.

Письма С.Ф. Коваля всегда крайне подробно излагают текущую ситуацию, при этом от них веет необыкновенной теплотой и сердечностью, с огромным пиететом относится он к выдающейся коллеге. Милица Васильевна поначалу более суха и строга, ее письма, как и всегда, «отличаются лаконичностью и деловым стилем – на первом месте всепоглощающая работа»²⁷, но затем она, по-видимому, проникается к своему иркутскому адресанту искренней симпатией, «скушает» по его письмам (с. 102), и тон ее становится мягче и заботливей.

²² Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 156.

²³ Баранович-Поливанова А.А. Оглядываясь назад. Томск, 2001. С. 170.

²⁴ Шубин А.В. Диссиденты, неформалы... С. 149.

²⁵ Корзун В.П., Сидорова Л.А. Новые краски к портрету Милицы Васильевны Нечкиной // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2023. Вып. 83. С. 355.

²⁶ Туманик Е.Н. Семен Федорович Коваль... С. 84.

²⁷ Корзун В.П., Сидорова Л.А. Новые краски к портрету... С. 355.

Наблюдение за этой метаморфозой в эпистолярном общении двух неустанных тружеников, ученых-подвижников, оставляет отрадное впечатление.

Ученые взаимно высоко ценят вклад друг друга. «Чувствую, как огромен здесь Ваш труд – как научный, так и организационный <...>. Вы – душа издания», – пишет М.В. Нечкина (с. 84, 108). «Без Вас не будет и “Полярной Звезды”», – уверяет Коваль (с. 93). Это не означало, что не было столкновения научных позиций. В письме от 29 октября 1980 г. С.Ф. Коваль критикует название вступительной статьи ко второму тому сочинений Фонвизина «От Союза благоденствия к “Русскому социализму” (Идейный путь декабриста М.А. Фонвизина)», считая, что такое название означает «смещение организационных и мировоззренческих проблем» (с. 161). М.В. Нечкина ему горячо возражает: «Что Вы! Да с каких это пор Союз Благоденствия – только “организационное понятие”?!», – и утверждает, что избранный авторами заголовок полон смысла, образен и хорошо понимается (с. 164).

Подчеркивая значимость личностного фактора в научной жизни, Н.П. Матханова обращает внимание на обсуждение статьи В.П. Павловой на заседаниях московской и иркутской частей редколлегии в апреле-июле 1982 г. (с. 16–17). В литературе встречаются упреки в адрес В.П. Павловой за то, что она «непоследовательна в своем стремлении во что бы то ни стало оправдать С.П. Трубецкого, традиционно обвиняемого в предательстве». Из протоколов редколлегии ясно, что В.П. Павловой пришлось пойти на компромисс и отказаться от решительного оправдания своего героя, уступая требованиям московской части редколлегии, особенно М.В. Нечкиной. При обсуждении концепции В.П. Павловой произошло открытое выступление поддержавшего ее С.Ф. Ковалю и большинства иркутской части редколлегии против академика Нечкиной, которая заявила: «Автор имеет право на свою точку зрения, но я как редактор не могу ее принять и поддержать своим именем» (с. 214). Было высказано и принято смелое предложение С.Ф. Ковалю: «Если главный редактор серии М.В. Нечкина найдет необходимым высказать свою точку зрения, она может воспользоваться правом выступить с послесловием к тому» (с. 221). Этот возможно беспрецедентный случай противления высшему научному авторитету выглядит актом академической свободы и весьма показательно характеризует представления участников заседания о принципах научной этики.

Ценным дополнением к публикуемым письмам в книге служат приложения, содержащие шесть протоколов заседаний московской и иркутской частей редколлегии. Они позволяют выяснить, почему тома были опубликованы в таком виде и в такой последовательности, какие авторы и идеи остались за пределами серии (с. 16). В совокупности переписка и протоколы воспроизводят тот «внутренний диалог в сообществе историков», на который указывала Л.П. Репина.

Высокий научный уровень издания поддержан обширным научно-справочным аппаратом: предисловие, приложения, именной указатель, комментарии. Последние заслуживают особенного внимания декабристоведов благодаря своей исчерпывающей информативности, свидетельствующей о чрезвычайной эрудиции и компетентности автора. Новая историко-археографическая работа отличается высокой эдичионной культурой. Текстологическая подготовка писем к публикации основана на принципах максимальной репрезентации аутентичности текста вплоть до самых незначительных помет.

Таким образом, перед нами великолепное научно-исследовательское произведение, конкретизирующее процесс создания серии «Полярная звезда». Достижения отечественного декабристоведения соотнесены с человеческим миром страстной увлеченности, интеллектуального напряжения, эмпатического чувствования. Без сомнения, книга украсит библиографию декабризма и послужит профессионально изданным источником мысли для дальнейшего развития исторической науки, антропологии академической жизни, интеллектуальной истории, истории памяти, гендерной истории, прогрессивного общественно-политического дискурса.

Литература

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / вступит. ст. С.Я. Матвеевой. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.

Баранович-Поливанова А.А. Оглядываясь назад. Томск: Водолей, 2001. 192 с.

Бокова В.М. Предисловие // Декабристы и их время. Труды Гос. исторического музея. М., 1995. Вып. 88. С. 5–14.

Вандалковская М.Г. История исторической науки в творчестве Милицы Васильевны Нечкиной // История и историки. Историографический вестник. 2001. М.: Наука, 2001. С. 3–11.

Житомирская С.В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2006. 600 с.

Ильин П.В. Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 146–155.

Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. 807 с.

Казанцева Л.А. Мемуарное и эпистолярное наследие декабристов // Научная книга. 2004. № 2. С. 16–30.

Корзун В.П., Сидорова Л.А. Новые краски к портрету Милицы Васильевны Нечкиной // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2023. Вып. 83. С. 353–357.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). 2 изд., доп. СПб.: Искусство – СПб, 2008. 399 с.

Матханова Н.П. Из опыта работы в серии «Полярная звезда» // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1 (2). С. 200–205.

Матханова Н.П. «...Надо сразу взять надлежащий тон высокого научного стиля издания по линии текстологии»: Письма академика М.В. Нечкиной к иркутскому декабристове С.Ф. Ковалю (1974–1980 гг.) // Отечественные архивы. 2024. № 4. С. 90–100.

Матханова Н.П., Мельников А.В. «...Благодарное дело, нужное, интересное, имя которому “Полярная Звезда”»: Письма С. Ф.Ковалю М.В. Нечкиной о создании серии «Полярная звезда» // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2023. Вып. 7. С. 7–30.

Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1982. 182 с.

Нечкина М.В., Коваль С.Ф. Переписка декабристов (1974–1985 гг.) / публ. подготовлена Н.П. Матхановой. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2025. 288 с.

Репина Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 6–16.

Тихонов В.В. Тоска по методу: М.В. Нечкина и ее первая монография «Русская история в освещении экономического материализма» // Magistra Vitae. 2018. № 1. С. 199–212.

Туманик Е.Н. Семен Федорович Коваль – очерк к образу ученого-декабристоведа // Историческая школа Иркутского государственного университета: традиции и современность / под ред. Л.М. Дамешека, А.А. Иванова, С.И. Кузнецова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023. Вып. 1. С. 78–101.

Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008. 384 с.

Reference

Akhiezer, A.S. (1997). *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of Historical Experience (Socio-Cultural Dynamics of Russia)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. Vol. 1. 804 p.

Baranovich-Polivanova, A.A. (2001). *Oglyadyvayas' nazad* [Looking Back]. Tomsk, Vodoley. 192 p.

Bokova, V.M. (1995). Predislovie [Preface]. In *Dekabristy i ikh vremya. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. Iss. 88, pp. 5–14.

Il'in, P.V. (2019). Dekabristovedcheskaya nauchnaya traditsiya: aktual'nye zadachi izucheniya v proshlom i nastoyashchem [The Scientific Tradition of the Decembrists: Current Tasks of Research in the Past and Present]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 2, pp. 146–155.

(2009). *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 2. 807 p.

Kazantseva, L.A. (2004). Memuarnoe i epistolyarnoe nasledie dekabristov [Memoirs and Epistolary Heritage of the Decembrists]. In *Nauchnaya kniga*. No. 2.

Korzun, V.P., Sidorova, L.A. (2023). Novye kraski k portretu Militsy Vasil'evny Nechkinoy [New Colors for the Portrait of Militsa Vasilyevna Nechkina]. In *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noy istorii*. Iss. 83, pp. 353–357.

Lotman, Yu.M. (2008). *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX v.)* [Conversations about Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries)]. St. Petersburg, Iskustvo – SPB. 399 p.

Matkhanova N.P. (2024). “...Nado srazu vzyat' nadlezhashchiy ton vysokogo nauchnogo stilya izdaniya po linii tekstologii”: Pis'ma akademika M.V. Nechkinoy k irkutskomu dekabristovedu S.F. Kovalyu (1974–1980 gg.) [“It is Necessary to Immediately Adopt the Proper Tone of the High Scientific Style of the Publication in the Field of Textology”: Letters from Academician M.V. Nechkina to the Irkutsk Decembristologist S.F. Koval (1974–1980)]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 4, pp. 90–100.

Matkhanova, N.P. (2012). Iz opyta raboty v serii “Polyarnaya zvezda”» [From the Experience of Working in the “Polar Star” Series]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 1 (2), pp. 200–205.

Matkhanova, N.P. (Publ.). Nechkina, M.V., Koval', S.F. (2025). Perepiska dekabristovedov (1974–1985 gg.) [Correspondence of Decembrist Scholars (1974–1985)]. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov. 288 p.

Matkhanova, N.P., Mel'nikov, A.V. (2023). “...Blagodarnoe delo, nuzhnoe, interesnoe, imya kotoromu “Polyarnaya Zvezda”: Pis'ma S. F.Kovalya M.V. Nechkinoy o sozdanii serii “Polyarnaya zvezda” [“...A Grateful Deed, Necessary, Interesting, Whose Name is ‘Polar Star’”: Letters of S.F. Koval, M.V. Nechkina on the Creation of the “Polar Star” Series]. In *Dekabristskoe kol'tso: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov: sbornik statey*. Irkutsk. Iss. 7, pp. 7–30.

Nechkina, M.V. (1982). *Dekabristy* [The Decembrists]. Moscow, Nauka. 182 p.

Repina, L.P. (2021). Pamyat' i nasledie v “krestovom pokhode” protiv istorii ili rozhdenie “memorial'noy paradigmy” [Memory and Heritage in the “Crusade” Against History or the Birth of the “Memorial Paradigm”]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 2 (71), pp. 6–16.

Shubin, A.V. (2008). *Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR* [Dissidents, Informals and Freedom in the USSR]. Moscow, Veche. 384 p.

Tikhonov, V.V. (2018). Toska po metodu: M.V. Nechkina i ee pervaya monografiya “Russkaya istoriya v osveshchenii ekonomicheskogo materializma” [Longing for the Method: M.V. Nechkina and Her First Monograph “Russian History in the Light of Economic Materialism”]. In *Magistra Vitae*. No. 1, pp. 199–212.

Tumanik, E.N. (2023). Semen Fedorovich Koval' – ocherk k obrazu uchenogo-dekabristoveda [Semyen Fyedorovich Koval: An Essay on the Image of a Decembrist Scholar]. In *Istoricheskaya shkola Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: traditsii i sovremennost'*. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. Iss. 1, pp. 78–101.

Vandalkovskaya, M.G. (2001). Istoriya istoricheskoy nauki v tvorchestve Militsy Vasil'evny Nechkinoy [The History of Historical Science in the Works of Militsa Vasilyevna Nechkina]. In *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskiy vestnik*. Moscow, Nauka, pp. 3–11.

Zhitomirskaya, S.V. (2006). *Prosto zhizn'* [Just Life]. Moscow, ROSSPEN. 600 p.

А.Э. Максютов*

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СЕЛЕНГИНСК – ПЕРЕКРЕСТОК ВЕКОВЫХ ДОРОГ»****

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-18

*Выходные данные для цитирования:**Максютов А.Э. Межрегиональная научно-практическая конференция «Селенгинск – перекресток вековых дорог» // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 257–261. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-18.pdf>*

A.E. Maksutov*

**INTERREGIONAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE “SELENGINSK –
THE CROSSROADS OF CENTURIES-OLD WAYS”****

Doi:10.31518/2618-9100-2025-6-18

*How to cite:**Maksiutov A.E. Interregional Scientific and Practical Conference “Selenginsk – the Crossroads of Centuries-Old Ways” // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 257–261. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-18.pdf>]*

Abstract. An overview of the work of the interregional scientific and practical conference “Selenginsk – the Crossroads of Centuries-Old Ways”, dedicated to the 200th anniversary of the Decembrist Uprising and the 50th anniversary of the opening of the Novoselenginsky Museum, is presented. The conference was held in Novoselenginsk and Ulan-Ude from September 11 to 12, 2025. Among the areas of work of the scientific forum, the Decembrist theme occupied a leading place: the study of the Decembrist heritage in Buryatia and the contribution of the Decembrists to the research and development of Transbaikalia, the role of Decembrist museums in preserving historical memory and patriotic education.

Keywords: scientific and practical conference, Novoselenginsky Museum, Decembrists in Siberia, 200th anniversary of the Decembrist uprising.

The article has been received by the editor on 25.09.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлен обзор работы межрегиональной научно-практической конференции «Селенгинск – перекресток вековых дорог», посвященной 200-летию восстания декабристов и 50-летию со дня открытия Новоселенгинского музея. Конференция проходила в Новоселенгинске и Улан-Удэ с 11 по 12 сентября 2025 г. Среди направлений работы научного форума ведущее место занимала декабристская тематика: изучение декабристского наследия на территории Бурятии и вклад декабристов в исследование и развитие Забайкалья, роль музеев декабристов в сохранении исторической памяти и патриотическом воспитании.

* **Алексей Эдуардович Максютов**, аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия, e-mail: maxiutov.al@gmail.com

Aleksey Eduardovich Maksutov, Postgraduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: maxiutov.al@gmail.com

** Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

The article was prepared within the framework of the state assignment, the project “Russia and Inner Asia: The Dynamics of Geopolitical, Socio-Economic and Intercultural Interaction (17th–21st Centuries)”, No. 121031000243-5.

Ключевые слова: научно-практическая конференция, Новоселенгинский музей, декабристы в Сибири, 200-летие восстания декабристов.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025 г.

11–12 сентября 2025 г. в п. Новоселенгинск и г. Улан-Удэ Республики Бурятия проходила Межрегиональная научно-практическая конференция «Селенгинск – перекресток вековых дорог», посвященная 200-летию восстания декабристов и 50-летию со дня открытия Новоселенгинского музея. Она была организована Министерством культуры Республики Бурятия, Национальным музеем Республики Бурятия и Восточно-Сибирским государственным институтом культуры. Название конференции соотносится с одноименной выставкой, открытой в стенах мемориального дома Д.Д. Старцева в 2015 г., которая на тот момент была приурочена к 350-летию Селенгинского острога и 40-летию появления первого в Забайкалье музея декабристов. Специфика названия нашла отражение в направлениях работы конференции: на ней обсуждались не только актуальные вопросы декабристоведения и музеефикации декабристского наследия в Сибири, но и широкий круг краеведческих тем. В работе научного форума приняли участие более 40 ученых, музейных работников, учителей средних школ и студентов из Улан-Удэ, Петровска-Забайкальского, Иркутска, Читы, Минусинска.

Фото с сайта Министерства культуры Республики Бурятия

Конференция началась с посещения ее участниками некрополя в Посадской долине, где покоится прах декабристов Н.А. Бестужева, К.П. Торсона, их родственников и друзей. В Доме культуры п. Новоселенгинска была показана театрализованная постановка Государственного русского драматического театра им. Н.А. Бестужева на тему восстания 14 декабря 1825 г. Участников приветствовали представители администрации Главы и Правительства Республики Бурятия, Министерства культуры республики, Народного Хурала Республики Бурятия, администрации Селенгинского района и муниципального образования сельское поселение «Новоселенгинское». Присутствующим зачитали приветственное письмо потомка декабриста Н.А. Бестужева А.А. Старцева из г. Владивостока.

На пленарном заседании конференции были заслушаны четыре доклада. Директор Национального музея Республики Бурятия Т.А. Бороноева и заведующий центром

«Дом Старцева Д.Д. – музей декабристов» Л.М. Цух в своем выступлении рассмотрели основные вехи истории Новоселенгинского музея. Временно исполняющий обязанности руководителя администрации Главы и Правительства Республики Бурятия канд. ист. наук М.А. Харитонов посвятил свой доклад страницам биографии журналиста и краеведа С.И. Глазунова, сыгравшего видную роль в изучении декабристского наследия на территории Бурятии и организации первого музея декабристов в Забайкалье. Директор Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов Е.А. Добрынина рассказала о процессе создания и функционирования музейных учреждений Сибири, посвященных участникам декабристского движения. Проректор по научной работе и международной деятельности Восточно-Сибирского государственного института культуры д-р ист. наук И.С. Цыремпилова осветила вопрос роли творческих вузов в изучении и сохранении наследия декабристов.

Фото с сайта Министерства культуры Республики Бурятия

Работа конференции была организована в рамках трех тематических секций. Первая секция посвящена историко-культурному наследию Селенгинского района и вкладу декабристов в изучение и развитие Забайкалья. В докладе директора Петровск-Забайкальского историко-краеведческого музея С.А. Номоконовой был представлен обзор мемориальных мест города, связанных с декабристской ссылкой. Ветеран музейного дела Г.И. Мададаева, основываясь на архивных документах, сообщила интересные сведения об окружении декабристов на поселении. Судьба священника А. Сизова, его связь с декабристами привлекли внимание руководителя Клуба военно-исторической реконструкции «Забайкальский фронт» Д.А. Головина из г. Петровска-Забайкальского. Взаимодействие «дворянских революционеров» с польскими политическими ссыльными в первой половине XIX в. стало темой выступления канд. ист. наук, декана факультета социально-культурной деятельности Восточно-Сибирского государственного института культуры Е.В. Семенова. Хранители Национального музея Республики Бурятия Л.Ф. Левитина и Н.А. Пакулева посвятили свои выступления предметам из коллекций, связанным с пребыванием в Сибири декабристов Н.А. и М.А. Бестужевых, и экспонатам Фонда редких книг музея, имеющих отношение к декабристской эпохе. Историю педагогической деятельности воспитанника декабристов Х.Р. Алексева исследовала ветеран музейного дела Н.Ц. Гатыпова.

На второй секции прозвучали доклады, преимущественно связанные с вопросами изучения, сохранения и популяризации исторических объектов Селенгинского района и Забайкалья в целом. Начальник Музея научного наследия Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН д-р ист. наук С.В. Бураева совместно с младшим научным сотруд-

ником института С.Э. Эрдынеевой сделали анализ выставочных и образовательных проектов, которые реализовала известный советский и российский востоковед К.М. Герасимова. Опытом работы с детьми и подростками в популяризации региональной истории и краеведения поделилась заместитель директора по научно-просветительской работе Петровск-Забайкальского историко-краеведческого музея А.А. Томских. Автор данной статьи представил доклад, посвященный краеведческим изысканиям на декабристскую тему авторитетного исследователя общественной и культурной жизни Восточной Сибири Е.Д. Петряева. О практике проведения патриотических мероприятий Национального музея Республики Бурятия рассказала заведующий Историко-краеведческим центром им. М.Н. Хангалова С.З. Галсанова. Ветеран музейного дела Ж.Д. Уханова совместно с хранителем коллекции фотодокументального фонда музея Е.Б. Жанаевой сообщили о содержании личного фонда А.Д. Старцева – сына декабриста Н.А. Бестужева. Проблему изучения повседневности сибирских острогов рассмотрела заведующий кафедрой истории Бурятии Бурятского государственного университета, канд. ист. наук А.М. Шойдонова. Руководитель лаборатории археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Б.А. Базаров познакомил присутствующих с результатами реализации проекта «Линии роста. Памятники историко-культурного пограничья России XVI–XVIII вв. Приуралье, Сибирь и Дальний Восток», который он выполнял с канд. ист. наук Е.В. Нолевым и канд. ист. наук Д.А. Миягашевым. О всероссийской экспедиции молодежи «В потомках наше имя отзовется» с посещением мест пребывания декабристов в Сибири и на Дальнем Востоке, о перспективах ее возрождения на базе Новоселенгинской средней школы говорилось в докладе учителя русского языка и литературы О.Д. Григорьевой. Докладчики сошлись во мнении, что объекты культурного наследия, в том числе связанные с пребыванием в Забайкалье политических ссыльных, имеют большой потенциал для использования в воспитательной и просветительской работе и могут способствовать формированию патриотизма у подрастающего поколения. Участники секционного заседания также раскрыли перспективы применения новых подходов к исследованию историко-культурного ландшафта Сибири.

На базе Историко-краеведческого центра им. М.Н. Хангалова работала самостоятельная секция для молодых исследователей. Она была посвящена теории и практике сохранения исторического наследия в рамках музейного пространства, феномену исторической памяти. Свои изыскания в рамках данной секции представили 10 студентов кафедры музеологии и наследия Восточно-Сибирского государственного института культуры, два студента кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета и два младших научных сотрудника Национального музея Республики Бурятия.

К конференции были подготовлены шесть стендовых выступлений. Доклад заместителя директора по научной работе Этнографического музея народов Забайкалья С.В. Бильдуровой был посвящен формам работы музея по патриотическому воспитанию. И.В. Верещагина и С.Б. Верещагин из Забайкальского государственного университета сделали сообщение об истории изучения поселения «Старая Чита». Роль декабристов в становлении художественной культуры городов Восточной Сибири нашла отражение в выступлении доцента Восточно-Сибирского государственного института культуры Е.С. Манзыревой. Оригинальный опыт проведения интерактивных уроков в рамках Музея декабристов стал темой стенда заведующего отделом «Музей декабристов» Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова А.А. Мосуновой. Ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, канд. ист. наук Е.В. Нолев презентовал исследование историко-культурного наследия Великого чайного пути в политике памяти Бурятии. Выступление, основанное на воспоминаниях о проведении литературно-музыкальных салонов памяти декабристов, представила заведующий кафедрой истории и теории музыки, композиции и звукорежиссуры Восточно-Сибирского государственного института культуры, канд. пед. наук С.Г. Степанова.

В рамках конференции состоялось открытие совместной выставки Новоселенгинского и Иркутского историко-мемориального музеев декабристов «Декабристы и администрация

Восточной Сибири: Миф? Легенда? Факт!». Большой интерес у участников конференции вызвала экскурсия по новой экспозиции в доме Д.Д. Старцева. В заключение состоялся концерт с участием артистов Бурятского государственного академического театра оперы и балета им. Г. Цыдынжапова и Дома культуры «Шахтер» из г. Гусиноозерска.

Фото с сайта Министерства культуры Республики Бурятия

Проведение межрегиональной научно-практической конференции «Селенгинск – перекресток вековых дорог» стало значимым событием в научной и культурной жизни Бурятии, одним из важных мероприятий, посвященных 200-летию восстания декабристов и 50-летию Новоселенгинского музея. Этот научный форум продемонстрировал ресурсы и возможности дальнейшего изучения темы декабристского пребывания в Сибири и способствовал актуализации вопросов сохранения наследия «дворянских революционеров» в Забайкалье.

Е.Н. Туманик*

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ДЕКАБРИСТЫ: 200 ЛЕТ СПУСТЯ (1825–2025).
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-19

*Выходные данные для цитирования:**Туманик Е.Н. Всероссийская научная конференция с международным участием «Декабристы: 200 лет спустя (1825–2025). Итоги и перспективы изучения» // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 262–263.**URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-19.pdf>*

E.N. Tumanik*

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
“THE DECEMBRISTS: 200 YEARS LATER (1825–2025).
RESULTS AND PROSPECTS OF RESEARCH”

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-19

*How to cite:**Tumanik E.N. All-Russian Scientific Conference with International Participation “The Decembrists: 200 Years Later (1825–2025). Results and Prospects of Research” // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 262–263.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-19.pdf>]*

Abstract. This article provides a brief overview of the All-Russian Scientific Conference with International Participation “The Decembrists: 200 Years Later (1825–2025). Results and Prospects of Research”, which was held in St. Petersburg on December 14–16, 2025. The main themes and events of the scientific forum are discussed.

Keywords: All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, 200th anniversary of the Decembrist uprising, history and historiography of the Decembrist movement

The article has been received by the editor on 19.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлен краткий обзор работы Всероссийской научной конференции с международным участием «Декабристы: 200 лет спустя (1825–2025). Итоги и перспективы изучения», которая состоялась в Санкт-Петербурге 14–16 декабря 2025 г. Рассмотрена основная тематика и события научного форума.

Ключевые слова: Всероссийская научная конференция, Санкт-Петербург, 200-летие восстания декабристов, история и историография движения декабристов.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025 г.

* **Екатерина Николаевна Туманик**, кандидат исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kattum@mail.ru

Ekaterina Nikolaevna Tumanik, Candidate of Historical Sciences, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kattum@mail.ru

14–16 декабря 2025 г. в Санкт-Петербурге состоялась организованная Санкт-Петербургским институтом истории РАН и Государственным Эрмитажем конференция с международным участием «Декабристы: 200 лет спустя (1825–2025). Итоги и перспективы изучения», которая стала представительным научным форумом, собравшим ученых-декабристоведов.

14 декабря участники конференции приняли участие в культурно-мемориальной программе, посвященной памяти декабристов. Состоялись две экскурсии по историческим местам, связанным с декабристами и декабристским движением, первая из которых прошла по территории Петропавловской крепости, а вторая – по историческим местам Санкт-Петербурга.

15 декабря состоялось открытие конференции и торжественное пленарное заседание в Эрмитажном театре, где с приветственными словами к участникам форума обратились директор Государственного Эрмитажа, академик РАН и РАХ М.Б. Пиотровский, член-корреспондент РАН, научный руководитель Государственного архива Российской Федерации С.В. Мироненко, член-корреспондент РАН, директор СПбИИ РАН А.В. Сиренов.

Фото с сайта Санкт-Петербургского института истории РАН

На секционных заседаниях конференции было заслушано 36 докладов. Первое заседание «Междоусобица, гвардейский заговор и военное противостояние в Петербурге 14 декабря 1825 г.» объединило докладчиков по проблематике организационных и тактических принципов декабристского движения, истории восстания на Сенатской площади и его подготовки. Второе заседание «Биографическое измерение декабристского движения: проблемы декабристской персоналистики» было посвящено актуальному направлению биографики в декабристоведении, в центре внимания были малоизученные стороны жизнедеятельности и мировоззрения отдельных декабристов. Третье заседание «Историография декабризма: актуальные вопросы изучения исследовательской традиции» затронуло проблемы активно развивающегося историографического направления в современном декабристоведении.

Для гостей и участников конференции в Государственном Эрмитаже работала тематическая юбилейная выставка «14 декабря 1825 года» об истории междоусобицы и восстания декабристов. Также вниманию декабристоведов была представлена экспозиция редких документов Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН и выставка раритетных книжных изданий из фондов Библиотеки РАН, увидевших свет в юбилейные годовщины восстания декабристов начиная с 1925 г.

В дни работы в рамках конференции состоялись презентации новых изданий по истории, историографии и источниковедению движения декабристов, вышедших в 2025 г.: монографии «Декабристы: Реформы или революция?» (отв. ред. П.В. Ильин), документальной монографии Н.П. Матхановой «Нечкина М.В. Коваль С.Ф. Переписка декабристоведов (1974–1985 гг.)», сборника документов «14 декабря 1825 года. Дневники, письма, воспоминания очевидцев» (отв. ред. П.В. Ильин).